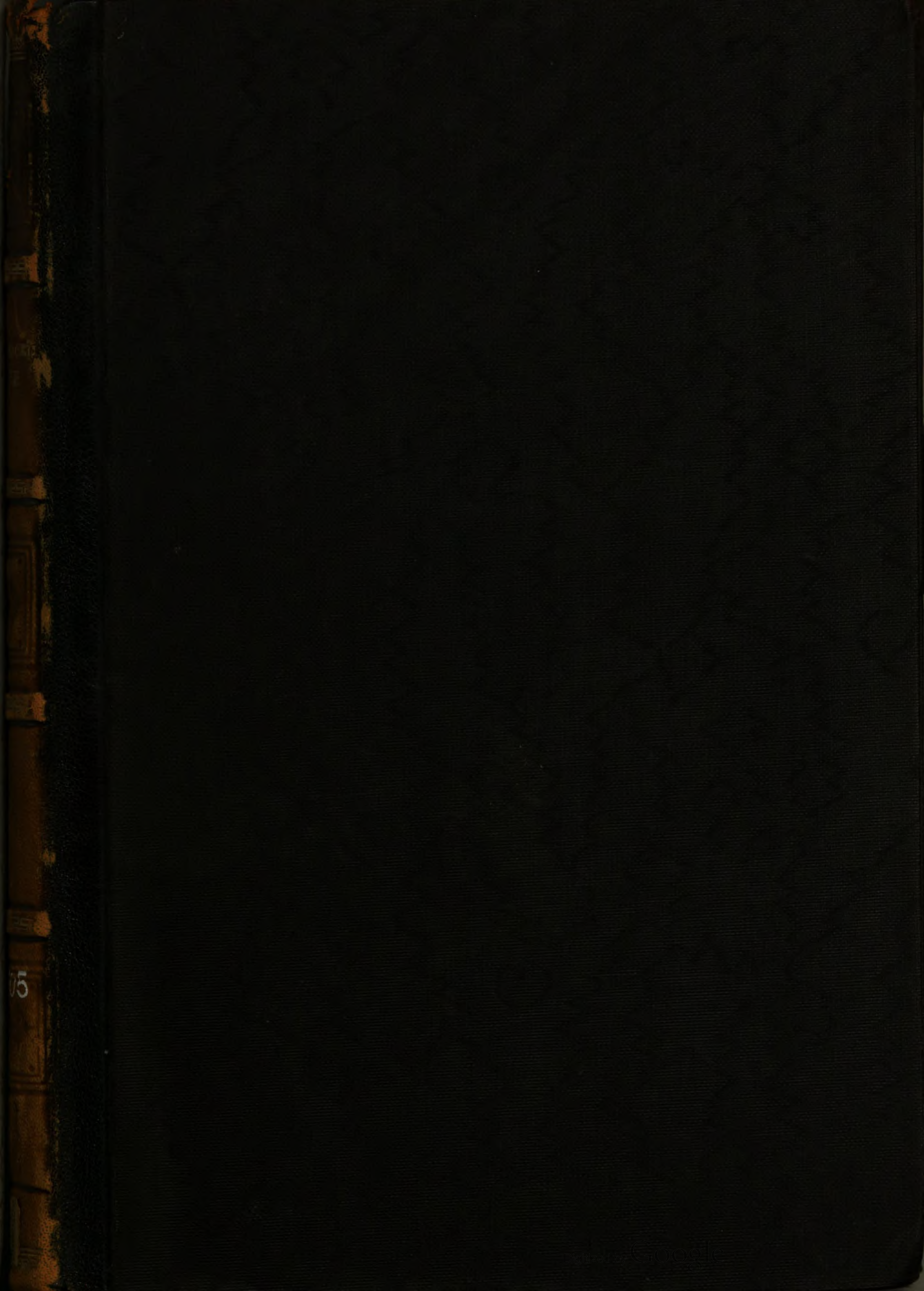
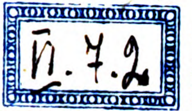
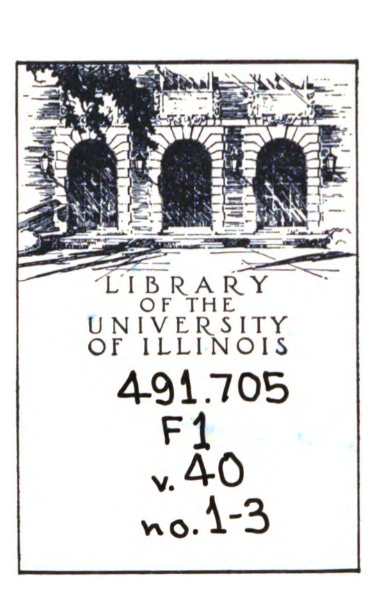

IV. 7. 2

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v. 40
no. 1-3

(272)

год. 1900

2 екземпляра

Инв. № 1042

Инв № 70

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

ВЫПУСКЪ I—II—III

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ I—II ВЫПУСКОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

40-й годъ изд. въ 1900 году. 40-й годъ изд.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За представленное изданіе «Филологическія Записки» на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати разрѣшено издавать „Филол. Зап." безъ предварительной цензуры.

Журналъ: «Филолог. Записки», издавался въ Воронежѣ съ 1860 года подъ одной и той же редакціей въ теченіе 38 лѣтъ. Неуклонно, шагъ за шагомъ, пройденъ нелегкій длинный періодъ изданія покойнымъ почтеннымъ безкорыстнымъ тружеником науки, редакторомъ издателемъ «Ф. З». А. А. Хованскимъ, съ честью сошедшимъ въ могилу на 86-мъ году своей примѣрной жизни. Имя его, какъ основателя перваго въ Россіи филологическаго журнала, займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія.

Съ 1899 года «Фил. Зап». издаются его наслѣдницами—дочерьми, подъ редакціей Сергѣя Никаноровича Прядкина и Бертрама Оскаровича Гаазе.

Программа, направленіе и задачи журнала остаются тѣ же: новая редакція не отступитъ ни на шагъ ни отъ программы, ни отъ строго намѣченной покойнымъ иниціаторомъ цѣли—доставлять въ органѣ, посвященномъ наукѣ и учебно-воспитательному дѣлу, полезныя свѣдѣнія для читателей и особенно для учебныхъ заведеній и преподавателей. Она будетъ внимательно слѣдить за каждымъ новымъ проявленіемъ въ дѣлѣ педагогики и школы, насколько это возможно въ провинціальномъ городѣ, чтобы на каждое новое требованіе, на каждый запросъ отвѣтить своевременно статьей.

Въ программу журнала входятъ—сравнительное языкознаніе, классицизмъ, лингвистика, изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ и литературѣ, русскій языкъ, теорія словесности, исторія литературы; статьи и замѣтки по воспитанію и методѣ преподаванія родного языка и другихъ учебныхъ предметовъ; миѳологія, народная психологія, этнографія, біографія, критика, учебники, руководства и пр. пособія; однимъ словомъ, научныя изслѣдованія въ области филологіи. Программа по возможности будетъ расширяться въ предѣлахъ, указанныхъ выше; въ изданіе будутъ время отъ времени вноситься нѣкоторыя улучшенія.

Первые четыре выпуска «Ф. З». за 1899 г. (въ двухъ соединенныхъ книгахъ) дали читателямъ 35 печатныхъ листовъ, т.-е. три листа сверхъ обѣщанной нормы (8 листовъ въ книгѣ) въ V вып. 10 листовъ.

Почтенные и безкорыстные сотрудники «Ф. З»., относившіеся всегда такъ задушевно къ покойному редактору, сочувственно откликнулись и на приглашеніе новой редакціи работать на пользу науки, воспитанія и обученія; къ числу ихъ присоединились и вновь желающіе участвовать въ трудахъ редакціи журнала. Сотрудники во главѣ съ редакціей составляютъ какъ бы одну дружную семью, энергично работающую на родной нивѣ просвѣщенія дорогой нашей родины. Печатный обмѣнъ мыслей, взглядовъ, завѣтныхъ думъ вызываютъ новыя идеи, вопросы, соображенія, проекты, планы, и вырабатывается такимъ образомъ нѣчто цѣлое; создаются новые методы преподаванія, руководства, учебники, пособія для преподавателей и учащихся и пр. Не даромъ же въ первые годы существованія журнала на обложкѣ «Ф. З». красовалась пословица: «Сто головъ—сто умовъ». Общими силами рѣшаются назрѣвшіе вопросы, а ихъ много. Задачъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія еще такъ много впереди.

Въ прошломъ читатели журнала «Ф. З». получили, кромѣ научныхъ, серьезныхъ статей за вѣской подписью академиковъ и профессоровъ, напр.: Ѳ. И. Буслаева, Я. К. Грота, А. Д. Галахова, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, А. А. Котляревскаго, П. А. Лавровскаго, Н. А. Лавровскаго, А. А. Потебни, И. И. Срезневскаго, А. А. Шлейхера, А. Н. Веселовскаго, В. И. Шерцля, О. Ѳ. Миллера, В. В. Макушева, И. В. Ягича, П. А. Сырку, Д. И. Нагуевскаго, А. И. Кирпичникова, А. С. Архангельскаго, Н. И. Карѣева, Д. В. Цвѣтаева, М. А. Колосова, А. И. Смирнова, Е. Ѳ. Будде, А. И. Маркевича, А. В. Богородицкаго, И. С. Некрасова, В. Ѳ. Пѣвницкаго, А. В. Говорова и др., учебники и разныя пособія, напр.: «Опытъ элементарнаго

руководства при изученіи рус. языка К. Г. Говорова, «Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики» И. Д. Четыркина (скоро выйдетъ 3-е изданіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ Нар. Просв). «Синтаксисъ и христоматія въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ» Ѳ. Г. Савенко, 4 курса «Методики Живое Слово для изученія родного языка» — А. В. Барсова, его же хрестоматія къ 1-му курсу; «Объяснительное чтеніе образцовыхъ произведеній» Г. А. Миловидова, «Теорія словесности» И. Н. Стефановскаго, «Къ изученію о славянскомъ глаголѣ» В. М. Добровскаго, «Разборъ образцовыхъ произведеній нашихъ писателей»: М. В. Куклина, С. Н. Брайловскаго, А. П. Флёрова и др.

Вотъ имена сотрудниковъ, участвовавшихъ въ послѣдніе годы въ «Ф. З».: П. А. Адамовъ, А. И. Анастасіевъ, В. Ѳ. Андреевъ, А. В. Барсовъ, С. Н. Брайловскій, проф. Е. Ѳ. Будде, Н. Ѳ. Бунаковъ, Ѳ. Г. Болотниковъ, С. М. Бородинъ, М. Ѳ. Быстровъ, И. М. Бѣлоруссовъ, Н. Н. Вакуловскій, А. А. Васильевъ, Ю. Н. Верещагинъ, М. И. Великановъ, Н. М. Гальковскій, П. К. Горницкій, А. Е. Гороховъ, М. Б. Гуревичъ, В. М. Добровскій, М. А. Дроздовъ, К. В. Ельницкій, И. И. Замотинъ, В. И. Ивановскій, Е. А. Кале, П. С. Козловскій, І. К. Линдеманъ, проф. А. И. Маркевичъ, Г. И. Можаровъ, Д. А. Никольскій, Г. И. Недѣтовскій, Н. А. Подаринъ, И. А. Поликарповъ, Н. Н. Поповъ, С. Н. Прядкинъ, Н. К. Рамзевичъ, А. С. Рождествинъ, В. С. Рыбинскій, В. И. Рѣзановъ, В. Н. Сирочинскій, А. И. Соловьевъ, М. И. Соколовъ, А. И. Солоникіо, Б. Е. Сольчавскій, И. Н. Стефановскій, А. І. Степовичъ, И. Н. Смѣльницкій, Н. П. Тихомировъ, М. В. Тростниковъ, А. П. Флёровъ, А. А. Херувимовъ, А. А. Хованскій, М. А. Харламовъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Н. В. Шеметова, И. Д. Четыркинъ, Д. Н. Ѳоминъ.

Журналъ, «Филол. Записки», выходитъ безсрочными выпусками, **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8 пе-

чатныхъ листовъ въ каждой книгѣ. При благопріятныхъ условіяхъ редакція надѣется еще больше увеличить объемъ журнала.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

Контора журнала: «Филолог. Зап.», честь имѣетъ убѣдительнѣйше просить г.г. подписчиковъ своихъ дослать причитающіяся съ нихъ за предыдущіе годы деньги до 7 р. (цѣны журнала съ пересылкою).

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ редакціи журнала: «Фил. Зап.», Старо-Московск. ул., д. № 20 (близъ Каменнаго моста).

Тамъ же можно получать изданіе «Ф. З.» за прежніе годы по 6 р. 50 к. съ перес. за шесть выпусковъ, а за каждый выпускъ отдѣльный по 1 р. 20 к. съ перес.; тамъ же продаются и отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Высылаются редакціей по требованію «Каталогъ брошюръ» безплатно, а «Указатель» статей за 39 лѣтъ за 40 к. съ перес. за 25 лѣтъ 30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер. Всѣмъ подписчикамъ журнала на 1900 г. «Указатель» за послѣднія 13 лѣтъ будетъ выслань безплатно.

Г.г. книгопродавцы могутъ получить журналъ: «Филологическія Записки», на слѣдуюшихъ условіяхъ:

журналъ за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к. съ пересылкою;

за 1899 и 1900 года вмѣсто **7** р. **6** р. **65** к. съ перес. за границу вмѣсто **8** р. **7** р. **60** к. съ пер.

отдѣльно за каждый выпускъ **1** р. **10** к. съ перес., за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер.

Брошюры со скидкою съ рубля по **15** к.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: за цѣлую страницу 10 р., $^1/_2$ страницы—5 р., $^1/_4$ страницы—3 р., $^1/_8$ стр.—2 р.

Желающихъ подписаться на 1900 годъ на журналъ: «Фил. Зап.», редакція покорнѣйше проситъ заявить о томъ заранѣе, въ избѣжаніе разныхъ недоразумѣній и въ виду, напр., того, что сверхъ назначеннаго количества экземпляровъ для постоянныхъ подписчиковъ журнала, лишнихъ экземпляровъ печатается ограниченное число.

Редакторы { С. Н. Прядкинъ. Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго

Редакція позволяетъ себѣ снова напомнить свою просьбу лицамъ, у которыхъ сохранились письма покойнаго А. А. Хованскаго, выслать или подлинники, или копіи съ нихъ (съ соблюденіемъ его правописанія): безъ нихъ не мыслимо продолженіе статьи: „Матеріалы для біографіи А. А Хованскаго“.

Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Подъ набережная, д. Перковской № 26.

Памяти Алексѣя Андреевича Хованскаго.

Годъ тому назадъ *) отошелъ въ вѣчность одинъ изъ великихъ людей въ нравственномъ смыслѣ слова, безкорыстный труженикъ науки—А. А. Хованскій. Жизнь его представляетъ глубоко поучительный примѣръ,—въ особенности для нашего времени.

Лично я не былъ знакомъ съ Алексѣемъ Андреевичемъ; но болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя переписка наша, отъ которой у меня уцѣлѣло въ настоящее время около шестидесяти писемъ, даетъ возможность во всей полнотѣ обрисовать нравственный образъ покойнаго редактора «Филолог. Записокъ». Мы не только подружились, но заочно полюбили другъ друга. Ему нравилась во мнѣ жажда умственной дѣятельности; я уважалъ его необыкновенную отзывчивость на все хорошее, безкорыстный трудъ или, лучше, подвигъ по изданію «Филолог. Записокъ»,—его доброе сердце и гуманность.

Переписка наша началась съ 3 марта 1877 года, когда я въ первый разъ сдѣлалъ попытку написать что-либо серьезное. А. А. принялъ мою статейку и просилъ принять участіе въ его изданіи моими посильны-

*) 29 янв. 1899 г.

ми трудами. Въ этомъ же году готовился Археологическій съѣздъ въ Казани. По необъяснимымъ для меня и до настоящаго времени причинамъ я еще на школьной скамьѣ написалъ статейку: «Объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Дубровскою, находящейся въ селѣ Бобыряхъ Смоленскаго уѣзда» (моя родина), которая отчасти намѣчала мои наклонности къ изученію родной старины.

Когда же я прочиталъ въ семидесятыхъ годахъ «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» Аѳанасьева и «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» Котляревскаго, то передо мною открылся цѣлый невѣдомый для меня міръ, сразу же поставившій меня на ту точку зрѣнія, что мы, русскіе славяне, давно живемъ: чтобы сложиться такому міросозерцанію нужно прожить не сотни, а тысячи лѣтъ. Старательное изученіе Лѣтописи Нестора, плодомъ котораго была удачная поправка въ лѣтописи одного мѣста, считавшагося темнымъ («нали оли убиша»), дало мнѣ также толчокъ и къ изученію русскихъ древностей. Читая газетныя замѣтки о Съѣздѣ въ Казани, я задумалъ представить какой-либо рефератъ на съѣздъ; но я не зналъ, какъ это сдѣлать, и написалъ А. А. письмо о своихъ предположеніяхъ. Добрая душа его сейчасъ же усмотрѣла мои посильныя стремленія къ археологической наукѣ, и А. А. написалъ мнѣ пространное письмо отъ 20 марта 1877 года, въ которомъ сдѣлалъ много полезныхъ для меня указаній и наставленій, которыя ясно указывали, что А. А. былъ не чуждъ любви къ изученію памятниковъ старины. Къ моему крайнему сожалѣнію, я все-таки не былъ на съѣздѣ и не воспользовался тѣми лестными предложеніями, которыя выразилъ въ письмѣ своемъ А. А. Видя въ А. А. добраго человѣка, я забросалъ его своими письмами, относящи-

мися къ IV Археологическому съѣзду, а А. А., несмотря на свои неотложныя занятія по редакціи, отвѣчалъ мнѣ на каждое мое письмо: я получилъ отъ него письма 7, 17 и 24 апрѣля, въ которыхъ, между прочимъ, онъ побуждалъ меня непремѣнно ѣхать на Съѣздъ, и, когда я окончательно рѣшилъ не ѣхать, онъ, съ тономъ сожалѣнія, писалъ мнѣ въ письмѣ отъ 17-го апрѣля.

«Жаль, что вы не рѣшаетесь поѣхать на съѣздъ». Это же онъ повторилъ и въ письмѣ отъ 24 апрѣля. Но я настолько уважалъ науку, что съ своими блѣдными тогда познаніями не рѣшался явиться предъ сонмомъ ученыхъ людей. Письма отъ 10 мая и 23 октября касались также Археологическаго съѣзда въ Казани. Изъ этой переписки я убѣдился, что А. А. глубоко интересовался нѣкоторыми вопросами археологической науки.

Пожары въ Р—лѣ въ 1877 г., имѣвшіе политическую подкладку, не миновали и меня. Въ особенности мнѣ жаль было моихъ различныхъ записокъ и литературныхъ попытокъ, которыя или сгорѣли, или были растасканы. Здоровье мое значительно пошатнулось. Я поспѣшилъ повѣдать мое душевное горе А. А. и отъ 2 ноября 1877 г. получилъ отъ него дружеское письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, выразилъ вполнѣ искреннее сожалѣніе о постигшемъ меня несчастіи. Это сожалѣніе онъ повторилъ и въ письмѣ отъ 10 апрѣля 1878 г. Въ этомъ же году А. А. издалъ мои «Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики», и, когда получено было одобреніе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, А. А. писалъ отъ 28 марта 1879 года: «Вотъ вамъ и одобреніе вашей книжки,—поздравляю!» Когда покойный А. Ѳ. Бычковъ заинтересовался моими

лѣтописными замѣтками, помѣщенными въ «Филолог. Запис.», и прислалъ объ этомъ мнѣ письмо въ 1881 г., я сообщилъ объ этомъ А. А., и онъ радостно откликнулся на мою радость письмомъ.

За четыре года мы такъ привыкли другъ къ другу, что временное мое молчаніе вызвало укоръ со стороны добрѣйшаго А. А. «Вы что это замолкли», пишетъ онъ отъ 7 ноября 1881 г.: «давно отъ васъ нѣтъ ни одной вѣсточки. Я все собирался писать вамъ, да положительно не было свободнаго времени, текущія спѣшныя дѣла, какъ кошмаръ, давятъ меня». Во многихъ письмахъ А. А. упоминаетъ о томъ, что у него «дѣла по горло».

Когда дѣло касалось любимаго Алексѣемъ Андреевичемъ русскаго языка, онъ всегда въ письмахъ объ этомъ сообщалъ съ юношескимъ благороднымъ порывомъ: «Въ 1-й книжкѣ «Филолог. Зап.», писалъ онъ: «вы прочтете интереснѣйшую статью: «О постановкѣ языковъ въ гимназіяхъ». Тамъ все найдете, чего только нужно желать. Статья живая, программа широкая». (Письмо отъ 5 фев. 1881 г.) Объ этомъ же А. А. писалъ мнѣ и 22 августа: «Прилагаю при книжкахъ отдѣльные оттиски «О постановкѣ русскаго языка». Въ IV кн. прочтите четвертую статью о томъ же, статья прекрасная. Какъ только получу изъ цензуры на выпускъ въ свѣтъ разрѣшеніе послѣдней статьи (4-й), немедленно пошлю Министру Народнаго Просвѣщенія и буду просить убѣдительно измѣненія и преобразованія въ нашихъ программахъ. Какъ мнѣ хочется добиться до этой pia desideria; тогда я почелъ бы себя вполнѣ счастливымъ, — авось педагоги скажутъ мнѣ спасибо или хоть помянутъ добрымъ словомъ». Въ 1893 г. 17 янв.

А. А. писалъ: «Въ настоящее время все вниманіе мое обращено на методику Барсова: «Живое слово»...

Мнѣ хотѣлось имѣть фотографическій портретъ А. А. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1896 г. онъ прислалъ карточку съ такою припискою: «А, вотъ и личность моя является къ вамъ». На карточкѣ сдѣлана была надпись: «Глубокоуважаемому И. Д. Ч. отъ старца А. Хованскаго». Въ письмѣ отъ 30 янв. 97 г. А. А. также подписался: «сердечно преданный вашъ старецъ А. Хованскій». Та же самая надпись и въ письмѣ отъ 30 іюля 1897 г. и въ послѣднемъ.

Послѣднее письмо я получилъ отъ уважаемаго и любимаго мною А. А. 5 ноября 1898 года. «Здоровье мое сильно подорвалось», пишетъ А. А.: «Все лѣто я проболѣлъ (воспаленіе было въ груди), а поправляюсь медленно на закатѣ своихъ дней (84)». Какъ бы предчувствуя, что онъ посылаетъ мнѣ послѣднее «прости», А. А. въ концѣ письма пишетъ: «Жму вашу добрую руку и желаю вамъ всего лучшаго и дорогого въ жизни. Душевно преданный вамъ старецъ Хованскій».

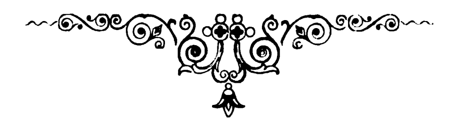
Я сдѣлалъ только незначительныя извлеченія изъ нашей задушевной и едва ли не дружеской переписки съ Алексѣемъ Андреевичемъ. Мнѣ желалось отмѣтить только самыя выдающіяся душевныя качества А. А.: необыкновенную гуманность и сердечность, и чуткость къ вопросамъ, касающимся до улучшенія преподаванія русскаго языка, а также и къ нѣкоторымъ вопросамъ археологической науки.

Въ концѣ моей «памятки» не могу не высказать, что А. А., лично незнакомый мнѣ человѣкъ, былъ единственнымъ моимъ высокимъ другомъ, которому я повѣрялъ многое въ своей жизни, остававшееся тайною

даже для окружающихъ меня близкихъ родныхъ. Духовной связи съ высокимъ нравственнымъ образомъ А. А. я не потеряю до послѣднихъ дней моей жизни. Въ нашей болѣе, чѣмъ двадцатилѣтней перепискѣ, касавшейся большею частію редакціоннаго дѣла «Филолог. Записокъ», никогда не промелькнуло и тѣни какого либо недоразумѣнія.

Да будетъ вѣчный покой высокой душѣ твоей, безкорыстный труженикъ науки!

И. Четыркинъ.

Матеріалы для біографіи А. А. Хованскаго *).

II.

Служба въ Михайловскомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ (1845—1867 г.) и начало изданія „Филологическихъ Записокъ" (1860 г.).

Прибылъ А. А. въ Воронежъ въ началѣ декабря 1845-го г. «Непредвидѣнныя обстоятельства», говоритъ въ автобіографіи своей онъ: «задержали меня на мѣстѣ, такъ что я никакъ не могъ прибыть ко дню открытія корпуса, а явился только спустя цѣлый мѣсяцъ; по пріѣздѣ тотчасъ представился начальству, а на другой день введенъ былъ въ классъ. Персоналъ преподавателей на первое время былъ небольшой, по всѣмъ предметамъ распредѣленіе лекцій было сдѣлано. Мнѣ назначено было преподаваніе скорописанія, занятія же по русскому языку пришлось выжидать до открытія другихъ классовъ, когда число воспитанниковъ увеличится» **). Русская пословица говоритъ: «Дѣло мастера боится». Мастеромъ дѣла можно назвать и преподавателя всякаго учебнаго предмета, если онъ сознательно представляетъ себѣ то, что хочетъ передать учащимся; если у него, кромѣ этого, есть любовь къ дѣлу и особенно—къ «малымъ симъ». Вотъ условія, которыхъ бы долженъ держаться всякій, кто берется за дѣло преподаванія, кому должны быть дороги судьбы

---

*) Продолженіе. Нач. см. въ «Филол. Зап». за 1899 г. вып. I—II.

**) «Къ ист. возникновенія и возрастанія «Фил. З».

«малыхъ сихъ». А. А., видимо, съ самого начала педагогическаго своего поприща строго держался идеала евангельскаго: «Иже сотворитъ и научитъ»...

Взявши на себя обязанность учить питомцевъ Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса скорописанію и чистописанію, онъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ, въ которыхъ заключалась задача, какъ вести дѣло, чтобы исполнить то, за что онъ взялся. Отвѣты на поставленные вопросы, повидимому, не сразу ему дались. Много ему пришлось перечитать, передумать, чтобы затѣмъ уже вести сознательно дѣло скорописанія и чистописанія.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ рукописи его: одна на плотной синеватой бумагѣ, съ безчисленными поправками, передѣлками, планами, какъ вести названные предметы въ корпусѣ; другая состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей и представляетъ три части. Послѣд. рукоп. есть, такъ сказать, завершеніе дѣла. Въ первой части заключаются практическія упражненія въ скорописаніи, во второй, по первой рукописи, теоретическія правила, какъ исполнять первыя; тѣ и другія расположены въ систематическомъ порядкѣ, но безъ внѣшнихъ подраздѣленій; по второй же рукописи, переписанной крупнымъ разборчивымъ почеркомъ, на бѣлой бумагѣ, теоретическія свѣдѣнія, касающіяся веденія дѣла скоро—и чистописанія, съ подраздѣленіемъ на главы и §§, проходящіе чрезъ всю вторую часть; теорія II-й части изложена въ вопросо-отвѣтной формѣ. Особую главу въ этой рукописи, XIII-ю, составляетъ теорія чистописанія съ I) «Собраніемъ различныхъ словъ, которыя пишутся иначе, нежели выговариваются, и вообще которыя трудны для писанія; II) «Собраніемъ (сборникомъ) различныхъ выраженій и предложеній, въ коихъ встрѣчаются всѣ, безъ исключе-

нія правила правописанія, примѣрами на которыя избраны, по большей части, трудныя и сомнительныя мѣста».

Первая рукопись заключаетъ въ себѣ общія теоретико-методическія замѣтки, соображенія, какъ вести дѣло скоро—и чистописанія,—замѣтки и соображенія, которыя въ набѣло переписанной рукописи уже выражены устойчиво. Каковы эти замѣтки и сображенія, объ этомъ читатель можетъ судить по выдержкамъ изъ первой рукописи. «Хорошее, четкое письмо», читаемъ мы въ послѣдней: «заслуживаетъ вниманія каждаго любителя письменнаго искусства. Хорошій почеркъ—важная вещь; пріятно видѣть хорошее письмо, но еще важнѣе, когда съ красотою письма соединяется легкость, свобода руки въ почеркѣ и скорость... Умѣнье писать скоро доставляетъ намъ большія выгоды какъ на поприщѣ служенія, такъ и въ домашнемъ быту. Поэтому въ недавнее время появилась метода скорописанія вмѣсто обыкновеннаго способа обученія письму, называемаго чистописаніемъ, которое есть не что иное, какъ упрощенный способъ скорѣе выучиться писать скоро и четко. Здѣсь главное вниманіе обращается на развитіе движенія руки и на почеркъ, а въ чистописаніи только на почеркъ... Но по существу дѣла и цѣли скорописаніе и чистописаніе должны составить одно. Чистописаніе, или красивый почеркъ, и скорость письма должны быть нераздѣльны. Смотря на письменное искусство, какъ на простую механическую работу, нельзя не пожелать того, чтобы метода скорописанія не оставалась болѣе чисто механическимъ дѣломъ, а имѣла бы направленіе сколько-нибудь важное»... Искусство писать «основывается 1) на развитіи движенія руки, 2) на наглядности, 3) на понятіи красоты (вкуса) почерка и 4) на переимчивости».

Практическое руководство къ обученію скорописанію состоитъ изъ двухъ частей. Это руководство съ образцами упражненій:

«Часть I

Практическія занятія въ Скорописаніи

I

Предварительныя упражненія.

Отдѣленіе 1.

Различныя горизонтальныя черты.
Упражненія 1—7.

Отдѣленіе 2.

А) Овально-горизонтальныя черты. Упр. 8-е.
Б) Овально-вертикальныя черты. Упр. 9—14.
В) Косвенно-вертикальныя черты.
Упражненіе 15, а—д.

Отдѣленіе 3.

Росчерки. Упражненія 16 - 18.

Отдѣленіе 4.

Различныя косвенныя черты, составляющія переходъ отъ предварительныхъ очертаній къ элементамъ буквъ. Упражн. 19-е.

II.

Буквы строчныя. 1 упражн. 1-й разрядъ буквъ: *і*, *и*, *ш*, *щ*, *ц*, *г*. 2-й разрядъ: *п*, *т*, *н* *б*, *к*, 3-й раз

рядъ: *с*, *е*, *о*, *а*, *в*, *ь*, *ы*, *б*. 4-й разрядъ: *з*, *э*, *ж*, *х*. 5-й разрядъ: *ч*, *з*, *ъ*. 6-й разрядъ: *у*, *р*, *ф*, *ю*. 7-й разрядъ: *л*, *м*, *я*. 2-е упражненіе: *та*, *тб*, *тв*, *тг*, *тд*, *те*, *тж*, *тз*, *ти*, *тк*, *тл*, *тм*, *тн*. 3-е упражненіе». Это упражненіе состоитъ въ писаніи строчныхъ буквъ и заключеніи ихъ въ полуовалъ. 4 и 5-е упражненія состоятъ въ писаніи строчныхъ не въ алфавитномъ порядкѣ, безъ перерыва между буквами волосной.

III.

Слова—

ти——ти——ти——ти——ти *)
ши——ши——ши——ши——ши
на——на——на——на——на
во——во——во——во——во
спи——спи——спи——спи——спи
та——та——та——та——та
тель—тель—тель—тель—тель
просвѣщеніе—просвѣщеніе
просвѣщеніе—просвѣщеніе
отечество——отечество
отечество——отечество и др.; написаны снизу вверхъ по 4—5 разъ, и слоги повторяющіеся соединены волосной.

Часть II.

«Приложеніе теоріи скорописанія къ практическимъ занятіямъ, или начертаніе правилъ графическаго искусства.

---

*) Между слогами волосная идетъ отъ *и* внизу перваго слога ко второму—къ волосной буквы *т*.

Все, что дѣлаешь,
—дѣлай отчетливо.

Глава 1.

Сущность и понятіе дѣла письменнаго искусства. §§ 1—6». Здѣсь говорится о томъ, какъ развить руку, «перенять, что написано и какъ написано»,—о цѣли и пользѣ методы скорописанія. «Цѣль методы скорописанія та, чтобы доставить учащемуся возможность и облегченіе скорѣе выучиться писать. Польза та, что посредствомъ этой методы пріобрѣтается свободный почеркъ руки, скорость и бойкость въ письмѣ. А все дѣло дѣлается просто: пишутъ безъ всякаго пособія линейки и начинаютъ, послѣ предварительныхъ упражненій, прямо съ мелкаго письма».

Глава 2.

Свойства и потребности пишущаго.

Въ этой главѣ указываются правила, какъ долженъ сидѣть пишущій, чтобы, во-первыхъ, не повредить физическому своему здоровью, во-вторыхъ, научиться искусству скорописанія, т. е. писать скоро, четко и красиво. Положеніе пишущаго должно быть такое: онъ долженъ сидѣть «совершенно прямо... Грудью на столъ отнюдь не облегаться: это вредно для здоровья. Ноги надобно нѣсколько протягивать... держать доску или бумагу подъ правою рукою; совершенно прямо и нисколько не поворачивать бумаги вправо или влѣво» (§ 7). Мы раньше уже сказали, что вопросо-отвѣтная форма изложенія руководства «Скорописанія»—во второй рукописи. Приводимъ изъ нея безъ измѣненія § 9, въ которомъ говорится о томъ, какъ должно держать перо. Во

просъ этотъ важный въ искусствѣ скорописанія, и А. А. употребляетъ всѣ средства для того, чтобы учащійся понялъ, что ему предлагается въ руководство.

«§ 9. Какъ должно держать перо?

1) Должно держать первыми тремя пальцами такъ, чтобы указательный и средній нѣсколько были вытянуты, а большой нѣсколько согнутъ. Средній палецъ долженъ прикасаться перу при самой оконечности ногтя.

2) Держать перо нужно не близко къ раскепу и неслишкомъ высоко.

3) Не держать пера слишкомъ туго, а держать его, какъ можно, слабѣе. Отъ крѣпкаго давленія пера а) рука скоро можетъ уставать, б) перо—скоро портиться; в) самое письмо не будетъ имѣть вольнаго почерка, а будетъ толсто и грубо.

4) Перо никогда не должно быть наклонно ни направо, ни налѣво и несли шкомъ круто; оно можетъ быть только наклонно, верхнимъ своимъ концемъ, къ правому плечу

и 5) Не брать много чернилъ, иначе можно закапать бумагу».

Въ §§ 10 и 11 говорится о «качествѣ» пера (гусинаго), положеніи и движеніи рукъ».

Глава 3.

Главныя правила скорописанія.

Въ этой главѣ, составляющей § 12, 1—12, излагаются общія правила скорописанія. Здѣсь говорится о томъ, какія должно оставлять поля, чтобы написанная страница имѣла изящный видъ, свидѣтельствовала объ «аккуратности и опрятности письма», о разстояніи между буквами, словами, строками, о соотвѣтствіи строкъ

одной страницы строкамъ другой, о новой строкѣ, писаніи буквы, слова съ одного почерка, о писаніи всѣмъ классомъ «по командѣ, въ тактъ, какъ бы въ одинъ махъ».

Глава IV.

Понятіе о почеркѣ письма. §§ 13—16.

Глава V.

Предварительныя упражненія. §§ 17, 1—18, § 18, 19—31, § 19.

Глава VI.

Буквы строчныя. §§ 20—25.

Въ этой главѣ изглагаются правила, какъ упражнять дѣтей «надъ алфавитомъ».

Глава VII.

Подробное объясненіе начертанія буквъ; движеніе и пріемы руки въ упражненіи. §§ 26—35.

Каждая буква для написанія требуетъ отъ пишущаго извѣстныхъ движеній и пріемовъ руки. Въ руководствѣ А. А. указывается движеній пять, а именно:

1) сверху внизъ,

2) снизу вверхъ,

3) съ права къ праву,

4) съ лѣва къ лѣву

и 5) съ лѣва къ праву» (§ 26). Въ слѣдующемъ, § 27, буквы для «удобства къ выписыванію» раздѣлены на 7 разрядовъ, которые представляетъ наглядно слѣдующая таблица:

Разряды буквъ.	Направленіе или положеніе буквъ.	Откуда буквы начинаются	Движеніе и пріемы руки.	Начертаніе буквъ въ постепенномъ порядкѣ для выписыванія ихъ.
1	Косвенно-	Свер-	Съ лѣва	*і и ш щ ц г*
2	прямыя		къ праву	*[illegible] п т н к г*
3	Косвеннно-	ху	Съ права къ праву.	*с е о а в ъ ы б д ѳ*
4	полукруг-	въ	Съ лѣва къ лѣву частію съ права къ праву	*з э ж х*
5	лыя		Съ лѣва къ праву	*ч в ѣ*
6	Смѣшан-	низъ	Смѣшанныя	*у р ф ю*
7	ныя	Снизу вверхъ	Съ лѣва къ праву.	*л м я*

Далѣе, въ этой главѣ дѣлаются подробныя наставленія, какъ научить писать правильно тотъ или другой разрядъ строчныхъ буквъ.

Глава VIII.

Слова и предложенія. §§ 37—41.

По теоріи 1-й половины XIX в. послѣ того, какъ научатся школьники писать буквы алфавита, «слѣдуетъ писать слоги, потомъ слова, а отнюдь не предложенія. Отсюда два рода упражненій: писанье слоговое и писанье пословное». Первое «дѣлается такъ: пишется первый слогъ *) взятаго слова на одной и той же строкѣ три

*) См. выше стр. 19, III, «Слова».

или четыре раза, другой на другой, третій на третьей строкѣ и т. д такъ, чтобы слова приходилось читать сверху внизъ. Писанье же одного и того же слога на одной строкѣ гораздо легче и проще для учащагося. Послѣ такого упражненія можно уже раздѣльно и всѣ слоги помѣщать на одной строкѣ. Всѣ эти слоги должны быть писаны связно и съ одного почерка». Такого рода постепенность въ письмѣ способствуетъ выработкѣ привычки «сближать слоги и увеличивать ихъ группы, дабы такимъ образомъ скорѣе привыкнуть писать самыя слова». Писать должно одно и то же слово на цѣлой страницѣ два иль три раза на строкѣ. Пословное писанье доставляетъ большую выгоду: это фактъ. Не въ томъ дѣло, чтобы написать сотню различныхъ словъ,—и можно сколько-нибудь успѣть,—нѣтъ, нѣсколько страницъ должно быть исписано однимъ и тѣмъ же словомъ, — тогда будетъ успѣхъ непремѣнно. Польза здѣсь во 1 хъ та, что въ одномъ и томъ же словѣ удобнѣе и скорѣе можно замѣтить и припомнить всѣ обороты и очерки въ буквахъ, правильное начертаніе буквъ и соединеніе ихъ между собою... Во 2-хъ, пословное писанье даетъ возможность и время на каждой строкѣ замѣчать собственные недостатки и неправильности и даетъ надежду, что если первая строка написана неудачно, другая будетъ лучше... съ каждою строкою можно ожидать лучшаго въ дѣлѣ... пословное писанье для руки то же, что память для повторенія». Держась послѣдовательности, А. А. въ своемъ руководствѣ говоритъ, что и предложенія, обнимающія двѣ-три строки, ученики должны писать «по командѣ» на нѣсколькихъ страницахъ.

Глава IX.

Прописныя буквы §§ 42—44.

Эти буквы нужно начинать писать послѣ предыдущихъ упражненій, предварительно научивъ дѣтей писать 1) основную, косо-изогнутую черту, имѣющую наклонность сверху книзу; 2) верхнія черты, служащія или въ видѣ покрышки, или въ видѣ головки нѣкоторымъ буквамъ.

«Глава X (приводится безъ пропусковъ).

Общее заключеніе.

О споспѣшествованіи успѣху всего дѣла. § *) Пишущій, во все время обученія скорописи, постоянно долженъ имѣть въ виду:

1) Держать перо, какъ можно, легче и свободнѣе.

2) Правую руку держать болѣе на вѣсу или на мизинцѣ.

3) Чаще писать на классной доскѣ меломъ **). Чѣмъ чаще упражняться на классной доскѣ меломъ, тѣмъ скорѣе можетъ развиваться свободное движеніе руки: на доскѣ болѣе простора, болѣе разгула для нея.

4) Писанье за столомъ стоя также имѣетъ свою выгоду.

5) Не отнимать перо отъ бумаги до тѣхъ поръ, пока не кончено слово, а еще лучше писать всю строку съ одного почерка.

6) Писать вообще

а) свободнѣе и смѣлѣе

б) крупнѣе и косѣе

в) въ особенности болѣе упражняться надъ буквою *т*, которую писать то больше, то меньше, то тоньше, то толще, что будетъ придавать рукѣ твердость.

---

*) Далѣе, до конца рукописи поставленъ только знакъ §, безъ цыфръ при немъ.

**) Въ рукописи «мелъ» написано чрезъ *е*.

Главы XI и XII.

Упражненіе въ скорописаніи по французски и понѣмецки. Арабскіе и римскіе знаки.

Глава XIII

Чистописаніе.

Особыхъ предварительныхъ упражненій, говорится въ руководствѣ, нѣтъ. Красота или чистота письма зависитъ отъ упражненій въ скорописаніи, а также отъ внимательнаго усвоенія особенностей изящно пишущаго, почему полезно давать учащимся хорошіе образцы письма, учиться писать или вѣрнѣе—копировать «титулованія и адресованія», что будетъ имѣть значеніе въ практической жизни, когда по окончаніи ученія юноша вступитъ въ жизнь.

Какъ сказано уже выше, приложеніе къ скорописанію и чистописанію составляетъ «Собраніе I) словъ, II) выраженій и предложеній. Первое состоитъ изъ «собранія» въ алфавитномъ порядкѣ словъ, представляющихъ для учениковъ затрудненіе въ правописаніи; здѣсь подобраны какъ русскія, такъ и иностранныя слова. I «Собраніе» заканчивается спискомъ корней, коренныхъ и производныхъ словъ на букву ѣ, «болѣе употребительныхъ».

II-е «Собраніе» имѣетъ въ виду цѣли усвоенія важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, что видно изъ подробнаго заглавія этого «Собранія»:

II

«Собраніе

Различныхъ выраженій и предложеній, въ коихъ встрѣчаются всѣ, безъ исключенія, правила правописа-

нія, примѣрами на которыя избраны, по большей части, трудныя и сомнительныя мѣста.

(Для писанія по диктовкѣ)».

Какія «трудныя и сомнительныя мѣста», объ этомъ говоритъ самъ сборникъ. Въ немъ мы находимъ примѣры на примѣненіе правилъ о сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ. Для удобства отыскиванія примѣровъ на то или другое правило, на поляхъ рукописи написана гласная или согласная по произношенію, затѣмъ знакъ равенства и гласная или согласная, какую должно писать, напр.: а) Е=а, я; б) и, е=я; в) и=е, екъ, енько—ій; г) е=о; д) а=о; е) а=я; ж) е=јо, ё и др. Въ этомъ сборникѣ подобрано много примѣровъ на примѣненіе правилъ этимологіи; напр., въ одномъ мѣстѣ сборника А. А. говоритъ, какими соображеніями должно руководиться при писаніи глагольныхъ формъ настоящаго или будущаго времени, если онѣ встрѣтятся въ письменной работѣ:

е=и
ешь, ишь
утъ, ютъ
атъ, ятъ

«Замѣтьте, когда въ Русскомъ языкѣ надобно оканчивать слова (глаголы) на *ишь* и *ешь*, *утъ*, *ютъ*, *атъ* и *ятъ*. Какъ напр. написать: слышешь, или слышишь? слышатъ, или слышутъ? *Ишь* и *ешь* всегда пишите чрезъ ь, потому что буква ь соотвѣтствуетъ славянскому окончанію на *и*; это видно изъ слѣдующихъ соотвѣтствующихъ между собою словъ: знаеши=знаешь, ходиши=ходишь, знати=знать, писати=писать. Оканчивать же на ешь слѣдуетъ тогда, когда слово можно измѣнить на утъ или ютъ; напр. пишутъ—слѣд. пишешь. На ишь оканчивайте, когда глаголъ перемѣнится на атъ или ятъ; напр. видятъ—слѣд.

видишь,—и наоборотъ, если мы пишемъ ишь, то во множ. надо писать — атъ или ятъ, — на ешь, — то— утъ, ютъ. Напр. значишь—значатъ, а не значутъ, отсюда значащійся, (а не значущійся, какъ часто пишутъ); —дышишь, дышатъ, (а не дышутъ).

Вотъ таблица, которой надобно держаться:

ешь { утъ, ютъ	ишь { атъ, ятъ

Много въ этомъ «собраніи» подобрано матеріала для примѣненія грамматическихъ правилъ, наприм., на употребленіе буквы ѣ въ измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ окончаніяхъ и т. д. Если согласимся съ тѣмъ, что ешь, ишь—старина, то нельзя не принять во вниманіе того, что вѣдь на практической почвѣ ознакомленія съ правилами грамматики стоитъ А. А., учитель чистописанія, неокончившій полнаго курса семинаристъ, не мирящійся съ стариннымы пріемами преподаванія: отселѣ-доселѣ, слово въ слово. Стремится облегчить усвоеніе правописанія русскихъ словъ, повторяемъ мы, учитель скорописанія и чистописанія во 2-й половинѣ сороковыхъ годовъ! Заботятся ли объ этомъ преподаватели чистописанія въ концѣ истекающаго вѣка? Какъ учитель чистописанія, А. А. слѣдилъ за новостями по своему предмету и обращался съ просьбою къ своему начальству выписать тѣ или другія руководства, имѣя въ виду успѣшность дѣла: «Для пособія при занятіяхъ воспитанниковъ 2-го Общ. класса, по предмету Писанія», говорится въ одномъ черновомъ наброскѣ А. А. начальству корпуса: «нужно пріобрѣсти нѣсколько новѣйшихъ образцевъ различныхъ почерковъ письма и со-

ставить изъ нихъ нѣсколько сборниковъ... воспитанники, присматриваясь къ разнообразію почерковъ, сличая одинъ почеркъ съ другимъ и замѣчая особенности каждаго изъ нихъ», могутъ «составить себѣ болѣе ясное понятіе о красотахъ письма... «разнообразіе этихъ почерковъ и красоты ихъ могутъ возбудить въ воспитанникахъ любовь къ письменному искусству и охоту усвоить тотъ или другой почеркъ», и при этомъ перечисляется 15 №№ пособій, напр.: «Почеркъ Русск. Чистопис.» «Школа скорописанія или Русск. Прописи по Американск. методѣ», «Школа чистописанія гравиров. И. Богдановымъ», «Различные шрифты и знаки состав. Егоровымъ» и др.

Несомнѣнно, любовь А. А—ча къ дѣлу, къ дѣтямъ бывали причиною огорченія, если результаты отъ занятій получались нежелательные, и онъ употреблялъ все, что отъ него зависѣло, на то, чтобы дѣло шло правильно. Присматриваясь къ почеркамъ своихъ учениковъ въ разное время, А. А. находилъ иногда, что ученики одного выпуска пишутъ хорошо, другого—хуже, и старался отыскать причины этой разницы. Вотъ что онъ говоритъ по поводу сказаннаго въ одной своей черновой замѣткѣ: «Сличая образцы нынѣшняго писанія съ прежними, нельзя не замѣтить, что большая часть изъ нихъ въ этихъ (старшихъ) классахъ начинаетъ писать хуже, нежели писали прежде, въ первыхъ двухъ общихъ классахъ»; объясняетъ это спѣшностью письма, наприм., при записываніи учениками лекцій, или небрежностью и другими причинами и указываетъ средства къ поддержанію у учениковъ стремленія писать красиво: 1) примѣнять послѣдовательно распоряженіе высшаго начальства· «осматривать при экзаменѣ тетради съ записками и ставить баллы за тщательное или

небрежное ихъ веденіе»; 2) ставить баллы какъ за правописаніе во всѣхъ классахъ, такъ и за почеркъ; 3) строже ставить баллы за чистописаніе при переводѣ воспитанниковъ изъ класса въ классъ; 4) «желательно, чтобы воспрещено было воспитанникамъ писать стальными перьями, потому что подобнаго рода перья препятствуютъ свободному движенію и пріучаютъ ихъ къ тяжелому почерку; обыкновенныя же перья должны быть цѣльныя, а отнюдь не обрѣзанныя сверху, коротенькія, что часто бываетъ у воспитанниковъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что А. А., какъ учитель скорописанія и чистописанія, не шелъ обычными, рутинными путями, а стремился и скучный предметъ оживить своимъ вниманіемъ къ нему, слѣдилъ за новостями по литературѣ своего предмета, соединялъ съ скорописаніемъ практическое усвоеніе правилъ русскаго правописанія. Въ одномъ только онъ остался на старомъ пути—это въ преслѣдованіи стального пера; но этому удивляться нечего: онъ самъ почти до конца дней своихъ не разставался съ гусинымъ перомъ и писалъ имъ прекрасно, въ чемъ можно убѣдиться, посмотрѣвъ на его старческій почеркъ-факсимиле подъ его портретомъ «Фил. Зап.» I—II за 1899 г.

Оставаясь учителемъ скорописанія и чистописанія, А. А., какъ только явилась возможность, сталъ преподавать и русскій языкъ, о чемъ онъ говоритъ намъ въ своей «Запискѣ редактора» слѣдующее:

«Года черезъ четыре представилась возможность занять открывшееся мѣсто преподавателя русскаго языка. По положенію предварительно нужно было выдержать пробную лекцію, для чего испрошено было на это разрѣшеніе отъ главнаго штаба В. У. З., которымъ и высланы были мнѣ двѣ темы—по русскому

языку «О глаголѣ», по словесности «Объ изящномъ». Лекціи эти нужно было читать и защищать въ конференціи въ присутствіи директора, инспектора, преподавателей и другихъ лицъ; обѣ лекціи, равно какъ и самые отвѣты на всѣ возраженія прошли удовлетворительно. Письменныя лекціи затѣмъ посланы были въ Главный Штабъ, гдѣ онѣ разсмотрѣны были и одобрены, и я былъ утвержденъ преподавателемъ русскаго языка, оставивъ за собой и скорописаніе». Такимъ образомъ, съ неполнымъ семинарскимъ образованіемъ, благодаря любви къ дѣлу, умѣнью вызвать своимъ преподаваніемъ вниманіе у учащихся, А. А. дѣлается учителемъ свѣтскаго средняго учебнаго заведенія, Михайловскаго кадетскаго корпуса. По свидѣтельству его учениковъ по корпусу, дѣло преподаванія у А. А. имѣло большой успѣхъ и потому, что онъ отличался добротою, необыкновенно мягкимъ отношеніемъ къ кадетамъ, за что послѣдніе его любили. Такъ текла жизнь А. А. во время его преподавательской дѣятельности въ корпусѣ. Собственно преподавателемъ русскаго языка онъ назначенъ въ 1849 году, на что въ «Аттестатѣ» его имѣются слѣдующія данныя: онъ «утвержденъ Учителемъ 3-го рода по предмету скорописанія, со старшинствомъ съ 30 декабря 1845 года—1847 года сентября 8.—Допущенъ къ преподаванію русскаго языка въ 1-мъ приготовительномъ классѣ 1849 года Августа 1.—Приказомъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ 10-го Іюля 1850 года № 1, 211, утвержденъ Учителемъ 3-го рода по предмету русскаго языка, со старшинствомъ со дня принятія на испытаніи, т.-е. съ 1 августа 1849 года,— 1850 Іюля 10».

Ранѣе уже сказано, что для того, чтобы получить право учителя русскаго языка, покойный А. А. дол-

женъ былъ по назначенію начальства письменно изложить двѣ лекціи на темы изъ программъ кадетскихъ корпусовъ того времени.

По грамматикѣ русскаго языка ему предложена была такая тема: «О глаголѣ. Сходство глагола, по значенію, съ именемъ прилагательнымъ. Отличіе гл. *)... и страданіе. Залоги, виды и наклоненія. Соотвѣтственность между именемъ существительнымъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола. Времена, лица, числа и роды». Изъ этого подробнаго заголовка работы видно, что послѣдняя должна была заключать въ себѣ почти все о глаголѣ. И, дѣйствительно, А. А. далъ довольно ясное по тому времени понятіе о глаголѣ, изложивъ ученіе о немъ на 57 страницахъ (стран. въ полъ-листа). Ученіе это характерно, почему приведемъ нѣсколько выдержекъ. «Понятіе о глаголѣ. Глаголъ слово славянское; оно значитъ—сказаніе, разсказъ, слово. Корень его заключается въ коренныхъ буквахъ *гл* (или *глгл*), дающихъ отъ себя понятіе о какомъ-то гулѣ или звукѣ (голоса). Это понятіе весьма удачно выражено у Державина, въ стихахъ, гдѣ звукъ металла, сравнительно, называется глаголомъ, такъ: «глаголъ временъ, металла звонъ». Значеніе глагольнаго корня еще оправдывается тѣмъ, что отъ него легко могутъ быть произведены слова: гулъ (дѣйствіе звука), гласъ или голосъ, глаголаніе, глаголати, а глаголати (слав.) значитъ говорить, а говорить значитъ дѣйствовать, т.-е. звуками голоса выражать понятія и мысли, въ словѣ.

Такимъ образомъ, въ первыхъ понятіяхъ глагола, въ коренныхъ его буквахъ, заключается понятіе о про

*) Въ рукописи вырвано.

явленія слова, или выраженіи мысли. Съ этимъ значеніемъ и понятіемъ глаголъ является на всѣхъ языкахъ. Такъ, мы, Русскіе, называемъ эту часть рѣчи нашей глаголомъ, предки наши, встарину, называли рѣчью; Нѣмцы называютъ zeitwort—слово времении (тоже, что глаголъ временъ), Французы—verbe, Грек, ῥῆμα, что на всѣхъ этихъ языкахъ значитъ одно и тоже—слово.

Причина такого наименованія глагола та, что мы посредствомъ него, произносимъ приговоръ, выражаемъ различныя сужденія о предметахъ, о разныхъ видоизмѣненіяхъ ихъ, какъ-то: о ихъ бытіи или состояніи, дѣйствованіи, страданіи и т. под. качествахъ. Слѣд. глаголомъ выражается многое,—цѣлая мысль, цѣлое предложеніе. Стало быть, глаголъ есть все то, что говорится, что сказывается о предметѣ. Поэтому его справедливо называютъ сказуемымъ»... «Залоги. Залогами называются различныя выраженія или отношенія дѣйствій, которыя выражаютъ различное состояніе живущихъ, дѣйствующихъ и страдающихъ существъ»... Залоговъ названо, какъ и теперь въ нѣкоторыхъ нашихъ грамматикахъ русскаго языка» шесть. Виды глагола опредѣлены такъ: «Виды глаголовъ выражаютъ особенныя обстоятельства, съ какими дѣйствіе происходитъ, а именно: или а) опредѣленность: т.-е точно ли оно происходитъ въ то самое время, о которомъ рѣчь идетъ, или б) кратность:—т.-е. повторяется ли оно, или нѣтъ, или в) начало и конецъ и пр.—кончено ли дѣйствіе совершенно или несовершенно.—Въ этомъ отношеніи русскіе глаголы имѣютъ шесть видовъ: 1) неопредѣленный, 2) опредѣленный 3) многократный, 4) однократный, 5) несовершенный, 6) совершенный». Далѣе уясняется значеніе видовъ, обра-

зованіе ихъ при помощи предлоговъ. Вниманія, между прочимъ, заслуживаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждый видъ измѣняется особо, не смѣшиваясь съ другими. Поэтому каждый видъ глагола должно принимать, какъ отдѣльный глаголъ». Послѣдняго не хотятъ знать и до сихъ поръ наши составители учебниковъ по русской грамматикѣ: у нихъ за одинъ глаголъ принимаются, напр., глаголы: понимать и понять. Чтобы покончить съ цитатами изъ названной работы покойнаго А. А., т.-е. чтобы не наскучить выдержками читателямъ, закончимъ мы опредѣлёніемъ понятія «наклоненіе». «Наклоненіе показываетъ ту цѣль, для которой употребляется глаголъ, или какъ бы показываетъ, къ чему клонится (или наклоняется) какое либо дѣйствіе». Приведенныя данныя изъ названнаго труда А. А. свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ, несмотря на небольшое свое образованіе, человѣкъ былъ любознательный, любившій свое дѣло; что много работалъ надъ роднымъ языкомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ понималъ его гораздо лучше, чѣмъ современные составители нашихъ учебниковъ по русскому языку, несмотря на то, что послѣдніе (составители) получили высшее образованіе.

По теоріи словесности на право преподаванія этого предмета покойному А—ю А—чу предложена была тема: «Объ изящномъ», 4-й билетъ программы 1-го спеціальнаго класса кадетскихъ корпусовъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія положенія: «Общія понятія объ изящномъ. Врожденное стремленіе человѣка къ прекрасному. Основныя начала прекраснаго—сила и гармонія. Проявленіе этихъ началъ въ природѣ физической и нравственной. Изящное искусство. Отличіе его отъ искусства механическаго». Вопросы эти рѣшены съ точекъ зрѣнія религіозно-этической и эстетической. Изъ

данной работы мы приведемъ только опредѣленіе понятія объ изящномъ и нѣсколько заключительныхъ строкъ. «Для выраженія степени качества въ предметахъ, у насъ есть различные термины. Такъ, мы, иногда, одинъ предметъ называемъ хорошимъ, другой очень хорошимъ, иной отличнымъ, или превосходнымъ, иной прекраснымъ или изящнымъ. Между всѣми этими степенями качествъ есть значительная разница и постепенность. На высшей ступени качествъ стоитъ понятіе изящный.

Слово изящный принадлежитъ славянскому корню: оно составлено изъ предлога изъ и глагола яти (брать), что значитъ: избрать, выбрать. Отсюда—изъятый (или изъящный), изящный, по смыслу корня, будетъ значить—избранный, отборный; слѣд. словомъ изящный выражается высшая степень хорошаго качества предметовъ.

Въ обыкновенномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ, вмѣсто слова изящный, у насъ болѣе всего въ ходу слова: отличный, прекрасный. Слово изящный есть терминъ техническій и преимущественно усвоенъ наукѣ и искусству, въ слѣдующихъ понятіяхъ: изящная словесность, изящныя искусства, изящная форма». Далѣе слѣдуетъ разъясненіе этихъ трехъ понятій. Заключительныя строки сочиненія: «Объ изящномъ», характеризуютъ покойнаго А. А. такимъ, какимъ онъ остался до конца своей жизни,—идеалистомъ, съ вѣрою въ прекрасное, въ добро. Вотъ эти строки: «Вообще изящныя искусства служатъ средствомъ къ распространенію гражданской и нравственной образованности; они облагораживаютъ чувства, укрощаютъ страсти, смягчаютъ нравы, образуютъ и утончаютъ вкусъ, а вкусъ образованный имѣетъ большое вліяніе на нашу нравственность, потому что человѣкъ, привык-

шій всегда находить порядокъ, гармонію и благородство въ изящныхъ произведеніяхъ, дѣлается разборчивѣе и строже къ самому себѣ и не можетъ терпѣть ничего низкаго и грубаго въ чувствахъ и поступкахъ человѣческихъ.

Дѣйствительно, если бы мы могли пріучить чувства нашей души къ постоянной гармоніи; если бы мы постоянно жили однѣми прекрасными идеями, любили истину, постоянно стремились къ добру; если бы, говорю, мы умѣли присвоивать себѣ всѣ прекрасныя качества и характеры души, выражаемые живописью, ваяніемъ и поэзіею,—мы бы могли быть, на землѣ, существами, болѣе счастливыми».

Вышедши на торную дорогу своей учительской дѣятельности, А. А. продолжалъ работать настойчиво, чтобы увидѣть желанные результаты. Мысль, что нѣтъ у насъ хорошаго учебника по русскому языку не давала ему покоя. Чтобы поработать самому надъ роднымъ языкомъ и вызвать дѣятельность въ этомъ направленіи у другихъ, онъ задумываетъ издавать научный журналъ, спеціально предназначенный для разработки вопросовъ по русскому языку и др.

О возникновеніи мысли издавать подобный журналъ мы находимъ указанія въ автобіографіи А. А. «Въ одно время», говоритъ онъ въ ней: «случилось мнѣ имѣть разговоръ съ директоромъ корпуса о преподаваніи русскаго языка: онъ высказывалъ свой взглядъ и указывалъ на одинъ малоизвѣстный учебникъ, котораго, по его мнѣнію, слѣдовало бы держаться. Не желая входить въ споръ, я сдержанно указывалъ на недостатки учебника и на то, что не слѣдуетъ буквально держаться учебника, что у насъ нѣтъ хорошихъ, толковыхъ учебниковъ. Возвращаясь изъ корпуса, я задумался,

шелъ тихо, медленно, раздумывая, гдѣ бы мнѣ высказать, чего именно у насъ недостаетъ въ учебномъ дѣлѣ, и что намъ нужно для пособія при преподаваніи. Тутъ я пришелъ къ тому убѣжденію, что нѣтъ у насъ собственно обмѣна мыслей между преподавателями, кто какъ ведетъ свое дѣло преподаванія, нѣтъ никакихъ для этого печатныхъ замѣтокъ и указаній, а извѣстно, что у большинства преподавателей всегда найдутся какія-нибудь замѣтки, которыя были вызваны тѣмъ или другимъ вопросомъ въ педагогической практикѣ или нѣсколько сужденій о томъ или другомъ явленіи въ языкѣ, о томъ или иномъ взглядѣ на недостатки учебниковъ и пр. и пр. Какъ желательно, чтобы у насъ, въ интересахъ языкознанія, появился особый спеціальный органъ, гдѣ бы можно было помѣщать разные вопросы и отвѣты, какъ вести дѣло преподаванія лучше и проще. Это былъ бы въ полномъ смыслѣ обмѣнъ мыслей. При такихъ разсужденіяхъ у меня моментально блеснула счастливая мысль—да не взяться ли мнѣ самому за это дѣло? Мысль эта занимала меня ежедневно и не давала покоя. Долго лелѣялъ я эту мысль, обдумывалъ за и противъ; наконецъ, попробовалъ набросать очеркъ программы,—вижу, дѣло выйдетъ полезное; дальше и дальше—удалось выработать программу, не лишенную нѣкотораго рода интереса для учебнаго дѣла, но, до болѣе зрѣлаго обсужденія со всѣхъ сторонъ, отложилъ на неопредѣленное время и далъ, такъ сказать, улежаться этому предположенію въ головѣ и на бумагѣ. Прошло довольно много вромени, я еще разъ строго отнесся къ программѣ, которая настолько ласкала мою мысль и какъ будто сама просилась выпустить её на свѣтъ Божій, тутъ я рѣшился дѣйствовать сильнѣе. Наконецъ, программу эту я перебѣлилъ, взялъ съ собой

въ классъ и во время перемѣны показалъ своимъ коллегамъ по профессіи—П. В. Малыхину и М. Ѳ. де-Пуле, и просилъ ихъ сказать свое откровенное мнѣніе объ этомъ предпріятіи. Сначала они, какъ и можно было ожидать, оба удивились, но по разсмотрѣніи согласились и одобрили мой планъ. Признаюсь, я такъ увлекся своимъ предпріятіемъ, что рѣшительно не подумалъ о тѣхъ трудностяхъ по изданію съ матеріальной стороны ..

Лѣтомъ 1859 года послана была программа въ главное Управленіе по дѣламъ печати, которымъ и была утверждена, такимъ образомъ съ одной стороны получено законное разрѣшеніе на изданіе Филологическихъ Записокъ, а съ другой дано согласіе на то и отъ высшаго Военно-учебнаго начальства *).

Завѣтная мечта А. А. исполнилась; оставалось то, что было въ умѣ, осуществить на дѣлѣ: отыскать матеріалъ для «Филологическихъ Записокъ» и средства на ихъ изданіе.

С. Прядкинъ.

Воронежъ 22 марта 1900 г.

Продолженіе будетъ.

*) «Къ ист. возникн. «Фил. Зап.».

ПАМЯТИ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИГОРОВИЧА

(ум. 22 дек. 1899 г.).

Двадцать второго декабря 1899-го года, въ 4 часа 55 минутъ пополудни, въ Петербургѣ скончался на 78 году жизни отъ кровоизліянія въ область мозга, ветеранъ русской народной беллетристики Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Тяжелая утрата для отечественной литературы! Маститый писатель принадлежалъ къ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, выдѣлившей такіе могучіе таланты, какими обладали теперь уже сошедшіе въ могилу Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и нынѣ здравствующій графъ Л. Н. Толстой. Разумѣется, художественный талантъ Григоровича не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ талантами упомянутыхъ корифеевъ нашей литературы сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе историко-литературныя заслуги скончавшагося писателя громадны и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не вполнѣ еще оцѣнены критикою. Въ отношеніи къ Григоровичу какъ въ началѣ его литературной дѣятельности *), такъ и въ настоящее время критика является въ высшей степени субъективною. Бѣлинскій, какъ извѣстно, съ свойствен-

*) Литературная дѣятельность Григоровича началась съ 1843 года, когда въ Некрасовскомъ сборникѣ: «Физіологія Петербурга», появилась первая оригинальная повѣсть Григоровича: «Петербургскіе Шарманщики», потребовавшая отъ юноши-писателя массы труда и нравственныхъ волненій.

нымъ ему энтузіазмомъ привѣтствовалъ первыя повѣсти Григоровича, ожидая отъ таланта его многаго, именно, въ области художественнаго воспроизведенія духа народной жизни. Съ другой стороны, Ап. Григорьевъ, Шевыревъ и др. ничего русскаго не видѣли въ повѣстяхъ и романахъ Григоровича, да и не могло быть, по ихъ мнѣнію, ничего русскаго въ произведеніяхъ Григоровича, такъ какъ послѣдній «по крови не можетъ-де постичь духа русскаго народа». Писемскій же, наиболѣе сродный Григоровичу по таланту и по направленію своей литературной дѣятельности, откровенно совѣтовалъ ему: «оставилъ бы, право, писать о мужикѣ. Гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ; это же наше дѣло: я самъ мужикъ!» А общество 40-хъ и 50-хъ годовъ между тѣмъ зачитывалось Григоровичемъ. И въ наши дни не только «аристархи» разныхъ литературныхъ направленій, но даже одинъ и тотъ же критикъ высказываютъ различныя, иногда діаметрально-противоположныя сужденія о существенныхъ отличіяхъ таланта Григоровича. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ Скабичевскаго. Чего только не наговорено по адресу умершаго писателя въ двухъ объемистыхъ томахъ «Сочиненій А. Скабичевскаго» и въ его «Исторіи новѣйшей литературы». То Григоровичъ не понялъ сути народной жизни, односторонне и сентиментально изображая ее; то онъ описываетъ и при томъ безъ всякой идеализаціи чистокровныхъ мужиковъ со всѣми мелкими деталями ихъ быта; то онъ недолговѣченъ въ своихъ произведеніяхъ, которыя въ началѣ семидесятыхъ годовъ уже всѣми были забыты; то и сейчасъ еще эти произведенія составляютъ лучшее украшеніе каждой библіотеки. Все, слѣдовательно, зависитъ отъ точки зрѣнія, съ какой по-

смотрѣть на извѣстнаго писателя. Произведенія каждаго писателя создаются подъ вліяніемъ цѣлой совокупности разнообразныхъ условій частной и общественной жизни писателя и характерныхъ особенностей умственной и гражданской жизни окружающаго писателя общества. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и посмотримъ на долголѣтнюю литературную дѣятельность Д. В. Григоровича, подъ живымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ его свѣжей могилой.

Григоровичъ — преимущественно народный писатель. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Но въ какой мѣрѣ онъ народный писатель? Для того, чтобы заслужить значеніе народнаго писателя, говоритъ Тургеневъ, нуженъ не столько личный, своеобразный талантъ, сколько сочувствіе къ народу, родственное къ нему расположеніе, нужна наивная и добродушная наблюдательность». Но этихъ данныхъ на званіе народнаго писателя еще недостаточно. Нужно опредѣлить сущность любви писателя къ народу. Отъ характера этой любви зависитъ бо́льшая или меньшая степень народности писателя. Любить народъ можно за его страданія, нужды, принижающую бѣдность. Такая любовь сопровождается чувствомъ сожалѣнія, а гдѣ сожалѣніе, тамъ нѣтъ чистой, святой любви. На такую любовь способенъ всякій баричъ, особенно гуманный и просвѣщенный. Такъ именно любилъ народъ, смѣемъ думать, и Тургеневъ, наблюдавшій народную жизнь урывками. Но можно любить народъ ради его самого. Какъ же именно? На этотъ вопросъ отъ лица народа Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ писателя» такъ отвѣчаетъ: «А полюби ты то, что я люблю; почти ты то, что

я чту». Такъ любили народъ—самъ Достоевскій, Пушкинъ, Никитинъ, Кольцовъ; такъ могъ бы любить народъ и Лермонтовъ, если бы преждевременно не отняла у него жизни роковая пуля, такъ, думается намъ, любилъ народъ и Григоровичъ При несомнѣнномъ, хотя и не первоклассномъ литературномъ талантѣ, при горячей любви къ темному народу Григоровичъ могъ бы глубже проникнуть, выражаясь словами мыслителя—поэта Хомякова, «въ духовную сущность» народа, чего на самомъ дѣлѣ мы не видимъ изъ его произведеній. Бѣда въ томъ, что талантъ Григоровича, подобно искрѣ, долго тлѣлъ и вырывался наружу изъ груды пепла, и что полюбилъ онъ народъ и сталъ имѣть возможность вдумчиво, не наивно только и добродушно наблюдать его не въ дѣтскую и юношескую пору жизни, а уже гораздо позже. «Въ кругу русскихъ писателей, говоритъ самъ Григоровичъ въ своихъ интересныхъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», врядъ ли найдется много такихъ, которымъ въ дѣтствѣ привелось встрѣтить столько неблагопріятныхъ условій для литературнаго поприща, сколько было ихъ у меня». А условія эти были такого рода, что менѣе всего могли воспитать въ Григоровичѣ «мужицкаго» писателя. Отца своего, коренного малоросса, Григоровичъ лишился на пятомъ году своей жизни. Воспитаніемъ ребенка всецѣло занялись мать Григоровича и бабушка—обѣ француженки, плохо владѣвшія русскою рѣчью и менѣе всего знакомыя съ бытомъ народнымъ, обѣ тяготѣвшія своими симпатіями къ «милой» Франціи. Отъ своихъ сосѣдей по имѣнію (въ Каширскомъ уѣздѣ) стояли они изолированно. Мальчикъ росъ, какъ тепличное растеніе, вдали отъ вліянія русской жизни. До восьми лѣтъ у него и книги русской не было въ рукахъ. Впервые

съ русскою рѣчью онъ познакомился отъ камердинера своего отца. Пробывъ затѣмъ два года въ Московской гимназіи, Григоровичъ поступаетъ въ пансіонъ г-жи Монигетти-француженки, содержавшей модный магазинъ, мужъ которой, родомъ итальянецъ, въ свою очередь содержалъ винный погребъ. Очевидно, трехлѣтнее пребываніе во французской атмосферѣ ничего русскаго не могло привить Григоровичу. «Какимъ образомъ», говоритъ о себѣ Григоровичъ: «выучился я въ это время читать по-русски и особенно писать, т.-е., выводить перомъ русскія слова, до сихъ поръ не могу объяснить себѣ. Я не былъ въ состояніи сочинить и написать по-русски самое простое дѣтское письмо: письма къ матери я писалъ не иначе, какъ по-французски».

Только съ поступленіемъ, черезъ два года по выходѣ изъ семейства г-жи Монигетти, въ Петербургское инженерное училище, на Григоровича повѣяло русскимъ вѣяніемъ. Среди учениковъ училища литературные интересы являлись преобладающими. Не мало способствовалъ пробужденію дремавшаго, подъ неблагопріятными условіями жизни, таланта Григоровича его товарищъ по школѣ Ѳ. М. Достоевскій. Поступленіе въ Академію художествъ и затѣмъ служба при канцеляріи директора Московскихъ казенныхъ театровъ Гедеонова сблизили Григоровича съ семьею русскихъ писателей и артистовъ, а въ числѣ послѣднихъ были такія свѣтила театра, какъ Мартыновъ, Мочаловъ и Каратыгинъ. Сближеніе съ Плюшаромъ, авторомъ извѣстнаго «Энциклопедическаго словаря»; съ Некрасовымъ, Шевченко и Тургеневымъ вызвало въ Григоровичѣ желаніе попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ, но русская грамота попрежнему съ трудомъ давалась ему. Свое влеченіе къ литературному труду Григоровичъ

удовлетворялъ мелкими газетными статьями, составленіемъ дѣтскихъ книжекъ и главнымъ образомъ переводами и передѣлкою съ иностраннаго театральныхъ пьесъ.

Всѣ подобныя литературныя работы, служа хорошею практическою школою для выработки слога, были пока окольными путями, по которымъ талантъ Григоровича выбирался на торную дорогу. Послѣднему обстоятельству помогъ кружокъ Бѣлинскаго. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, какъ извѣстно, воспитались почти всѣ безъ исключенія даровитые писатели того времени: Некрасовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Панаевъ, Коршъ, Огаревъ и др. Всѣ они соединились въ тѣсный кружокъ единствомъ своихъ мнѣній и взглядовъ и всѣ они въ свое время увлекались философіею Гегеля. Подъ вліяніемъ философскихъ идей Гегеля, вообще, всѣ лучшіе люди сороковыхъ годовъ прониклись гуманнымъ отношеніемъ къ простому люду, стали открывать, какъ нѣчто новое, что и подъ мужицкою сермягою могутъ биться высокія чувства и зарождаться глубокія страсти. Въ то же время къ намъ начали проникать изъ Франціи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Виктора-Гюго и Жоржъ Зандъ, демократическія идеи: защита раба отъ деспотизма господъ, женщины отъ семейнаго и соціальнаго гнета, осмѣяніе грубаго невѣжества и т. п. Шевыревъ въ свое время давалъ совѣтъ молодымъ писателямъ «помнить миѳъ объ Антеѣ. Когда онъ боролся съ Геркулесомъ, то земля придавала ему силы, лишь только онъ касался ея. Чтобы обезсилить его, Геркулесъ долженъ былъ отвлечь его отъ земли и задушить на воздухѣ. Таковъ и поэтъ, и писатель вообще». Наши писатели до сороковыхъ годовъ, оторванные, подобно Антею, отъ началъ русскаго быта, или уходили

всецѣло въ самихъ себя, въ свои скудныя мечтанія, или же путемъ скорбнаго сравненія своего отечества съ Европою обращались къ родной землѣ съ рѣзкимъ порицаніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ наша литература была обезсилена. Къ сороковымъ же годамъ наше интеллигентное общество, по вышеуказаннымъ причинамъ, начинаетъ тяготѣть къ землѣ, къ своему родному. Въ обществѣ чувствуется какое то броженіе внутреннихъ силъ, какой-то жаръ, не получившій еще направленія. Писатели, какъ люди своего времени, какъ лучшіе его представители, проникнутые его духомъ, обыкновенно идутъ навстрѣчу зарождающимся стремленіямъ и даютъ имъ образъ, типическое выраженіе. Къ такимъ писателямъ относится и Григоровичъ. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Гончаровымъ онъ уловилъ и выразилъ данный моментъ въ настроеніи современнаго ему общества. Тѣмъ легче было имъ сдѣлать это, что они являлись уже учениками геніальнаго Гоголя, поднявшаго своими твореніями своихъ даровитыхъ учениковъ до той высоты художественной дѣятельности, гдѣ начинается уже самостоятельность. Отсюда уже не должно казаться намъ страннымъ, почему эстетикъ, воспитанный на чтеніи французскихъ романовъ, джентльменъ до послѣднихъ дней своей жизни, Григоровичъ впервые обратилъ свой талантъ не на воспѣваніе своего чувствительнаго сердца или луны, или Эрота и Музъ, а на изображеніе быта «Петербургскихъ шарманщиковъ».

Но разъ Григоровичъ вступилъ на прямой путь своего поэтическаго призванія, онъ не могъ уже остановиться на полдорогѣ, не могъ удовлетвориться своими физіологическими очерками и слѣдовавшими за «Петербургскими шарманщиками» двумя повѣстями: «Сосѣдка» (1844 г.) и «Лотерейный балъ» (1845 г.). Разъ коснул-

ся онъ простого быта, его, какъ Антея, потянула къ себѣ земля, самая суть народной жизни. Но для того, чтобы понять русскій народъ, его характеръ и міровоззрѣніе, нужно, если не вырасти среди него, подобно Кольцову, Никитину, Шевченко и др., то сблизиться съ нимъ. И Григоровичъ ѣдетъ въ деревню съ цѣлью сблизиться съ народомъ и изучить его бытъ. Всестороннее изученіе дается временемъ и обстоятельствами, способствующими этому изученію. Григоровичъ, дѣйствительно, встрѣтилъ въ деревнѣ такія благопріятныя обстоятельства. Но какъ нужно изучать народъ человѣку, не вышедшему изъ его среды? Такому человѣку, скажемъ словами извѣстнаго критика Добролюбова, «нужно имѣть въ весьма значительной степени даръ примѣривать на себѣ всякое положеніе, всякое чувство и въ то же время умѣть представить, какъ оно проявится въ личности другого темперамента и характера,—даръ, составляющій достояніе натуръ истинно художественныхъ и уже незамѣнимый никакимъ знаніемъ». Такому человѣку нужно имѣть даръ «войти въ кожу и душу» простого народа. Такого исключительнаго дара Григоровичъ не имѣлъ. Онъ обстоятельствами своей жизни не могъ крѣпко и кровно быть связаннымъ съ крестьянскимъ людомъ, и его кругъ думъ и симпатій не могъ находиться, какъ это было, напр., у Шевченко, въ совершеннѣйшемъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Но зато Григоровичъ обладалъ вѣрнымъ тактомъ дѣйствительности, чутьемъ жизненной правды явленій и горячею любовью къ народу. Съ этими драгоцѣнными качествами своего таланта и сердца Григоровичъ и приступилъ къ непосредственному изученію быта и языка крестьянъ. Результатомъ этого изученія была его первая повѣсть изъ народнаго быта: «Дерев-

ня» (1846 г.), стоившая автору не мало труда (писалъ онъ ее четыре мѣсяца). Критика и общество въ высшей степени радушно приняли «Деревню» Григоровича. Талантливый, рано погибшій молодой критикъ В. Майковъ и пылкій Бѣлинскій съ особенною похвалою отозвались о простонародной повѣсти Григоровича. Это была собственно первая повѣсть, рисовавшая бытъ народный въ самой голой правдѣ его и тѣмъ самымъ ближе всего подошедшая навстрѣчу зарождавшимся въ обществѣ симпатіямъ къ крестьянскому люду. Самъ Григоровичъ придавалъ, очевидно, особое значеніе новому, непривычному для тогдашнихъ читателей сюжету своего произведенія. «Хотя разсказчикъ этой повѣсти», говоритъ онъ: «чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ; хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель несравненно болѣе интересуется ими, нежели грубыми, грязными и вдобавокъ еще глупыми мужиками и бабами, однакожъ онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ, увы!, главный предметъ его повѣствованія».

Успѣхъ «Деревни» сблизилъ автора ея съ такими лицами, какъ Даль (Казакъ Луганскій), авторъ многочисленныхъ маленькихъ этнографическихъ разсказовъ изъ народнаго быта, и съ Сахаровымъ, авторомъ двухтомныхъ «Сказаній русскаго народа». Знакомство съ такими писателями, особенно съ Далемъ, обогатили Григоровича знаніемъ народнаго языка. Ко второй своей простонародной повѣсти: «Антонъ Горемыка» (1847 г.), Григоровичъ приступалъ, уже вооруженный большимъ знаніемъ народнаго быта и народнаго языка. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что повѣсть эта имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ «Деревня». Съ появленіемъ

«Антона Горемыки» за Григоровичемъ установилась репутація народнаго писателя, отъ котораго ожидается многое въ будущемъ. Бѣлинскій призналъ «Антона Горемыку» истинно художественнымъ произведеніемъ. «Антонъ Горемыка», писалъ критикъ: «больше, чѣмъ повѣсть,— это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ,—онъ лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ много».

И Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ. Правда, не все, написанное имъ послѣ «Антона Горемыки», отличается равною талантливостію, но тѣмъ не менѣе на всемъ, написанномъ имъ, лежитъ печать несомнѣнной талантливости, во всемъ ощущается сила души нѣжной, согрѣвающей своимъ тепломъ разныхъ обездоленныхъ сиротъ—Акулинъ и горемыкъ—Антоновъ. Правда, интересъ къ дальнѣйшимъ народнымъ повѣстямъ Григоровича, повидимому, совершенно ослабѣлъ въ обществѣ. Въ «Современникѣ» 1855 года встрѣчаются, напр., такія строки: «Г. Григоровичъ послѣ своей «Деревни», а г. Тургеневъ послѣ перваго изъ своихъ «Разсказовъ Охотника»: «Хорь и Калинычъ», не написали уже ничего сноснаго, и въ настоящее время имена ихъ уже давно забыты публикою. Мы готовы держать пари, что изъ тысячи читателей едва ли

одинъ припомнитъ теперь, что существовали когда-то г. Григоровичъ и г. Тургеневъ» *). Но, во-первыхъ, тогда же писали и такіе абсурды: «Гоголь—писатель безъ всякаго таланта; лучшее лицо въ «Мертвыхъ душахъ» — «кучеръ Чичикова, Селифанъ» **), а, во-вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что «моментъ» общественнаго сознанія, характеризуемый зародившимися въ обществѣ благородными мыслями и чувствами по отношенію къ крѣпостнымъ людямъ, выраженный въ повѣстяхъ Григоровича: «Деревня» и «Антонъ Горемыка», уже прошелъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣлъ въ своей интенсивности и интересъ къ дальнѣйшимъ повѣстямъ и разсказамъ Григоровича, въ частности къ тѣмъ изъ нихъ, которые продолжали изображать простонародную жизнь.

Произведенія Григоровича, написанныя послѣ «Антона Горемыки», представляютъ собою довольно длинный рядъ: «Бобыль», «Капельмейстеръ Сусликовъ» (1848 г.), «Четыре времени года», «Похожденіе Накатова» (1849 г,), «Неудавшаяся жизнь» (1850 г.), «Свѣтлое Христово Воскресенье» (простонародное повѣрье), «Свистулькинъ», «Мать и Дочь» (1851), «Проселочныя дороги», «Смедовская долина», «Зимній вечеръ» (1854 г.). «Проселочныя дороги» —объемистый двухтомный романъ. Этотъ романъ Григоровичъ усидчиво писалъ цѣлый годъ (1852—53 г.), находясь безвыѣздно въ деревнѣ. Въ немъ широко захвачена жизнь помѣщиковъ стараго, хотя далеко не добраго времени, съ ея, такъ сказать, изнанкою, съ ея грубымъ цинизмомъ во взглядахъ и поступкахъ, съ ея кутежами. Во внѣшнемъ построеніи своемъ

---

*) «Очерки Гоголевскаго періода Русской Литературы» Стр. (126—127). Изданіе М. Чернышевскаго. 1892 г.

**) Ibidem. стр. 294.

«Проселочныя дороги» напоминаютъ намъ «Мертвыя души» Гоголя. Подобно Чичикову, Аристархъ Ѳеодоровичъ, главный герой романа, разъѣзжаетъ по помѣщикамъ, хотя цѣль его поѣздокъ была иная, чѣмъ у Павла Ивановича Чичикова, и эти разъѣзды даютъ автору поводъ знакомить читателей съ разными типами помѣщиковъ и помѣщицъ. Роману приданъ юмористическій тонъ, совершенно несвойственный таланту Григоровича. Поэтому нельзя не согласиться съ Скабичевскимъ, что дочитать этотъ романъ, построенный на одномъ чистомъ юморѣ, дѣло большого труда. Да и вообще нужно сказать, что романы и большія повѣсти въ художественномъ отношеніи не удаются Григоровичу. Въ нихъ требуется болѣе искусно связать и развязать узелъ, глубже представить игру страстей, послѣдовательнѣе и цѣльнѣе представить характеръ, полнѣе начертить художественный образъ,—а все это дѣло не легкое для таланта не первокласснаго. Вотъ почему съ художественной стороны полны многихъ недостатковъ и слѣдовавшія за «Проселочными дорогами» большія произведенія Григоровича: повѣсть «Рыбаки» и романъ въ 5-ти частяхъ: «Переселенцы» (1855—56 г.).

Своихъ «грязныхъ мужиковъ и бабъ» Григоровичъ съ особенною любовью продолжаетъ выводить въ своихъ произведеніяхъ вплоть до великой эпохи освобожденія крестьянъ, только на время оставляя ихъ для средняго Петербургскаго люда. Эти произведенія: «Прохожій», «Пахарь» (1857 г.), «Столичные родственники», «Школа гостепріимства», «Скучные люди», «Очерки современныхъ нравовъ», «Въ ожиданіи парома», «Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ», «Кошка и Мышка» (1857 г.).

Въ слѣдующемъ году Григоровичъ, по порученію

морского вѣдомства, совершилъ на кораблѣ «Ретвизанъ» путешествіе по европейскимъ морямъ и свои путевыя впечатлѣнія и воспоминанія картинно описалъ въ книгѣ «Корабль Ретвизанъ» (1858—59 г.). Описаніе картинъ природы отличается здѣсь замѣчательною вѣрностью красокъ и выпуклостью очертаній. Въ этомъ отношеніи Григоровичъ имѣетъ себѣ соперниковъ развѣ только въ С. Т. Аксаковѣ или въ талантливомъ сверстникѣ своемъ И. А. Гончаровѣ.

Въ 1859 году появилась повѣсть: «Пахатникъ и Бархатникъ». Это была послѣдняя повѣсть изъ быта крестьянъ. Съ наступленіемъ 19 февраля 1861 года Григоровичъ счелъ свою народно-литературную миссію какъ бы законченною. Онъ уже сослужилъ свою великую службу нравственному прогрессу общества, доказавъ послѣднему не путемъ сухихъ отвлеченныхъ разсужденій, а живыми примѣрами, яркими образами, рельефными картинами и полными жизненнаго трагизма бытовыми сценами, что и подъ мужицкою сермягою бьется человѣческое сердце, требующее для себя и правъ человѣческихъ.

Со времени освобожденія крестьянъ Дмитрій Васильевичъ уступаетъ мѣсто въ литературѣ новымъ писателямъ-народникамъ, самъ же отдается практической дѣятельности въ области художествъ. Занявъ въ 1862 году должность секретаря «Общества поощренія художествъ», онъ устраиваетъ при немъ прекрасный художественный музей, даетъ новую жизнь рисовальной школѣ и пр. Тѣмъ не менѣе любовь къ литературнымъ трудамъ не оставляла Григоровича до конца его жизни. Съ шестидесятыхъ годовъ имъ написано: «Два генерала», «Картины англійскихъ живописцевъ на выставкѣ 1862 г. въ Лондонѣ», «Художественное образованіе въ прило-

женіи къ промышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 г.», «Столичный воздухъ» (1869 г.), «Гуттаперчевый мальчикъ» (1882 г.), «Недолгое счастье», «Алексѣй Чемезовъ» (1884 г.), «Карьеристъ» (1885 г.), «Акробаты благотворительности» (1885 г.), «Сонъ Карелина» (1887 г.), «Не по хорошу милъ, по милу хорошъ», «Рождественская ночь», «Мой дядя Бандуринъ». «Замшевые люди», «Заноза» (комедія), «Городъ и деревня», «Литературныя воспоминанія» (1893 г.), «Порфирій Петровичъ Кукушкинъ», «Встрѣча», «Отставка и назначеніе» (1898 г.), «Горькая доля» (1898 г.), Принято смотрѣть на произведенія Григоровича послѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ на показатель его ослабѣвшаго таланта. Взглядъ совершенно ложный. Дѣло здѣсь не въ паденіи таланта, а въ томъ, что Григоровичъ, отвлекшись отъ литературы въ сторону практической дѣятельности, не имѣлъ возможности наблюдать жизнь во всемъ разнообразіи ея проявленій. «Если послѣднія мои произведенія», откровенно сознается Дмитрій Васильевичъ: «слабѣе предыдущихъ, вина въ этомъ— моя отсталость, утрата привычки писать въ повѣствовательной формѣ; лѣта тутъ не при чемъ. Мнѣ казалось всегда, что разъ человѣку дана извѣстная способность, она, какъ нѣчто духовное, не подвергается вмѣстѣ съ нимъ дѣйствію лѣтъ, потери силъ и зубовъ; надо только этому вѣрить и стараться самому не падать духомъ».

Перечисленныя литературныя произведенія Григоровича свидѣтельствуютъ, насколько почтенна была его дѣятельность на пользу родного слова. Въ этомъ же почти сухомъ перечнѣ отчасти выясняются и особенности его творчества. Выдѣлимъ эти особенности нѣсколько рельефнѣе.

И до Григоровича, и съ нимъ рядомъ въ нашей

литературѣ были попытки ввести мужика въ семью литературныхъ героевъ. То было время литературы бѣдныхъ людей, горемыкъ, петербургскихъ угловъ, подваловъ и чердаковъ. Отсюда недалеко было и до горемыки-крѣпостного мужика. Но послѣдняго начали изображать только со стороны его небывалыхъ нѣжныхъ чувствъ. Житейская обстановка крестьянъ была въ пренебреженіи. Григоровичъ же одинъ изъ первыхъ началъ проникать во весь строй крестьянской жизни, въ особенности всего міросозерцанія простолюдина. Въ каждой народной повѣсти Григоровичъ показываетъ, какъ его герои связаны съ своею средою, съ своимъ міркомъ, тяготѣющимъ надъ ними своими требованіями и отношеніями. Такимъ образомъ Григоровичъ первый возбудилъ интересъ къ реальному народному быту.

Страннымъ, поэтому, кажется намъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что Григоровичъ будто бы выводитъ въ своихъ произведеніяхъ не чистокровныхъ мужиковъ, а какихъ-то пейзановъ по образцу героевъ Жоржъ-Зандъ. Странно видѣть пейзана въ мужикѣ Григоровича, задавленномъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ крѣпостничества бѣдностью, невѣжествомъ, непосильнымъ трудомъ. Но и въ такихъ условіяхъ жизни мужикъ все-таки сохранилъ добрыя стороны своего характера: нравственную стойкость, выносливость, незлобіе и пр. Въ изображеніи этихъ сторонъ народнаго характера видна не сентиментальность Григоровича, а его теплое, сердечное пониманіе жизни, души крѣпостного люда: «Въ грязномъ и грубомъ мужикѣ», говоритъ В. Острогорскій: «въ простой бабѣ онъ всегда видитъ человѣка, съ особенною любовью старается отыскать въ нихъ все хорошее и рядомъ съ картинами и образами потрясающими, мрач-

ными любитъ изображать трогательныя сцены семейнаго счастія и радости («Пахарь», «Четыре времени года», «Свѣтлое Христово Воскресеніе», «Прохожій»), характеры сильные и привлекательные, полные любви, кроткаго незлобія и терпѣнія Представленіе русскаго простонародія съ его свѣтлыхъ сторонъ, привлекающихъ къ себѣ читателя, составляетъ яркую особенность симпатичнаго таланта Дмитрія Васильевича» *).

У Григоровича разумное, а не сентиментальное, Карамзиновское преклоненіе предъ положительными сторонами характера крестьянъ. Всѣ лучшія свойства простолюдина: сила вѣры, кротость, чистота помысловъ, расчетливость, любовь къ хозяйственному порядку и т. п. не составляютъ его природнаго дарованія, а находятъ себѣ объясненіе въ условіяхъ его земледѣльческаго быта. Его «пахарь» постольку и хорошъ, поскольку онъ крестьянинъ; его Глѣбъ Савинычъ («Рыбаки») потому именно и хорошъ, что въ своемъ лицѣ воплощаетъ все лучшее въ крестьянскомъ и рыбачьемъ быту, среди котораго онъ выросъ и живетъ; его Алеша («Прохожій») потому и образцовый мужъ, и примѣрный сынъ, что не тронутъ городскою и фабричною жизнью и т. д. Наоборотъ, Карпъ (въ «Деревнѣ») потому и негодяй, что весь пропитанъ атмосферою миткалевой фабрики. Это прототипъ подобныхъ лицъ въ другихъ повѣстяхъ Григоровича: торгашей, фабричныхъ гулякъ, подобныхъ пріемышу Гришкѣ Загару (въ «Рыбакахъ») и др.

Къ внѣшнимъ особенностямъ таланта Григоровича

*) «Двадцать біографій»... Стр. III.

относится его склонность къ жанру, къ художественному описанію прелестей и красотъ сельской природы. Разнообразные ландшафты природы описаны у него до мельчайшихъ деталей; такъ сказать, ароматъ сельской природы чувствуется въ каждомъ простонародномъ произведеніи Григоровича, особенно въ «Антонѣ Горемыкѣ», «Переселенцахъ» и «Четырехъ временахъ года».

Другою внѣшнею особенностію произведеній Григоровича является обиліе этнографическаго матеріала, подобно разсказамъ Даля. Часто этнографическій элементъ повѣсти совершенно заслоняетъ собою самое повѣствованіе, напр., въ повѣсти: «Прохожій».

Конечно, талантъ Григоровича не безъ крупныхъ недостатковъ. Къ нимъ относятся растянутость въ изложеніи, искусственные эффекты, отсутствіе истиннаго юмора, къ которому тѣмъ не менѣе Григоровичъ часто прибѣгаетъ; мѣстами мелодраматичность нѣкоторыхъ сценъ, особенно въ большихъ произведеніяхъ (припомнимъ, напр., деревенскую идиллію на озерѣ въ «Рыбакахъ») и т. п.

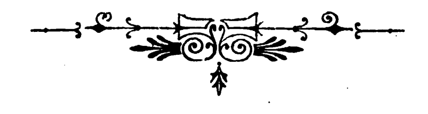
Что же касается историческаго значенія народныхъ произведеній Григоровича, то оно неоцѣнимо. Этими произведеніями Григоровичъ отвлекъ нашу литературу отъ ея замкнутой жизни среди интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества и ввелъ ее въ кругъ интересовъ простонародной жизни. Въ отношеніи же крѣпостного права сочиненія Григоровича имѣли значеніе, аналогичное съ значеніемъ извѣстной «Хижины дяди Тома» Бичеръ Стоу. Особенно такое значеніе выпало на долю «Антона Горемыки». «Историческое значеніе, «Антона Горемыки», говоритъ Венгеровъ: «вообще не меньше «Записокъ Охотника». Уступая имъ въ художественныхъ достоинствахъ и въ глубинѣ народной

психологіи, «Антонъ Горемыка» яснѣе и непосредственнѣе обрисовалъ ужасы крѣпостного права. Если возводить 19-е февраля къ его литературному генезису, то слезы, пролитые надъ «Антономъ Горемыкою», занимаютъ въ немъ такое же почетное мѣсто, какъ чувство глубокаго уваженія къ народу, которое читателя «Записокъ Охотника» приводило къ убѣжденію, что народъ достоинъ свободы» *).

Въ заключеніе нашей замѣтки не можемъ не указать на ту беззавѣтную любовь къ родному словесному искусству, какою отличался умершій писатель. Любовь эта помогла таланту Григоровича выбраться изъ неблагопріятныхъ условій его дѣтства и юношества и во всю жизнь его свѣтила ему отраднымъ маякомъ «Я всегда», говоритъ Д. В. Григоровичъ: «съ чувствомъ глубочайшей благодарности обращаюсь къ Промыслу, направившему меня съ юности къ литературнымъ занятіямъ. Любовь къ литературѣ была моимъ ангеломъ-хранителемъ; она пріучила меня къ труду, она часто служила мнѣ лучше разсудка, предостерегая меня отъ опасныхъ увлеченій; ей одной, наконецъ, обязанъ я долей истиннаго счастья, испытаннаго мною въ жизни» («Литер. воспомин.»).

М. Дроздовъ.

Рязань
28 декабря 1899 г.

*) «Энциклопед. словарь». Брокгауза. Т. IX, стр. 720.

О „ФАУСТѢ“ ГЁТЕ *).

I

Я буду говорить о трагедіи Гёте: «Фаустъ». Мое намѣреніе можно назвать смѣлымъ и, пожалуй, дерзкимъ. Болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ Тургеневъ, въ статьѣ, посвященной «Фаусту», писалъ: «приступая къ разбору великой трагедіи, мы чувствуемъ нѣкоторую невольную робость... мы знаемъ сами, какой великій трудъ мы взяли на себя» **). Если такъ выражался знаменитый писатель, то что же сказать мнѣ? Остается только предупредить, что сегодня не можетъ быть рѣчи о разборѣ «Фауста» или о новой точкѣ зрѣнія на него. Я хочу лишь, опираясь на нѣкоторыя важнѣйшія изъ безчисленныхъ комментаріевъ и на собственныя впечатлѣнія, поговорить о томъ, какъ читатели и критики относятся къ трагедіи Гёте и предложенному въ ней разрѣшенію великой проблемы жизни.

II

Фаустъ пользуется замѣчательной популярностью. Достаточно сказать, что на одномъ русскомъ языкѣ насчитывается болѣе семидесяти переводовъ всей трагедіи и отдѣльныхъ ея сценъ ***). Оперная передѣлка

---

*) Соч. И. С. Тургенева, изд. Маркса (приложен. къ «Нивѣ» т. XII стр. 219. Критическія статьи и рѣчи. По поводу «Фауста» — въ переводѣ Вронченко. Спб. 1884 г.).

**) «Отечеств. Зап.» 1845 г. № 1.

***) Ср. Гіальмаръ Бойезенъ. «Фаустъ» Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Перев. Н. В. Арскаго. Спб. 1899. Faustiana стр. 293.

первой части «Фауста» сдѣлала его имя знакомымъ для людей, равнодушныхъ къ нѣмецкой литературѣ. Среди читателей «Фауста» замѣчается неодинаковое отношеніе къ обѣимъ частямъ трагедіи. Въ то время, какъ о первой отзываются иногда съ восторгомъ, вторую обыкновенно считаютъ непонятной и запутанной,—далеко несовершеннымъ созданіемъ престарѣлаго поэта. Такое отношеніе естественно и вполнѣ понятно. Вторая часть наполнена символами и туманными для непосвященнаго читателя аллегоріями. Но нельзя сказать, чтобы и первая часть была вполнѣ ясной. Въ первыхъ монологахъ Фауста—много намековъ и даже противорѣчій. Обстановка, при которой происходитъ дѣйствіе, требуетъ для полнаго пониманія знанія особенностей средневѣковой культуры и современной поэту жизни. Однако эпизодъ первой части, увлеченіе Фауста Гретхенъ, настолько реаленъ и художественъ, что цѣликомъ поглощаетъ вниманіе и оставляетъ на второмъ планѣ глубокомысленныя идеи монологовъ.

Какъ бы то ни было, обѣ части трагедіи, взятыя въ цѣломъ, производятъ впечатлѣніе чего-то неодолимо громаднаго, неяснаго и подавляющаго массой мыслей и образовъ. Льюисъ, авторъ «Жизни Гёте», говоритъ: «Немного найдется людей, которые бы при первомъ чтеніи «Фауста» не были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ... Я остался недоволенъ «Фаустомъ», когда прочиталъ его въ первый разъ. Не понявъ истиннаго его значенія и не находя въ немъ удовлетворенія своихъ личныхъ требованій, я заключилъ, что это есть произведеніе неудавшееся... Многіе, даже высокообразованные, люди высказывали иногда о «Фаустѣ» неодобрительное мнѣніе... Это произведеніе не есть нѣчто цѣлое», говоритъ Кольриджъ: «а состоитъ изъ ряда сценъ,

которыя смѣняются предъ вами, какъ китайскія тѣни, и большая часть изъ нихъ, по моему мнѣнію, очень слаба... «Когда впослѣдствіи», продолжаетъ Льюисъ: «я сталъ читать «Фауста» въ оригиналѣ, онъ постепенно предсталъ предо мной во всемъ своемъ величіи, и теперь онъ производитъ на меня такое обаяніе, которое ни съ чѣмъ инымъ сравнить нельзя, какъ развѣ съ той безграничной и неизсякаемой любовью, какую мы питаемъ къ тому, что уже издавна намъ дорого, въ чемъ все дышетъ для насъ особенной таинственной прелестью *). Льюисъ утверждаетъ, что большинство великихъ произведеній искусства подвержено той же участи, какъ и картины Рафаэля, напримѣръ, не оправдываютъ при первомъ взглядѣ на нихъ нашихъ ожиданій. Конечно, человѣку свойственно въ воображеніи своемъ преувеличивать достоинство расхваленныхъ и прославленныхъ предметовъ и потомъ при встрѣчѣ съ дѣйствительностью разочаровываться. И по отношенію къ Гётевскому «Фаусту» разочарованіе это въ особенности естественно. Все говоритъ въ пользу того мнѣнія, что трагедія въ цѣломъ не имѣетъ эстетическаго единства и производитъ даже антихудожественное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это можно заглушить только серьезнымъ изученіемъ содержанія, чтеніемъ, сопровождаемымъ разнообразными комментаріями, которыя помогутъ прослѣдить за развитіемъ идеи. Давно, еще при жизни самого Гёте, чувствовалась потребность въ комментаріяхъ къ «Фаусту». Глубокомысленныя толкованія и тогда уже доходили до абсурдовъ: напримѣръ, сцену съ Гретхенъ въ темницѣ истолковывали, какъ символическое изобра-

*) Д. Г. Льюисъ. «Жизнь Вольфгана Гёте». Перев. подъ редакціей Невѣдомскаго. Спб. 1867. т. II, стр. 261—263.

женіе христіанской догматики, при чемъ въ сьязкѣ ключей видѣли символъ гоненій самопомощи, а въ ночникѣ эмблему поверхностнаго просвѣщенія ума *). Самъ Гёте признавалъ въ трагедіи много «сокровеннаго» и неоднократно потѣшался, когда замѣчалъ, что читатели и толкователи ломали надъ ней головы. Новѣйшіе критики, правда, достаточно уже выяснили дѣло, но между ними до сихъ поръ еще не царитъ согласія во взглядахъ на смыслъ отдѣльныхъ сценъ.

Критика главнымъ образомъ и создала вокругъ «Фауста» ореолъ величавой таинственности. Встрѣтивъ человѣка, приходящаго въ восторгъ отъ «Фауста», слѣдуетъ относиться къ нему осторожно. Весьма возможно натолкнуться на любопытный въ бытовомъ и психологическомъ отношеніяхъ фактъ внушенія, гипнотизаціи, подъ вліяніемъ моды или мудрыхъ разборовъ, которые «неистолкуемымъ даютъ смыслъ вещамъ». Примѣромъ подобной гипнотизаціи можетъ служить отношеніе читателей къ образу Гретхенъ. Романтическіе юноши 30 хъ и 40-хъ годовъ видѣли въ Гретхенъ прелестный символъ стыдливой невинности и молодости, идеалъ доброй нѣмецкой дѣвушки. Быть похожей на Гретхенъ считалось великимъ счастьемъ для сентиментальной нѣмки. Пожалуй, и теперь еще идеализируютъ Гретхенъ. Уже Тургеневъ довольно осторожно называетъ ее «нѣсколько глупой». Новѣйшій же критикъ, проф. Овсянико-Куликовскій, предлагаетъ болѣе сильный эпитетъ: «непроходимо глупа». «Образъ чистой и поэтической Гретхенъ, по его словамъ, есть одинъ изъ литературныхъ миѳовъ, возникшихъ на почвѣ «культа Гёте»:

*) Куно Фишеръ: «Фаустъ» Гёте. «Возникновеніе и составъ поэмы». Перев. Городецкаго. М. 1887. стр. 10.

его нѣтъ въ знаменитой трагедіи великаго мыслителя,— тамъ на его мѣстѣ находится нѣчто совсѣмъ другое,— фигура, въ которой нѣтъ и тѣни поэзіи, и которая годится только для мѣщанской мелодрамы или для уголовной хроники» *). Такъ измѣняются времена и нравы. Подобныя рѣзкія мнѣнія о трагедіи, кромѣ Овсянико-Куликовскаго, высказываетъ еще Дюрингъ въ книгѣ: «Великіе люди въ литературѣ».

Чѣмъ же объяснить нехудожественность произведенія одного изъ величайшихъ поэтовъ? Это не трудно. Прежде всего нужно отмѣтить, что «Фаустъ» былъ написанъ не въ короткій промежутокъ времени, а въ теченіе 57 лѣтъ (1774—1831). Начатый жизнерадостнымъ юношей, онъ былъ законченъ старцемъ, «свершившимъ въ предѣлѣ земномъ все земное». Перемѣна міровоззрѣній геніальнаго поэта, измѣненія настроеній и вкусовъ не могли не отразиться на планѣ произведенія. Но глубокая связь «Фауста» съ жизнью самого поэта не лишаетъ трагедію внутренняго логическаго единства и даже, напротивъ, даетъ единственный вѣрный ключъ для объясненія.

Во-вторыхъ, Гёте былъ въ зависимости отъ формы изложенія, добровольно имъ избранной. Мысли о «Фаустѣ» явились подъ вліяніемъ кукольной комедіи, которую поэтъ видѣлъ въ дѣтствѣ,—народныхъ книжекъ, излагавшихъ легенду объ ученомъ докторѣ, продавшемъ черту душу, и переработокъ этой легенды у нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ писателей. Пьеса была задумана въ формѣ средне-вѣковой мистеріи, для постановки на сценѣ не предназначалась и потому допускала полную сво-

*) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева». Харьковъ. 1896 г. Стр. 141. Примѣч.

боду въ расположеніи сценъ. Мы знаемъ, что Гёте не разъ измѣнялъ порядокъ сценъ, прибавлялъ новыя и даже, просто для заполненія мѣста, вставилъ въ Вальпургіеву ночь эпиграммы, которыя были предназначены совершенно для другой цѣли и никакого отношенія къ «Фаусту» не имѣли. Вообще трудно представить себѣ другого поэта, болѣе независимо и даже презрительно относящагося къ читателю.

Наконецъ, особенность поэтическаго таланта Гёте и широкая задача, разрѣшить которую онъ пытался въ «Фаустѣ», необходимо должны были поставить въ затруднительное положеніе самого поэта и обратить его произведеніе въ нѣчто неудобопонимаемое и антихудожественное. Гёте былъ лирикъ по преимуществу. Эпическая и драматическая форма большей частью ему не удаются и привлекаютъ только лиризмомъ, отраженіемъ богатаго думами и чувствами міра автора. Если бы Гёте рѣшился въ доступной пониманію формѣ разсказать согласно своему замыслу о фазисахъ духовнаго развитія и приключеніяхъ Фауста, то трагедія его приняла бы громадные размѣры, потребовала бы нѣсколькихъ томовъ. Поэтому пришлось прибѣгнуть къ символамъ и при ихъ помощи изображать увлеченія Фауста чувственной жизнью въ большомъ и маломъ свѣтѣ, занятія его классическимъ искусствомъ и т. п. Символъ— постоянный образъ, употребляемый вмѣсто предмета или явленія,—пріемъ хорошій, если пользоваться имъ осторожно. Символы должны быть общеприняты или легко раскрываемы. Если же смыслъ явленія самъ по себѣ неясенъ, а символъ для него выбранъ своеобразный, то получается такая путаница, предъ которой отступаетъ въ безсиліи читатель, а комментаторъ долженъ напрягать все свое остроуміе. Но то ли мы видимъ у совре-

менныхъ символистовъ, которые въ поискахъ за новой красотой творятъ имъ лишь понятные образы и при помощи словъ пытаются писать «пѣсни безъ словъ», какъ Бальматъ *). Итакъ, вы видите, мм. гг., что мнѣ «Фаустъ» кажется въ художественномъ отношеніи, которое выражается въ воздѣйствіи на чувство и воображеніе, произведеніемъ слабымъ и неудачнымъ. Я оставляю въ сторонѣ достоинство и обаяніе немногихъ отдѣльныхъ сценъ.

III

Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ популярность трагедіи, увлеченія ею, искреннія и неискреннія? Одной ли только гипнотизаціей критики? Не думаю. Внушеніе должно имѣть себѣ точку опоры въ нашемъ сознаніи. Произведенія искусства дѣйствуютъ не на одно наше чувство, но и на умъ. Они не только услаждаютъ наши досуги, но и научаютъ, возбуждаютъ работу мысли и руководятъ ею. Наука стремится свести къ опредѣленнымъ, постояннымъ законамъ явленія природы и жизни человѣка. Ученый, по удачному выраженію Шиллера: «sucht den ruhenden Pol in der Erscheinungen Flucht **). Серьезное искусство идетъ по тому же пути. Художественный образъ, типъ—это постоянная величина въ потокѣ явленій. Отъ научнаго обобщенія онъ отличается только формой, но не значеніемъ. Художественный типъ можно назвать вопло-

*) «Пѣсня безъ словъ»—«Ландыши, лютики, ласки любовныя» и т. д.

**) Стихотв. «Spaziergang».

щенной мыслью, отвлеченнымъ понятіемъ въ живомъ, конкретномъ образѣ. Законы, къ которымъ сводятся явленія природы, довольствуются сухими математическими формулами, говорящими для посвященнаго понятнымъ языкомъ. Иначе обстоитъ дѣло въ болѣе намъ близкой и потому болѣе сложной области индивидуальныхъ и соціальныхъ явленій человѣческаго духа. Здѣсь не менѣе необходимы широкія обобщенія, законы, но они, къ сожалѣнію, пока еще не укладываются въ отвлеченныя формулы. Приходится обобщенія дѣлать въ болѣе или менѣе живыхъ, постоянныхъ образахъ. Образы эти тѣмъ болѣе цѣнны, что понятны не для посвященныхъ только, но для всѣхъ воспріимчивыхъ и мыслящихъ людей. Художественное творчество—это особый видъ познавательной дѣятельности. При помощи образовъ мы собираемъ, классифицируемъ, обобщаемъ явленія духа или, употребляя научный терминъ, апперцепируемъ дѣйствительность. Роль художественныхъ образовъ въ познаніи напоминаетъ въ значительной степени тѣ схемы и наглядныя настроенія отвлеченныхъ формулъ, къ которымъ прибѣгаетъ математическій анализъ. Они поясняютъ выводы, даютъ возможность подмѣчать въ нихъ новыя стороны и сберегаютъ умственную энергію, избавляя человѣка отъ необходимости всякій разъ продѣлывать процессъ обобщенія самостоятельно *). Въ литературѣ насчитывается много художественныхъ типовъ, представляющихъ собою схемы жизненныхъ явленій и дающихъ имъ объясненіе. Таковы частные, національные типы Ахилла, Одиссея, Рудина, Татьяны. Таковы болѣе широкіе, общечеловѣческіе типы Гамлета, Отел-

---

*) Ср. «Жизнь». За май 1899 г. ст. Овс.-Куликовской «А. С. Пушкинъ, какъ художественный геній».

ло, Донъ-Кихота, Донъ-Жуана, Прометея. Мы легко помнимъ, какія явленія духа воплощены въ нихъ: они намъ такъ же понятны, какъ математикамъ и химикамъ ихъ буквенныя формулы и условныя построенія. Къ числу такихъ типовъ принадлежатъ образы, созданные Гёте: Фаустъ, Мефистофель, Вагнеръ, Гретхенъ. Трое послѣднихъ, при всей ихъ художественной широтѣ и правдѣ, интересуютъ насъ менѣе Фауста. Образъ Фауста затрогиваетъ больше струнъ въ душѣ современнаго человѣка. Въ немъ сконцентрированы всѣ тревоги, разочарованія, мысли, чувства и поступки европейца XIX вѣка. Фаустъ пытается разрѣшить проблему жизни, какъ ее понимали и ставили въ началѣ вѣка. Онъ начинаетъ съ разочарованія въ силѣ знанія, покушается на самоубійство и, наконецъ, заключаетъ договоръ съ Мефистофелемъ, обѣщая ему свою душу за мгновенье личнаго счастья, которое удовлетворило бы его, которому онъ могъ бы сказать: «Постой, прекрасно ты!»

Фаустъ при помощи духа отрицанія проходитъ длинный путь въ поискахъ за этимъ мгновеньемъ и лишь въ глубокой старости находитъ его въ трудѣ на пользу милліонамъ ближнихъ, въ желаніи дать «свободнымъ людямъ свободный край въ владѣнье». Современный человѣкъ, какъ «Фаустъ», впадаетъ въ пессимизмъ, ищетъ абсолютнаго знанія и личнаго счастья, проходитъ путь чувственныхъ увлеченій и отрицаній, но проблему жизни онъ не всегда рѣшаетъ, подобно Фаусту. Собственно говоря, рѣшеніе послѣдняго неособенно удачно и плохо мотивировано. Вѣрнѣе сказать—это не рѣшеніе проблемы, а сознаніе своего безсилія предъ ней, или, пожалуй, ловкая попытка взять вѣрный курсъ при плаваніи по «житейскому морю». Трудъ на пользу ближ-

нихъ есть самоотреченіе, а ограничивать себя, не думать о личныхъ интересахъ значитъ только или откладывать до будущей жизни моментъ личнаго удовлетворенія или стараться забыть объ этой мучительной потребности. Самоотреченіе христіанское имѣетъ смыслъ, потому что опирается на блага царствія небеснаго; самоотреченіе же Фауста не имѣетъ достаточныхъ основаній. Невольно напрашивается возраженіе: хорошо, будемъ жертвовать собой, но къ чему же это поведетъ? Неудивительно, что рѣшеніемъ Фауста многіе не удовлетворяются. Оно отсутствуетъ въ легендѣ, послужившей зерномъ для трагедіи Гёте; нѣтъ его и въ обработкахъ легенды Марло, Клингеромъ и другими. У нихъ Фаустъ въ концѣ концовъ попадаетъ въ руки дьявола. Ленау, написавшій послѣ Гёте поэму о Фаустѣ, заставляетъ его кончить жизнь самоубійствомъ, вслѣдствіе сознанія полной неудовлетворенности жизнью. Другіе предпочтутъ Фаусту «сверхчеловѣка» Нитче, который теперь вошелъ въ моду. Этотъ, по крайней мѣрѣ, мыслитъ до конца и въ поискахъ за мгновеньемъ счастья ставитъ себя выше общепризнанной морали, отрицаетъ благо блажнихъ и замыкается въ эгоистическомъ самодовольствѣ. Замѣчательно, что не одинъ Фаустъ, но и другой родственный ему мировой типъ, Прометей, кончаетъ въ литературной обработкѣ миѳа Эсхиломъ свою титаническую борьбу примиреніемъ. Даже матеріалиста и сластолюбца Донъ-Жуана нашъ русскій поэтъ гр. Алексѣй Толстой пытался спасти отъ мукъ ада. Человѣку болѣе свойственъ оптимизмъ, чѣмъ пессимизмъ. Господь въ «Прологѣ къ Фаусту» говоритъ: «Знай: чистая душа въ своемъ исканьи смутномъ сознаньемъ истины полна». Въ этихъ словахъ можно видѣть главную идею всей трагедіи Гёте. Безсознательно, смутно онъ чувствуетъ въ

духовномъ мірѣ человѣка такую же гармонію и подчиненіе цѣлесообразнымъ законамъ, какіе находитъ въ планетной системѣ, картину которой рисуетъ въ началѣ трагедіи:

«Звуча въ гармоніи вселенной
И въ хорѣ сферъ гремя, какъ громъ,
Златое солнце неизмѣнно
Течетъ предписаннымъ путемъ;
И крѣпнетъ сила упованья
При видѣ творческой руки.
Творецъ, какъ въ первый день созданья,
Твои творенья велики!

Эпилогъ «на небесахъ» дополняетъ ту же мысль: «лишь символъ все, что Богъ творитъ въ земномъ, тѣлесномъ мірѣ: святая истина царитъ въ небесномъ лишь эѳирѣ».

Итакъ, мы видимъ, что въ образѣ Фауста конкретно выраженъ законъ нашей внутренней жизни, по которому мы должны въ своемъ развитіи, въ поискахъ за личнымъ счастьемъ, испытать рядъ заблужденій и разочарованій. Въ этомъ великое значеніе и причина необычайной популярности Фауста. Фаустъ—типъ космополитическій. Легенда о немъ въ основныхъ чертахъ возникла въ глубокой древности и прошла всю Европу отъ Испаніи и Англіи до Польши и Россіи. Древнюю Грецію можно бы олицетворить въ образѣ атлета и пытливаго юноши, средніе вѣка дали монаха и рыцаря, XVIII-й вѣкъ создалъ раціоналиста философа и демократа, XIX же узнаетъ себя въ Фаустѣ, который съ чертами идеала прежнихъ вѣковъ соединяетъ еще пессимизмъ, безпокойство и тревожную борьбу за счастье *).

*) Ср. Бойезенъ. Предисл. переводчика.

Хотя Фаустъ не могъ удовлетворительно рѣшить проблемы жизни и создалъ только оптимистическую гипотезу, но все же большинство идетъ по его пути и въ результатѣ приходитъ къ самоограниченію и самоотреченію. При незнаніи конечной цѣли человѣка и всего міра, послѣ отказа отъ абсолютнаго знанія причины явленій, разумнѣе всего будетъ опираться на положительное знаніе, познавать міръ въ доступныхъ предѣлахъ опыта и наблюденія. Цѣлью проявленій воли нужно избрать содѣйствіе общему благу, потому что въ природѣ силы созидающія преобладаютъ надъ силами разрушающими. Могучей необходимости, року древнихъ, человѣкъ не можетъ противопоставить большей силы. Единственное спасеніе его итти по пути необходимости, свои мысли согласовать съ законами природы, не презирать міра, а познавать его *), утѣшая себя иллюзіей свободы дѣйствій, которая является при такомъ оборотѣ дѣла. Новый Фаустъ предъ началомъ XX вѣка, переживъ духовныя муки стараго Фауста, все же будетъ неустанно стремиться впередъ и въ участіи въ вѣчномъ міровомъ движеніи найдетъ оправданіе своей жизни. Онъ скажетъ словами поэта:

«Духомъ свободный, хотя бы въ цѣпяхъ были руки,
Я о прощеньи своемъ никого не молю,
Вѣрую въ разумъ, надѣюсь на силу науки
И человѣка, откуда бъ онъ ни былъ, люблю».

В. С. Рыбинскій.

*) «Wonach soll man am Ende trachten?» —спрашиваетъ въ одномъ стихотв. Гёте и отвѣчаетъ: «Die Welt zu kennen und nicht zu verachten».

ВАРШАВСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ НАУКЪ *).

Среди ученыхъ обществъ Общество любителей наукъ, существовавшее въ Варшавѣ въ первыя три десятилѣтія настоящаго вѣка и по первоначальнымъ задачамъ своимъ бывшее своимъ преимущественно какъ бы филологическимъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе какъ кругомъ и характеромъ своей дѣятельности, такъ и его судьбой.

Начало его относится ко времени, когда Варшава, послѣ раздѣловъ Польши, находилась подъ прусскимъ господствомъ.

Прусскимъ правительствомъ круто производилось онѣмеченіе новопріобрѣтеннаго польскаго края: повсюду сажались здѣсь прусскіе чиновники, снаряжались и отпускались сюда колонисты, вводились нѣмецкіе уставы, порядки, языкъ. У высшихъ классовъ населенія весьма скоро образовалась наклонность предпочитать нѣмецкую рѣчь польской, между тѣмъ какъ великосвѣтская польская молодежь, получившая модное французское воспитаніе, предпочитала все французское.

Оказать поддержку польскому языку и національной культурѣ поставилъ въ Варшавѣ своею задачею особый кружокъ.

---

*) Изъ изслѣдованія, которое, помѣщаясь сначала въ видѣ частныхъ монографій, преимущественно въ «Варш. Университетскихъ Извѣстіяхъ», выйдетъ потомъ отдѣльною книгой; тамъ указывается и литература предмета; изслѣдованіе сопровождается томомъ приложеній, собраніемъ новыхъ документовъ.

По утратѣ Польшею самостоятельной политической жизни, въ нѣкоторой части польскаго общества, въ противодѣйствіе новому положенію и теченіямъ, пробуждалось сознаніе о необходимости усиленія просвѣщенія. Мысль однихъ уносилась въ прошедшее, казавшееся заманчивымъ и блестящимъ, и они старались сохранить отъ утраты и забвенія памятники польской литературы, пріобрѣтали ихъ; другіе думали о развитіи и процвѣтаніи литературы современной, иные считали своею обязанностію распространеніе литературы и научныхъ познаній между своими собратьями. Призывы о сохраненіи и развитіи польскаго языка, польской науки и литературы, объ установкѣ національнаго воспитанія, отличаясь экзальтированностью, должны были находить себѣ удобную почву особенно въ Польшѣ прусской, усиленно подвергавшейся нивелировкѣ и денаціонализаціи; здѣсь же была прежняя столица, въ которой предъ тѣмъ сосредоточивалась политическая и культурная жизнь народа, и въ которой осѣдали теперь также и наиболѣе крѣпкіе остатки польскаго общества, которые, сообразуясь съ новыми условіями, мало-помалу начинали группироваться въ новыя сочетанія.

Въ противоположность офранцуженной молодой элегантной компаніи, стекавшейся, для веселья, во флигель Варшавскаго королевскаго замка, носившій названіе „Подъ бляхой“ и занимаемый племянникомъ бывшаго короля кн. Іосифомъ Понятовскимъ, чисто польское общество собиралось у Станислава Солтыка. Этотъ поддерживалъ національную сцену, и его же домъ послужилъ мѣстомъ зарожденія учено-литературнаго Общества, на почвѣ національно-польской.

4 (16) ноября 1800 года собравшимися здѣсь гостами былъ набросанъ списокъ желательныхъ членовъ-учредителей этого будущаго Общества и намѣчены были принципы и правила для его дѣятельности. Въ число основателей записи епископа зенополитанскаго Яна Альбертранди, кн. Адала-

ма Чарторыскаго, графовъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ, Солтыка, Сташица, Дмоховскаго, кс. Воронича, кс. Осинскаго, Снядецкаго, Чацкаго и др. лицъ, извѣстныхъ своими печатными или педагогическими трудами, или виднымъ положеніемъ, вообще признаваемыхъ пригодными для намѣченной задачи, — „побуждать занимающихся науками и литературой излагать и распространять полезныя свѣдѣнія на родномъ языкѣ и тѣмъ самымъ уберечь его отъ погибели и все дальше его совершенствовать“.

Зарождавшееся учрежденіе приняло названіе Общества любителей наукъ. По сходству стремленій оно вошло въ тѣсное общеніе съ варшавскою общиной кс. піаровъ, чрезъ воспитаніе юношества, проповѣди, составленіе и изданіе книгъ пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ краѣ. Первое частное засѣданіе Общества состоялось (23 ноября н. с.) въ піарской библіотекѣ, на Долгой улицѣ (нынѣ русскомъ соборномъ домѣ). Заявилось на засѣданіе до 14 человѣкъ. Епис. Альбертранди произнесъ обширную рѣчь.

Выразивъ надежду, что подъ воздѣйствіемъ возникающаго Общества можетъ возвратиться тотъ вѣкъ польской литературы, которымъ прославились времена двухъ Сигизмундовъ, и что на умы, составляющіе это Общество, безсмертная слава именитыхъ въ наукѣ произведетъ то же вліяніе, какъ и побѣдоносные знаки Мильтіада, ораторъ говорилъ: „Не будемъ допускать, чтобы у насъ выскользнулъ изъ рукъ этотъ единственный способъ удержанія чести нашей старинной славы...; сохранимъ же эту славу, пріобрѣтенную точною, изящною и обширною наукою, не испытавшею еще ущерба отъ какой-либо случайности... Совѣты по выборамъ, публичные съѣзды, политическія собранія, высшее судопроизводство, гражданская жизнь, законодательныя занятія у васъ отняты; нельзя даже думать о томъ, чтобы могли, посредствомъ ихъ, составлять честь для вашего отечества и быть ему полезнымъ,

какъ это бывало прежде... Живая сила чувствъ однако существуетъ; имѣются страсти, утвердившіяся отъ обыкновенія и требующія пищи: единственная не заподозриваемая пища ихъ можетъ состоять въ наукахъ и искусствахъ. Вотъ это-то — цвѣты, не увядшіе въ продолженіе вѣковъ; ими только, ими можетъ быть вами осыпанъ достойный почитанія мавзолей отечества!"

Рѣчь, по обычаю того времени, была уснащена многочисленными цитатами, показывавшими внѣшнюю ученость оратора; но проведенная въ ней мысль, что потеря народомъ самостоятельности и перемѣна правительства еще не уничтожаютъ народа и не могутъ и не должны препятствовать успѣхамъ въ наукахъ и просвѣщеніи, была понята собраніемъ.

Родившійся въ Варшавѣ, въ итальянской семьѣ, сроднившійся съ Польшей, хотя и далекій отъ современности, Альбертранди (1731—1808), знавшій древніе языки и производившій компиляціи по исторіи старины, непомѣрно идеализируя ее, представлялъ собою среди присутствовавшихъ главную ученую силу, и они избрали его предсѣдателемъ Общества.

При открытіи перваго публичнаго засѣданія Альбертранди снова заговорилъ о польскомъ языкѣ, объ его достоинствахъ и о проистекавшихъ отсюда задачахъ для Общества. „По истинѣ", говорилъ онъ: „достойно людей, любящихъ науку, стараніе сохранить отъ гибели языкъ, который, чрезъ посредство другихъ, родственныхъ съ нимъ, языковъ простирается отъ Новой Земли до Венеціи, отъ Рагузы до границъ Китая, — языкъ, имѣющій качество, не принадлежащее ни одному изъ живыхъ языковъ, именно, что онъ 300 и даже болѣе лѣтъ тому назадъ былъ обработанъ, усовершенствованъ и въ употребленіи одаренъ неизмѣнностію". Тогда какъ большая часть европейскихъ народовъ едва мо-

жетъ понимать собственныхъ писателей, относящихся къ тѣмъ вѣкамъ, и свою рѣчь стараются они усовершенствовать лишь чрезъ удаленіе отъ говора своихъ предковъ, польскіе авторы дѣлаются тѣмъ лучшими, чѣмъ сходнѣе пишутъ съ образцами того времени. „Полякъ, въ своихъ литературныхъ сочиненіяхъ приближающійся къ Буднымъ, Гурницкимъ, Кохановскимъ и другимъ, жившимъ во времена двухъ первыхъ Сигизмундовъ, тѣмъ большую пріобрѣлъ бы славу, чѣмъ болѣе бы онъ сталъ въ сочиненіяхъ походить на нихъ".

Главною задачею Общества любителей наукъ потому должно быть, по опредѣленію предсѣдателя, сохраненіе такого языка и усовершенствованіе родной рѣчи, для осуществленія чего оно, какъ сообщилъ Альбертранди, считаетъ необходимымъ заняться отысканіемъ и изданіемъ древнихъ памятниковъ польской литературы, частію уже забытыхъ, частію скрывавшихся въ библіотекахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Но Общество желало также вызывать соотечественниковъ и на самостоятельную разработку научныхъ вопросовъ. Объявлено было, на томъ же первомъ засѣданіи, пять конкурсныхъ темъ; одна изъ нихъ касалась научныхъ заслугъ Коперника—личности, славою котораго особенно дорожило Общество.

Отвѣтъ на тему о Коперникѣ написалъ Янъ Снядецкій. Появляются диссертаціи, сочиненія членовъ, журналъ: „Ежегодники" (Roczniki), обнаружившій однако, какъ Общество было еще бѣдно надлежащими учеными и литераторами, и какъ ему трудно было справляться съ поставленной себѣ задачей. По прочтеніи первой книжки журнала, практическій Колонтай, обративъ вниманіе на разносоставность статей по предметамъ и слабость содержанія, написалъ (1803 г.) Снядецкому: „Я очень опасаюсь за Варшавское Общество; надлежало бы, чтобы это усердное собраніе опредѣлило себѣ точно предметы трудовъ и не переступало за

ихъ границы, иначе сборники его „Ежегодниковъ“ окажутся рынкомъ съ ветошью, на которомъ ничего нельзя достать новаго, а все только вещи вытцвѣтшія или передѣланныя изъ старья“. Съ болѣе выгодной стороны Общество могло показать себя на своихъ собраніяхъ, особенно торжественныхъ, гдѣ выступали члены, отличавшіеся краснорѣчіемъ; развивая въ своихъ рѣчахъ идеи о національномъ просвѣщеніи, они призывали къ высшей работѣ духа.

„Прочь отъ васъ, ученые мужи“, провозглашалъ гр. Станиславъ Потоцкій на засѣданіи 15 мая (н. с.) 1802 г.: „прочь отъ вашего общества убійственный духъ равнодушія, духъ боязливаго безсилія! Нѣтъ спору, что въ настоящее время труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было, сохранить въ Польшѣ славу языка и наукъ; но трудность исчезаетъ, и за вами останется благородная, смѣлая, славная заслуга, если только разъединенныя предъ тѣмъ старанія ваши вы объедините теперь въ одной цѣли. Предъ громадностію предпріятія останавливается слабый и малодушный... и кто ищетъ только легкаго, тотъ никогда не совершитъ ничего великаго... Прежде полякъ учился своему языку на основаніи обычая и потребности, и, если бъ даже не существовали болѣе этотъ обычай и потребность, онъ по обязанности долженъ былъ бы изучать его, возбуждаемый тѣмъ благоговѣніемъ, которое сама природа вливаетъ въ души добрыхъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, особенно, если они находятся въ несчастіи. И ранѣе занимался полякъ науками, въ которыхъ видѣлъ для себя одно изъ украшеній; тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ долженъ отдаться имъ теперь, чтобы въ нихъ себя прославить и обезсмертить ими свое имя: это единственный, оставшійся для него, путь славы“.

Другой ораторъ, ксендзъ Вороничъ, указавъ на необходимость, между прочимъ, составленія сборника пѣсенъ польскаго народа, обратился къ присутствующимъ (на засѣданіи

5 мая н. с. 1803 г.): „Да позволено будетъ намъ взывать о помощи ко всѣмъ вамъ, потомки исчезнувшихъ поляковъ, просить васъ и заклинать святостію праха отцовъ вашихъ, чтобы вы, при вашихъ стремленіяхъ и усиліяхъ удержать, расширить и увѣковѣчить ихъ память и славу, оставленныя вамъ, какъ самое дорогое наслѣдство, пособляли намъ тѣмъ по крайности способомъ, который остался въ нашихъ рукахъ. Съ такою цѣлію соединяйте во едино всѣ таланты, все, чтó свидѣтельствуетъ о завѣтныхъ памятникахъ и предпріятіяхъ вашихъ отцовъ. Даже вы (обращеніе къ артистамъ), которые при другихъ условіяхъ своимъ вкусомъ и знаніями доставляете музыкальному искусству такой почетъ, обратите его прелести и упоительную сладость въ средство для умиленія надъ почивающимъ прахомъ нашихъ отцовъ. Пусть эта славянская Эвтерпія, вмѣстѣ съ другими музами, разноситъ духъ и дѣянія поляковъ на всѣхъ лютняхъ, цитрахъ, струнахъ и органахъ".

„Вы, юноши, цвѣтущіе лѣторосли тѣхъ домовъ, которые умиляютъ насъ при одномъ воспоминаніи объ ихъ славѣ! ваше время, таланты, издержки вашихъ родителей могутъ ли быть употреблены съ большею пользой, какъ на изученіе и усвоеніе доблести, духа и обычаевъ вашихъ отцовъ? Но, увы! вы еще плакали въ колыбели, когда наша общая мать въ наслѣдство оставляла намъ горькое сиротство. И какъ вы о ней узнаете? Гдѣ насладитесь ея лицезрѣніемъ? Прочитывайте ежедневно первое открытіе нашего Общества, когда нашъ почтенный предсѣдатель и товарищъ научно и основательно, дѣяніями всего міра, доказалъ вамъ, что перемѣна правленія и политическаго строя еще не уничтожаетъ народъ"...

„Но чтó пользы во всѣхъ нашихъ стремленіяхъ, если ты, другая половина человѣческаго рода, вы, почтенныя матери и подростающія дѣвицы,—если вы хотя на минуту за-

будете о томъ, что вы—польки? Въ вашихъ рукахъ судьба этихъ поколѣній, въ которыя мы силимся перелить духъ народный. Какимъ предварительно заговорите съ ними языкомъ, какимъ вдохновите ихъ чувствомъ, какую назначите для нихъ границу славы, таковы и явятся они обывателями".

„Настоящія минуты", убѣждалъ (1804 г.) третій ораторъ: „когда мы свободны отъ военныхъ и административныхъ занятій, совершенно должны быть посвящены наукамъ. Пользуясь такими благопріятными обстоятельствами, наше Общество собираетъ, пишетъ, печатаетъ польскія книги, чтобъ изъ нихъ составить польскую памятную святыню... Наука впишетъ польское имя въ (вѣчную) книгу ученыхъ".

Научныя занятія эти должны быть однако не для науки самой по себѣ: они должны служить дѣлу народности, дѣлу будущаго: „Съ прошедшимъ", говорилъ въ Обществѣ Потоцкій: „связываетъ нашу жизнь воспоминаніе, съ будущимъ—надежда; изъ этого почти и слагается все наше настоящее счастіе".

Подобные призывы производили на слушателей сильное впечатлѣніе, возбуждая восторгъ и сочувствіе; рѣчь Воронича была прерываема рыданіями.

Обществу недоставало утвержденія со стороны правительства. Воспользовавшись посѣщеніемъ Варшавы Фридрихомъ Вильгельмомъ, оно преподнесло ему первыя работы своихъ членовъ, прося объ уполномоченіи заниматься научными трудами: „Его Величество король прусскій", получилось въ отвѣтъ (изъ Познани, 1 іюля 1802 г.): „весьма благосклонно принялъ диссертаціи и рѣчи, которыя Общество любителей наукъ въ Варшавѣ представило ему чрезъ своего президента Альбертранди, епископа зенополитанскаго, 25 числа прошлаго мѣсяца. Посему онъ даетъ названному Обществу совершенное подтвержденіе свое и убѣжденный, что оно не престанетъ стараться заслуживать покровительство его

съ удовольствіемъ завѣряетъ его въ томъ и проситъ Бога, чтобы Онъ имѣлъ его въ Своемъ святомъ и благомъ попеченіи“.

Общество не замедлило избрать въ свои почетные члены нѣкоторыхъ министровъ и другихъ высшихъ и наиболѣе вліятельныхъ правительственныхъ чиновниковъ. Такъ поступало оно и потомъ, по мѣрѣ перемѣнъ правленія, помѣщая въ свои списки французовъ, саксонцевъ и русскихъ, имѣвшихъ власть и вліяніе въ управленіи края или сильныхъ при дворѣ.

Когда, по учрежденіи Варшавскаго герцогства, управленіе имъ принялъ саксонскій король Фридрихъ Августъ, министръ юстиціи Лубеньскій, пользуясь своимъ положеніемъ при новомъ дворѣ, выхлопоталъ у него актъ, выданный уже въ формѣ королевскаго декрета (въ Дрезденѣ, 30 апрѣля н. с. 1808 г.), по которому Общество не только утверждалось въ существованіи для занятій надъ усовершенствованіемъ и обогащеніемъ польскаго языка, но пріобрѣтало еще право именоваться королевскимъ. Получивъ такой титулъ, Общество стало хлопотать о правѣ, по примѣру Берлинской академіи, обращать въ свое распоряженіе доходъ съ гербовыхъ сборовъ и избрало (29 іюня н. с.) себѣ административный совѣтъ изъ пяти членовъ („пентархію“), все изъ лицъ духовныхъ, возлагая на нихъ обязанности по управленію текущими дѣлами и заботы объ удовлетвореніи ближайшихъ нуждъ и потребностей учрежденія; совѣтъ былъ утвержденъ правительствомъ.

На свои засѣданія Общество продолжало собираться въ библіотекѣ кс. піаровъ. Обзавестись собственнымъ помѣщеніемъ помогъ ему Сташицъ. У варшавскаго капитуля онъ купилъ (24 ноября н. с. 1806 г.) на свое имя домъ, на чиншевомъ правѣ, за 4,800 злотыхъ или 800 талеровъ, и тогда же подарилъ его Обществу, съ тѣмъ же ограниченіемъ

права собственности, на какомъ пріобрѣлъ самъ, т.-е. съ обязательствомъ ежегодной чиншевой платы капитулу по 60 злотыхъ. Обществу отдавался домъ на все время существованія учрежденія, но оно не могло заключать никакихъ новыхъ сдѣлокъ, и, въ случаѣ закрытія его, подаренная ему недвижимость поступала во владѣніе кн. Александра Сапѣги или его наслѣдниковъ для устройства ими больницы для бѣдныхъ. Недвижимость эта находилась на улицѣ Канонія, по сосѣдству съ королевскимъ замкомъ; здѣсь Сташицъ, какъ потомъ сообщалось, отстроилъ залъ для публичныхъ собраній и нѣсколько комнатъ для еженедѣльныхъ засѣданій и зарождавшейся библіотеки и научныхъ коллекцій.

Прочнымъ основаніемъ для библіотеки послужило пожертвованіе кн. Александра Сапѣги, который подарилъ ей около 6,000 книгъ и записалъ на своихъ имѣніяхъ, въ августовскомъ воеводствѣ, 100,000 злотыхъ, проценты съ которыхъ, по 5,000 зл., должны были ежегодно въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1809 г.) итти на ея пополненіе. Вдовою доктора Лафонтена принесено было въ даръ оставшееся послѣ ея мужа собраніе медицинскихъ книгъ. Уже въ 1812 г. библіотека Общества состояла приблизительно изъ 15,000 томовъ, и она открывалась по два раза въ недѣлю для публики. Въ минералогическій кабинетъ, не достигшій, впрочемъ, значительныхъ размѣровъ и соотвѣтствія требованіямъ науки, вошло собраніе Сташица. Въ коллекціи древностей края самымъ виднымъ былъ вкладъ генерала. Домбровскаго.

Имущество и средства Общества, увеличивавшіяся, кромѣ пожертвованій, и обязательными членскими взносами, были таковы, что за сочиненія на объявляемыя имъ темы оно могло предлагать медали и преміи, и одна изъ такихъ темъ, которая была дана въ 1809 году, и за которой потомъ сама Прав. Коммиссія народнаго просвѣщенія признавала особый интересъ, носила заглавіе: „Какое было общественное

воспитаніе въ Польшѣ съ древнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ, и какое вліяніе имѣли перемѣны въ системѣ этого воспитанія на характеръ и обычаи населенія, а также на успѣхи и бѣдствія страны?"

Это было уже въ предсѣдательство Сташица.

Лицо духовное, ксендзъ, въ силу внѣшней необходимости, такъ какъ не шляхтичу въ Польшѣ не было движенія, Сташицъ (1755—1826), мѣщанинъ родомъ, получивъ образованіе въ Германіи и Парижѣ, по воззрѣніямъ былъ человѣкомъ совершенно свѣтскимъ—въ духѣ французскаго энциклопедизма, по научнымъ склонностямъ—натуралистъ; врагъ шляхетскаго самоуправства и демократъ по убѣжденіямъ, онъ болѣе всего думалъ объ улучшеніи быта и благосостоянія низшихъ классовъ населенія и о широкомъ просвѣщеніи своихъ соотечественниковъ. „Въ замыслахъ своихъ онъ радикальнѣе кого бы то ни было изъ современниковъ; но всѣ нововведенія проектируются сверху внизъ и имѣютъ задачею нравственную дрессировку призываемыхъ къ общественной дѣятельности массъ". „Въ жизни общественной и частной онъ, по опредѣленію другого біографа, былъ человѣкомъ либеральнымъ, но не анархистомъ, былъ за сильное правительство, стоялъ за свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за порядокъ,—чуждъ колебаній, хотя умѣлъ и ради общей пользы долженъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами времени".

На польскій національно-политическій вопросъ онъ смотрѣлъ съ общеславянской точки зрѣнія, подъ призмою борьбы между славянскими и германскими и вообще западными народами, въ польскомъ народѣ видѣлъ свѣточъ просвѣщенія, въ русскомъ—лучшую опору для поляковъ и всего славянства. Къ послѣднему онъ, впрочемъ, опредѣленнѣе подошелъ, когда звѣзда Наполеона померкла на поляхъ Россіи. По занятіи русскими войсками Варшавскаго герцог-

ства и въ эпоху Вѣнскаго конгресса онъ энергично и съ полною убѣжденностію провозглашалъ *) идею единенія всѣхъ славянъ подъ властью русскаго императора и безусловной необходимости для поляковъ соединенія съ Россіей и просвѣщенія. „Послѣ того какъ", писалъ онъ въ заключеніи своей политической брошюры этой поры: „послѣднія мои слова соотечественникамъ,—послѣ того, какъ Европа на этомъ славномъ судѣ народовъ (т. е. на Вѣнскомъ конгрессѣ) выразила по отношенію къ намъ полное равнодушіе, поставивъ на одну ступень наше существованіе и уничтоженіе, а воскреситель и первый по возрожденіи король нашъ указалъ намъ наше назначеніе—въ братствѣ съ русскими, въ соединеніи съ нашей древней славянской семьей,—не забывайте никогда, любезные соотечественники, этихъ моихъ послѣднихъ къ вамъ словъ: соединяйтесь и просвѣщайтесь (Łączcie się i oświecajcie się)!» Въ такомъ же направленіи онъ старался дѣйствовать на своихъ соотечественниковъ и потомъ. Къ членамъ, напримѣръ, одной изъ сеймовыхъ комиссій, пустившихся въ слишкомъ рѣзкія сужденія противъ правительства, Сташицъ, присутствовавшій на засѣданіи, не стѣснился обратиться со словами: „Ради Бога, господа, образумьтесь: вы возобновляете съ престоломъ ссоры и споры тѣхъ давнихъ польскихъ сеймовъ, которые погубили Польшу. Бога ради, вспомните, кѣмъ вы недавно были. Насъ завоевали, и мы не существовали; великодушный императоръ поднялъ насъ, одарилъ привилегіями, какихъ только мы сами себѣ могли пожелать. Едва возвращенные къ жизни, мы, вмѣсто того, чтобы выказывать благодарность и разумное послушаніе, возстаемъ, волнуемся—и противъ кого и

*) Въ брошюрахъ: «Myśli o równowadze politycznej w Europie» и «Ostatnie moje do współrodaków słowa», 1814—1815 г., въ Dzieła Stanisława Staszica, IV.

чего? противъ могущества, которое, подобно тому какъ создало, можетъ однимъ мановеніемъ и уничтожить насъ".

Поступивъ на государственную службу еще во время Варшавскаго герцогства, гдѣ выдвинулся въ глазахъ современниковъ особенно своею защитою школьныхъ фондовъ, Сташицъ долженъ былъ, при русскомъ господствѣ въ краѣ, найти весьма широкое примѣненіе своимъ недюжиннымъ силамъ. При самомъ учрежденіи (въ іюнѣ 1815 г.) Александромъ I временнаго правленія для создаваемаго царства Польскаго, наименованный статскимъ совѣтникомъ царства, онъ скоро былъ, въ качествѣ члена отдѣленія народнаго просвѣщенія, приглашенъ (въ окт. того же 1815 г.) въ предсѣдатели наблюдательнаго совѣта юридической школы, затѣмъ получилъ (1816 г.) генеральное директорство отдѣленія промышленности и искусствъ въ Прав. Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи и былъ назначенъ (1817) членомъ Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, гдѣ, въ случаяхъ отсутствія министра предсѣдательствующаго гр. Станислава Потоцкаго, онъ замѣщалъ его, являясь на засѣданія и Совѣта управленія. По отказѣ (1824 г.) имъ отъ обязанностей по дирекціи промышленности и искусствъ, онъ былъ удостоенъ государемъ званія статсъ-министра съ правомъ засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Совѣтѣ управленія царства. Во всѣхъ вопросахъ по открытію и организаціи школъ—университета, института глухонѣмыхъ, гимназій и проч., въ вопросахъ по устройству фабрикъ, объ усиленіи и развитіи промысловъ и искусствъ онъ принималъ дѣятельное участіе.

Общество любителей наукъ, по смерти Альбертранди единогласно избравшее (въ концѣ 1808 г.) его въ свои предсѣдатели, достигаетъ теперь высшаго своего расцвѣта, при чемъ вліяніе Сташица сказывалось и на организаціи, и на учено-литературной дѣятельности, и на благосостояніи его.

Подъ руководствомъ Сташица былъ выработанъ (1814 г.) уставъ, подробно опредѣлившій строй и занятія Общества.

„Королевское Варшавское Общество любителей наукъ (установлялось этимъ уставомъ) ставитъ себѣ основною цѣлью содѣйствовать распространенію наукъ и знаній на польскомъ языкѣ (§ I, статья 1). Для правильнаго выполненія предположенныхъ трудовъ Общество дѣлится на два отдѣленія: 1) познаній физическихъ, математическихъ и искусствъ и 2) наукъ (ст. 2). Сообразно съ характеромъ наукъ обоихъ отдѣленій весь составъ Общества подраздѣляется на секціи, члены коихъ должны трудиться подъ непосредственнымъ руководствомъ соотвѣтственнаго отдѣленія (ст. 3) Каждому отдѣленію Общества указываются въ особенности слѣдующіе труды и занятія: a) составлять сочиненія, надобныя для края, имѣя всегда въ виду обогащеніе и усовершенствованіе языка, а равно всячески содѣйствовать развитію искусствъ, и промышленности; b) переводить образцовыхъ авторовъ; c) перепечатывать болѣе важныя сочиненія, преимущественно старыхъ писателей, съ добавленіемъ необходимыхъ примѣчаній, и облегчать дешевое пріобрѣтеніе ихъ; d) собирать всякіе для этого матеріалы и e) поощрять соотечественниковъ къ такимъ трудамъ (ст. 4). Общество состоитъ изъ членовъ: a) дѣйствительныхъ, b) соучастниковъ и c) корреспондентовъ и почетныхъ“ (§ II, ст. 5). Число членовъ первой группы опредѣлялось въ 60 человѣкъ, второй— 40, послѣдней не ограничивалось.

По объявленіи конституціи царства, Общество просило у государя не только 1) объ утвержденіи его въ правахъ, полученныхъ отъ саксонскаго короля, но также 2) установить сношенія его съ иностранными государствами и разрѣшить ему безпрепятственно распространять по имперіи книги, напечатанныя въ Варшавѣ съ разрѣшенія мѣстной цензуры, 3) освободить его отъ пошлины за выписываемыя

изъ-за-границы книги и машины и 4) обязать мѣстныя типографіи присылать въ его библіотеку по экземпляру каждой изъ выпускаемыхъ ими книгъ. Безусловно утвердивъ (15/27 марта 1816 г.) Общество въ прежнихъ его правахъ, государь предложилъ намѣстнику относительно прочихъ пунктовъ просьбы, особенно 2-го и 3-го, снестись съ Прав. Комиссіей народнаго просвѣщенія и проекты о томъ представить ему. При написаніи проектовъ къ указамъ болѣе всего затрудненій вызывалъ 2-й пунктъ, который пришлось раздѣлить. Представленіе (24 апр. н. с.) Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царскому намѣстнику кн. Заіончеку, выраженное теперь хотя и опредѣленнѣе, „исходатайствовать урегулированіе сношенія Общества по ученымъ дѣламъ съ заграничными государствами“, намѣстникомъ „оставлено безъ движенія“.

Высочайшій указъ, утверждавшій Общество въ прежнихъ правахъ и упрочивавшій теперь его существованіе, былъ почти буквальнымъ повтореніемъ декрета, выданнаго саксонскимъ королемъ. Дополненіе коснулось опредѣленія значенія польскаго языка, какъ имѣющаго большое сходство съ языкомъ русскимъ, и происходящей отсюда для ихъ обоихъ пользы.

„Божіею милостію, мы, Александръ I, императоръ всероссійскій, царь польскій и проч. и проч. и проч.

„Все, что̀ можетъ содѣйствовать въ народахъ, врученныхъ нашему попеченію, умноженію свѣта и распространенію полезныхъ наукъ, какимъ бы то ни было образомъ, никогда не казалось далекимъ отъ нашего вниманія и нашего высочайшаго покровительства. А когда къ этому присоединяется еще пріобщеніе лучшей обработки и усиленнаго богатства польскому языку, имѣющему столь большое сходство съ языкомъ, употребляемымъ во Всероссійской имперіи, и тѣмъ болѣе привлекающему къ себѣ наши заботы, что при на-

стоящемъ соединеніи новыми узами двухъ народовъ можетъ отсюда возникнуть новая для обоихъ языковъ польза,—мы признали своею обязанностію содѣйствовать сему всею полнотой нашей власти, чтобы благородныя намѣренія не были лишены благопріятныхъ результатовъ, а, напротивъ, чтобы были заботливо сохранены и доведены до совершенства.

„Посему, когда до нашего свѣдѣнія дошло, что Варшавское Общество любителей наукъ создано по доброй волѣ выборныхъ членовъ, соединившихся между собою единственно съ тою цѣлію, чтобы удержать въ цѣлости остатки своей національной литературы, сохранить отъ опасности погибнуть свой родной языкъ, совершенствовать всѣ науки, и точныя, и изящныя, сообразно съ остроумными открытіями и потребностями времени и при содѣйствіи этихъ наукъ внести въ языкъ новое богатство; когда въ этомъ мы достаточно убѣдились чрезъ разсмотрѣніе уставовъ, которые Общество приняло для себя и которыхъ доселѣ придерживается, а также чрезъ разсмотрѣніе „Ежегодниковъ", издаваемыхъ доселѣ Обществомъ, и намъ преподнесенныхъ,—мы сочли справедливымъ и приличествующимъ снизойти на ходатайство этого Общества, представленное намъ съ глубокою почтительностію, и позволить имъ испытать на себѣ благопріятныя послѣдствія нашей королевской къ нимъ благосклонности. Для сего Варшавское Общество любителей наукъ, со всѣми входящими въ него лицами, живущими въ нашихъ владѣніяхъ или принадлежащими по какому-либо случаю къ нашимъ государствамъ, поскольку они будутъ вести себя согласно съ своими уставами, а равно и тѣ самые уставы и все движимое и недвижимое имущество этого Общества принимаемъ мы подъ наше королевское попеченіе и завѣряемъ его въ нашемъ высочайшемъ благосклонномъ покровительствѣ, сверхъ того соизволяя, чтобы названное Общество въ своихъ сочиненіяхъ, патентахъ, засвидѣтельствованіяхъ, печатахъ упо-

требляло титулъ Королевскаго Варшавскаго Общества любителей наукъ.

„Надѣясь, что этою честію они воспользуются, какъ требуетъ достоинство сего наименованія, обращаемся мы къ лицамъ, принадлежащимъ къ этому собранію и имѣющимъ принадлежать къ нему, чтобы они, съ удвоеннымъ стараніемъ и рвеніемъ стремясь къ намѣченной для себя цѣли, дѣлались достойными дальнѣйшихъ нашихъ королевскихъ вниманія и милостей.

„Данъ въ С.-Петербургѣ, 15/27 дня мѣсяца Марта 1816 года.

Александръ, императоръ и царь (Alexandre l'Empereur et Roi).

Министръ статсъ секретарь Игнатій Соболевскій".

Указъ этотъ былъ прочтенъ на ближайшемъ годичномъ засѣданіи (30 апр. н. с.) Общества. Чтеніе его председатель Сташицъ сопровождалъ заявленіемъ: „Празднуя нынѣ годовщину основанія нашего Общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно выражаемъ благодарность нашему учредителю. Съ этихъ поръ торжество сіе станетъ для насъ и преемниковъ нашихъ тѣмъ священнѣе, что именно въ это же время милостиво царствующій нашъ императоръ и король соизволилъ выдать актъ, подтверждающій наше Общество и нашъ уставъ... Благодѣяніе это, полученное изъ рукъ безсмертнаго воскресителя народа и королевства Польскаго, изъ рукъ, по согласному признанію цѣлой Европы, величайшаго покровителя наукъ, будетъ для Общества любителей наукъ наисильнѣйшимъ побужденіемъ въ научныхъ занятіяхъ".

Въ своихъ научно-литературныхъ занятіяхъ Общество любителей наукъ въ президентство Сташица, дѣйствительно, пережило новый сравнительно съ прежнимъ фазисъ. Тогда какъ Альбертранди, приверженецъ классической литературы и археологіи, направлялъ интересы членовъ Общества на

излюбленные имъ предметы, Сташицъ цѣнилъ въ наукѣ практическую пользу для народа и ея вліяніе на общественныя отношенія, на экономику и нравственность, къ чему старался клонить и работу Общества. Компиляціи по иностраннымъ сочиненіямъ, съ чуждымъ содержаніемъ, и переводы иностранныхъ писателей уступаютъ теперь свое мѣсто работамъ, предметы для которыхъ берутся изъ польскаго прошлаго и настоящаго, и отводится большее значеніе естествознанію и техникѣ въ примѣненіи ихъ къ пользѣ края. Оставленную Нарушевичемъ „Исторію Польскаго народа", доведенную до Владислава Ягайлы, Общество приготовляло къ печати, а выполненіе работы надъ послѣдующимъ временемъ разобрали, по отдѣльнымъ царствованіямъ, нѣкоторые его члены. Счастливѣе всѣхъ справился съ задачей Нѣмцевичъ, въ 1819 году издавшій „Исторію царствованія Сигизмунда III", въ трехъ томахъ. Кс. Краевскій прислалъ рукопись о Янѣ Казимірѣ, Квятковскій—о Владиславѣ IV; иные же, какъ Делынскій, ограничились собираніемъ матеріаловъ и ничего не написали. Трудъ Нарушевича издало Общество въ 1824 г., въ двухъ томахъ. Направленіе всѣхъ этихъ сочиненій было хвалебно-патріотическое.

Тѣмъ же характеромъ еще въ большей степени должны были отличаться произведенія поэзіи. Имѣлось въ виду популизировать исторію посредствомъ нарочитыхъ „Историческихъ пѣсенъ", въ которыхъ прославлялись бы славнѣйшія событія въ прошлой жизни народа и подвиги и побѣды польскихъ королей и государственныхъ дѣятелей. Преимущественно расчитывалось на воспитательное значеніе такихъ пѣсенъ для подростающаго поколѣнія. Риѳмы вмѣстѣ съ пѣніемъ и музыкой должны были дѣлать знаніе отечественной исторіи привлекательнымъ для молодости и общедоступнымъ. Авторъ изготовленныхъ „Историческихъ пѣсенъ", по своемъ появленіи (1816 г.) принятыхъ восторженно, Нѣмцевичъ

писалъ: „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто́ уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“. И пусть, по оцѣнкѣ современной намъ русской критики, Нѣмцевичъ оказывается въ этихъ „Историческихъ пѣсняхъ“ очень узкимъ по своимъ воззрѣніямъ „поэтомъ шляхты и для шляхты“, лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и мимоходомъ упомянувшимъ „объ убогихъ кметахъ“, что онъ, какъ сынъ французскаго ложно-классицизма, „стоялъ на ложной дорогѣ, витая почти исключительно въ области общихъ чувствъ и мыслей и не имѣя понятія о личной и народной окраскѣ своихъ героевъ“, а самыя произведенія его оказываются чуждыми поэтическаго творчества, надлежащей художественности и истиннаго проникновенія въ дѣйствительную жизнь, что въ нихъ „вмѣсто живыхъ, врѣзывавшихся въ память образовъ народныхъ героевъ или историческихъ картинъ получается сухой стихотворный перечень дурно между собою связанныхъ событій; вмѣсто художественнаго творчества—жалкое виршеплетство“. О произведеніяхъ слѣдуетъ судить еще въ современной имъ исторической обстановкѣ и—обращая вниманіе на впечатлѣніе, производившееся ими на тѣхъ, для кого писались они. А тенденція поэтическихъ произведеній Нѣмцевича „возбуждать въ сердцахъ гражданскія чувства“, дѣлавшая ихъ особенно пріятными и распространенными въ свое время, поддерживаетъ тутъ ихъ цѣну еще и доселѣ.

Отъ общаго тона не отставали рѣчи и трактаты по исторіи литературы. Но появлялись и сочиненія, съ проблесками стремленій ихъ авторовъ къ сближенію и общенію съ

восточными единоплеменниками на почвѣ славянской идеи. Адамъ Чарнецкій († 1825) путешествовалъ по славянскимъ землямъ для уясненія до-историческаго быта славянскаго племени. Ксендзъ Чайковскій, взявшійся дополнить начало „Исторіи" Нарушевича, представилъ въ Общество рукопись о древнемъ бытѣ славянъ и поляковъ. Игнатій Раковецкій напечаталъ свое изслѣдованіе о Русской Правдѣ (Варшава, 1820).

Съ открытіемъ въ Варшавѣ университета, въ составѣ пяти факультетовъ, въ Общество вступаютъ университетскіе профессора, и число его членовъ вдругъ быстро возрастаетъ. Многочисленные виды и отрасли науки, литературы и искусства имѣли уже въ обществѣ своихъ представителей. И если существованіе высшаго учебнаго заведенія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими условіями того времени, дѣлало вліяніе Общества на умственную жизнь въ краѣ менѣе надобнымъ, зато оно все замѣтнѣе превращалось въ мѣсто собранія разнородной интелигентной массы, встрѣчавшейся тамъ и обмѣнивавшейся своими познаніями и мыслями. Общество стало усиленнѣе приравнивать себя къ академіямъ наукъ; его библіотека, которой начали придавать названіе академической, и разныя коллекціи, все увеличиваясь и дѣлаясь доступными публикѣ, обѣщали въ будущемъ стать еще значительнѣе.

Почувствовалась надобность въ помѣщеніи, которое соотвѣтствовало бы намѣчавшемуся положенію и состоянію Общества.

Подъ постройку дома правительство предоставило (12/22 августа 1820 г.) Обществу превосходное по положенію историческое мѣсто, на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ нѣкогда стояла выстроенная Сигизмундомъ III усыпальница царя Василія Ивановича Шуйскаго, и гдѣ затѣмъ располагался доминиканскій монастырь, во второмъ десятилѣтіи текущаго

столѣтія прекратившій свое существованіе. Тутъ Общество построило себѣ домъ, въ коринфскомъ стилѣ. На сооруженіе его, кромѣ строительнаго матеріала, остававшагося отъ разобранныхъ доминиканскихъ зданій и подареннаго Обществу правительствомъ, пошли суммы, вырученныя отъ продажи дома на Каноніи, заемъ изъ Варшавскаго строительнаго фонда и разныя сбереженія и другія средства Общества. По сосѣдству стоялъ домъ ксендзовъ—миссіонеровъ костела Св. креста; этотъ домъ Общество купило на чиншевыхъ условіяхъ и передѣлало его. Оба дома—и новый, съ видомъ на Краковское предмѣстье, и прежній, передѣланный, съ фасадомъ на ул. Новый Свѣтъ,—составили одну общую недвижимость. Шелъ вопросъ о постановкѣ предъ главнымъ зданіемъ памятника Копернику. Собирались средства, гипсовую модель готовилъ знаменитый римскій скульпторъ Торвальдсенъ.

Но едва кончились работы по сооруженію и перестройкѣ зданій, а модель памятника еще не была доставлена въ Варшаву, какъ кончилъ свои дни главный и искусный руководитель Общества, Сташицъ (8/20 янв. 1826 г.). Преемникомъ ему Общество избрало Нѣмцевича.

Закладка и открытіе памятника состоялись уже при послѣднемъ. Открытіе было совершено съ полною торжественностію. Обращаясь мысленно къ виновнику торжества, Нѣмцевичъ такъ заключилъ свою рѣчь: „Становишься ты, о, мужъ великій, нѣкогда служитель Всевышняго, слава земли нашей, предъ этимъ храмомъ наукъ и искусствъ; храни его отъ всякихъ невзгодъ, не переставай воодушевлять духомъ твоимъ своихъ почитателей и соотечественниковъ. Какъ счастливъ я, что хотя къ концу своей жизни дождался этого момента! Теперь отпусти раба твоего, Господи! Да спадетъ полотно".

Памятникъ объявился, и раздалась нарочно изгото-

вленная и хорошо срепетированная кантата, заканчивавшаяся словами:

Повтори, вмѣстѣ съ Польшей, вся земля:
„Слава великому мужу,
Слава Копернику,
Слава, слава!“

Присутствовавшимъ было объявлено Нѣмцевичемъ о снаряженіи депутацій, одной къ императору Николаю I, а другой къ намѣстнику въ царствѣ великому князю Константину Павловичу, для поднесенія имъ медали, отчеканенной въ память открытія памятника.

Это происходило 11 мая н. с. 1830 года, а миновало затѣмъ всего около полугода, какъ наступили печальныя политическія событія, когда члены Общества любителей наукъ оказались одними изъ вліятельнѣйшихъ лицъ. Нѣмцевичъ, прежній соратникъ Костюшки, былъ неудобнымъ кормчимъ для ученаго Общества. Изготовляемыя при немъ работы по литературѣ и исторіи все чаще и чаще оказывались такими, что не могли появляться въ печати. Характеръ произведеній не устранялся и тѣмъ довѣріемъ, какое императоръ Николай оказалъ тогда Обществу, даровавъ (1829 г.) ему средства на выдачу денежныхъ премій за конкурсныя сочиненія и право получать для научнаго пользованія своего по экземпляру всякихъ заграничныхъ сочиненій. Національно-политическія тенденціи, проникавшія литературно-просвѣтительную дѣятельность Общества, получили явное преобладаніе.

Но непосредственное вліяніе на дѣла возстанія оказали собственно отдѣльные члены Общества. Изъ нихъ служили въ мятежѣ пять человѣкъ министрами, четверо сенаторами, не считая тѣхъ, кто занималъ менѣе важныя должности и званія; двое предводительствовали студентами; одинъ стоялъ главою, маршаломъ мятежническаго сейма. Актъ объ удале-

нiи Государя и всего Дома Романовыхъ отъ польскаго престола написанъ былъ самимъ предсѣдателемъ Общества Нѣмцевичемъ, какъ секретаремъ сената. Предсѣдатель отдѣленiя словесности, епископъ Пражновскiй, подписавшiй этотъ актъ, получилъ, по особому довѣрiю къ нему сената, порученiе составить о томъ манифестъ; онъ же редактировалъ и подписалъ посланный къ западно-европейскимъ дворамъ манифестъ о причинахъ, побудившихъ поляковъ къ возстанiю. Предсѣдатель другого отдѣленiя, наукъ естественныхъ и искусствъ, графъ Плятеръ, агитировалъ въ пользу возстанiя въ французскомъ и иныхъ западно-европейскихъ дворахъ. Нѣтъ надобности перечислять дѣйствiя рядовыхъ членовъ Общества—кн. Чарторыскаго, Лелевеля и пр., какъ это обнаружено было потомъ русскою властью.

Участiе въ возстанiи 1830—1831 гг. повело къ тому, что Общество было, по Высочайшему повелѣнiю, закрыто, домъ его взятъ въ казну. Въ настоящее время въ этомъ домѣ, уже перестроенномъ, помѣщается первая Варшавская мужская гимназiя, гдѣ обучаются одни русскiе воспитанники.

Дм. Цвѣтаевъ.

† М. А. Дикаревъ.

Не бѣдна Матушка—Русь даровитыми людьми,—людьми, которыхъ давятъ тяжелыя обстоятельства,—давятъ, но не сокрушаютъ ихъ эти обстоятельства: въ борьбѣ за существованіе, часто за жизнь, эти люди надрываютъ свои физическія силы, но остаются до конца жизни бодрыми духомъ. Сказанное въ особенности примѣнимо къ живучимъ духомъ нѣкоторымъ дѣятелямъ г. Воронежа и Воронежской губерніи, къ числу которыхъ принадлежатъ поэты А. В. Кольцовъ и И. С. Никитинъ, а также недавно умершій (14 ноября 1899 г.) самоучка-ученый Митрофанъ Алексѣевичъ Дикаревъ. Печальна его жизнь была въ бурсѣ Воронежскаго духовнаго училища, въ которой царило тогда въ полномъ смыслѣ издѣвательство надъ дѣтьми (это было въ 1-й половинѣ 60-хъ годовъ), ярко обрисованное Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы"; нелучше было ему, когда его родители перевели въ Бирюченское духовное училище, гдѣ онъ снова долженъ былъ пробыть два года въ 3 классѣ и затѣмъ въ 4 мъ. Изъ послѣдняго училища онъ поступилъ (по экзамену, что тогда было въ обычаѣ) въ 1871 году въ Воронежскую духовную семинарію, гдѣ и шелъ въ числѣ выдающихся учениковъ до 3-го класса, изъ котораго, по недоразумѣнію, вышвырнутъ былъ, какъ зловредный ученикъ... Начинается послѣ этого для него скитальчество по слободѣ, въ которой онъ родился, затѣмъ по Воронежу. Въ послѣднемъ судьба нѣсколько сжалилась надъ нимъ: его приняли писцомъ въ губернскій статистическій комитетъ, и онъ увлекся статистикой. Въ это-то время, послѣ долгой разлуки, я случайно встрѣтился съ нимъ (въ 1886 г.) и пригласилъ его къ себѣ, предложивъ ему брать изъ моей скромной филологиче-

ской библіотеки, что ему понадобится, и онъ началъ съ увлеченіемъ изучать славянскія нарѣчія, сравнительную грамматику, новые языки; съ жаромъ началъ записывать пѣсни, сказки, пословицы; завелъ на свое довольно ограниченное жалованье корреспондентовъ (предварительно научивъ ихъ, какъ записывать памятники народнаго творчества), которые присылали ему матеріалы для изученія говоровъ Воронежской губерніи.

Самъ онъ почти каждое лѣто отправлялся вмѣстѣ съ земскими статистами для собиранія разныхъ свѣдѣній о жизни, бытѣ, довольствѣ крестьянскомъ,—статистами, во главѣ которыхъ стоитъ и теперь неутомимый изслѣдователь Воронежской губерніи Ѳ. А. Щербина. Къ послѣднему покойный М. А. Дикаревъ всегда относился, какъ къ своему учителю по статистикѣ, съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Работая въ числѣ другихъ, какъ статистъ, онъ находилъ время и для записи памятниковъ народнаго творчества. Все онъ записывалъ, потому что съ его точки зрѣнія, какъ и научной, каждое слово, каждое выраженіе народное важны или для характеристики народа въ умственномъ, нравственномъ отношеніи, или—какъ фактъ языка народнаго. Вотъ почему поѣздки покойнаго въ тотъ или другой уѣздъ Воронежской губерніи доставляли ему величайшее счастіе: онъ возвращался изъ поѣздки жизнерадостнымъ, съ запасомъ матеріала для статистики и филологіи. А сколько онъ совмѣщалъ въ своей головѣ разныхъ фантастическихъ разсказовъ, напр., о борьбѣ злого духа съ Богомъ, о хитрости женщины, способной перехитрить самого чорта и др. При передачѣ своихъ впечатлѣній, полученныхъ во время поѣздокъ, онъ былъ не узнаваемъ: рѣчь его была оживленна, въ глазахъ появлялся, какъ говорятъ, огонь; душевному настроенію вторилъ и организмъ его: жесты, тѣлодвиженія, мимика въ лицѣ,—все это говорило о томъ, что онъ отрѣшился отъ

того, что въ обыкновенное время, до поѣздки, заставляло его быть сдержаннымъ, меланхолико-флегматичнымъ. Послѣ поѣздокъ онъ всегда принимался лихорадочно работать надъ матеріаломъ, который привозилъ изъ уѣздовъ.

И вотъ, помимо статистико-научныхъ статей, онъ начинаетъ печатать въ „Ворон. Губ. Вѣдом." и памятныхъ книжкахъ Воронежской губерніи свои изслѣдованія по филологіи, пользуясь при этомъ статистикой. Результатомъ этихъ занятій былъ его капитальный (по отзыву 19-ти выдающихся профессоровъ) трудъ: „Воронежской мѣщанскій говоръ сравнительно съ малорусскимъ". Въ этой работѣ, кромѣ собраннаго драгоцѣннаго матеріала для изученія говоровъ Воронежской губерніи (замѣтимъ при этомъ—записаннаго фонетически), важное значеніе имѣетъ примѣненіе къ фонетикѣ статистики: авторъ велъ счетъ звуковъ во всѣхъ разбираемыхъ имъ памятникахъ и дѣлалъ выводы, слѣдовательно, опираясь на всѣ факты языка въ этихъ памятникахъ, почему получились обобщенія, ставшія вразрѣзъ съ выводами въ разныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ эти выводы дѣлались по нѣсколькимъ фактамъ. Въ работѣ покойнаго М. А. Дикарева, напр., получались выводы (относительно количества гласныхъ въ велико-русскомъ воронежскомъ и мало-русскомъ говорахъ) противоположные выводамъ г. Житецкаго въ его „Исторіи малорусскаго нарѣчія".

Оригинальна и замѣчательна его работа подъ заглавіемъ: „Программа для этнографическаго ислѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерою". Екатеринодаръ 1894 г. Оцѣнка этой работы сдѣлана въ № 5 французскаго журнала: „L'Anthropologie". Мы приводимъ её въ переводѣ, напечатанномъ въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" (№ 92 за 1894 г.), съ замѣтками послѣднихъ: „Голодъ и холера—два бича, совсѣмъ еще недавно похитившіе десятую часть населенія Россіи и не перестаю-

щіе угрожать и до настоящаго времени,—вызвали рядъ научныхъ трудовъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе причинъ этихъ бѣдствій и изысканіе средствъ для ихъ устраненія. Предъ нами лежитъ програмна этнографическаго изслѣдованія этихъ явленій съ точки зрѣнія народной психологіи. „Печальныя событія 1891 и 1892 г., читаемъ мы въ предисловіи, породили въ народѣ массу толковъ, которые, переходя изъ устъ въ уста, варьировались, дополнялись и т. д., отражая въ себѣ вышедшую изъ обычной колеи духовную жизнь народа. Здѣсь народъ пытался объяснить причины постигшихъ его бѣдствій и въ этихъ попыткахъ дошелъ до мысли, что испытываемыя имъ бѣдствія являются предвѣстниками скорой кончины міра... Но въ то же время народъ не забывалъ и своихъ враговъ, которые, по глубокому убѣжденію народа, должны быть врагами Царя. Эти враги, смотря по мѣстнымъ условіямъ,—жиды, паны или панычи вообще и доктора съ ветеринарами въ частности. Эти враги строятъ Царю ковни, входятъ въ сношенія съ Огличанкою, Німцями и другими невірцями, отъ которыхъ они получаютъ условную плату за каждую отравленную или заживо погребенную ими душу. Моръ людей коварными невірцями производится для того, чтобы послѣ уменьшенія нашего народа имъ легче было воевать съ нашимъ Царемъ... Вмѣстѣ съ другими невірцями о войнѣ помышляетъ и Китай (онъ же Бѣлая Арапія). Въ виду скорой кончины міра, никогда не воевавшій до сего времени Китай долженъ выполнить свое назначеніе—пройти весь свѣтъ и покорить его. Когда Китай выполнитъ это, тогда уже и настанетъ конецъ свѣта“.

Для изслѣдованія подобнаго рода психологическихъ явленій и выработалъ свою программу г. Дикаревъ, уже извѣстный въ русской научной литературѣ своими этнографическими и лингвистическими изслѣдованіями. Поставивъ общіе

вопросы относительно положенія изслѣдуемой мѣстности, національности жителей, ихъ экономическаго положенія, степени отдаленности центровъ цивилизаціи отъ этой мѣстности, о положеніи учебной части, о числѣ школъ, библіотекъ, о характерѣ изданій, болѣе другихъ покупаемыхъ и читаемыхъ народомъ, и пр., авторъ даетъ рядъ вопросовъ о знаменіяхъ скораго пришествія антихриста и страшнаго суда, о холерѣ и видахъ ея проявленія, по народнымъ вѣрованіямъ, о мѣрахъ, принятыхъ противъ эпидеміи общественными властями, о взаимныхъ отношеніяхъ народа и врачей; о голодѣ и его причинахъ; о преступленіяхъ и проступкахъ, вызванныхъ голодомъ и холерою, и о родѣ благотворительности во время этихъ бѣдствій. Такова очень хорошо изложенная система вопросовъ, изъ которыхъ большая часть, очевидно, редактирована на основаніи уже собранныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего программа отличается очень положительнымъ характеромъ и весьма выдающимся интересомъ. Безъ сомнѣнія, въ отвѣтахъ не будетъ недостатка, и мы желаемъ только, чтобы авторъ не встрѣтилъ затрудненій къ обнародованію данныхъ, которыя будутъ собраны и предоставлены въ его распоряженіе".

Другая оцѣнка той же брошюры, переведенная съ французскаго—изъ журнала: „Revue des traditions populaires", напечатана въ томъ же № „Куб. Обл. Вѣд.", откуда мы и заимствуемъ её: „Между важнѣйшими задачами нашихъ изслѣдованій фольклора, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ народная психологія. Изслѣдуя суевѣрія и вѣрованія, отыскивая ихъ причины, мы преслѣдуетъ главную цѣль, которая состоитъ въ объясненіи психологическихъ движеній народныхъ массъ. Въ этомъ отношеніи по своей важности заслуживаютъ особаго вниманія изслѣдованія современнаго фольклора, преданій, создающихся, такъ сказать, предъ нашими глазами. Съ этой именно

точки зрѣнія прежде всего интересуетъ насъ программа г. Дикарева, посвященная вѣрованіямъ и различнымъ разсказамъ, которые совсѣмъ еще недавно появились подъ печальнымъ вліяніемъ большихъ бѣдствій, опустошавшихъ и теперь еще опустошающихъ Украину и въ особенности область черноморскихъ казаковъ.

Извѣстно, какими печальными событіями сопровождались въ прошломъ году мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ и земствами противъ холеры. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне совершенно отказались отъ медицинской помощи, прогоняли врачей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступали съ ними самымъ печальнымъ образомъ. Между весьма многочисленными причинами этихъ фактовъ суевѣрія, вѣрованія и различные разсказы играли очень важную роль. Вотъ почему на первыхъ же страницахъ программы г. Дикарева мы находимъ вопросы не только относительно фольклора, но и учебной части, положенія школъ, числа библіотекъ и пр.

Послѣ этого слѣдуютъ вопросы о знаменіяхъ скораго пришествія антихриста и страшнаго суда. И это потому, что боязнь голода и холеры тѣсно связывается въ народномъ воображеніи съ мыслью о кончинѣ міра. Изъ вопросовъ г. Дикарева мы узнаемъ, напримѣръ, что въ статистикахъ народъ заподозрилъ апостоловъ антихриста, и даже различнымъ цвѣтамъ ихъ документовъ приписалъ пагубное значеніе. Всѣ ихъ работы, равно какъ и всѣ мѣры врачей и ветеринаровъ, какъ мы видимъ въ предисловіи автора, имѣли цѣлью въ глазахъ народа уменьшеніе народонаселенія; они отравляютъ воду, погребаютъ живыхъ, чтобы ослабить силы русскаго Царя... Враги его: жиды, паны и панычи (les jeunes gens instruits). Они подкупаются другими болѣе важными врагами: Англичанкою (королевой), Нѣмцами и въ особенности Китаемъ. Этотъ послѣдній имѣетъ роковое назна-

ченіе покорить весь міръ, послѣ чего придетъ антихристъ, и наступитъ страшный судъ. Есть еще и другія знаменія этого: напр., ребенокъ, въ купели, превращающійся въ рыбу, свѣчку или въ хлѣбъ; корова или пѣтухъ, человѣческимъ голосомъ возвѣщающіе приближеніе бѣдствій. Спеціальные вопросы относительно холеры разсказываютъ намъ, что она странствуетъ подъ различными видами, что она была перенесена изъ одного мѣста въ другое женщиною въ красномъ чепцѣ, что ее распространяютъ донскіе казаки, раскольники и пр...

Потомъ идетъ рядъ вопросовъ относительно доли, или высшаго предопредѣленія, ея олицетворенія и проч., о различныхъ мѣрахъ для ея избѣжанія. Въ вопросахъ относительно плохого урожая мы встрѣчаемъ, напр., вѣрованіе, что за измѣненіе народнаго костюма Богъ посылаетъ голодъ, что мода есть изобрѣтеніе дьявола, живущаго въ водѣ; что плохой урожай производится колдунами и колдуньями; что замужнія женщины, не покрывающія своихъ головъ, разгоняютъ дождевыя тучи и проч... Вопросы, посвященные вреднымъ для хлѣбовъ насѣкомымъ, также заключаютъ въ себѣ указанія на существованіе многихъ очень интересныхъ суевѣрій: не слѣдуетъ ли смотрѣть, какъ на грѣхъ, на истребленіе саранчи и другихъ насѣкомыхъ; какія молитвы и какія чары существуютъ противъ нихъ; какіе совѣты подавала Божія Матерь крестьянамъ для избавленія отъ насѣкомыхъ; можно ли избавиться отъ нихъ, похоронивши одного изъ нихъ въ гробѣ со всѣми погребальными обрядами?... и проч.

Программа г. Дикарева очень широка; она выходитъ изъ предѣловъ „фольклора", заключая въ себѣ географію и статистику мѣстности, гдѣ собираются факты, мѣры общественной гигіены, дѣятельность врачебнаго персонала, функціи лѣчебницъ, преступленія и проступки во время голода

и холеры, благотворительность и проч... Авторъ даетъ даже филологическія указанія для сохраненія въ собираемыхъ разсказахъ ихъ лингвистическаго характера. Мы далеки отъ того, чтобы ставить ему въ укоръ все это; наоборотъ, мы думаемъ, что его изслѣдованіе будетъ научно и болѣе продуктивно и даже дастъ очень важные матеріалы. Обиліе этихъ матеріаловъ находится внѣ всякаго сомнѣнія, насколько можно судить по программѣ, очевидно, составленной на основаніи уже собранныхъ фактовъ. Имя автора, уже очень извѣстнаго своими этнографическими трудами, служитъ весьма достаточнымъ ручательствомъ того, что собранные матеріалы будутъ довѣрены этому очень серьезному и усердному ученому".

Интересны статьи покойнаго М. А. Дикарева: „Рождественскія святки", „Масленица", „Великій постъ (отрывки изъ малорусскаго народнаго календаря)", напечатанныя въ названныхъ „Вѣдомостяхъ за 1895 г., а также и другія. Послѣднія работы свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ горячо любилъ свое дѣло, дорожилъ тѣмъ матеріаломъ, на который онъ затрачивалъ свои средства, добытыя потомъ и кровью. „Въ отрывкахъ изъ мало-русскаго календаря" онъ расположилъ имѣвшійся подъ его руками матеріалъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ дни народныхъ праздниковъ, напр., въ статьѣ: „Великій постъ", говоритъ о первой недѣлѣ поста, второй, страстной; приводитъ данныя, характеризующія суевѣрныя представленія народа о понедѣльникѣ первой недѣли, четвергѣ, Страстной и т. д.; обычаи, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ.

Для поясненія сказаннаго приводимъ выдержки: „Перва неділя. Относительно перваго дня. Вел. поста существуетъ повѣрье: „Якъ чоловікъ первий увійде пісьля заговинъ, такъ нічого, а якъ баба—ни минецьця, захворайішъ", или: „Сьома неділя и Страшна неділя... Въ чистый четвергъ, по народному вѣрованію, до восхода солнца воронъ своихъ дѣтей

купаетъ: „у лапки попаде та й окуна“... Въ этотъ же день и до східъ сонця, якъ ще нічого не рушано, якъ ще воронъ дітей не кунавъ“, купается и народъ въ рѣчкѣ, въ „копанкахъ“... Такое купанье является необходимымъ отъ всякаго „лиха“ (болѣзни)“...

Не можемъ не упомянуть его работы: „О царскихъ загадкахъ“, и предсмертной, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ“, въ которой (работѣ) миѳологическими и историческими данными авторъ пытается выяснить значеніе словъ: „паляниця“ и „πέλανος“, но впадаетъ въ большія ошибки: и естественно: самоучка, но неученый, не получившій систематическаго образованія, онъ, заходя въ область сравнительнаго языкознанія, дѣлаетъ сравненія, наблюденія и выводы очень остроумные, но ненаучные... Но „пророкъ въ своемъ отечествіи не пріемлется“: онъ долженъ былъ переселиться въ Екатеринодаръ, гдѣ и продолжалъ работать. Печаталъ онъ свои труды въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“, „Кіевской Старинѣ“, „Этнографич. Обозр.“, въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ. Труды его оцѣнены по заслугамъ: одинъ изъ галицкихъ университетовъ предлагалъ ему профессорскую каѳедру (см. „Воронеж. Телеграфъ“ за янв. 1900 г.)... И безжалостная смерть похищаетъ его, еще полнаго энергіи и силъ... Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, честный труженикъ, много поборовшійся въ своей жизни изъ-за того, чтобы преодолѣть злую судьбу, преграждавшую тебѣ путь при стремленіи къ свѣту!

С. Прядкинъ.

Кризисъ въ духовной жизни древней Эллады конца V-го вѣка до Р. Х.

(Этико-историческій очеркъ).

Трудъ мой посвящаю Е. А. Ч—ской.

Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ твоихъ, въ твореніяхъ руку твоею поучихся (Пс. 142).

Historia est magistra vitae (Cic.: «De orat». II, 9).

Какъ ветхозавѣтный царственный пророкъ, такъ и языческій писатель словами, взятыми нами эпиграфомъ къ настоящему очерку, указываютъ на этическій элементъ въ изученіи исторіи человѣчества. Эпоха исторіи древней Эллады конца V-го вѣка до Р. Х. представляетъ для насъ тѣмъ большій этическій интересъ, что нашъ вѣкъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ поразительную параллель съ ней, и потому мы сочли себя въ правѣ назвать настоящій трудъ нашъ этико-историческимъ очеркомъ.

Религіозный индиферентизмъ нашего времени и, какъ его естественное слѣдствіе, огрубѣніе, или вѣрнѣй, одичаніе религіознаго чувства, никогда не угасающаго въ душѣ человѣка, ищетъ своего удовлетворенія въ самыхъ извращенныхъ теософическихъ бредняхъ необуддизма. Въ главнѣйшихъ центрахъ христіанской культуры возсоздаются и измышляются всевозможные языческіе культы. Философія въ цѣлой, выработанной си-

стемѣ ученіемъ о безсознательномъ проповѣдуетъ возродившійся буддизмъ и конечную цѣль жизни человѣка полагаетъ въ нирванѣ духовной и физической, проповѣдуя самоуничтоженіе. Въ литературѣ упадокъ идеаловъ и реализмъ породили декадентство, дающее направленіе современному искусству въ различныхъ его развѣтвленіяхъ: въ живописи, ваяніи, музыкѣ и архитектурѣ. Въ политической и общественной жизни преобладаютъ личные интересы и эгоизмъ надъ интересами государства и любовью къ ближнему. Борьба за существованіе возводится въ этическій принципъ. Господство матеріальныхъ интересовъ вытѣсняетъ нравственныя побужденія и сознаніе долга. Утилитарная мораль признается за послѣднее слово современной науки; словомъ, упадокъ всѣхъ духовныхъ идеаловъ: религіозныхъ, художественныхъ, политическихъ и моральныхъ, составляетъ итогъ конца XIX вѣка христіанской эры. То же самое оскудѣніе духовной жизни, тѣ же явленія, тотъ же упадокъ идеальныхъ стремленій мы увидимъ и при разсмотрѣніи кризиса въ духовной жизни древней Эллады конца V-го вѣка до Р. Х. Но для языческаго міра спасеніе было принесено присносущимъ словомъ: «Свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ» [1]). А мы, обладающіе «глаголами жизни вѣчной», въ чемъ и гдѣ должны искать исхода переживаемому нами духовному кризису? Настоящій нашъ очеркъ имѣетъ въ виду показать, что кризисъ для языческаго античнаго міра былъ смертнымъ приговоромъ. На развалинахъ языческой культуры воцарилось воплотившееся Слово—высшее и послѣднее откровеніе всеблагого Творца. Поэтому не въ ожиданіи новаго откровенія на-

---

[1]) Ев. отъ Іоанна, I. 5.

ше спасеніе, а въ чаяніи обѣтованнаго наступленія «полноты временъ», полнѣйшаго осуществленія идеаловъ, данныхъ намъ въ Божественной книгѣ, заключающей въ себѣ «**источникъ жизни вѣчной**». Современный духовный кризисъ служитъ доказательствомъ, что и въ наши дни еще не вполнѣ умеръ ветхій, плотскій Адамъ, съ окончательной смертью котораго только и возможно водвореніе на землѣ града Господня, новаго Іерусалима, и наступленіе «полноты временъ».

Такимъ образомъ, предлагаемый нами этико-историческій очеркъ духовнаго кризиса въ жизни античной Эллады конца V-го в. до Р. Х. имѣетъ для насъ современный интересъ, такъ какъ кризисъ этотъ по явленіямъ, его сопровождавшимъ, какъ мы уже говорили, во многомъ схожъ съ переживаемымъ нами временемъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію самихъ патологическихъ явленій, характеризующихъ духовную жизнь Греціи конца V-го в. до Р. Х., мы предварительно должны вкратцѣ указать на то начало, которое лежало въ основѣ античнаго языческаго міра, и реакція противъ котораго, наступившая въ концѣ V в. до Р. Х., знаменовала собой наступленіе кризиса, приведшаго къ смерти античное язычество и содѣйствовавшаго обновленію человѣчества христіанствомъ «въ духѣ и истинѣ».

Основнымъ началомъ духовной жизни классическихъ народовъ древности, грековъ и римлянъ, была идея государственности (πολιτεία); греко-римскій міръ видѣлъ въ человѣкѣ только гражданина. Религія, этика, искусство и наука получали свое значеніе и освященіе единственно въ авторитетѣ государства. «Все

было болѣе или менѣе связано съ государствомъ, служило ему, поддерживалось и питалось имъ: пластическія искусства и зодчество, поэзія всѣхъ родовъ, философскія, историческія и астрономическія изслѣдованія и всѣ отрасли науки» [2]). Субъективный міръ и духовная, внутренняя жизнь человѣка, какъ самостоятельной, сама себѣ довлѣющей личности, была подавлена исключительнымъ, одностороннимъ преобладаніемъ функцій государственной жизни. Существовала только одна этика— государственная; признавались терпимыми только тѣ вѣрованія, которыя освящала государственная власть. Греческіе поэты, ученые, философы и римскіе юристы признавали государство единственнымъ источникомъ морали и религіи; оно же было и верховнымъ судьей моральной и религіозной жизни человѣка. Пиѳія на вопросъ, въ чемъ состоитъ благочестіе, т. е. чѣмъ должны люди руководиться въ отношеніяхъ своихъ къ божеству, отвѣчала, что поступающіе согласно указаніямъ законовъ государства поступаютъ благочестиво [3]). Такимъ образомъ, высшее въ Греціи святилище, Дельфійскій оракулъ, призналъ за государствомъ верховный контроль въ вопросахъ религіи. Въ Римѣ признаніе за извѣстнымъ божествомъ права на почитаніе, построеніе тому или иному богу жертвенника или храма, вообще учрежденіе и введеніе новаго культа всецѣло зависѣло отъ сената, какъ объ этомъ неоднократно свидѣтельствуютъ римскіе писатели [4]).

---

2) Курц. «Ист. Гр.» кн. III, стр. 480 (переводъ Корсака).

3) Xenoph: «Memor.» I, 3, 1.

4) T. L. IX, 46. Tertull: «Apolog. Vetus erat decretum, ne quis deus ab imperatore consecraretur nisi a senatu probatus».

Какъ по вопросамъ культа и богопочитанія древній міръ признавалъ только одинъ авторитетъ, а именно, государственную власть, такъ и моральныя добродѣтели высшую свою санкцію получали въ идеѣ государства, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ сочиненіе Платона: «О государствѣ» («Πολιτεία»). Въ идеальномъ Платоновомъ государствѣ вся соціальная этика и высшій нравственный идеалъ человѣка исчерпываются понятіемъ гражданина и оцѣниваются исключительно съ точки зрѣнія служенія его государству. По поводу государства, изображеннаго Платономъ въ его «Πολιτεία», Курціусъ говоритъ: «Только въ государствѣ человѣкъ становится вполнѣ человѣкомъ, вслѣдствіе чего этика необходимо переходитъ въ политику, и политическія правила философа не измышлены имъ вновь, а примыкаютъ къ преданіямъ древне эллинскаго государственнаго права, насколько они удержались въ критскихъ и спартанскихъ учрежденіяхъ» [5]). Наиболѣе полное и всестороннее развитіе этотъ основной принципъ грекоримскаго міра получилъ въ Спартѣ и въ Римскомъ государствѣ. Въ Аѳинахъ онъ составлялъ также главный жизненный нервъ и центръ всей ихъ духовной жизни, хотя не въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ Спартѣ и въ Римѣ, благодаря племеннымъ особенностямъ обитателей Аттики и географическому ея положенію.

Но вотъ въ концѣ V-го вѣка до нашей эры, точнѣй—во время Пелопоннесской войны, въ духовной жизни древней Эллады наступаетъ реакція, вызванная выше указаннымъ нами одностороннимъ преобладаніемъ идеи государственности, подавлявшей собой значеніе и

---

[5]) Курц. «Ист. Грец.» III, стр. 497 (переводъ Корсака).

свободное развитіе отдѣльной личности. Послѣдняя заявляетъ свои права на независимость и самостоятельность своего внутренняго, субъективнаго міра, старается выйти изъ-подъ внѣшняго авторитета государства и поставить себя судьей и рѣшителемъ въ вопросахъ морали, религіи, политической и соціальной жизни, науки и искусства. Крайними выразителями наступившей реакціи и представителями отрицательной стороны новаго ученія, именуемаго субъективизмомъ, явились софисты. Но принципъ субъективизма, на почвѣ котораго коренится разрушительное ученіе софистовъ, и который, какъ мы увидимъ, характеризуетъ собой всѣ отрицательныя явленія кризиса въ духовной жизни грековъ конца V вѣка до Р. Х., заключалъ въ себѣ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, также и положительное, жизненное начало, давшее содержаніе всему послѣдующему періоду греческой философіи. Этотъ положительный, созидающій періодъ субъективизма открывается ученіемъ Сократа. Начиная съ послѣдняго, философская мысль дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія исключительно человѣка и его внутренній, субъективный міръ. Послѣдній становится центромъ изслѣдованія всѣхъ послѣдующихъ философскихъ школъ въ Греціи, а именно, академиковъ, перипатетиковъ, стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ. Названныя школы стараются выработать и найти новыя основы морали и этики, коренящіяся въ самомъ человѣкѣ, въ его нравственно-разумной природѣ. Въ этихъ школахъ, главнымъ образомъ благодаря стоикамъ, выясняются права человѣка, независимо отъ его политическаго и соціальнаго положенія. Лозунгъ древне-классическаго міра: «Civis Romanus sum», замѣняется лозунгомъ новаго времени: «Homo sum». По волѣ Провидѣнія и всеблагого Про-

мысль, проявляющагося въ судьбахъ человѣчества, названнымъ школамъ языческихъ философовъ было предназначено только предуготовить путь къ воспріятію человѣчествомъ Божественной проповѣди христіанства, благодаря которому совершилось окончательное и полное освобожденіе человѣка изъ-подъ ига рабства и внѣшняго закона. Съ такой именно точки зрѣнія имѣетъ для насъ этическій интересъ какъ изученіе вообще древне-классическаго міра, такъ и въ частности той реакціи и того духовнаго кризиса въ жизни древней Эллады въ концѣ V-го в. до нашей эры, который составитъ содержаніе настоящаго очерка.

Послѣ этихъ общихъ положеній, касающихся значенія и характера античнаго классическаго міра, обратимся къ подробному разсмотрѣнію тѣхъ явленій, которыми сопровождался этотъ кризисъ въ области религіи, политической жизни, въ литературѣ и въ философіи древней Эллады конца V-го вѣка до Р. Х.

I. Религія.

Разсмотримъ прежде всего, какъ отразился духовный кризисъ конца V-го вѣка до Р. Х. на религіозныхъ вѣрованіяхъ эллиновъ. Мы при этомъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ Аѳины, составлявшія въ разсматриваемую нами эпоху центръ всей эллинской культуры.

Религіозныя вѣрованія грековъ въ своемъ развитіи пережили нѣсколько періодовъ, начавшись съ низшихъ формъ фетишизма и закончившись представленіями о богахъ, какъ идеализированныхъ человѣческихъ существахъ. Въ греко-римскомъ культѣ язычество достигло наивысшаго своего развитія, именно, поклоненія

человѣку и обоготворенія его, т. е его духовной и физической стороны. Если языческія религіи Востока и представляли свои божества человѣкообразными, то боги ихъ только по внѣшнему виду походили на людей, по существу же своему продолжали оставаться олицетвореніями силъ природы. Таковъ общій характеръ главнѣйшихъ восточныхъ языческихъ религій [6]). Греція въ своемъ религіозномъ самосознаніи также пережила эту стадію развитія, характеризуемую названіемъ объективнаго язычества, такъ какъ для него предметомъ поклоненія служитъ внѣшній, объективный міръ [7]). Почти въ каждомъ изъ греческихъ боговъ можно найти черты, указывающія, что данное божество первоначально было олицетвореніемъ какой-либо стихійной силы и ея проявленій. Но уже въ періодъ сложенія Гомеровскихъ миѳовъ боги эллиновъ вполнѣ антропоморфировались. Обитатели Олимпа во главѣ съ владыкой боговъ и людей представляются уже совершенно очеловѣченными существами. Только, какъ глухое преданіе весьма отдаленнаго времени, у Гомера повѣствуется, что нѣкогда господствовало болѣе дикое поколѣніе боговъ. Къ нему принадлежалъ Кроносъ, отецъ Зевса, и Титаны, низвергнутые Зевсомъ въ Тартаръ. «Боги Гомера —существа, весьма сходныя съ людьми. Ихъ волнуютъ обыкновенныя человѣческія чувства; въ сердцахъ ихъ господствуютъ любовь и мстительность, ревность и гнѣвъ. Они дѣйствуютъ не подъ вліяніемъ вѣчныхъ принциповъ, а руководствуются, подобно людямъ, минутными побужденіями. Взятые вмѣстѣ Олимпійцы не произво-

[6]) См. «Религіи Востока» т. III-й—архимандрита Порфирія.

[7]) См. Plat. «Cratyl.» p. 397. C.

дятъ внушительнаго впечатлѣнія, но, разсматривая ихъ отдѣльно, мы судимъ о нихъ совершенно иначе. Индивидуальные боги представляютъ собой возвышенные идеалы. Чѣмъ бы они ни были нѣкогда, силами ли природы, фетишами или людьми, для поэта они являются воплощеніями различныхъ нравственныхъ совершенствъ» [8]). Поэмы Гомера и «Ѳеогонія» Гезіода были главнѣйшими источниками въ образованіи обще-эллинскихъ представленій о богахъ. «Гомеръ и Гезіодъ составили для эллиновъ родословную боговъ, дали имъ имена, распредѣлили между ними достоинства и занятія и начертали ихъ образы» [9]). Кромѣ Гомера и Гезіода, установленію единства и опредѣленности религіи грековъ немало содѣйствовали оракулы и между ними главнымъ образомъ Дельфійскій. «Ни одинъ разумный человѣкъ», говоритъ Платонъ: «не посмѣетъ измѣнить религіозныхъ установленій, освященныхъ въ Дельфахъ, Додонѣ или Аммонскимъ оракуломъ» [10]). Къ тому же времени сложенія Гомеровскаго эпоса слѣдуетъ отнести установленіе обще-эллинскаго культа и всей обрядовой, внѣшней стороны религіи, т.-е. молитвъ, жертвоприношеній, религіозныхъ гимновъ и танцевъ, а также построеніе храмовъ и появленіе статуй и изображеній боговъ. Въ сущности вѣрованія историческихъ временъ Греціи мало чѣмъ отличались отъ вѣрованій Гомеровской эпохи. Догматики и систематическаго вѣроученія о сущности и обрядахъ религіи у грековъ никогда не было.

Что касается отношенія государства къ религіи,

---

[8]) Мензесъ: «Исторія религіи», стр. 218—219.

[9]) Herod. II, 53.

[10]) Plat. «Leg.» V, p. 738, B. C.

то одна только, конечно, обрядовая, внѣшняя сторона ея могла подлежать его контролю. Задача государства въ этомъ отношеніи ограничивалась только тѣмъ, чтобы всѣ граждане исполняли установленные обряды культа, нарушеніе каковыхъ влекло за собой обвиненіе въ нечестіи (ἀσέβεια). Рѣшеніе ввести какой-либо новый культъ или измѣнить уже существующій зависѣло исключительно отъ государственной власти. Государственный культъ составляли всѣ религіозныя дѣйствія, совершаемыя по извѣстнымъ, утвержденнымъ государственной властью и освященнымъ давностью, нормамъ. Сюда относятся молитвы, жертвоприношенія, отправленіе установленныхъ въ честь боговъ общественныхъ празднествъ, всенародныя моленія и т. п.

Изъ представленной нами общей характеристики религіи эллиновъ легко усмотрѣть, что она какъ по своему существу, такъ и по формамъ своего выраженія въ государственномъ культѣ не могла отвѣчать высшимъ религіознымъ потребностямъ человѣка,—въ первомъ отношеніи потому, что не давала положительныхъ, безусловныхъ нормъ морали и нравственности, такъ какъ божества ея были тѣ же смертные люди, со всѣми ихъ несовершенствами, во второмъ—по той причинѣ, что государство, взявъ подъ свой верховный контроль религіозныя вѣрованія своихъ согражданъ, естественно должно было свести всю сущность религіи къ механическому выполненію внѣшнихъ ея обрядовъ въ ущербъ внутреннему содержанію. Непомѣрно увеличивалось число празднествъ и обычно соединенныхъ съ ними общественныхъ жертвоприношеній, пиршествъ и пышныхъ религіозныхъ процессій; «жажда же духовная», утоленія которой человѣкъ прежде всего ищетъ въ религіи, оставалась неудовлетворенной. Уто-

леніе именно этой «жажды духовной», котораго не находилъ грекъ въ установленномъ государствомъ обрядовомъ, внѣшнемъ культѣ, онъ стремится найти въ мистеріяхъ, получившихъ особенно большое значеніе и развитіе въ эллинскомъ мірѣ въ VI мъ вѣкѣ до Р. Х. По поводу возникновенія въ Греціи этихъ новыхъ религіозныхъ потребностей, удовлетворенія которыхъ греки чаяли обрѣсти въ мистеріяхъ, Мензесъ говоритъ: «Исчезла непосредственная объективность Гомеровскаго духа, при которой человѣкъ могъ свободно поклоняться существамъ, подобнымъ самому себѣ и немногимъ выше его самого. Божество въ это время становится выше и страшнѣе, а человѣкъ, менѣе увѣренный въ себѣ, испытываетъ новое чувство таинственности и грѣховности. Начинаютъ возникать жертвоприношенія, которыя представляютъ собой не только соціальныя общенія съ божествомъ, но имѣютъ въ виду искупленіе какой-нибудь вины или очищеніе отъ какой нибудь порчи. Возникаетъ сознаніе грѣховности, неизвѣстное Гомеровскому міру, и это сознаніе придаетъ новую окраску общенію людей съ божествомъ» [11]). Мистеріи мы встрѣчаемъ не только въ религіи грековъ, но и въ восточныхъ культахъ, напр.: культъ Митры у персовъ, Озириса и Изиды у египтянъ. Въ мистеріяхъ язычество искало разрѣшенія вѣковѣчныхъ запросовъ человѣческаго духа о загробной жизни, объ освобожденіи и очищеніи отъ первороднаго грѣха, о средствахъ, которыми грѣховный человѣкъ можетъ достигнуть духовнаго просвѣтленія, словомъ, запросовъ, рѣшеніе которыхъ было не по силамъ человѣчеству, предоставленному самому себѣ и лишенному свѣта высшаго откро-

---

[11]) Менз.: «Ист. рел.» стр. 228—229.

венія, принесеннаго міру воплотившимся предвѣчнымъ Словомъ: «И Слово стало плотью, и обитало съ нами, полное благодати и истины, и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца» [12]). Всё же нельзя не признать, что мистеріи представляли наиболѣе духовную сторону въ языческихъ религіяхъ и въ бо́льшей степени удовлетворяли нравственно-религіознымъ потребностямъ человѣческаго духа, чѣмъ государственный культъ съ его внѣшними, ритуальными формами и обрядами. Этимъ объясняется то всеобщее, высокое почитаніе, какимъ пользовались въ древнемъ язычествѣ нѣкоторыя изъ мистерій, какъ, напр., въ Греціи Элевзинскія. Посвященіе въ нихъ считалось необходимымъ условіемъ для достиженія благополучія въ загробной и въ здѣшней жизни, какъ объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ писатели древности [13]).

Но почти одновременно съ развитіемъ мистерій въ Греціи возникаетъ также направленіе совершенно иного характера, именно религіозный скептицизмъ, которому открывала полный просторъ греческая религія, не знавшая ни догматики, ни священныхъ книгъ и не выработавшая ни богословія, ни религіозной дисциплины, ни безусловныхъ нормъ этики и морали. Паденію вѣры въ боговъ немало способствовали также и нѣкоторыя случайныя, такъ сказать, внѣшнія обстоятельства и прежде всего—продолжительная Пелопоннесская война. Ожесточенная борьба политическихъ партій во время этой братоубійственной войны привело къ забвенію всѣхъ человѣческихъ и божескихъ установленій, къ

---

[12]) Ев. Іоан. I, 14.

[13]) См. О значеніи мистерій у Латышева: «Очеркъ греч. древностей», т. 2, стр. 206.

нравственному и духовному одичанію [14]), къ ожесточенію сердецъ, къ ниспроверженію освященныхъ преданіями и временемъ обычаевъ и установленій. Храмы и святилища, считавшіеся неприкосновенными и пользовавшіеся правомъ убѣжища, утратили свою святость въ глазахъ людей, ослѣпленныхъ политической ненавистью и страстями. Спартанскому царю Агезилаю была поставлена въ особую заслугу пощада укрывшихся въ храмѣ Аѳины Итоніи [15]). Клятвенныя обязательства, стоявшія подъ особымъ покровительствомъ Зевса и всегда нерушимо соблюдаемыя, теперь потеряли свою силу и нисколько не гарантировали святости договоровъ и союзовъ. Почитаніе, воздававшееся даже варварами павшимъ въ битвѣ, и исполненіе надъ умершими погребальныхъ обрядовъ, наряду съ прочими божескими установленіями, были попраны въ эту роковую для всей Эллады войну, о которой Ѳукидидъ, ея историкъ, предсказалъ, что она сдѣлается источникомъ великихъ бѣдствій для Греціи [16]).

Помимо Пелопоннесской войны, ужасы моровой язвы, вспыхнувшей въ Аѳинахъ на второй годъ войны, вмѣстѣ съ другими бѣдствіями этого времени, также немало способствовали забвенію заповѣдей по отношенію къ ближнему и богамъ [17]). Близкіе и родные изъ опасенія заразы покидали своихъ больныхъ и оставляли непогребенными умершихъ. Повсюду: на улицахъ, у колодцевъ, на площадяхъ, въ храмахъ, у жертвенниковъ, грудами лежали умирающіе и мертвые, и впер-

---

[14]) См. у Эврип.: «Ифиг. въ Тавр.» ст. 560.
[15]) Ксен. «Ист. Гр.» IV, 3, 20.
[16]) Ѳук. II, гл. 12.
[17]) См. Ѳук II, 52—53.

вые были осквернены народныя святыни присутствіемъ въ нихъ труповъ. Наступило всеобщее равнодушіе къ требованіямъ закона нравственнаго и религіознаго и негодованіе на боговъ и людей; съ открытой наглостью предавались всѣмъ дурнымъ инстинктамъ и искали забвенія отъ чрезмѣрныхъ бѣдствій въ самыхъ грубыхъ и неумѣренныхъ наслажденіяхъ [18]).

Но такія случайныя, внѣшнія причины, какъ Пелопоннесская война и моровая язва, не могли бы сами по себѣ послужить достаточнымъ основаніемъ къ разложенію эллинской религіи, если бы послѣдняя въ самой себѣ не заключала началъ разложенія, что и обнаружилось очень рано, почти при первомъ пробужденіи философской мысли въ Греціи. Уже основатель Элейской школы, Ксенофанъ, жившій во второй половинѣ VI в. до Р. Х., велъ полемику противъ антропоморфизма и политеизма Гомеровской и Гезіодовской ѳеологіи. Согласно основнымъ началамъ Элеатской философіи, признававшей единое, неизмѣнное, вѣчное бытіе, Ксенофанъ, отождествивъ божество съ самимъ бытіемъ, вмѣсто Гомеровскаго политеизма, выступаетъ проповѣдникомъ пантеистическаго монизма [19]). Тѣ же воззрѣнія на божество, что и Ксенофанъ, но въ болѣе послѣдовательной системѣ, развивалъ также Парме-

---

[18]) Ѳук. II, 52—53; III, 82; также Plat. Leg. III, p. 701.

[19]) Отрывокъ изъ дидактической поэмы Ксенофана: «О природѣ», направленной противъ антропоморфизма и политеизма народныхъ представленій о богахъ:

«Богъ лишь единъ выше всѣхъ боговъ и людей,
Ни по образу, ни даже по мысли неподобенъ онъ смертнымъ,
А люди мечтаютъ, что боги родятся
По образу нашему, съ чертами, подобными нашимъ;

нидъ, глава элеатовъ, въ своей дидактической поэмѣ: «Περὶ φύσεως» («О природѣ»).

Анаксагоръ изъ Клазоменъ (500—428 г. до Р. Х.), одинъ изъ наиболѣе серьёзныхъ мыслителей изъ школы такъ называемыхъ позднѣйшихъ греческихъ физиковъ, близкій другъ Перикла, былъ обвиненъ, какъ извѣстно, аѳинянами въ безбожіи и долженъ былъ покинуть Аѳины ($^{434}/_{3}$ г. до Р. Х.).

Ксенофанъ, Парменидъ и Анаксагоръ стали въ противорѣчіе съ государственной религіей только потому, что имѣли болѣе высокое представленіе о божествѣ, не согласовавшееся съ народными вѣрованіями. Но во второй половинѣ V-го вѣка до Р. Х. въ Греціи появились ученія вполнѣ отрицательнаго характера, не допускавшія въ самомъ принципѣ существованія боговъ. Представителями такого атеистическаго направленія мысли были философы:—Демокритъ изъ Абдеры (460—360 г. до Р. Х.), послѣдователь атомистической теоріи Левкиппа; ученикъ Демокрита, Діагоръ, получившій прозвище ἄθεος (атеистъ), и софистъ Протагоръ Абдерскій (480—410 г. до Р. Х.), сочиненіе котораго: «О богахъ», было сожжено на аѳинской площади, а самъ онъ изгнанъ изъ Аѳинъ (411 г. до Р. Х.).

Такимъ образомъ, къ концу V вѣка до Р. Х. государственная религія эллиновъ подвергалась одновременно нападкамъ различныхъ философскихъ ученій и не находила себѣ защиты ни въ жрецахъ, ни въ ора-

---

Что наша наружность у нихъ, нашъ голосъ и станъ.
Свѣтлоокимъ и русымъ является богъ у ѳракійца,
Тупоносымъ и чернымъ его эѳіопъ представляетъ.
Египтяне, мидяне, персы и всѣ остальные
По собственнымъ обликамъ лики боговъ начертали».

кулахъ. Дельфы стали безсильны, и ихъ мудрость отжила свой вѣкъ; у народной вѣры не было ни твердыхъ основъ, ни руководителей въ вѣроученіи. Разгромъ религіи и связанный съ нимъ упадокъ нравовъ грозилъ неизбѣжной гибелью всему эллинскому міру.

Одновременно съ утратой вѣры отцовъ, какъ это всегда бываетъ, появилось множество суевѣрій; иноземные культы изъ Фригіи, Ѳракіи, Сиріи, Египта находили въ Аѳинахъ многочисленныхъ послѣдователей среди народа. «Грязные, нищенствующіе жрецы бродили изъ дома въ домъ, собирая подаянія для «Великой Матери» и обѣщая за нихъ прощеніе и отпущеніе грѣховъ. Проходимцы, такъ называемые орфеотелисты, разносили повсюду множество изреченій и сочиненій, приписываемыхъ ими Орфею; чревовѣщатели собирали вокругъ себя толпы зѣвакъ, увѣряя, что внутри ихъ обитаетъ демонъ, дающій черезъ нихъ предсказанія. Одинъ изъ нихъ, Эвриклъ, былъ еще въ первую половину Пелопоннесской войны знаменитымъ лицомъ въ Аѳинахъ, и его пошлое фиглярство имѣло тамъ такой успѣхъ, что его именемъ называлась цѣлая школа чревовѣщателей» [20]).

Таково было религіозное состояніе Эллады вообще и въ частности Аѳинъ, какъ главнаго центра ея, къ концу V вѣка до Р. Х. Мы видимъ, что съ пробужденіемъ критическаго направленія философскаго мышленія и индивидуальнаго самосознанія личности политеизмъ и антропоморфизмъ народныхъ, отечественныхъ вѣрованій не могъ долѣе удовлетворять религіознымъ потребностямъ человѣка въ болѣе возвышенномъ, духовномъ представленіи божества. Равнымъ образомъ и

---

20) Курц. «Ист. Гр.» III, стр. 53.

государство съ его обрядовымъ, внѣшнимъ культомъ, лишеннымъ внутренняго этическаго содержанія, оказалось несостоятельнымъ, какъ высшій духовный авторитетъ въ вопросахъ, касающихся спасенія душъ и созиданія града Господня, лишь только человѣкъ созналъ, благодаря прогрессу философіи, свое независимое отъ государства значеніе въ области духовной, психической жизни. Но философія, разрушивъ народныя вѣрованія, не могла замѣнить собой религіи, не могла дать и «глаголовъ жизни вѣчной». Спасеніе и обновленіе человѣчества слѣдовало ждать свыше. Высшая форма древняго язычества, т.-е. греко-римская религія, была, какъ и весь строй духовной ихъ жизни, «земная», созданіе естественнаго человѣка. Для созданія же религіи духа и духовнаго человѣка требовалось участіе Неба, требовалось воплощеніе Единороднаго отъ Отца, «иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ [21]). А мы, дѣти конца XIX вѣка, чего ищемъ? Гдѣ тотъ Свѣтъ, о которомъ говоритъ св. евангелистъ? Не ясно ли, что мы крещены еще только водой, а не духомъ; что въ насъ все еще живъ земной человѣкъ, и въ этомъ причина современнаго омраченія религіознаго самосознанія. Наше спасеніе—въ полнѣйшемъ осуществленіи въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ государственномъ строѣ, въ общественной и частной дѣятельности тѣхъ божественныхъ, безсмертныхъ началъ, которыя завѣщаны намъ въ св. евангеліи присносущимъ Словомъ, Господомъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ.

---

[21]) Ев. Іоанна I, 9.

II. Политическая жизнь.

Разсмотримъ теперь политическое состояніе Эллады въ описываемое нами время и укажемъ на патологическія явленія, вызванныя въ сферѣ государственной жизни наступившимъ духовнымъ кризисомъ въ Греціи. И здѣсь, какъ мы увидимъ, причина всѣхъ болѣзненныхъ явленій лежитъ въ томъ же началѣ субъективизма, въ его одностороннемъ развитіи, въ стремленіи личности сбросить съ себя тяготѣвшій надъ ней и подавлявшій ее авторитетъ государства и его внѣшняго закона. Въ этомъ отношеніи Пелопоннесская война (431—404 до Р. Х.), нашедшая въ лицѣ Ѳукидида своего геніальнаго историка-психолога и художника, представляетъ потрясающую своимъ драматизмомъ картину разрушенія основъ политической и общественной жизни античной Эллады. Для выясненія, въ чемъ состояли эти основы, на которыхъ зиждется вообще всякое благоустроенное государство, мы вкратцѣ укажемъ на положеніе, занимаемое Перикломъ въ исторіи Аѳинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на его значеніе въ общемъ ходѣ развитія всей Эллады, поскольку Аѳины являются въ это время культурнымъ и политическимъ центромъ эллинизма. Периклъ стоитъ на рубежѣ двухъ рѣзко отличающихся по своему духу и направленію періодовъ исторіи Греціи: періода великой національной борьбы эллиновъ съ варварами за независимость Эллады и періода междоусобной, братоубійственной войны, во время которой греки, утративъ сознаніе національной солидарности, стремятся ко взаимному порабощенію при содѣйствіи общаго всему эллинскому міру врага—персовъ. Въ Периклѣ осуществились лучшіе завѣты и

стремленія его предшественниковъ въ политической и вообще духовной жизни Аѳинъ, а съ ними и всей Эллады. При Периклѣ получилъ свое окончательное завершеніе тотъ политическій строй, основу котораго составляли законы Солона и реформы Клисѳена. Мысли Ѳемистокла о морскомъ могуществѣ Аѳинъ нашли въ немъ свое полнѣйшее и всестороннее осуществленіе; въ то же время Периклъ слѣдовалъ во всей своей политической дѣятельности нравственнымъ принципамъ Аристида. Наконецъ, подобно Солону и Пизистратидамъ, онъ содѣйствовалъ культурному и духовному преуспѣянію Аѳинъ и въ этомъ полагалъ главнѣйшее условіе господства своихъ согражданъ надъ прочими эллинами, а не въ одностороннемъ развитіи боевыхъ силъ государства. Укажемъ на главнѣйшія мысли, высказанныя Перикломъ въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ имъ отъ имени всего государства во время торжественнаго погребенія гражданъ, павшихъ въ первый годъ войны, такъ какъ слово это представляетъ намъ тѣ возвышенные идеалы и мотивы, которые руководили Перикломъ въ его политической дѣятельности. Начавъ свою рѣчь съ признанія заслугъ предковъ, заложившихъ основаніе настоящему величію Аѳинъ, Периклъ тѣмъ самымъ указываетъ своимъ согражданамъ на тѣсную связь, существующую между настоящимъ государства и его прошлымъ, и цѣль политической дѣятельности полагаетъ въ соблюденіи завѣтовъ исторіи [22]. Указавъ на преемственность, существующую между идеалами прошлаго и настоящаго, Периклъ переходитъ къ выясненію своимъ согражданамъ того наслѣдія, которое завѣщано имъ ихъ предками, и преумножить ко-

[22]) Ѳук. II, 36.

торое составляетъ историческій долгъ аөинянъ. Воздавъ должную похвалу существующему государственному строю Аөинъ и благоговѣйному почитанію, которое оказываютъ граждане отечественнымъ богамъ, покровителямъ государства, Периклъ указываетъ затѣмъ на святость законовъ и на уваженіе къ власти, какъ на необходимыя условія благополучія государства. Но главный нервъ, который даетъ жизнь и одухотворяетъ весь политическій организмъ,—это, по мнѣнію Перикла, этическое, нравственное начало (ἀρετή) добродѣтель, въ ея наиболѣе широкомъ, обще-человѣческомъ значеніи [23]). Къ ея насажденію и развитію въ каждомъ изъ гражданъ призваны науки и искусства. Въ этомъ отношеніи Аөины, по безпристрастному сужденію Перикла, представляютъ школу для всей Эллады [24]).

Изъ представленнаго нами краткаго, общаго содержанія надгробнаго слова Перикла мы видимъ, что, по его мнѣнію, основой и устоями всякаго благоустроеннаго государства должны служить слѣдующія этическія начала: 1) благоговѣйный страхъ и почитаніе отечественныхъ боговъ, 2) уваженіе и соблюденіе завѣтовъ исторіи, 3) святость и нерушимость существующихъ законовъ, 4) просвѣтительное и этическое значеніе наукъ и искусствъ. Всѣ эти начала, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, были извращены и попраны слѣдовавшими послѣ Перикла руководителями аөинскаго народа.

Среди послѣднихъ для насъ имѣетъ наибольшій интересъ Алкивіадъ, насколько онъ является въ такой

---

23) Өук. II, 37.
24) Өук. 41.

же степени всестороннимъ представителемъ анти-государственныхъ, революціонныхъ принциповъ, въ какой Периклъ—представителемъ положительныхъ, этическихъ началъ государственной жизни. Алкивіадъ и другіе политическіе дѣятели этого времени осуществляли и проводили въ общественную и государственную жизнь ученіе софистовъ, какъ представителей крайняго, реакціоннаго субъективизма; а проникновеніе въ Аѳины ученія софистовъ содѣйствовало преимущественно пробужденію разрушительныхъ силъ: оно порвало связи, соединявшія сердца гражданъ въ одну общую волю; оно научило аѳинское юношество съ дерзкой заносчивостью проявлять свою личную волю въ противоположность всякой традиціи и презирать отцовскія добродѣтели; софистика разрушила вѣрованія въ боговъ, уваженіе къ законамъ, любовь къ родинѣ и семьѣ, страхъ передъ зломъ и вѣроломствомъ. Образованіе стало ядомъ, отравлявшимъ лучшіе соки государства» [25]). Въ политической дѣятельности Алкивіада нашли полнѣйшее и наилучшее свое выраженіе всѣ эти анархическія начала софистики, прямо противоположныя этическимъ и религіознымъ устоямъ, на которые указывалъ своимъ гражданамъ Периклъ въ выше приведенномъ надгробномъ своемъ словѣ, какъ на непреложныя основы государства.

Въ Алкивіадѣ, какъ мы увидимъ, личная воля вытѣсняетъ коллективную волю государства; онъ попираетъ всѣ завѣты прошлаго и національныя традиціи предковъ и издѣвается надъ самыми священными вѣрованіями своего народа. Въ такіе моменты исторической

---

[25]) Курц. «Ист. Гр.» II, стр. 647.

жизни народовъ, когда отрицается всякій внѣшній авторитетъ, какъ это было въ разсматриваемую нами эпоху исторіи Греціи, образованіе и геніальность становятся источниками наибольшихъ бѣдствій и золъ для современнаго имъ общества и являются разрушительными силами. Такой, именно, разрушительной силой, «злымъ геніемъ», былъ для своего времени геніальный Алкивіадъ, воспитанный въ домѣ Перикла, своего опекуна и родственника,—Алкивіадъ, для котораго даже возвышенное ученіе Сократа осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Для обоснованія высказаннаго нами взгляда на отрицательное значеніе политической дѣятельности Алкивіада, укажемъ на важнѣйшіе факты изъ жизни послѣдняго.

Алкивіадъ былъ внукъ Алкивіада, принимавшаго дѣятельное участіе въ реформахъ Клисѳена, и сынъ Клинія, героя войнъ за независимость Греціи, по матери принадлежалъ къ извѣстному въ Аѳинахъ древнему роду Алкмеонидовъ; онъ, пяти лѣтъ отъ роду лишившись отца, остался на попеченіи опекуновъ, своихъ родственниковъ: Перикла и его брата, Арифрона. Съ очень раннихъ лѣтъ Алкивіадъ выказывалъ непокорное своеволіе, дерзкую самонадѣянность, необузданное честолюбіе и деспотическія наклонности. Весьма характеренъ въ послѣднемъ отношеніи передаваемый Плутархомъ разсказъ о томъ, какъ однажды Алкивіадъ, прійдя въ домъ Перикла и узнавъ, что тотъ занятъ составленіемъ отчета для представленія его аѳинянамъ, сказалъ: «Не лучше ли было бы подумать о томъ, какъ бы не давать аѳинянамъ никакого отчета». Не менѣе интересна для характеристики софистическаго образованія Алкивіада также его бесѣда съ Перикломъ о томъ, что такое законъ, и какая разница между зако-

номъ и насиліемъ (βία), или беззаконіемъ (ἀνομία) [26]). Слѣдуя діалектическимъ пріемамъ софистовъ, Алкивіадъ на послѣдовательно даваемыя Перикломъ опредѣленія понятія «законъ» въ государствахъ демократическихъ, олигархическихъ и монархическихъ приходитъ къ тому выводу, что по существу нѣтъ никакой разницы между закономъ и насиліемъ, или беззаконіемъ, такъ какъ-де всякій законъ имѣетъ для отдѣльной личности принудительное значеніе, какъ выражающій волю законодателя, будетъ ли послѣднимъ весь народъ, подобно аѳинскому законодательному собранію, или олигархическій сенатъ, каковымъ была спартанская герузія, или, наконецъ, монархическая власть, какъ въ Македоніи. Алкивіадъ, какъ мы увидимъ, слѣдовалъ этому софистическому ученію, не признававшему никакой разницы между закономъ и беззаконіемъ, въ теченіе всей своей государственной дѣятельности, нормой которой поставилъ для себя вмѣсто закона, какъ объективнаго выраженія коллективной воли и интересовъ цѣлаго государства, свою личную волю и свои личные интересы. Поэтому вполнѣ справедливо Ксенофонтъ считаетъ Алкивіада среди аѳинскихъ демагоговъ наиболѣе самоуправнымъ и необузданнымъ [27]). Узы родства и дружбы, какъ и цѣлое государство, въ глазахъ Алкивіада были только пассивными орудіями для достиженія личныхъ цѣлей. Такъ, на богатство своего тестя, Гиппоника, онъ проложилъ себѣ путь къ Олимпійскимъ вѣнкамъ; но побѣда на конныхъ ристаніяхъ въ Олимпіи считалась и была первой ступенью къ достиженію тиранніи. Послѣдняя именно и составля-

---

[26]) Xenoph.: «Memor» I, 2, §§. 40—47.

[27]) Xenoph.: «Memor.» I, 2, 12.

ла конечную цѣль всей политической программы Алкивіада, осуществленіе которой находилось въ тѣсной связи съ роковой для аѳинянъ Сицилійской экспедиціей. Главнымъ ея виновникомъ, какъ извѣстно, былъ Алкивіадъ, который для осуществленія своихъ честолюбивыхъ, эгоистическихъ плановъ не задумался поставить на карту вопросъ о самомъ политическомъ существованіи Аѳинъ. Забыты были историческіе завѣты и призваніе Аѳинъ—служить культурнымъ центромъ Эллады. Всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, характеромъ и вѣками сложившимся складомъ своей конституціи Аѳины не были предназначены къ роли военнаго государства съ завоевательной политикой. Поэтому Периклъ, постоянно стоявшій на исторической почвѣ традиціи во внѣшнихъ предпріятіяхъ, всегда отрезвлялъ народъ отъ фантастическихъ плановъ милитаризма, который необходимо повлекъ бы за собой коренное измѣненіе всего государственнаго строя Аѳинъ; потребовалась бы сильная, единоличная власть въ формѣ тиранніи, что было совершенно несвойственно вообще духу греческихъ государствъ и тѣмъ болѣе демократическимъ Аѳинамъ. Но для Алкивіада именно по этой причинѣ и имѣло интересъ снаряженіе «Аѳинской армады» для завоеванія Сициліи, что должно было быть только началомъ исполненія болѣе обширнаго завоевательнаго плана, завершеніе котораго составило бы покореніе Ливіи и Карѳагена. Даже при сомнительномъ успѣхѣ Сицилійской экспедиціи Аѳины и ихъ военная слава проложили бы только путь Алкивіаду къ водворенію тиранніи въ своемъ отечествѣ и къ насильственному ниспроверженію исторически сложившагося государственнаго устройства Аѳинъ. Въ случаѣ же неудачи, какъ это и случилось, Аѳины теряли всё богатое наслѣдіе своихъ пред-

ковъ, которое такимъ образомъ приносилось въ жертву честолюбію и эгоизму одного лица.

Для цѣлей настоящей статьи было бы излишнимъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе причинъ рокового для Аѳинъ исхода Сицилійской экспедиціи. «Сицилійскій походъ—это какъ бы судъ, наряженный надъ городомъ Перикла,—уголовный судъ, послѣ котораго онъ никогда болѣе не поднимется до прежняго величія» [28]). Сицилія сдѣлалась могилой политическаго могущества Аѳинъ, какъ первенствующей морской державы: тамъ были погребены лучшія ихъ силы, пали опытнѣйшіе слуги государства: Никій, Демосѳенъ, Ламахъ. Съ пораженіемъ аѳинянъ въ Сициліи, престижъ, которымъ они пользовались среди своихъ союзниковъ, былъ уничтоженъ; постепенно отпадали отъ нихъ острова Эгейскаго моря, а за ними и города всего малоазійскаго побережья. Вмѣстѣ съ тѣмъ поколебалось и довѣріе къ прочности существовавшаго государственнаго устройства, такъ какъ олигархическая партія, до сихъ поръ дѣйствовавшая посредствомъ тайныхъ клубовъ, теперь, послѣ Сицилійскаго погрома, открыто стремилась къ государственному перевороту [29]). Понятенъ поэтому тотъ ужасъ и смятеніе, въ которое повергла аѳинянъ первая вѣсть о гибели Сицилійской экспедиціи. «Безпредѣльное горе наполнило весь городъ; не было ни одного дома, которому не приходилось бы оплакивать родственниковъ или друзей... Волненіе гражданъ перешло, наконецъ, въ отчаяніе и страхъ. Всякій день ожидали появленія передъ гаванью сицилійскаго флота съ пелопоннесцами, которые завоюютъ беззащитный го-

---

[28]) Курц.: «Ист. Грец.», томъ II, стр. 544.

[29]) См. Ѳукид. VIII, I.

родъ. Всѣ думали, что настали для Аѳинъ послѣдніе дни... Все, что когда либо вытерпѣли аѳиняне, не имѣло и отдаленнаго сходства съ настоящимъ несчастіемъ. Всѣ наличныя силы были употреблены въ дѣло... Болѣе 200 государственныхъ кораблей погибло со всѣмъ ихъ вооруженіемъ» [30]). Кто же былъ главнымъ виновникомъ этого смертельнаго для Аѳинъ удара? Тотъ же Алкивіадъ, личные интересы котораго вызвали снаряженіе «Аѳинской армады», по тѣмъ же личнымъ мотивамъ, а именно, чтобы отомстить своему отечеству за то, что послѣднее призвало своего сына къ отвѣтственности за поруганіе отечественной святыни, Алкивіадъ предложилъ Спартѣ свои услуги и геніальныя способности. Извѣстно, что и Ѳемистоклъ бѣжалъ изъ Аѳинъ къ персидскому царю; но, когда послѣдній потребовалъ отъ него услугъ, не согласныхъ съ сыновнимъ долгомъ гражданина по отношенію къ своему отечеству, онъ предпочелъ лучше умереть насильственной смертью, чѣмъ служить орудіемъ отечественному врагу для порабощенія своей родины. Но то было иное время, когда чтилась религія отцовъ, существовала сыновья любовь къ отечеству, уважались авторитетъ государства и святость законовъ; а теперь всѣ эти этическіе устои рушились, и ихъ мѣсто заняло личное *я*, какъ единственный судья дѣйствій и поступковъ человѣка. Сицилійская экспедиція была «началомъ конца»; слѣдовавшіе за ней удары, нанесенные аѳинянамъ Спартой, были, какъ извѣстно, нанесены по указанію и совѣтамъ Алкивіада и постепенно содѣйствовали наступленію того дня, когда стѣны Пирея, созданіе отцовъ и священное наслѣдіе ихъ дѣтямъ, были срыты самими аѳинянами, по требованію спартанцевъ,

---

[30]) Кур.: «Ист. Гр.», II, стр. 545.

подъ звуки ихъ флейты, а отечественную конституцію замѣнило правленіе тридцати, опиравшееся на спартанскій гарнизонъ, помѣщенный въ священномъ аѳинскомъ акрополѣ.

Таковы были плоды государственной дѣятельности Алкивіада; послѣдняя носитъ характеръ вполнѣ революціонный, вѣрнѣй—анархическій, такъ какъ находится въ прямомъ противорѣчіи со всѣми этическими началами, потому что не признаетъ ни религіозныхъ вѣрованій своего народа, ни его историческихъ традицій и попираетъ святость законовъ, долгъ и любовь къ отечеству. Но Алкивіадъ не былъ единственнымъ сыномъ своего времени, а только наиболѣе геніальнымъ его представителемъ. И другіе, современные ему дѣятели, являются проводниками въ государственную жизнь тѣхъ же разрушительныхъ, анархическихъ началъ реакціоннаго, софистическаго субъективизма, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Таковы были: Пизандръ, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тайныхъ олигархическихъ клубовъ; Критій, игравшій главную роль въ коллегіи тридцати; его сотоварищъ по этой коллегіи Ѳераменъ, извѣстный ораторъ Антифонъ, Фринихъ и др. Большинство членовъ этой олигархической партіи принадлежало къ воспитавшемуся въ софистическомъ ученіи юношеству, которое презирало государственные законы и изъ личныхъ побужденій стремилось къ насильственному перевороту въ Аѳинахъ. Въ Спартѣ наиболѣе выдающимся представителемъ этого субъективизма въ политикѣ былъ Лизандръ, котораго Курціусъ вполнѣ вѣрно называетъ «спартанскимъ Алкивіадомъ».

Какъ отдѣльныя лица, стоявшія во главѣ управленія государственными дѣлами, руководились въ своей

общественной дѣятельности личными интересами, также точно и аѳинскій демосъ, этотъ призрачный, номинальный носитель верховныхъ правъ, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ своимъ вожакамъ слѣдовалъ не требованіямъ государственнаго интереса, а побужденіямъ вполнѣ эгоистическаго характера: онъ дарилъ своимъ довѣріемъ тѣхъ, которые доставляли ему наибольшую возможность проводить въ городѣ праздную жизнь въ увеселеніяхъ на средства государственной кассы. Гражданскія обязанности и функціи верховной власти, лежавшія на немъ, обратились въ доходныя, оброчныя статьи для черни. Вслѣдствіе продолжительной войны сельскій людъ былъ оторванъ отъ занятія земледѣліемъ, которое поэтому изъ года въ годъ приходило въ упадокъ. «Многіе прежніе земледѣльцы совершенно покинули свои поля, находя болѣе пріятной жизнь въ городѣ, гдѣ проводили время въ вѣчной смѣнѣ наслажденій и борьбы партій. Въ Аѳинахъ возникла недовольная, безпокойная чернь. Въ короткое время изъ аѳинскаго гражданства создалась нестройная толпа (ὄχλος)» [31]). Характерныя черты этого аѳинскаго демоса, выродившагося въ охлократію, изображены Аристофаномъ въ его комедіяхъ: «Всадники» и «Осы». Въ первой изъ нихъ демосъ представленъ одряхлѣвшимъ, капризнымъ и — лишеннымъ собственной воли старикомъ, котораго лестью и угодничествомъ искусно обманываетъ его рабъ Пафлагонецъ (демагогъ Клеонъ). Во «Всадникахъ» Аристофанъ изобразилъ политическое безсиліе и полную безпомощность аѳинскаго народа, мнившаго себя автократоромъ, въ «Осахъ» выведенъ демосъ при отправленіи имъ его судейскихъ обязанностей. Вмѣсто интересовъ

[31]) Курц. «Ист. Гр.» II, ст. 355.

безпристрастнаго отправленія правосудія главнымъ побужденіемъ для народнаго суда (судъ геліастовъ) служитъ плата, назначенная за судейскія засѣданія, установленіе которой привело къ развитію въ народѣ сутяжничество, ябеды и страсти къ доносамъ,—сикофантіи. Такіе же эгоистическіе, личные мотивы руководятъ также законодательной дѣятельностью народа и его внѣшней политикой; только тѣ законы и предложенія народъ санкціонируетъ своей властью, которые сулятъ ему личныя выгоды, льстятъ его низменнымъ инстинктамъ и слабостямъ.

Таковъ былъ фонъ и основа, представлявшіе полную возможность развитію въ Аѳинахъ личной, антигосударственной, революціонной дѣятельности какъ вожаковъ народа, такъ и олигархическихъ клубовъ. Такимъ образомъ государства, какъ выразителя общей, единой, коллективной воли, въ Аѳинахъ въ описываемое время не существовало; его мѣсто заступали: съ одной стороны — чернь (ὄχλος), представлявшая тѣнь верховной власти, съ другой — партіи и ихъ вожаки. Насталъ всесторонній политическій кризисъ: господство и побѣда партійныхъ и личныхъ интересовъ надъ обще-государственными, полное торжество положенія софиста Протагора, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей, осуществленнаго въ сферѣ государственной жизни.

Мы указали на факты разложенія основъ государства и на причины, ихъ вызвавшія, исключительно въ Аѳинахъ. Но тѣ же явленія наблюдаются въ политической жизни и прочихъ эллинскихъ государствъ. Спарта, вышедшая побѣдительницей Аѳинъ изъ этой борьбы благодаря позорному союзу ея съ персами и ихъ денежнымъ субсидіямъ, также находилась въ противо-

рѣчіи съ своей собственной конституціей, и побѣдитель аѳинянъ при Козьей рѣкѣ, Лизандръ, былъ явнымъ противникомъ ея государственнаго строя и консервативнаго духа Ликурговыхъ законовъ. Повсюду, во всѣхъ эллинскихъ государствахъ этого времени, обще-государственные интересы вытѣсняются ожесточенной, фанатической борьбой партій. Вспомнимъ кровавые эпизоды этой борьбы въ Корцирѣ, въ Эпидаврѣ, въ Митиленѣ, въ Платеѣ, когда побѣдитель эллинъ съ дикой, варварской жестокостью уничтожалъ и губилъ своего брата и согражданина эллина. «Въ кровавыхъ распряхъ угасли гражданскій духъ и любовь къ отчизнѣ. Члены разныхъ партій уже не протягивали другъ другу руку, когда дѣло шло о спасеніи родного города, какъ нѣкогда сдѣлали Ѳемистоклъ и Аристидъ передъ Саламинской битвой» [32]).

Пелопоннесская война является такимъ образомъ предсмертной агоніей политическаго строя государственной жизни древней Эллады, въ которомъ права отдѣльной личности были подавлены исключительнымъ преобладаніемъ идеи государственности (πολιτεία), которая въ свою очередь вытекала какъ прямое слѣдствіе изъ общаго характера языческаго, античнаго міра и его религіозныхъ вѣрованій, основанныхъ на естественной религіи. Только религія духа могла создать иной, духовный строй государства, гдѣ личность и ея субъективный, внутренній міръ получили свое освященіе, по благодати и вѣрѣ въ Спасителя нашего, Господа Іисуса Христа.

---

[32]) Курц. «Ист. Гр.» II, стр. 648.

III. Литература.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса, какъ отразился духовный кризисъ въ Греціи конца V в. до Р. Х., вызванный началомъ субъективизма, на литературныхъ идеалахъ этого времени.

Въ разсматриваемую нами эпоху исторіи Греціи трагедія, въ лицѣ трехъ своихъ главныхъ представителей: Эсхила, Софокла и Эврипида, является высшей и почти единственной формой поэтическаго творчества, завершивъ собой весь предшествовавшій ей циклъ литературнаго развитія и соединивъ въ своихъ составныхъ элементахъ полноту и совершенство эпоса и лирики единствомъ идеи и дѣйствія. Поэтому при разсмотрѣніи вопроса о томъ, какъ отразились въ художественной литературѣ древней эллады принципъ субъективизма и вызванная имъ реакція противъ идеаловъ античной жизни, мы остановимся исключительно на трагедіи и именно, на произведеніяхъ Эврипида, такъ какъ въ нихъ это новое начало (субъективизмъ) нашло свое всестороннее и наиболѣе полное выраженіе. Но прежде чѣмъ войти въ обстоятельное изложеніе этико-религіозныхъ и политическихъ воззрѣній Эврипида, укажемъ на значеніе Эсхила въ исторіи духовнаго развитія Греціи и на общій характеръ его трагедій, такъ какъ Эсхилъ является въ такой же мѣрѣ представителемъ положительныхъ идеаловъ античной эллинской жизни, въ какой Эврипидъ проповѣдникомъ новаго ученія, ставшаго въ прямое противорѣчіе съ этими идеалами. Софоклъ, составляя переходъ отъ Эсхила къ Эврипиду, по своимъ воззрѣніямъ и идеаламъ стоитъ на одной почвѣ съ Эсхиломъ, отличаясь отъ послѣдняго только болѣе совер-

шенной, художественной формой своихъ произведеній, а потому для цѣлей настоящаго очерка было бы излишнимъ останавливаться на анализѣ его трагедій.

Этико-религіозные и политическіе идеалы Эсхила всецѣло выражаютъ собой характеръ и складъ религіозной и политической жизни древней Эллады. Въ чемъ же состояла принципіальная особенность религіи и государственнаго строя античной Греціи?—Въ главѣ о религіи грековъ мы уже указывали на натуралистическій характеръ ихъ вѣрованій, вытекавшій изъ общаго всему язычеству обоготворенія твари, будь то внѣшній міръ, стихійныя силы природы, какъ въ религіяхъ Востока, или самъ человѣкъ, какъ въ культѣ греко римскомъ. Религіозный натурализмъ въ свою очередь опредѣляетъ собой такой же характеръ и государственнаго строя (политіи) древней Эллады, такъ какъ государство, какъ и всѣ другія функціи духовной жизни всякаго народа, находится въ тѣсной, внутренней связи съ характеромъ его религіозныхъ вѣрованій. Религія есть та всеобъемлющая периферія, внутри которой разсѣивается вся культура человѣка; отъ религіи послѣдняя заимствуетъ свою форму и направленіе. Поэтому натуралистическій характеръ вѣрованій грековъ отпечатлѣлся какъ вообще на всей ихъ духовной жизни, такъ и на ихъ государственномъ устройствѣ. Послѣднее, подобно религіи, было натуралистическимъ государствомъ, представляя въ этомъ отношеніи противоположность духовному строю новыхъ государствъ, въ основу которыхъ легло христіанство, религія духа. Этимъ натуралистическимъ характеромъ античной политіи опредѣлялось и отношеніе къ ней отдѣльной личности: послѣдняя, какъ уже выше было сказано, совершенно подчинялась внѣшнему авторитету государства. Таково же было въ языческомъ

государствѣ и отношеніе человѣка къ Божеству: человѣкъ, созданный Творцомъ по Его образу и подобію и одаренный свободной волей, въ язычествѣ былъ лишенъ этой свободы и обезличенъ. Такимъ образомъ разумно-свободная личность человѣка какъ въ области религіозной, т. е. въ своихъ отношеніяхъ къ Божеству, такъ и въ политической жизни, т.-е., въ отношеніяхъ къ государству, была лишена свободной воли, высшаго дара Творца, и находилась подъ двойнымъ игомъ, подъ игомъ закона государственнаго и закона религіознаго.

На такой объективно-натуралистической основѣ античной религіи и государства развились этико-религіозныя воззрѣнія Эсхила. Въ своихъ произведеніяхъ Эсхилъ является геніальнымъ представителемъ античной жизни, основанной на религіозномъ и политическомъ натурализмѣ. Его трагедіи представляютъ апоѳеозъ натуралистическаго государства и религіи, по самому своему характеру не допускавшихъ возможности проявленія личной воли человѣка. Въ произведеніяхъ великаго греческаго трагика государство и божество являются стихійными силами, которыя совершенно подавляютъ личность человѣка. Въ трагедіяхъ Эсхила нѣтъ мѣста для внутренней, субъективной жизни человѣка, почему онѣ вѣрно характеризуются названіемъ демоническихъ, поскольку главное содержаніе ихъ составляетъ проявленіе силъ божества, передъ которымъ человѣкъ играетъ совершенно пассивную роль. Его судьба и дѣйствія не зависятъ отъ его личной воли, а предопредѣлены ему внѣшней силой, рокомъ. Герои Эсхила являются искупительными жертвами карающаго божества. Поэтому произведеніямъ Эсхила чуждъ психологическій элементъ, и въ нихъ нѣтъ развитія характеровъ. Изъ дошедшихъ до насъ семи трагедій Эсхила въ двухъ, а

именно: въ «Эвменидахъ» и «Скованномъ Прометеѣ», дѣйствуютъ одни только боги, и человѣкъ совершенно устраненъ отъ рѣшенія великихъ этическихъ проблемъ, составляющихъ содержаніе названныхъ трагедій. Агамемнонъ, Клитемнестра, Орестъ нарушаютъ установленную божествомъ заповѣдь: «Не убій», но нарушаютъ ее, будучи ослѣплены самимъ же божествомъ, какъ ϑεοβλαβεῖς, или даже по его прямому требованію, какъ, напр., Орестъ, по повелѣнію самого Аполлона, становится матереубійцей. Ни въ Агамемнонѣ, ни въ Орестѣ мы не видимъ личной преступной воли, какъ мотива къ нарушенію божественной заповѣди. Весь трагизмъ дѣйствующихъ въ «Орестеѣ» главныхъ лицъ лежитъ не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ, именно, въ тяготѣющемъ надъ домомъ Атрея проклятіи, или рокѣ. Личные мотивы, какъ, напр., честолюбіе Агамемнона или преступная страсть Клитемнестры къ Эгисту имѣютъ второстепенное значеніе въ развитіи драматизма; на первомъ же планѣ стоитъ наслѣдственное нечестіе (μίασμα) рода Пелопса и духъ—мститель (ἀλάστωρ), преслѣдующій это нечестіе въ потомкахъ Пелопса. То же самое мы видимъ и въ трагедіи Эсхила: «Семь противъ Ѳивъ». Совершается братоубійство; но не по внутреннимъ, личнымъ побужденіямъ, а подъ вліяніемъ того же духа, карателя дома Лабдакидовъ, и во исполненіе проклятія, произнесеннаго Эдипомъ надъ сыновьями.

Итакъ, субъективный, психическій міръ человѣка совершенно чуждъ трагедіямъ Эсхила; таковой ихъ характеръ всецѣло обусловленъ строемъ античной жизни, вытекавшимъ изъ свойствъ натуралистической религіи и натуралистическаго государственнаго устройства, не допускавшихъ свободнаго развитія личной, индивидуальной воли человѣка.

Говорятъ, Эсхилъ имѣлъ обыкновеніе называть свои трагедіи «крохами, собранными съ пышныхъ трапезъ Гомера». Дѣйствительно, основой для Эсхиловой трагедіи служитъ миѳъ, какъ словесное выраженіе представленій народа о внѣшнемъ мірѣ, его Творцѣ и объ отношеніи человѣка къ Божеству. Богатая сокровищница національныхъ миѳовъ, изукрашенныхъ поэтическими вымыслами образной эпической поэзіи, была тѣмъ источникомъ, изъ котораго Эсхилъ заимствовалъ содержаніе для своихъ трагедій. Въ этихъ миѳическихъ сказаніяхъ поэтъ всегда находитъ эпическую основу. Въ измѣнчивости судебъ героическихъ родовъ, повѣствованія о которыхъ составляли содержаніе этическихъ разсказовъ, Эсхилъ прозрѣваетъ дѣйствіе и осуществленіе божескаго правосудія и въ своихъ произведеніяхъ раскрываетъ смыслъ и значеніе установленнаго Божествомъ этическаго строя человѣческой жизни. Въ этомъ причина этико-религіознаго, возвышеннаго характера трагедій Эсхила; онѣ переносили своихъ зрителей изъ сферы будничной, обыденной жизни въ идеальный міръ боговъ и героевъ. Театральныя зрѣлища, стоя въ тѣсной связи съ религіознымъ культомъ Діониса, изъ котораго они развились, и заимствуя свое содержаніе изъ національной миѳологіи, бывшей главнымъ и, можно сказать, единственнымъ кодексомъ религіозно-этическихъ истинъ, сдѣлались при Эсхилѣ школой религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Вотъ почему Эсхила еще съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ Гомера и Гезіода, можно назвать поэтомъ—жрецомъ или точнѣй—теологомъ, насколько послѣднее названіе примѣнимо къ представителю натуралистической религіи, которой вообще былъ чуждъ догматизмъ. Болѣе возвышенныхъ представленій о Божествѣ, его всемогуществѣ, правосудіи, промышле-

ніи о мірѣ и человѣкѣ мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ греческихъ поэтовъ *). Но понятія Эсхила о Божествѣ, какъ развившіяся на миѳѣ и національныхъ вѣрованіяхъ, не могли выйти за предѣлы натуралистической религіи. Какъ у всѣхъ ея представителей, начиная съ Гомера, Божество у Эсхила является стихійной внѣшней для человѣка силой, которая, какъ желѣзный гнетъ мрачнаго рока, наряду съ тяготѣніемъ родового грѣха, давитъ человѣка и исключаетъ всякое проявленіе въ немъ его индивидуальной воли и личности. Только христіанство даровало человѣку свободу и сняло тяготѣвшее на немъ двойное иго закона религіознаго и политическаго. Съ особенной полнотой представленіе о Божествѣ, какъ о силѣ, внѣшней человѣку и даже ему враждебной, сказалось у Эсхила въ «Скованномъ Прометеѣ», одной изъ лучшихъ его трагедій по простотѣ фабулы, величію идеи и поэтическимъ красотамъ. Въ этой трагедіи поэтъ, повидимому, становится въ противорѣчіе съ самимъ собой и съ общенаціональными представленіями о Зевсѣ, какъ о міровомъ блюстителѣ высшей правды и благомъ промыслителѣ человѣка. Въ «Скованномъ Прометеѣ» Зевсъ является физической силой, лишенной всякаго этическаго характера; онъ караетъ благодѣтеля человѣчества, Прометея за оказанныя имъ благодѣянія человѣку. Много предлагалось объясненій подобнаго, нечестиваго съ нашей, христіанской, точки зрѣнія представленія о Божествѣ,— представленія, встрѣчаемаго у Эсхила, поэта глубоко вѣрующаго и убѣжденнаго въ истинѣ религіи своихъ

*) См. о Божествѣ и его промыслѣ: «Просительницы», ст. 86 и слѣд. О загробной жизни—тамъ же, ст. 227—33 и ст. 416. О всемогуществѣ и благости Зевса: «Агамем.»: ст. 283—305.

отцовъ *). Единственное раціональное объясненіе такому, повидимому, противорѣчію, по нашему мнѣнію, можно найти только въ общемъ характерѣ натуралистической религіи, гдѣ понятія о Творцѣ и твореніи сливаются воедино, почему Божество и лишено въ ней абсолютной этической основы, возможной только въ богооткровенной религіи духа.

Но трагедія: «Скованный Прометей», представляетъ для насъ еще и другой интересъ. Въ образѣ Прометея всего естественнѣй видѣть представителя человѣческаго рода; отношеніе его (Прометея) къ Зевсу выражаетъ отношеніе языческаго человѣчества къ Божеству. Среди язычниковъ никогда не угасало темное, инстинктивное сознаніе объ истинномъ богопочитаніи и о мракѣ, въ который было погружено язычество. Эсхилъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ это отношеніе человѣка въ языческой религіи къ Божеству, назвавъ Прометея (т.-е. человѣчество) «скованнымъ» (δεσμώτης). Эти «оковы» всеблагимъ Провидѣніемъ было предопредѣлено снять съ человѣчества христіанству.

Какъ извѣстно, «Скованный Прометей» составлялъ только первую пьесу трилогіи, заключеніемъ которой была трагедія: «Освобожденный Прометей», до насъ не дошедшая. Насколько извѣстно, содержаніемъ для нея служило примиреніе Зевса съ Прометеемъ т.-е. Божества съ человѣкомъ, совершившееся при посредствѣ Геракла, сына Зевса. Такимъ образомъ, въ Миѳѣ о Прометеѣ разработанномъ въ трилогіи Эсхила, сказалось смутное ожиданіе язычествомъ обѣтованнаго Мессіи, примирителя человѣчества съ Божествомъ посредствомъ тайны искупленія, благодаря чему и для «сидѣвшихъ

---

*) См. Патенъ: «Etudes sur les trag. grecès» I, стр:. 254.

въ тѣни смертной» возсіялъ Свѣтъ отъ Свѣта истиннаго и освободилъ ихъ изъ узъ и мрака язычества.

Являясь въ своихъ произведеніяхъ представителемъ этихъ религіозныхъ идеаловъ, возросшихъ на почвѣ отечественнаго миѳа и натуралистической религіи, Эсхилъ въ такой же степени и выразитель идеи національности и античной политіи. Какъ современникъ великой національной борьбы эллинизма съ варварами, Эсхилъ, какъ извѣстно, принималъ личное участіе въ историческихъ битвахъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеяхъ. Персидскія войны содѣйствовали пробужденію въ эллинахъ сознанія единства всѣхъ грековъ, укрѣпленію идеи національности и наивысшему развитію гражданскихъ доблестей. Служеніе государству и посвященіе ему всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ становится единственнымъ высшимъ и достойнымъ человѣка идеаломъ. А потому Эсхилъ, какъ говорятъ, придавалъ бóльшее значеніе своему служенію государству на поляхъ битвъ, въ качествѣ простого воина, чѣмъ своей литературной дѣятельности. Его трагедія: «Персы», заимствующая свое содержаніе изъ современной поэту жизни (пораженія Ксеркса), служитъ апоѳеозомъ эллинизма и національнаго самосознанія.

Такимъ образомъ, Эсхилъ не только въ своихъ произведеніяхъ, но также всей своей жизнью и индивидуальнымъ складомъ своего характера былъ какъ бы живымъ воплощеніемъ религіозныхъ и политическихъ идеаловъ античнаго эллинизма. Идея національности, древняя политія и натуралистическая религія, составлявшія устои античнаго міра, нашли въ его произведеніяхъ свое высшее, художественное и идеальное выраженіе.

А. Солоникіо.

„КРИТОНЪ“,

или: „Объ обязанностяхъ гражданина“— этическій діалогъ Платона.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый вниманію читателей въ русскомъ переводѣ діалогъ Платона озаглавленъ—именемъ преданнѣйшаго ученика Сократова, Критона, готоваго для спасенія учителя, осужденнаго приговоромъ суда присяжныхъ и заключеннаго въ тюрьму, пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ.

Содержаніе—разговоръ между Критономъ и Сократомъ: ученикъ пытается убѣдить своего учителя въ необходимости побѣга изъ тюрьмы, а Сократъ убѣждаетъ Критона въ необходимости повиновенья законамъ государства.

„КРИТОНЪ",

или: „Объ обязанностяхъ гражданина" — этическій діалогъ Платона.

Ведутъ разговоръ Сократъ и Критонъ.

I.

I. С. Что ты, Критонъ, пришелъ такъ рано? или уже не рано?

К. И очень даже рано.

С. А какъ?

К. Едва-едва начинаетъ свѣтать.

С. Удивляюсь, какъ это тюремщикъ согласился пустить тебя такую рань!

К. Ужъ онъ призналъ меня, Сократъ: вѣдь я частенько-таки захожу сюда, да къ тому же я ему въ нѣкоторомъ родѣ благодѣтель!..

С. Ты только что пришелъ или давно?

К. Давненько!

С. Такъ что же ты не разбудилъ меня тотчасъ, какъ пришелъ?!.. Что жъ сидѣлъ и молчалъ?!..

К. Да я, Сократъ, ей Богу, и самъ бы былъ радъ не мучиться отъ горя такой безсонницей! А тутъ ужъ давно смотрю на тебя и никакъ не надивлюсь тому, что ты такъ сладко себѣ почиваешь! И, конечно, я нарочно не сталъ тебя будить: пусть себѣ наслаждается, думаю!.. Ужъ и раньше, всю жизнь, неоднократно я удивлялся твоему завидно счастливому характеру, но тутъ, какъ стряслась настоя-

щая бѣда, просто поражаетъ меня то, какъ это ты легко и спокойно переносишь её!

С. Да вѣдь въ мои годы, Критонъ, даже странно бы было негодовать на то, что ужъ надо умирать!

К. А какъ же, Сократъ, другіе, будучи однихъ лѣтъ съ тобою, когда подвергаются такой же участи, нисколько не думаютъ о томъ, что ихъ почтенный возрастъ долженъ быть помѣхою для негодованія на постигающую ихъ участь?

С. Положимъ, такъ... Но зачѣмъ собственно ты пришелъ такъ рано?

К. Я къ тебѣ пришелъ не съ доброй вѣстью, Сократъ,—не съ доброй, не для тебя, кажется, а не съ доброй, невыносимой какъ для меня, такъ и для всѣхъ твоихъ близкихъ! Мнѣ, Сократъ, должно быть, особенно трудно будетъ перенесть эту вѣсть!

С. Что жъ это за вѣсть? Ужъ не пришелъ ли изъ Делоса [1]) корабль, съ прибытіемъ котораго долженъ наступить часъ моей смерти?

---

[1]) Ежегодно въ памятный день благополучнаго возвращенія героя Тезея съ острова Крита, гдѣ былъ убитъ имъ пресловутый Минотавръ, аѳиняне отсылали въ Делосъ корабль съ торжественнымъ посольствомъ для принесенія, согласно данному обѣту, благодарственной жертвы богу Аполлону. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что въ теченіе всего времени плаванія—въ Делосъ и обратно—смертные приговоры въ Аѳинахъ не подлежатъ исполненію. Въ силу этого закона и того обстоятельства, что смертный приговоръ надъ Сократомъ, обвиненнымъ въ безбожіи и развращеніи юношества, былъ произнесенъ какъ разъ по выходѣ священнаго корабля изъ Аѳинъ, философъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и провелъ остатокъ жизни—тридцать дней въ кругу своихъ друзей и въ бесѣдахъ съ ними (Plat. Phaed. 58. A. B. C. Xenoph. Mem. IV. 8. 2).

К. Нѣтъ, Сократъ,—онъ еще не пришелъ, но, кажется, придетъ сегодня, судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя сообщаютъ прибывшіе съ Сунія [2]) и оставившіе его тамъ. Изъ этихъ извѣстій, несомнѣнно, вытекаетъ, что онъ прибудетъ сегодня, и завтра тебѣ, Сократъ, придется разстаться съ жизнью!..

II. С. Ну что жъ, Критонъ! и въ добрый часъ! Если богамъ такъ угодно, то пусть и будетъ такъ!.. Но только сегодня, по-моему, корабль не придетъ!

К. Это ты на основаніи чего же заключаешь?

С. А вотъ я тебѣ объясню: если не ошибаюсь, я долженъ умереть (принявъ по приговору суда ядъ) на другой день послѣ возвращенія корабля.

К. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ тѣ, кому то вѣдать надлежитъ.

С. А я такъ думаю, что онъ возвратится не сегодня, а завтра, и заключаю я это на основаніи сновидѣнія, которое привидѣлось мнѣ нынѣшней ночью, вотъ незадолго до этого... Пожалуй, даже ты весьма кстати не будилъ меня!

К. Что же это было за сновидѣніе?

С. Снилось мнѣ, будто бы какая-то красивая, благообразная женщина, въ бѣломъ одѣяніи, подошла ко мнѣ и, окликнувъ меня, сказала: «Сократъ, на третій день ты будешь въ плодоносной Фтіи [3])!»...

К. Какое странное сновидѣніе, Сократъ!

---

[2]) Суній—мысъ на югѣ Аттики, гдѣ остановился священный корабль, возвратившійся съ острова Делоса.

[3]) Фтія—область въ Ѳессаліи, родина героя Ахиллеса; здѣсь, въ устахъ Сократа,—область безпечальнаго бытія души, царство «блаженныхъ». Ср. Гом. «Ил». IX 363.

С. Но на мой взглядъ, Критонъ, во всякомъ случаѣ совершенно понятное.

Ш. К. Слишкомъ даже понятное!.. Но вотъ что, дорогой Сократъ: хоть теперь еще послушайся меня: бѣги! вѣдь если ты умрешь, то я наживаю двѣ бѣды: во-первыхъ, со смертью твоей я такого теряю въ тебѣ друга, какого мнѣ ужъ никогда больше ни въ комъ не найти; во-вторыхъ, людямъ, мало знающимъ и тебя, и меня, покажется, что, если бы я не пожалѣлъ только денегъ, то, безъ сомнѣнія, могъ бы спасти тебя, но не спасъ! А что (согласись самъ) можетъ быть безславнѣе, позорнѣе, толковъ о томъ, будто для меня деньги дороже друга?!!... Вѣдь потомъ народъ (толпа) не повѣритъ тому, что ты самъ не пожелалъ бѣжать отсюда, несмотря на всю нашу готовность содѣйствовать твоему бѣгству.

С. Но зачѣмъ намъ, милѣйшій Критонъ, такъ дорожить мнѣніемъ толпы? Вѣдь наиболѣе разсудительные изъ гражданъ, мнѣніемъ которыхъ скорѣе надлежитъ дорожить, поймутъ, что произошло именно такъ, какъ должно было произойти.

К. А ты самъ развѣ не видишь, Сократъ, что необходимо дорожить и мнѣніемъ толпы?!.. Да и само твое настоящее положеніе ясно говоритъ о томъ, что толпа способна не на одно самое ничтожное зло, а прямо-таки на величайшее: стоитъ только кого-нибудь оклеветать предъ ней!..

С. О, если бъ, Критонъ, толпа, способная, по твоимъ словамъ, на величайшее зло, въ то же время оказалась способной и на величайшее благо, то-то хорошо бы было! Но въ томъ-то и дѣло, что она неспособна ни на то, ни на другое: ей совершен-

но недоступно ни неразумное, ни разумное: она дѣлаетъ лишь то, на что натолкнетъ её слѣпой случай.

IV. К. Пусть это будетъ такъ! Но вотъ что, дорогой Сократъ: ужъ не безпокоишься ли ты насчетъ меня и прочихъ друзей: какъ бы намъ, съ твоимъ уходомъ изъ этой тюрьмы, не надѣлали хлопотъ сикофанты [4]) за то, что мы дали тебѣ возможность тайкомъ бѣжать отсюда? да какъ бы не пришлось намъ поплатиться всѣмъ достояніемъ своимъ или порядочною суммой, или еще какъ-нибудь пострадать? Если чего-либо подобнаго боишься, то выбрось это изъ головы! Вѣдь нашъ долгъ, Сократъ, надо полагать, въ томъ и состоитъ, чтобъ итти на этотъ рискъ, а, если надо, то и на большій, разъ дѣло идетъ о твоемъ спасеньи! Только слушайся ты меня и, ради Бога, не поступай иначе!

С. Я, дѣйствительно, безпокоюсь и на этотъ счетъ, Критонъ, но въ то же время безпокоюсь и насчетъ многаго другого.

К. Ну ничего такого, Сократъ, не бойся!!.. во-первыхъ, надо сказать, не Богъ знаетъ, за какія деньги соглашаются и спасти, и увести тебя отсюда!... А, затѣмъ: будто ты не знаешь нашихъ сикофантовъ! не знаешь, за какой пустякъ, за какой безцѣнокъ можно ихъ купить!.. Да къ твоимъ услугамъ все мое

---

[4]) Сикофанты (отъ σῦκον—смоква и φαίνω—показываю)—первоначально наименованіе должностныхъ лицъ, обязанныхъ доносить властямъ о случаяхъ воспрещеннаго закономъ вывоза смоквы изъ Аттики; здѣсь и позднѣе—ябедники, сутяги.

состоянiе! а его, кажись, будетъ достаточно... Ну, а ужъ если ты, жалѣя меня, думаешь, что не нужно тратить моего, то тогда, помимо меня, готовы еще пожертвовать своими средствами проживающiе здѣсь иностранцы: одинъ Симмiй ѳиванецъ уже привезъ для этой именно цѣли достаточную сумму денегъ; готовъ дать средства для той же цѣли и Кебесъ, а также и многiе другiе. Итакъ, повторяю и еще разъ: не отказывайся ты изъ-за такихъ страховъ отъ возможности спасти свою жизнь, и пусть не смущаетъ тебя высказанная тобой еще на судѣ мысль, будто, если ты уйдешь отсюда, то не будешь знать, что дѣлать съ собою?!.. Повѣрь: во многихъ другихъ мѣстахъ, куда бы ты ни зашелъ, тебя примутъ съ распростертыми объятiями!.. Если хочешь итти въ Ѳессалiю, то тамъ къ твоимъ услугамъ есть у меня надежные друзья, которые оцѣнятъ тебя и доставятъ тебѣ полную безопасность, такъ что ни одинъ человѣкъ во всей Ѳессалiи не посмѣетъ тебя тронуть и пальцемъ.

V. Еще вотъ что, Сократъ: несправедливое, по-моему, затѣваешь ты дѣло, собираясь жертвовать собой, когда есть еще возможность спастись! Этимъ ты самъ себѣ готовишь то, что могли бы приготовить да и, дѣйствительно приготовили тебѣ только твои враги, ищущiе случая для того, чтобы погубить тебя! Къ тому же ты, по моему, за одно съ собой губишь и дѣтей своихъ: имѣя возможность возрастить и воспитать ихъ, ты выбрасываешь ихъ на улицу, и, благодаря тебѣ, вся дальнѣйшая жизнь ихъ будетъ зависѣть отъ произвола судьбы!! и будетъ съ ними, разумѣется само собою, то, что и

обыкновенно бываетъ со всѣми сиротами безъ отца!.. Да, или не слѣдуетъ дѣлаться отцомъ, или разъ сдѣлался отцомъ,—дѣли съ дѣтьми до конца горе, расти ихъ и воспитывай! А ты, право, ужъ очень легко взглянулъ на свои обязанности, а между тѣмъ слѣдовало бы тебѣ въ данномъ случаѣ поступить такъ, какъ поступилъ бы человѣкъ чест ныхъ убѣжденій и рѣшительный, въ особенности же тотъ, который увѣряетъ, что онъ всю свою жизнь только и думалъ о добродѣтели!!... Мнѣ просто стыдно за тебя, стыдно и за насъ, учениковъ твоихъ!!... Право, я боюсь того, что вся эта твоя исторія въ концѣ концовъ предстанетъ въ такомъ видѣ, будто всему виной съ нашей стороны какое-то малодушіе: пожалуй, будутъ говорить: мы были виной тому, что дѣло пошло въ судъ, а оно могло и не поступать туда,—мы были виной и тому, какъ велся судебный процессъ,—мы же (вотъ комедія-то!) вслѣдствіе малодушія своего и нерѣшительности проморгали и разыгрывающійся теперь конецъ дѣла, такъ какъ ни ты самъ не позаботился о своемъ спасеніи, ни мы ничего не сдѣлали для этого, несмотря на то, что это было вполнѣ возможно, если бы въ насъ было хоть немного толку... Итакъ, Сократъ, смотри, какъ бы вмѣстѣ съ этой бѣдой не постигла тебя и насъ другая: позоръ! Подумай же объ этомъ, Сократъ!.. впрочемъ, и думать-то ужъ некогда: рѣшеніе должно быть готово; а рѣшеніе одно: въ ближайшую ночь долженъ весь нашъ планъ быть приведенъ въ исполненіе! Если же мы еще хоть чуть промедлимъ, то все кончено: спасти тебя уже никакимъ образомъ нельзя будетъ! Но, какъ бы тамъ ни было,

самое главное, Сократъ, слушайся ты меня и ни подъ какимъ видомъ не поступай иначе!..

VI. С. Такое желаніе добра мнѣ съ твоей стороны, дорогой Критонъ, право, очень дорого мнѣ! хотѣлось бы только, чтобы оно было направлено хоть сколько-нибудь, въ какую слѣдуетъ сторону; если же нѣтъ, то, чѣмъ больше его ты проявляешь, тѣмъ болѣе оно мнѣ становится въ тягость!.. Поэтому намъ надобно разсмотрѣть, слѣдуетъ или не слѣдуетъ поступить такъ, какъ совѣтуешь ты. Вѣдь, что касается меня, то я и теперь, какъ и прежде, не подчинюсь никакому иному своему влеченію, а буду слѣдовать лишь тому глубокому убѣжденію, какое представится мнѣ наиразумнѣйшимъ послѣ основательнаго размышленія. Отъ тѣхъ же убѣжденій, какія я раньше высказывалъ, и теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, я отказаться не могу въ силу только того, что теперь попалъ въ такое критическое положеніе; напротивъ: по-моему, они, мои убѣжденія, остаются почти тѣми же, какими были прежде, т.-е. и теперь я долженъ цѣнить ихъ и строго держаться ихъ, и, если мы въ настоящемъ случаѣ ничего получше не придумаемъ, то будь увѣренъ, что я не поддамся твоимъ доводамъ, не поддамся и тогда, когда насъ, какъ малыхъ ребятъ, всесильная толпа вздумаетъ стращать еще больше, чѣмъ теперь, тюрьмой, смертью и конфискаціей имущества. Только какъ бы намъ повѣрнѣе обсудить данный вопросъ? Развѣ сдѣлаемъ такъ? Прежде всего снова займемся разборомъ высказаннаго тобою взгляда относительно мнѣній людей и разсмотримъ, во всякое ли время истинно, или нѣтъ, то положеніе,

что на одни мнѣнія слѣдуетъ обращать вниманіе, на другія же нѣтъ? или, пока мнѣ не присуждено было умереть, такое положеніе было основательно, а теперь, когда по приговору суда я долженъ умереть, оказалось вдругъ брошеннымъ зря (лишь бы сказать что-нибудь), — оказалось, безспорно, шуткой, болтовней? Мнѣ хотѣлось бы вмѣстѣ съ тобой, Критонъ, обсудить, представится ли мнѣ, при моемъ настоящемъ положеніи, нѣсколько инымъ упомянутый взглядъ на мнѣнія другихъ, или же онъ останется такимъ, какимъ былъ, и тогда, сообразно съ тѣмъ выводомъ, къ какому придемъ, мы или отречемся отъ него, или подчинимся ему. Какъ мнѣ думается, всѣми сколько-нибудь серьёзными людьми всегда было принимаемо то положеніе, какое я сейчасъ только высказалъ, т.-е., что одними изъ людскихъ мнѣній надо дорожить, а другими ненадо. Скажи же, пожалуйста, не кажется ли безусловно вѣрнымъ оно и тебѣ, Критонъ? Вѣдь тебѣ легче моего судить обо всемъ этомъ: умирать тебѣ, насколько по крайней мѣрѣ дѣла человѣческія доступны нашему сужденію о нихъ, завтра не приходится, да и вся эта настоящая бѣда тебя не должна бы лишать возможности трезво смотрѣть на поставленный вопросъ. Такъ ужъ будь добръ: сообрази: не кажется ли тебѣ достаточно убѣдительнымъ то положеніе, во-первыхъ, что не всѣ людскія мнѣнія надо цѣнить, а что одни надо, другія же—не слѣдуетъ, а, во-вторыхъ, что надо дорожить мнѣніями, не всѣхъ безъ исключенія людей, а слѣдуетъ только дорожить мнѣніями однихъ, мнѣніями же другихъ нѣтъ? Какъ скажешь: правильно ли это, или нѣтъ?

К. Да, правильно.

С. Значитъ, здравыми, вѣрными сужденіями надо дорожить, а неразумными, неправильными нѣтъ?

К. Конечно!

С. Правильныя же сужденія присущи человѣку, разумно разсуждающему, а неправильныя — разсуждающему неразумно?

К. Безъ сомнѣнія, Сократъ!

VII. С. Ну, а какъ положено было нами думать вотъ насчетъ чего: чью похвалу, чье порицаніе или вообще чье мнѣніе приметъ въ расчетъ человѣкъ, серьёзно занимающійся гимнастикой? мнѣніе ль всякаго, или мнѣніе только одного лица? мнѣніе врача или учителя гимнастики?

К. Только мнѣніе послѣдняго.

С. Значитъ, только его порицаній надо опасаться, только его похвалой дорожить, а не похвалой толпы?

К. Понятное дѣло!

С. Такъ, стало-быть, въ дѣйствіяхъ своихъ, въ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ ѣдѣ, питьѣ, человѣкъ, занимающійся своимъ физическимъ развитіемъ, долженъ слѣдовать тѣмъ указаніямъ, какія признаетъ цѣлесообразными это одно лицо — наставникъ и знатокъ своего дѣла, а не тому, что думаютъ всѣ остальные?

К. Именно такъ!

С. Хорошо! Ну, а, если онъ не станетъ слушаться этого одного лица, будетъ пренебрегать его совѣтомъ, похвалой, а будетъ предпочитать совѣты большинства, совершенныхъ невѣждъ въ дѣлахъ подобнаго рода, то не потерпитъ ли онъ черезъ то какого-либо вреда?

К. Какъ не потерпѣть! потерпитъ!

С. Что жъ это за вредъ? въ чемъ онъ скажется? на какой части существа непослушнаго человѣка онъ отзовется?

К. Тутъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что вредныя послѣдствія непослушанія отзовутся на тѣлѣ: на него они подѣйствуютъ разрушительно.

С. Хорошо, Критонъ, хорошо! Такъ, стало-быть, не пускаясь во всѣ подробности, мелочи, можно сказать, что все, сейчасъ изложенное, вполнѣ приложимо и ко всякимъ другимъ вопросамъ, а также и къ тому, которымъ мы теперь заняты, именно къ тому, что справедливо и что несправедливо; что позорно и что похвально; что хорошо, что дурно. Итакъ, слѣдуетъ ли намъ во всемъ сообразоваться съ мнѣніемъ толпы и бояться его, или, наоборотъ, принимать въ расчетъ только мнѣніе того одного, знатока,— принимать во вниманіе его совѣты и бояться больше непослушанія его, чѣмъ всѣхъ прочихъ: ибо, если не станемъ слушаться его одного, знатока дѣла, то повредимъ себѣ, попортимъ у себя то, что при правильномъ образѣ жизни, какъ мы бывало говорили, улучшается, а при неправильномъ ухудшается? или это вздоръ?

К. Нѣтъ, Сократъ, не вздоръ: я съ тобой согласенъ.

VIII. С. Ну, а если мы, не послушавшись совѣта знатока, пренебрегши его мнѣніемъ, сгубимъ ту часть нашего существа, которая отъ всего здороваго становится здоровѣе, а отъ всего вреднаго хирѣетъ, то можно ли жить полною жизнью съ этой хилой частью? Вѣдь мы разумѣемъ тутъ тѣло, или нѣтъ?

К. Конечно, тѣло.

С. Ну, такъ можно ль, повторяю, жить намъ полной жизнью съ хилымъ, изможденнымъ тѣломъ?

К. Никакимъ образомъ!

С. Ну, а съ той попорченной частью нашего существа, которой все безнравственное вредитъ, все нравственное полезно, можно ли намъ жить полною жизнью? Или эту часть нашего существа, связанную съ понятіемъ о нравственности и безнравственности, мы считаемъ менѣе важной, чѣмъ тѣло?

К. Ни въ какомъ случаѣ!

С. Такъ болѣе важной?

К. Гораздо болѣе важной!

С. Такъ, значитъ, милѣйшій Критонъ, и въ вопросахъ о нравственномъ и безнравственномъ намъ должно быть безразлично все, что скажетъ про васъ толпа, а нужно дорожить тѣмъ, что скажетъ тотъ одинъ, знатокъ,—тѣмъ, что скажетъ его устами сама истина?!.. А разъ такъ, то ты съ самаго начала неправъ: ты утверждаешь, будто въ вопросахъ о справедливомъ, прекрасномъ и добромъ, и противоположномъ имъ надо обращать вниманіе на мнѣніе толпы! Но постой: пожалуй, найдется и такой, который скажетъ, что толпа можетъ убить насъ?

К. И это правда, Сократъ: можетъ найтись и такой!

С. Такъ-то, такъ! но вотъ что, милый человѣкъ: разъ то положеніе, которое мы съ тобой только что уяснили, по-моему, еще и теперь остается тѣмъ же, чѣмъ оно было и прежде, то подумай и рѣши: должны ли мы остаться и теперь при томъ нашемъ убѣжденіи, что самымъ важнымъ слѣдуетъ считать не жизнь самое по себѣ

а только хорошую жизнь, или отказаться отъ преж няго убѣжденія?

К. Конечно, должны остаться при прежнемъ убѣжденіи.

С. Слѣдовательно, Критонъ, должно оставаться и то положеніе, что жить хорошо и жить нравственно, честно одно и то же?

К. Да, одно и то же.

IX. С. Теперь, основываясь на принятыхъ нами положеніяхъ, мы должны разсмотрѣть вотъ что: справедливо ли, или несправедливо пытаться мнѣ убѣжать отсюда, вопреки волѣ аѳинянъ? и, если мы придемъ къ выводу, что справедливо, попытаемся убѣжать отсюда; если же нѣтъ,—откажемся отъ всякой попытки къ бѣгству. А такія сужденія, Критонъ, какія ты высказываешь насчетъ траты денегъ,—мнѣнія толпы и воспитанья дѣтей свойственны, безъ сомнѣнія, лишь толпѣ, съ легкимъ сердцемъ готовой и убить человѣка, и, если бы возможно, воскресить его. безъ всякаго разумнаго къ тому основанья!.. Мы же, руководствуясь здравымъ смысломъ, должны разсмотрѣть только то, до чего сейчасъ договорились, т.-е. справедливо ли поступимъ мы, отплачивая деньгами и благодарностью тѣмъ, кто берется вывесть меня изъ тюрьмы? справедливо ли поступятъ тѣ, которые будутъ выводить, и тѣ, которыхъ выводятъ, или все поведеніе наше въ данномъ случаѣ будетъ поистинѣ безчестно. И, если окажется, что мы, поступая такъ, поступаемъ несправедливо: то не слѣдуетъ принимать въ расчетъ ни того, что, оставаясь здѣсь и пребывая въ бездѣйствіи, мнѣ приходится поплатиться жизнью,—ни того, что,

отказываясь служить несправедливости, потерпимъ еще что-нибудь?

К. Кажется, ты вѣрно разсуждаешь, Сократъ! но скажи же, что намъ дѣлать!

С. Разсмотримъ это сообща съ тобой, добрѣйшій, и, если найдешь что возразить на мои слова,—возражай, и я, быть-можетъ, соглашусь съ тобой; если же нѣтъ, то перестань же, мой милый, вновь повторять одно и то же, будто мнѣ, во что бы то ни стало, необходимо бѣжать, вопреки волѣ аѳинянъ. Для меня самого весьма важно дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ съ твоего согласія, а не противъ твоей воли; но прежде взвѣсь основное положеніе разсужденія, кажется ли оно тебѣ вѣрнымъ, и попробуй отвѣчать на мои вопросы такъ, какъ думаешь.

К. Хорошо, попробую.

X. С. Итакъ, что же мы съ тобой утверждаемъ? Утверждаемъ мы, что по доброй волѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ поступать несправедливо, или что въ одномъ случаѣ можно поступать несправедливо, а въ другомъ нельзя, или—что вообще поступать несправедливо нехорошо, нечестно, безнравственно, какъ мы бывало насчетъ этого сходились и раньше, или все, въ чемъ мы прежде сходились, въ послѣдніе нѣсколько дней пошло прахомъ, и мы, Критонъ, столь почтенные люди, издавна ведя оживленныя бесѣды другъ съ другомъ, сами того не примѣтивъ, оказались сущими дѣтьми? Или дѣло скорѣй всего такъ обстоитъ, какъ мы, помнится мнѣ, еще тогда порѣшили, т.-е.: будетъ или не будетъ стоять на своемъ толпа? придется или не придется терпѣть намъ бóльшія или

меньшія невзгоды, чѣмъ настоящія? во всякомъ случаѣ несправедливый поступокъ навлекаетъ безчестіе и стыдъ на человѣка, допустившаго такое дѣяніе. Соглашаешься ли ты съ сказаннымъ или не соглашаешься?

К. Соглашаюсь.

С. Такъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ поступать несправедливо?

К. Никоимъ образомъ.

С. Значитъ, и обиженный не долженъ, какъ думаетъ толпа, воздавать обидой за обиду? вѣдь рѣшено, что вообще обижать не должно?

К. Понятно, нѣтъ.

С. Ну, а какъ, по-твоему, Критонъ: должно или не должно причинять людямъ зло?

К. Не должно, Сократъ.

С. Ну, а воздавать зломъ за зло справедливо, какъ утверждаетъ толпа, или несправедливо?

К. Никоимъ образомъ не справедливо, Сократъ.

С. Само собою разумѣется, что поэтому и причинять людямъ зло, и поступать несправедливо одно и то же?

К. Именно такъ, Сократъ.

Перев. С. Мышецкій.

Москва. Май 1899 г.

Продолженіе будетъ.

ЧТО СКАЗАЛЪ ОДИНЪ СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ РУССКАГО ЯЗЫКА

(о преподаваніи русскаго языка, теоріи словесности и о пріемахъ, какъ научить учащихся исполнять разумно письменныя работы)?

Въ одномъ очень многолюдномъ среднемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ учащіеся начинаютъ съ изученія азбуки (въ младшемъ приготовительномъ классѣ) и доходятъ до исторіи русской литературы (въ старшемъ классѣ), учащіе и начальство, видимо, не вполнѣ довольные ходомъ преподаванія русскаго языка во всѣхъ классахъ заведенія, собрались въ засѣданіе коммиссіи для обсужденія постановки преподаванія этого предмета въ заведеніи. Члены коммиссіи, руководясь завѣтомъ апостола: „Все испытайте и лучшее выберите", пожелали выслушать мнѣніе стараго учителя о занимающемъ ихъ вопросѣ. Старый учитель, не принадлежащій къ корпораціи этого заведенія, въ своемъ устномъ изложеніи развилъ насколько позволяло время и мѣсто, слѣдующія общія положенія.

1) На урокахъ по русскому языку ученики должны изучать не учебникъ грамматики или теоріи словесности, а „живое слово" (языкъ) въ его проявленіяхъ, въ правильной живой рѣчи и особенно въ словесныхъ произведеніяхъ. Наблюдая „живое слово" въ словесныхъ произведеніяхъ и въ обыденной рѣчи, они уразумѣваютъ законы и формы языка и знакомятся съ формами словесныхъ произведеній. Такимъ образомъ, знанія по грамматикѣ и теоріи словесности являются у нихъ, какъ выводъ изъ наблюденія надъ изучаемыми произведеніями и живою рѣчью. Само собою разумѣется, что учитель (или учительница) долженъ ру-

ководить наблюденіемъ учащихся надъ рѣчью и послѣдовательно подводить ихъ къ усвоенію свѣдѣній по грамматикѣ или теоріи словесности. Безъ такого руководительства сами учащіеся не въ состояніи подмѣтить и выдѣлить нужныя имъ знанія по языку и словесности. Пока учащіеся не замѣтятъ примѣненія того или другого закона или правила въ рѣчи, они и не будутъ знать его, хотя бы и выучили соотвѣтственное правило по учебнику.

Изъ изложеннаго положенія вытекаетъ, что на урокахъ по русскому языку и словесности центръ тяжести долженъ лежать въ изученіи словесныхъ произведеній, расположенныхъ въ надлежащей послѣдовательности. Результатомъ такого изученія должно явиться не только обстоятельное знакомство съ произведеніями словесности, но и знаніе грамматическихъ законовъ отечественнаго языка, знаніе формъ и видовъ словесныхъ произведеній (теоріи словесности), развитіе устной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письменной рѣчи учащихся и, что очень важно, развитіе ихъ умственныхъ силъ и облагороженіе ихъ чувствъ.

Учебникъ грамматики и теоріи словесности можетъ служить лишь для повторенія учениками въ системѣ того, что они усвоили изъ наблюденія надъ живою рѣчью. Чѣмъ кратче учебникъ, тѣмъ лучше. Не цѣлесообразно давать ученикамъ въ различныхъ классахъ учебники грамматики, составленные различными лицами.

2) При веденіи всѣхъ письменныхъ работъ учащихся какъ въ младшихъ, такъ и старшихъ классахъ, необходимо руководиться принципомъ предупрежденія ошибокъ. Нужно вести письменныя работы такъ, чтобы ученики поставлены были въ возможность не дѣлать ошибокъ. При соблюденіи этого условія и слѣдуетъ требовать, чтобы они не дѣлали ихъ. Это выполнимо при надлежащей послѣдовательности (и посильности) письменныхъ работъ.

Письменныя работы слѣдуетъ вести такъ, чтобы каждый ученикъ, прежде чѣмъ взяться за перо для исполненія работы, зналъ, что онъ будетъ писать и какъ будетъ писать. Нужно пріучать учащихся предварительно освѣщать въ своемъ сознаніи какъ содержаніе, такъ и форму предстоящей письменной работы.

Съ изложеннымъ связано требованіе соединять письменныя упражненія учащихся съ устными ихъ упражненіями: прежде чѣмъ ученики приступятъ къ исполненію письменной работы, они, подъ руководствомъ учителя, подбираютъ матеріалъ для нея, вырабатываютъ форму ея и устно излагаютъ то, что войдетъ въ ихъ письменную работу.

Такъ какъ орѳографически-правильное письмо обусловливается главнымъ образомъ навыкомъ къ такому письму (при письменномъ изложеніи своихъ мыслей некогда справляться съ грамматикой), то и необходимо вырабатывать въ учащихся такой навыкъ. Чтобы ученикъ ни писалъ, онъ долженъ писать орѳографически-правильно. Выработкѣ въ учащихся навыка къ орѳографически-правильному письму должны содѣйствовать не только учителя русскаго языка, но и учителя другихъ учебныхъ предметовъ, по которымъ ведутся письменныя работы. К. Е.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

„Волкъ и Котъ“ *).

Чтеніе басни самимъ учителемъ, возможно выразительное; затѣмъ чтеніе ея учениками въ лицахъ, при чемъ одинъ ученикъ читаетъ слова автора, другой—слова волка, а третій—слова кота. Для чтенія басни въ ли-

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ I класса.

цахъ назначаются такіе ученики, которые въ состояніи выразительно прочитать слова данныхъ лицъ. Чтеніе въ лицахъ обыкновенно нравится ученикамъ и въ значительной мѣрѣ способствуетъ усвоенію ими содержанія читаемаго.

Послѣ чтенія басни, учитель предлагаетъ одному или двумъ ученикамъ разсказать содержаніе ея. Изъ разсказа ихъ видно, что они познакомились съ фабулой басни, но характерныя частности ея ускользнули отъ вниманія ихъ. Путемъ вопросовъ учитель и привлекаетъ учениковъ глубже вникнуть въ басню и такимъ образомъ выяснить себѣ эти частности.

Вопросы къ выясненію басни:

Кто въ баснѣ главное дѣйствующее лицо—волкъ или котъ? (Про кого главнымъ образомъ разсказываетъ Крыловъ—про волка или про кота?)—Главное дѣйствующее лицо въ баснѣ—волкъ, про него главнымъ образомъ говоритъ Крыловъ.

Кому изъ мужиковъ и какое зло причинилъ волкъ?—У Степана волкъ ободралъ барана, у Демьяна онъ унесъ козленка, у Трофима задавилъ ягненка, у Клима зарѣзалъ теленка.

Не видно ли изъ басни, только ли этимъ мужикамъ волкъ причинилъ зло или еще и другимъ?—Онъ всѣмъ въ деревнѣ насолилъ, т. е. всѣмъ причинилъ зло, вредъ.

По какому случаю волкъ забѣжалъ въ деревню?—Онъ спасался отъ охотниковъ и гончихъ стаи, которыя выгнали его изъ лѣсу.—Прочитайте: какъ объ этомъ сказано въ баснѣ?—„Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались и гончихъ стая“.

Что значитъ: „за шкуру онъ свою дрожалъ“?—Онъ боялся собакъ, которыя, нагнавши, могутъ искусать, изранить его.—Что люди дѣлаютъ изъ волчьихъ шкуръ?—Шу-

бы.—Можно ли снять шкуру съ живого волка?—Нѣтъ, его нужно прежде убить.—Значитъ, что волкъ оберегалъ, за что онъ дрожалъ?—Онъ дрожалъ за шкуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за жизнь.

Гдѣ хотѣлъ скрыться волкъ?—Во дворѣ какого-нибудь крестьянина.—Какъ объ этомъ сказано въ баснѣ?—„Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота".—Какимъ словомъ можно замѣнить слово „шмыгнуть"?—Проскользнуть, проскочить.—Что мѣшало ему скрыться во дворѣ крестьянина?—„Всѣ ворота были на запорѣ".

Увидѣвши кота на заборѣ, о чемъ волкъ попросилъ его?—О томъ, чтобы тотъ указалъ ему добраго мужика, который укрылъ бы его отъ приближающихся охотниковъ. Какъ волкъ проситъ, убѣждаетъ помочь ему въ бѣдѣ?—„Молитъ"..., „Васенька, мой другъ"..., скажи скорѣй"..., „все это вѣдь за мной"...

Изъ какихъ словъ басни видно, что охотники приближались?—Изъ словъ: „Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ? все это вѣдь за мной".

Указалъ ли котъ добраго мужика?—Указалъ: онъ называлъ одного за другимъ всѣхъ добрыхъ въ деревнѣ мужиковъ: Степана, Демьяна, Трофима, Клима.—Отчего же волкъ не обратился ни къ кому изъ этихъ мужиковъ съ просьбой укрыть его?—Онъ боялся ихъ и зналъ, что они не укроютъ его, такъ какъ каждому изъ нихъ онъ насолилъ.—Замѣните употребленное въ баснѣ слово „насолилъ" другимъ словомъ.—Досадилъ, причинилъ вредъ, непріятность. Что котъ отвѣтилъ, узнавши, что волкъ всѣмъ въ деревнѣ насолилъ?—„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобъ на свою бѣду тебя спасли они. И правы,—самъ себя вини: что ты посѣялъ, то и жни".—Передайте своими словами отвѣтъ кота.—На какую же защиту ты здѣсь надѣялся? Нѣтъ, въ

нащихъ мужикахъ не настолько мало ума (наши мужики не настолько глупы), чтобы на свою бѣду спасти тебя. Да они и правы. По дѣламъ твоимъ тебѣ и награда.

Чтеніе всей басни.

Разскажите все сказанное въ баснѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ одно дѣйствіе слѣдовало за другимъ.—Ученикъ разсказываетъ по слѣдующему плану, записанному на доскѣ:

I. Волкъ досадилъ мужикамъ { Степану, Демьяну, Трофиму, Климу, другимъ.

II. Охотники гнались за волкомъ.

III. Волкъ забѣжалъ въ деревню.

IV. Просьба волка.

V. Отвѣтъ кота.

Въ баснѣ выведены волкъ и котъ; они говорятъ почеловѣчески. Но животныя не могутъ по-человѣчески говорить. Очевидно, что когда поэтъ писалъ басню, онъ разумѣлъ людей. Какого же человѣка нужно подразумѣвать подъ волкомъ?—Человѣка, причиняющаго всѣмъ зло, вредъ.—Какое заключеніе можно вывести изъ басни?—Зло, которое человѣкъ причинилъ другимъ, на немъ же и отзовется: „что посѣялъ, то и жни“.

Предложеніе ученикамъ заучить басню наизусть.

Для письменной работы учениковъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Кому и какое зло причинилъ волкъ? 2) Изложеніе содержанія басни по означенному выше плану.

Если басня: „Волкъ и Котъ“, разучивается не въ 1-мъ, а въ одномъ изъ слѣдующихъ классовъ, то полезно въ образовательномъ отношеніи выполненіе учениками, сначала устно, а потомъ и письменно, слѣдующихъ задачъ: 1) срав-

нить положеніе волка въ басняхъ: „Волкъ и Котъ“ и „Волкъ на псарнѣ“; 2) объяснить особенно характерныя слова и выраженія басни: „животъ спасая“, „за шкуру онъ свою дрожалъ“, „шмыгнуть“, „ободралъ барана“, „авось укроетъ“, „ты всѣмъ насолилъ“, „какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ“, „не столько мало толку“, „что ты посѣялъ, то и жни“.

„Щука и Котъ“ *).

Чтеніе басни учителемъ, а затѣмъ учениками— въ лицахъ.

Катехизація, съ цѣлью выяснить ученикамъ содержаніе басни:

Что въ мысль пришло зубастой щукѣ?—За кошачье приняться ремесло.—Что называется ремесломъ?—Занятіе человѣка, которымъ онъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ и вообще средства къ жизни.—Какое ремесло сапожника?—Тачанье сапогъ.—А портного?—Шитье платья... Какъ же добываетъ себѣ пищу щука?—Ловитъ рыбъ.—А котъ?—Ловитъ мышей.—Значитъ, за какое дѣло захотѣла приняться щука?—Ловить мышей.

Какой щукѣ въ мысль пришло за кошачье приняться ремесло?—Зубастой.—Что значитъ слово „зубастой“?—Имѣющей большіе зубы.

Опредѣленно поэтъ говоритъ, по какой причинѣ щукѣ захотѣлось ловить мышей?—Нѣтъ, онъ говоритъ, что, можетъ быть, ее завистью лукавый мучилъ, иль рыбный столъ на-

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ I или II кл.

скучилъ. Хорошее ли чувство зависть?—Нѣтъ, худое.—Худыя чувства и худыя дѣйствія люди нерѣдко приписываютъ искушенію злого духа, лукаваго. И въ баснѣ сказано: „завистью ль ее лукавый мучилъ". Что значитъ выраженіе: „рыбный столъ наскучилъ"?—Наскучила рыбная пища: щука питается рыбами.—Вздумавши заняться ловлей мышей, къ кому щука обратилась съ просьбой доставить ей это занятіе?—Къ коту.—Какъ объ этомъ сказано въ баснѣ?—„Вздумала кота она просить, чтобъ взялъ ее съ собою на охоту--мышей въ амбарѣ половить".—Сразу ли котъ согласился удовлетворить просьбу щуки?—Нѣтъ, онъ сначала отговаривалъ ее словами: „Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу? Смотри, кума, чтобъ не осрамиться: не даромъ говорится, что дѣло мастера боится".—Что значитъ выраженіе: „Дѣло мастера боится"?—Значитъ, что всякое дѣло бываетъ успѣшнымъ лишь у того, кто знаетъ это дѣло, искусенъ въ немъ.—Въ какомъ дѣлѣ искусенъ котъ?—Въ ловлѣ мышей.—А щука въ какомъ дѣлѣ искусна?—Въ ловлѣ рыбъ.—Послушалась ли щука увѣщаній кота?—Нѣтъ, она возразила: „И, полно, куманекъ!" Вотъ невидаль: мышей! мы лавливали и ершей!"—Значитъ, почему щука полагала, что она можетъ ловить мышей?—Потому, что она лавливала ершей (ерша трудно схватить по причинѣ колючихъ его перьевъ).

Согласился ли, наконецъ, котъ взять щуку съ собой на охоту за мышами?—Согласился.—Изъ чего это видно? Изъ словъ кота: „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ".—Вмѣсто выраженія: „въ добрый часъ", какъ иначе можно сказать?—Въ счастливое время.—„Пошли, засѣли". Все ли равно скасказать: „сѣли" и „засѣли"?—„Засѣли" значитъ помѣстились такъ, чтобы удобно было выполнять предпринятое дѣло (въ данномъ случаѣ—ловить мышей), сѣли въ засаду.

Удачна ли была охота кота?—Котъ на охотѣ и на-

тѣшился, и наѣлся.—Чѣмъ это онъ натѣшился?—Натѣшился охотой за мышами; удачная охота и для людей составляетъ утѣху.—А охота щуки удачна ли была?—Нѣтъ, неудачна, она не только ничего не поймала, но даже у ней самой крысы хвостъ отъѣли.—Отчего же такъ неудачна была охота щуки?—Оттого, что она не умѣла и не могла ловить мышей.—Что сдѣлалъ котъ, увидѣвши, что щукѣ не въ силу трудъ?—Онъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Чьи это слова: „И дѣльно! Это, щука, тебѣ наука—впередъ умнѣе быть и за мышами не ходить"?—Это слова автора.—Что означаютъ они?—По дѣломъ тебѣ, щука! впередъ будь умнѣе и не берись за дѣло, къ которому не способна и не подготовлена.—Какой выводъ въ примѣненіи къ людямъ можно сдѣлать изъ басни?—Если человѣкъ возьмется не за свое дѣло, онъ его испортитъ: „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ".

Оглавленіе басни: I. Желаніе щуки ловить мышей. II. Просьба ея къ коту. III. Результатъ охоты. IV. Заключеніе басни.

Пересказъ басни учениками. Придумываніе ими примѣровъ, подходящихъ къ содержанію басни. При этомъ учитель можетъ сообщить ученикамъ слѣдующій историческій фактъ, послужившій поводомъ къ написанію басни: „Щука и Котъ": Послѣ своего пораженія въ Россіи Наполеонъ съ войскомъ принужденъ былъ бѣжать изъ Россіи. Его преслѣдовалъ Кутузовъ и много французовъ взялъ въ плѣнъ; съ юга, навстрѣчу французамъ, шелъ съ войскомъ адміралъ Чичаговъ. Казалось, не избѣжать французамъ полнаго пораженія. Но Чичаговъ, опытный въ дѣлѣ управленія флотомъ, былъ неопытенъ въ управленіи сухопутнымъ войскомъ. Онъ сдѣлалъ ошибку, вслѣдствіе которой часть войска Чичагова, встрѣтившись съ французами, была поражена, а обозъ съ провіантомъ былъ захваченъ французами. Такимъ обра-

зомъ вышло, что „натѣшился, наѣлся котъ" (Кутузовъ), а „щука (Чичаговъ) чуть жива лежитъ, разинувъ ротъ, и крысы хвостъ у ней отъѣли". Самый подборъ дѣйствующихъ лицъ въ баснѣ соотвѣтствуетъ изображеннымъ въ ней историческимъ лицамъ. Зубастая щука властвуетъ въ водахъ, но не можетъ охотиться за мышами на сушѣ: Чичаговъ былъ искусенъ въ командованіи морскими силами, но не былъ искусенъ въ веденіи войны на сушѣ. Котъ ловокъ въ ловлѣ мышей: Кутузовъ былъ искусенъ въ веденіи войны на сушѣ.

Свинья подъ дубомъ *).

Чтеніе басни учителемъ, по возможности выразительное, и затѣмъ чтеніе ея учениками въ лицахъ, при чемъ одинъ ученикъ читаетъ слова поэта, другой—слова ворона, третій—слова свиньи и четвертый—слова дуба.

Пересказъ учениками содержанія басни.

Вопросы, направленные къ привлеченію вниманія учениковъ на характерныя детали и выраженія басни и къ уясненію имъ основной мысли ея:

На сколько частей можно раздѣлить басню? Ученики отвѣчаютъ, что ее можно раздѣлить на четыре части (Четыре ученика участвовали въ чтеніи ея). Учитель подводитъ ихъ къ сознанію, что правильнѣе сначала раздѣлить басню на двѣ части: I—разсказъ поэта о томъ, что дѣлала свинья, и II—разговоръ выведенныхъ въ баснѣ лицъ. Вторую часть, въ свою очередь, можно раздѣлить на три части: 1) слова ворона, 2) слова свиньи и 3) слова дуба. Запишемъ эти части на доскѣ. Получается слѣдующій планъ басни:

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ II класса.

I. Что дѣлала свинья.

II. Разговоръ дѣйствующихъ въ баснѣ лицъ. { 1) слова ворона, 2) слова свиньи, 3) слова дуба.

Разсмотримъ послѣдовательно каждую изъ этихъ частей басни.

Читайте первую часть!

„Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей досыта, доотвала; наѣвшись, выспалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала“.

Чего наѣлась свинья?—Желудей, плодовъ дуба.—На какомъ дубѣ росли жедуди?—На вѣковомъ дубѣ.—Что значитъ: „вѣковой дубъ“?—Прожившій вѣка или столѣтія, огромный, вѣтвистый дубъ.—Какъ наѣлась свинья?—Она наѣлась „досыта, доотвала.„—Какъ иначе можно сказать то же самое?—Объѣлась, наѣлась такъ, что не могла больше не только ѣсть,. но и двигаться, и тутъ же, подъ дубомъ, свалилась.—Что потомъ сдѣлала свинья?—Въ тѣни дуба выспалась.—Все ли равно сказать: „спала“ и „выспалась“?—Нѣтъ, „выспалась“ значитъ вдоволь, долго спала и больше не могла уже спать.—Что дальше сказано про свинью?—Она, продравши глаза, встала.—Почему въ баснѣ сказано вмѣсто: проснувшись, встала—„глаза продравши, встала“?—Свинья такъ долго спала, что глаза ея слиплись, и она мало-помалу ихъ раскрыла.—Что затѣмъ свинья стала дѣлать?—Она стала рыломъ подрывать корни дуба.—Что называется рыломъ?—Передняя часть морды свиньи, которою она роетъ землю.

Разскажите послѣдовательно, что дѣлала свинья подъ дубомъ!—Ученикъ даетъ подробный разсказъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію второй части—къ разговору выведенныхъ лицъ.

Кто увидѣлъ, что свинья подрываетъ корни дуба?— Воронъ, который сидѣлъ на этомъ дубѣ.—Что онъ сказалъ свиньѣ?—„Вѣдь это дереву вредитъ: коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ“.—Выраженіе „корни обнажишь“ какъ иначе можно сказать?—Снимешь землю съ корней (Нагой— неодѣтый, непокрытый).—Справедливы ли слова ворона?— Справедливы, такъ какъ дерево, корни котораго подрыты или обнажены, не можетъ ими питаться и засыхаетъ.— Засохшее дерево можетъ ли приносить плоды?—Нѣтъ, не можетъ.—Понимала ли это свинья?—Нѣтъ, не понимала, что видно изъ ея отвѣта ворону.—Читайте этотъ отвѣтъ!— „Пусть сохнетъ, ничуть меня то не тревожитъ; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю; лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“.— Передайте своими словами отвѣтъ свиньи! Что значитъ слово „проку“ во фразѣ: „въ немъ проку мало вижу я“?— Слово „проку“ значитъ—пользы: свинья не видитъ пользы въ дубѣ.—Какъ иначе можно сказать фразу: „Хоть вѣкъ его не будь“?—Хотя бы и совсѣмъ его (дуба) не было.— Что же нужно свиньѣ?—Желуди.—А были бы желуди, если бы не было дуба?—Нѣтъ, не было бы, такъ какъ желуди растутъ на дубѣ.—Понимала ли это свинья?—Нѣтъ, она этого не понимала и, по своему невѣжеству, не въ состояніи была понять.

Что сказалъ дубъ, услышавши слова свиньи?—„Неблагодарная! когда бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что эти желуди на мнѣ ростутъ“.—Передайте своими словами рѣчь дуба!

Вы сказали, что свинья не понимала и, по своему невѣжеству, не могла понимать, что желуди растутъ на дубѣ, и что, если засохнетъ дубъ, то и желудей не будетъ. Какими словами эту мысль выразилъ дубъ?—„Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло“, т.-е. если бы ты могла ви-

дѣть (знать), что желуди на мнѣ растутъ, то, можетъ-быть, не подрывала бы корней.

Какъ назвалъ дубъ свинью?—Неблагодарной.—Въ чемъ проявилась ея неблагодарность?—Она наѣлась плодовъ дуба и стала вредить самому же дубу, подрывая корни его.— Отчего проистекала ея неблагодарность?—Отъ ея крайняго невѣжества: она не сознавала даже, что питается плодами дуба.

Чтеніе басни и затѣмъ пересказъ ея учениками, сначала возможно подробно (съ мотивировкой), потомъ—кратко (съ пропускомъ второстепенныхъ мыслей) и, наконецъ— съ измѣненіемъ разговорной формы въ монологическую.

Какое качество нѣкоторыхъ людей выставлено въ баснѣ въ образѣ свиньи?—Неблагодарность и невѣжество.

Скажите примѣры, которые подходили бы къ баснѣ! Какъ Крыловъ выразилъ заключеніе въ своей баснѣ? Прочитайте его (заключеніе)!—„Невѣжда также въ ослѣпленьѣ бранитъ науки и ученье, и всѣ ученые труды, не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды".—Передайте это заключеніе своими словами!

Если басня разбирается не во 2-мъ, а въ 3-мъ или 4-мъ классѣ, то понадобится значительно меньшее количество вопросовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ придется ставить лишь болѣе общіе вопросы. Кромѣ того, сообразно съ высшею степенью развитія учениковъ, учитель можетъ привлечь ихъ къ болѣе серьезной умственной работѣ, хотя, напр., такой: изложить по баснѣ качества свиньи и дуба; или: показать, какъ одна и та же мысль о неблагодарности выражена въ басняхъ: „Свинья подъ дубомъ" и „Волкъ и Журавль" или „Крестьянинъ и Работникъ". Полезно также обратить вниманіе учениковъ на языкъ басни. Говоря о послѣднемъ, учитель не преминетъ, между прочимъ, указать имъ, что въ самой рѣчи ворона часто повторяется звукъ *р*,

напоминающій карканье ворона, какъ бы выражающаго своимъ карканьемъ тревогу по поводу поступка свиньи. Учитель можетъ также заставить учениковъ (IV-го кл.) составить изъ фабулы басни и заключенія ея сравнительный періодъ. Ученики могутъ составить хотя такой періодъ: Какъ неблагодарная свинья, наѣвшись желудей и выспавшись подъ дубомъ, подкапываетъ корни его, не понимая, что дубъ можетъ засохнуть и впредь не давать ни тѣни, ни желудей, такъ невѣжда въ ослѣпленіи бранитъ науки, плоды которыхъ вкушаетъ.

Послѣ предварительной проработки басни, можетъ быть предложена ученикамъ 2-го класса слѣдующая письменная работа: Что дѣлала свинья (по баснѣ)? или: Изложеніе содержанія басни. Ученики третьяго или четвертаго класса могутъ исполнить письменную работу на одну изъ слѣдующихъ темъ: 1) Качества свиньи, изображенныя въ баснѣ: „Свинья подъ дубомъ“; 2) сравненіе (сходство и отличіе) басни: „Свинья подъ дубомъ“ съ басней „Крестьянинъ и Работникъ“.

Оселъ и Соловей *).

Послѣ чтенія и пересказа басни учитель привлекаетъ учениковъ къ составленію плана ея.

Вся басня состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: А) фабулы басни и Б) заключенія. Первая часть (фабула) въ свою очередь раздѣляется на слѣдующія крупныя части: I—предложеніе осла, II—пѣніе соловья, III—судъ осла, IV—отлетъ соловья. Каждая изъ этихъ частей распадается на второстепенныя части. Такъ, въ первой части (предло-

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ III или IV кл.

женіе осла) говорится а) о встрѣчѣ осла съ соловьемъ и б) о желаніи его судить о пѣніи соловья. Во второй части (пѣніе соловья) изображено а) самое пѣніе и б) впечатлѣніе, какое оно производило на окружающихъ. Третья часть (судъ осла) содержитъ въ себѣ а) снисходительную похвалу осла и б) обидный совѣтъ соловью поучиться у пѣтуха.

Планъ басни можетъ быть обозначенъ на доскѣ такъ:

- А. Фабула
  - I. Предложеніе
    - а) встрѣча осла съ соловьемъ;
    - б) желаніе его судить о пѣніи соловья.
  - II. Пѣніе соловья
    - а) изображеніе пѣнія соловья;
    - б) впечатлѣніе, произведенное пѣніемъ на окружающихъ;
  - III. Судъ осла
    - а) снисходительная похвала;
    - б) совѣтъ поучиться у пѣтуха.
  - IV. Отлетъ соловья.
- Б. Заключеніе.

Всмотримся поближе въ каждую изъ означенныхъ частей басни.

1-ая часть. Оселъ случайно увидѣлъ соловья; молва о чудномъ пѣніи послѣдняго дошла до него, и онъ предложилъ ему спѣть. Не любознательность и не желаніе насладиться чуднымъ пѣніемъ соловья побудили его сдѣлать свое предложеніе, а единственно лишь желаніе „самому посудить, велико ль подлинно умѣнье соловья“.

2-ая часть. Скромный артистъ соловей не заставилъ себя долго ждать. Онъ „являть свое искусство сталъ“. Пѣніе его было поистинѣ артистическое. Изображеніе этого пѣнія въ баснѣ художественно и вѣрно дѣйствительности.

Соловей „защелкалъ“ (этимъ обыкновенно соловей начинаетъ свое пѣніе), „засвисталъ на тысячу ладовъ“ (способовъ), „тянулъ (пѣлъ протяжно), „переливался“ (переходилъ отъ одного тона въ другой, получалось впечатлѣніе неоднообразное). Звуки его пѣнія то нѣжно замирали, подобно звуку отдаленной свирѣли въ лѣсу или полѣ, то вдругъ мелкой дробью по рощѣ разсыпались.

Пѣніе соловья произвело чарующее впечатлѣніе на все окружающее. „Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры“. Въ римской и греческой миѳологіи богиня зари называлась Авророй. Такъ какъ соловей поетъ преимущественно на зарѣ, то потому и названъ пѣвцомъ и любимцемъ Авроры.

Общее сужденіе: „внимало все“ соловью—развивается частными сужденіями: „затихли вѣтерки“ (перестали дуть), „замолкли птичекъ хоры“ (перестали пѣть, заслушавшись соловья) „и прилегли стада“ (подъ обаяніемъ пѣнія соловья, стада перестали ѣсть и прилегли). „Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался“ (при сосредоточенномъ вниманіи пастухъ притаилъ дыханіе) „и только иногда, внимая соловью, пастушкѣ улыбался“ (какъ бы улыбкой говоря: Ахъ, какъ хорошо!).

3-ья часть. Соловей окончилъ пѣніе. Оселъ изрекаетъ свой судъ. Сначала онъ снисходительно хвалитъ пѣвца: „Изрядно (не дурно), говоритъ, сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно“. Затѣмъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что пѣвцу Авроры не пришлось поучиться у пѣтуха: „Еще бъ ты болѣ навострился, когда бы у него немножко поучился“.

Сопоставленіе изображеннаго выше пѣнія соловья съ судомъ осла ясно указываетъ, насколько послѣдній былъ свѣдущъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ захотѣлъ „самъ посудить“.

4-ая часть. Услышавши судъ осла, соловью оставалось только „вспорхнуть и улетѣть за тридевять полей“. Онъ такъ и поступилъ. Онъ не сталъ оспаривать сужденіе осла („Не оспаривай глупца“, говоритъ Пушкинъ). Да это было бы и безполезно: онъ все-таки не переспорилъ бы осла, не убѣдилъ бы его въ достоинствѣ своего пѣнія. Соловей улетѣлъ „за тридевять полей“, т.-е. очень далеко, не извѣстно въ какую страну. Выраженіе „за тридевять полей“—народное выраженіе, употребляемое въ сказкахъ для обозначенія какой-то далекой, неизвѣстной страны. „Въ нѣкоторомъ царствѣ, тридевятомъ государствѣ“, говорится въ сказкахъ.

Заключеніе басни, выраженное словами: „Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!“—не требуетъ поясненія, такъ какъ смыслъ его совершенно ясенъ послѣ чтенія басни.

Послѣ разъясненія содержанія басни, ученики могутъ быть привлечены къ составленію по баснѣ характеристики осла и соловья и къ рѣшенію вопроса: какой человѣкъ изображенъ въ образѣ осла и какой—въ образѣ соловья?—Въ образѣ осла изображенъ человѣкъ невѣжественный, грубый и самонадѣянный. Онъ берется судить о предметахъ, въ которыхъ не свѣдущъ. Увидѣвши въ первый разъ соловья, онъ предлагаетъ ему спѣть, чтобъ „самому судить объ его умѣньи“. Въ самомъ подборѣ выраженій, которыми онъ предлагаетъ соловью спѣть и которыми выражаетъ свое сужденіе о его пѣніи („послушай-ка, дружище“..., „мастерище“..., „навострился“ и др.) уже видна грубость, неучтивость его. Тупость и невѣжество его выразилось не только въ самомъ сужденіи о пѣніи соловья, но даже и въ самой позѣ, которую онъ принялъ, изрекая свое сужденіе. Поза эта, будучи характерной у осла, не менѣе характерна и у тупыхъ, глупыхъ людей, принимающихся судить о вещахъ, имъ недоступныхъ.

Соловей—великій художникъ. Онъ готовъ служить дру-

гимъ своимъ искусствомъ и всецѣло отдается этому искусству, очаровывая имъ всякаго, кто въ состояніи понимать его. Онъ скроменъ, благоразуменъ и тактиченъ. Онъ сознаетъ, что не приходится ему обижаться на невѣжливое обращеніе осла, такъ какъ послѣдній и не знаетъ иного обращенія. Онъ не возражаетъ на невѣрное сужденіе осла объ его пѣніи, а только „вспорхнулъ и улетѣлъ".

Не безполезно предложить ученикамъ указать внутреннюю связь между частями разбираемой басни. Въ ней каждое послѣдующее дѣйствіе вытекаетъ изъ предыдущаго: оселъ предлагаетъ соловью спѣть, потому что ранѣе слышалъ объ его пѣніи и захотѣлъ самъ посудить объ его умѣньи; соловей пѣлъ вслѣдствіе предложенія осла; услышавъ пѣніе, оселъ высказываетъ свое сужденіе. Сужденіе осла вызываетъ отлетъ соловья.

Послѣ разъясненія басни можетъ быть предложено ученикамъ придумать случаи изъ дѣятельности людей, подходящіе къ содержанію басни. При этомъ не мѣшаетъ сообщить имъ вѣроятный поводъ къ написанію басни. Предполагаютъ, что слѣдующій случай былъ поводомъ къ написанію ея: одинъ вельможа попросилъ Крылова прочесть двѣ-три свои басни. Тотъ исполнилъ просьбу и прочиталъ басни артистически. „Это хорошо", сказалъ вельможа послѣ чтенія басенъ: „но почему вы не пишете такъ, какъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.—„Не умѣю", отвѣчалъ Крыловъ. По возвращеніи домой онъ написалъ басню: „Оселъ и Соловей".

Басня заучивается учениками наизусть. Для письменной работы ученикамъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Пѣніе соловья и судъ осла (по баснѣ: „Оселъ и Соловей"); 2) характерныя черты осла и соловья: какъ онѣ выражены въ баснѣ? 3) Мотивированное изложеніе содержанія басни: „Оселъ и Соловей".

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ: I) «ОПЯТЬ НА РОДИНѢ» И II). «БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ» —А. С. ПУШКИНА *)

I. „Опять на родинѣ“ **).

Стихотвореніе: „Опять на родинѣ“, имѣетъ автобіографическое значеніе. Въ немъ въ высшей степени искусно связано изображеніе „уголка земли“, который поэтъ чрезъ десять лѣтъ опять посѣтилъ *), съ воспоминаніями, вызванными отдѣльными предметами этого „уголка земли“, и мыслью о будущемъ.

Остановимся въ отдѣльности а) на предметахъ, входящихъ въ изображеніе „уголка земли“, б) на воспоминаніяхъ поэта и в) на его мысли о будущемъ. Но прежде укажемъ части стихотворенія и обозначимъ планъ его.

Изображеніе „уголка земли“, села Михайловскаго, составляетъ главную часть произведенія. Этой части предшествуютъ вступительныя мысли и за нею слѣдуетъ заключительная мысль. Такимъ образомъ стихотвореніе представляетъ три части. Каждая изъ этихъ частей расчленяется на второстепенныя; но всѣ онѣ находятся въ органической связи между собою.

Въ первой части говорится а) о посѣщеніи „уголка земли“, б) о перемѣнахъ въ жизни поэта и въ немъ самомъ и в) о живости возникающихъ воспоминаній.

Въ главной части описывается усадьба поэта („уголокъ земли“). Въ ней различаются слѣдующія второстепенныя

---

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ IV—V кл.

**) Въ августѣ 1824 г. Пушкинъ пріѣхалъ изъ Одессы въ село Михайловское, гдѣ и жилъ до конца 1826 года. Стихотвореніе: «Опять на родинѣ», написано въ сентябрѣ 1835 г., когда поэтъ снова пріѣхалъ въ Михайловское.

части, въ зависимости отъ различія предметовъ изображенія: а) домикъ, б) холмъ лѣсистый, в) озеро, г) деревни, д) мельница, е) три сосны, ж) младая роща.

Въ послѣдней части содержится обращеніе поэта къ молодымъ деревцамъ и размышленіе его о томъ, что онъ уже не дождется могучаго ихъ возраста.

Графически планъ стихотворенія можетъ быть обозначенъ такъ:

А. Вступительныя мысли:
- а) посѣщеніе „уголка земли“;
- б) перемѣны
  - 1) въ жизни поэта,
  - 2) въ немъ самомъ;
- в) живость воспоминаній.

Б. Усадьба („уголокъ земли“):
- а) домикъ,
- б) холмъ,
- в) озеро,
- г) деревни,
- д) мельница,
- е) три сосны,
- ж) молодая роща.

В. Размышленіе о будущемъ:
- а) поэту не дождаться могучаго возраста рощи:
- б) внукъ услышитъ привѣтный шумъ ея.

Составивши планъ стихотворенія, ученики излагаютъ по этому плану содержаніе его. Затѣмъ они, по требованію учителя, составляютъ описаніе усадьбы поэта по тѣмъ признакамъ, которые содержатся въ произведеніи. Они даютъ, напримѣръ, хотя такое описаніе: Тихій, скромный домикъ— жилище поэта. Не вдалекѣ отъ него поднимается лѣсистый холмъ. На другой сторонѣ виднѣется большое озеро, разстилающееся межъ „нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ“. На немъ можно видѣть лодки подъ парусами и рыбаковъ, тянущихъ неводъ. По отлогимъ берегамъ озера разбросаны деревни, за которыми виднѣется старая скривившаяся мельница, крылья которой едва поворачиваются при вѣтрѣ. На

границѣ имѣнія, у дороги, поднимающейся въ гору, бросаются въ глаза три сосны: одна поодаль, двѣ другія другъ къ дружкѣ близко. Около послѣднихъ разрослась молодая роща...

Описавши усадьбу, ученики выдѣляютъ изъ стихотворенія тѣ воспоминанія, которыя возникаютъ въ душѣ поэта при видѣ того или другого предмета.

„Смиренный домикъ“ вызываетъ въ поэтѣ воспоминаніе о его нянѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, которая глубоко была предана своему молодому барину, заботилась о немъ и вела его хозяйство. По вечерамъ она разсказывала ему народныя сказки, былины или пѣла ему народныя пѣсни. Поэтъ съ своей стороны съ любовью относился къ своей нянѣ, что видно изъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Такъ, въ одномъ изъ нихъ онъ съ такими словами обращается къ ней: „Подруга дней моихъ суровыхъ, голубка дряхлая моя! одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ давно, давно ты ждешь меня“... Арина Родіоновна умерла за семь лѣтъ (въ 1828 г.) до того, какъ поэтъ посѣтилъ „уголокъ земли“, и все-таки онъ живо, сердечно вспоминаетъ о ней. Онъ помнитъ даже ея шаги, которые слышны были за стѣной, и ея „утренніе дозоры“, т. е. распоряженія по домашнему хозяйству.

„Холмъ лѣсистый“ вызываетъ въ поэтѣ воспоминаніе о томъ, какъ лѣтъ десять тому назадъ онъ на немъ сиживалъ и, глядя на озеро, „съ грустью вспоминалъ иные берега, иныя волны“, именно берега Чернаго моря, откуда онъ долженъ былъ переѣхать въ Михайловское (въ 1824 г.)

„Три сосны“, стоящія „на мѣстѣ томъ, гдѣ въ гору подымается дорога, изрытая дождями“, вызываетъ въ поэтѣ воспоминаніе о томъ, какъ „шорохъ ихъ вершинъ его привѣтствовалъ“, когда онъ „мимо ихъ проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи“... Теперь поэтъ опять проѣхалъ мимо этихъ же сосенъ и услышалъ „знакомый слуху шорохъ“... Какая глубина, чуткость и сила воспріятія поэтомъ впечатлѣній!

Затѣмъ на вопросъ учителя: „На какія думы наводитъ поэта молодая роща“? ученики останавливаютъ вниманіе на послѣдней части стихотворенія. Молодая роща, разросшаяся у корней двухъ сосенъ, „гдѣ нѣкогда все было пусто, голо“, уноситъ мысль поэта въ будущее. Поэтъ говоритъ, что ему не дождаться того времени, когда молодыя деревца („племя молодое“) перерастутъ его „знакомцевъ и старую главу ихъ заслонятъ отъ глазъ прохожаго“. Заканчиваетъ поэтъ свою думу словами: „Пусть мой внукъ услышитъ вашъ привѣтный шумъ“...

Нельзя не видѣть, что въ послѣдней части стихотворенія отразилась дума поэта о смерти („Не я увижу твой могучій возрастъ“). Но дума эта не носитъ характера подавляющей тоски, отчаянія. Мысль о смерти, этомъ естественномъ и неминуемомъ явленіи, разрѣшается мыслью о радостной жизни новаго поколѣнія, которое явится на смѣну отживающаго: „Мой внукъ услышитъ вашъ (деревьевъ) привѣтный шумъ, когда, съ пріятельской бесѣды возвращаясь, веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ, пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи“...

Вообще нужно замѣтить, что и все стихотвореніе: „Опять на родинѣ“, проникнуто грустною задумчивостью поэта, но при всемъ томъ нигдѣ грусть его не переходитъ въ тоску или отчаяніе.

Стихотвореніе, въ которомъ выражается чувство поэта, или которое написано подъ вліяніемъ того или другого его чувства или настроенія, отразившагося въ немъ, относится къ лирической поэзіи. Значитъ, „Опять на родинѣ“— лирическое произведеніе.

Тѣ изъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ выражается грустное чувство, называются элегіями. Слѣдовательно, „Опять на родинѣ“—элегія.

Стихотвореніе: „Опять на родинѣ“, написано ямбическимъ размѣромъ, бѣлыми, т. е. нериѳмованными стихами.

При стилистическомъ разборѣ разсматриваемаго стихотворенія ученики обращаютъ вниманіе на сравненія, метафоры, олицетворенія и другія образныя выраженія.

Вопросы, которые могутъ быть предлагаемы ученикамъ, съ цѣлью привлечь ихъ вниманіе къ содержанію и формѣ стихотворенія, для уясненія его себѣ: Какія части различаются въ стихотвореніи: „Опять на родинѣ? О чемъ говорится въ первой части? Какое содержаніе второй части? О чемъ поэтъ говоритъ въ третьей части стихотворенія? Укажите признаки, которыми описана усадьба поэта (Михайловское). Какія воспоминанія возникаютъ въ душѣ поэта при видѣ „смиреннаго домика, „холма лѣсистаго“, озера, трехъ сосенъ? Какія измѣненія поэтъ нашелъ въ своихъ „старыхъ знакомцахъ“? О какой это нянѣ поэтъ вспоминаетъ? Какіе это „иные берега, иныя волны“ поэтъ вспоминалъ, сидя на холмѣ? Какимъ чувствомъ проникнуты воспоминанія поэта? На какія думы наводитъ поэта „младая роща“? Въ какомъ еще извѣстномъ вамъ стихотвореніи поэтъ выражаетъ свою думу „о грядущей смерти“? Къ какому роду и виду произведеній относится „Опять на родинѣ“ и почему? Передайте другими словами выраженіе: „Минувшее меня объемлетъ живо“. Объясните образныя выраженія въ стихотвореніи (сравненія, метафоры, олицетворенія). Укажите планъ стихотворенія.

Для письменной работы учениковъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Описаніе усадьбы поэта (по стихотворенію: „Опять на родинѣ“); 2) Какія воспоминанія возникли въ душѣ поэта при видѣ предметовъ „родного уголка“? 3) Біографическія данныя въ стихотвореніи: „Опять на родинѣ“.

II. «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»...

Стихотвореніе: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“.. проникнуто грустнымъ чувствомъ, навѣяннымъ мыслью о смерти. Оно состоитъ изъ восьми четырехстрочныхъ строфъ.

Въ первыхъ двухъ строфахъ поэтъ говоритъ, что его постоянно преслѣдуетъ мысль 1) о томъ, что всѣ люди, сколько ихъ ни видно, сойдутъ „подъ вѣчны своды“, 2) въ слѣдующихъ двухъ строфахъ (3-й и 4-й) о неизбѣжности и собственной смерти.

Въ пятой и шестой строфахъ поэтъ выражаетъ желаніе угадать время, мѣсто и причину своей смерти, въ седьмой — желаніе умереть „поближе къ милому предѣлу“, т. е. на родинѣ, и, наконецъ, въ восьмой высказываетъ мысль, что на мѣсто умершихъ явятся молодые, полныя жизни и радости, люди, и „равнодушная природа“ попрежнему будетъ „красою вѣчною сіять“.

Такимъ образомъ все стихотвореніе можетъ быть раздѣлено на пять частей. Разсмотримъ поближе каждую изъ этихъ частей.

Первая часть, какъ сказано, обнимаетъ первыя двѣ строфы. Въ первой изъ нихъ поэтъ говоритъ, что и на шумной улицѣ, и въ многолюдномъ храмѣ, и въ собраніи веселыхъ юношей онъ предается своимъ „мечтамъ“. Подъ „мечтами“ здѣсь разумѣются поэтическія мечты, думы поэта, облекающіяся въ образы, картины, сцены (поэтическое мышленіе). Союзъ *ли (ль)*, повторяющійся въ этой строфѣ, будучи раздѣлительнымъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ подчиненію придаточныхъ предложеній главному. Подчиненныя предложенія можно бы выразить и такъ: Когда я брожу вдоль улицъ шумныхъ, или когда вхожу въ многолюдный храмъ, или же когда сижу... и т. д. Выраженіе: „сижу

межъ юношей безумныхъ“ значитъ: нахожусь среди юношей веселыхъ, беззаботныхъ, предающихся веселью, не задумывающихся ни надъ чѣмъ серьёзнымъ.

Во второй строфѣ поэтъ говоритъ, о чемъ именно онъ постоянно мечтаетъ, думаетъ. Эта строфа, такимъ образомъ, находится во внутренней связи съ первой строфой, служа дополненіемъ, поясненіемъ ея. Выраженіе: „Я говорю“, которымъ начинается эта строфа, имѣетъ значеніе: я думаю, я про себя говорю. О чемъ же поэтъ думаетъ?—О томъ, что „промчатся (т.-е. быстро пролетятъ) годы, и, сколько здѣсь (т.-е. и на шумной улицѣ, и въ многолюдномъ храмѣ, и въ собраніи юношей) ни видно насъ, мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды (т.-е. сойдемъ въ могилу, умремъ), и чей-нибудь ужъ близокъ часъ“ (т.-е. близокъ часъ смерти) Могила названа „вѣчной“ („вѣчны своды“) въ томъ смыслѣ, что возврата изъ нея уже нѣтъ.

Во второй части стихотворенія поэтъ выражаетъ думу о своей собственной смерти. Эта часть, такимъ образомъ, относится къ первой части, какъ частное къ общему. Въ первой части поэтъ говоритъ, что „мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды“, а въ разсматриваемой (второй) части онъ въ частности говоритъ о приближеніи его собственной смерти. Многіе предметы наводятъ его на мысль о смерти, но онъ останавливается только на дубѣ и младенцѣ, какъ такихъ предметахъ, которые скорѣе всего въ состояніи вызвать эту мысль. Въ третьей строфѣ онъ говоритъ, что, когда онъ смотритъ на „дубъ уединенный“,—уже думаетъ: „патріархъ лѣсовъ переживетъ мой вѣкъ забвенный, какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ“. Дубъ живетъ долго, переживаетъ многія деревья и потому названъ „патріархомъ (родоначальникомъ) лѣсовъ“. При своей долговѣчности, онъ переживаетъ нѣсколько поколѣній людей, и поэтъ имѣлъ основаніе сказать, что онъ переживетъ и его, „какъ пережилъ онъ вѣкъ

отцовъ". Слово „вѣкъ" употреблено въ стихотвореніи въ смыслѣ: вѣкъ человѣческій, а не въ смыслѣ: столѣтіе. Въ четвертой строфѣ поэтъ говоритъ, что, когда онъ ласкаетъ „младенца милаго", онъ уже мысленно прощается съ нимъ, уступая ему мѣсто, чтобы самому сойти со сцены жизни („Прости: тебѣ я мѣсто уступаю: мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти").

Думая постоянно о приближеніи смерти, поэтъ желаетъ угадать день этого событія. Онъ своею думой провожаетъ „день каждый, каждую годину", стараясь угадать „грядущей смерти годовщину". Подъ „годовщиной" вообще разумѣется день совершенія почему-нибудь знаменательнаго событія, по прошествіи одного, двухъ или нѣсколькихъ лѣтъ (годовщина побѣды, годовщина основанія учебнаго заведенія и т. п.); здѣсь же этимъ словомъ обозначается день за годъ, за два или за нѣсколько лѣтъ до совершенія событія... Желаніе поэта угадать „годовщину" своей смерти составляетъ содержаніе пятой строфы.

Въ шестой строфѣ поэтъ задается вопросомъ, гдѣ и отчего послѣдуетъ его смерть: „въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ", или же онъ умретъ на родинѣ, обыкновенною смертью. Для пониманія этой строфы слѣдуетъ припомнить, что незадолго до написанія стихотворенія: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ"... Пушкинъ путешествовалъ по Кавказу, гдѣ ущелья и крутизны горъ, обрывистые берега горныхъ рѣкъ и полудикія шайки воинственныхъ горцевъ, нападавшихъ на русскихъ, представляли значительныя опасности для его жизни.

Пятая и шестая строфы составляютъ третью часть стихотворенія.

Въ четвертой части (седьмой строфѣ) поэтъ выражаетъ желаніе умереть и быть погребеннымъ на родинѣ. Онъ говоритъ: „И хоть безчувственному тѣлу равно повсюду ис-

тлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ все бъ хотѣлось почивать". Эта страфа находится въ связи съ предшествующей: тамъ сказано, что смерть можетъ послѣдовать или въ бою, или въ странствіи, или въ волнахъ; здѣсь же поэтъ выражаетъ желаніе умереть на родинѣ. Нельзя въ послѣднемъ желаніи не видѣть трогательной любви поэта къ родинѣ. Хотя онъ и сознаетъ, что „безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать", однако онъ хотѣлъ бы „ближе къ милому предѣлу почивать".

Въ послѣдней части (восьмой строфѣ) поэтъ говоритъ, что мѣсто умершихъ займетъ молодое, свѣжее, жизнерадостное поколѣніе. Природа же, равнодушная къ горестямъ и радостямъ людей, будетъ попрежнему „красою вѣчною сіять". Такимъ образомъ, грустное раздумье поэта о неизбѣжности смерти разрѣшается утѣшительною мыслью: хотя мы умремъ, но другіе послѣ насъ будутъ получать радости жизни и наслаждаться красотою природы.

Стихотвореніе: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ"... написано въ 1829 году. Въ этомъ же году въ Россіи случились обстоятельства, которыя невольно наводили каждаго на мысль о смерти. Обстоятельства эти слѣдующія: на Кавказѣ явилась чума, которая грозила распространиться по Россіи. Мало того: въ Россіи появилась холера, которая вскорѣ охватила большую часть государства. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ естественно было каждому подумать о своей смерти. Кромѣ того, смерть во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ поражаетъ людей, и каждому человѣку приходится призадуматься надъ этимъ явленіемъ, приходится подумать и о приближеніи собственной смерти. Такимъ образомъ стихотвореніе: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ"... служитъ выраженіемъ общечеловѣческой мысли и чувства. При этомъ нужно замѣтить, что дума о смерти часто занимала Пушкина, особенно въ послѣднее десятилѣтіе его жиз-

ни, и отразилась и въ другихъ его произведеніяхъ. Такъ, мы видѣли, что въ стихотвореніи: „Опять на родинѣ“, поэтъ, обращаясь къ молодой рощѣ, говоритъ: „Не я увижу твой могучій поздній возрастъ, когда перерастешь моихъ знакомцевъ“ Затѣмъ, возвращаясь изъ своего путешествія въ Арзерумъ (въ 1829 г.), поэтъ писалъ:

„Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ:
На каменьяхъ, подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ;
Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ“...

Стихотвореніе: „Брожу ли я вдоль улицъ“—элегія. Почему?.

Планъ стихотворенія графически можетъ быть обозначенъ учениками такъ:

Основныя мысли:

- I. Дума поэта
  - 1) при обстоятельствахъ
    - а) на улицахъ шумныхъ,
    - б) въ многолюдномъ храмѣ,
    - в) межъ юношей;
  - 2) предметъ думы
    - а) всѣ сойдемъ въ могилу,
    - б) чей-нибудь близокъ часъ;

II. о собственной смерти. { 1) при видѣ дуба, 2) при ласканіи младенца;

III. Желаніе его а) угадать { 1) день, смерти, 2) мѣсто и причину смерти { а) въ бою ли, б) въ странствіи, в) въ волнахъ и г) на родинѣ;

IV. б) „почивать на родинѣ“;

V. Поэтъ находитъ утѣшеніе при мысли, что { 1), младая будетъ жизнь играть, 2) равнодушная природа будетъ сіять.

Стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы учениковъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Мысли и чувства, выраженныя въ стихотвореніи: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. 2) Какіе предметы и почему вызываютъ въ поэтѣ мысль о смерти?

При веденіи объясненія стихотворенія эвристическимъ путемъ могутъ быть предлагаемы слѣдующіе вопросы: какимъ чувствомъ проникнуто стихотвореніе: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“... и какою мыслью вызвано оно (чувство)?—Какими предметами пробуждается въ поэтѣ мысль о смерти?—О чемъ поэтъ говоритъ въ первыхъ двухъ строфахъ?—О чемъ онъ говоритъ въ слѣдующихъ двухъ (3 и 4)?—О чемъ онъ говоритъ въ пятой и шестой строфахъ?—Какое желаніе поэтъ выражаетъ въ седьмой строфѣ?—Какія мысли выражены въ послѣдней строфѣ?

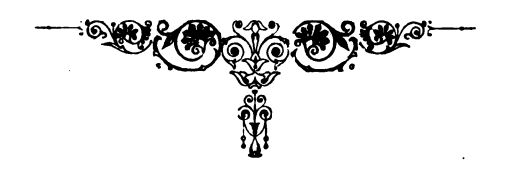
Выразите подчиненныя (придаточныя) предложенія первой строфы въ иной формѣ. Въ какомъ отношеніи находится вторая строфа къ первой?—Въ какомъ отношеніи находится вторая часть стихотворенія къ первой?

На какія мысли наводитъ поэта „дубъ уединенный“?— На какія мысли наводитъ поэта младенецъ?

Что поэтъ хотѣлъ бы угадать? - Что, по мысли поэта, можетъ быть причиной его смерти?—Одна ли грусть выражена въ стихотвореніи?—Какое выражено другое чувство?— Что значитъ выраженіе: „И пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть“?—Объясните выраженіе: „И равнодушная природа (будетъ) красою вѣчною сіять“.—Передайте своими словами содержаніе послѣдней строфы.—Не знаете ли, какія событія въ русской жизни, одновременныя съ написаніемъ стихотворенія, могли не только у Пушкина, но и у другихъ членовъ русскаго общества вызвать мысль о смерти?—Къ какому виду лирической поэзіи относится „Брожу ли я“?—Составьте планъ стихотворенія.

К. Ельницкій.

25 декабря 1899 года.

О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по русскому языку въ связи съ изученіемъ синтаксиса.

Нерѣдко приходится слышать жалобы на то, что учащаяся молодежь не умѣетъ порядочно излагать свои мысли на письмѣ. Дѣйствительно, гладкое, связное и толковое изложеніе мыслей составляетъ счастливое преимущество немногихъ молодыхъ людей, даже изъ окончившихъ курсъ въ гимназіи, между тѣмъ какъ въ письменныхъ работахъ большинства изъ нихъ наблюдается не только отсутствіе послѣдовательности, стройности въ изложеніи, но и несоблюденіе элементарныхъ правилъ русскаго синтаксиса. Казалось бы, что, приступая къ изученію теоріи словесности, а тѣмъ болѣе исторіи литературы, ученики должны покончить всякіе счеты съ грамматикой, которая изучается въ младшихъ классахъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: въ такъ называемыхъ сочиненіяхъ ихъ встрѣчаются очень часто неправильные обороты рѣчи, досадная шероховатость слога, происходящая отъ неумѣстнаго повторенія союзовъ, мѣстоименій и проч. Борьба съ этими недостатками въ старшихъ классахъ становится затруднительной какъ потому, что нѣтъ для этого времени, такъ и потому, что переучивать снова труднѣе, чѣмъ вновь учить. Гладкое изложеніе мыслей невозможно безъ основательнаго знанія синтаксиса. Намъ кажется, что теоретическій характеръ преподаванія грамматики въ младшихъ классахъ является одною изъ причинъ слабаго

усвоенія ея учениками, и что потому практическія упражненія по ней должны быть поставлены на первомъ планѣ.

Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ указаны наиболѣе важныя письменныя упражненія по грамматикѣ, которыми, по нашему мнѣнію, должно сопровождаться изученіе синтаксиса.

I. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ при разучиваніи сложныхъ предложеній по способу подчиненія.

Въ существующихъ учебникахъ грамматики недостаточно разъясненъ отдѣлъ синтаксиса о сложномъ предложеніи изъ подчиненныхъ. Извѣстно, что различные виды придаточныхъ предложеній служатъ для болѣе подробнаго развитія мысли, выраженной въ главномъ предложеніи. Логическое значеніе ихъ таково же, что и второстепенныхъ членовъ предложенія: только при помощи придаточныхъ содержаніе главнаго предложенія раскрывается еще съ большею полнотою, ясностью и опредѣленностью. Поэтому первыя практическія упражненія, при знакомствѣ съ составнымъ предложеніемъ, должны состоять въ обращеніи второстепенныхъ членовъ въ цѣлыя предложенія. Ученикамъ дается рядъ простыхъ предложеній и предлагается извѣстные ихъ члены развить въ предложенія. Примѣры. 1) Честный человѣкъ не пропадетъ. 2) Слышно было до разсвѣта ликованіе французовъ. 3) Рыба хорошо клюетъ на восходѣ солнца. 4) Конь летитъ стрѣлою. 5) Ученикъ не пришелъ въ классъ по болѣзни. 6) Ягненокъ въ жаркій день пришелъ къ ручью напиться.

При разборѣ сложнаго предложенія изъ подчиненныхъ ученики часто смѣшиваютъ различные виды придаточныхъ, распознавая ихъ не по смыслу, а по формѣ, которая, какъ извѣстно, бываетъ весьма обманчива. Въ виду этого, кромѣ указанія способовъ для различенія придаточныхъ предложеній, сходныхъ по внѣшней формѣ, необходимо дать ученикамъ соотвѣтствующія упражненія. Напримѣръ, придаточныя опредѣлительныя нерѣдко начинаются мѣстоименіемъ что, а дополнительныя—союзомъ что. Такъ какъ этому мѣстоименію и союзу въ главномъ предложеніи соотвѣтствуетъ указательное мѣстоименіе тотъ въ различныхъ падежахъ, то очень полезно предложить ученикамъ такую работу: имъ даются примѣры съ придаточными дополнительными, начинающимися союзомъ что, а они пишутъ придаточныя опредѣлительныя съ мѣстоименіемъ что. Упражненія располагается такъ:

Придаточныя дополнительныя.	Придаточныя опредѣлительныя.
Р.—Я желаю того, чтобы надежды мои оправдались.	Р.—Нерѣдко желаютъ того, что невозможно.
Д.—Земледѣлецъ радуется тому, что наступила весна.	Д.—Нельзя радоваться тому, что печалитъ другихъ.
В.—Я знаю, что вы написали письмо.	В.—Я знаю, чтó вы написали.
Т.—Онъ доволенъ тѣмъ, что окончилъ работу.	Т.—Богатый недоволенъ тѣмъ, что удовлетворяетъ бѣднаго.
П.—Мы вспомнили о томъ, что нужно навѣстить родныхъ.	П.—Мы вспомнили о томъ, что прошло.

Придаточное опредѣлительное предложеніе должно стоять непосредственно за тѣмъ словомъ, къ которому оно относится; если же опредѣляемое слово удалено отъ придаточнаго, то необходимо его повтореніе.—Ученики пишутъ примѣры съ придаточными опредѣлительными, въ которыхъ встрѣчается тотъ и другой случай. Примѣры на второй случай. Ревъ источника, образованнаго снѣгомъ,—источника, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну... Въ первый періодъ царствованья Грознаго,—въ тотъ періодъ, когда онъ еще находился подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, Курбскій вѣрно служилъ Іоанну и пользовался его милостями.

II. Къ вопросу о практическомъ ознакомленіи съ приложеніемъ.

Говоря о придаточномъ опредѣлительномъ предложеніи, считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о приложеніи. Дѣло въ томъ, что относительно этого понятія и особенно знаковъ препинанія, которыми приложеніе отдѣляется отъ другихъ частей предложенія, въ нашихъ грамматикахъ существуетъ разногласіе.

Извѣстно, что, по своему происхожденію, приложеніе есть не что иное, какъ придаточное опредѣлительное сокращенное предложеніе, въ которомъ сказуемое до сокращенія было выражено именемъ существительнымъ. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, мы всегда можемъ легко опредѣлить, какое изъ двухъ рядомъ стоящихъ существительныхъ слѣдуетъ принять за приложеніе. Для этого нужно изъ данныхъ существительныхъ составить предложеніе: то изъ нихъ, которое въ пред-

ложеніи явится сказуемымъ, и есть приложеніе; то же, которое служитъ подлежащимъ, будетъ опредѣляемымъ. Вотъ примѣръ:

«Возлѣ дѣвочки-малютки собрался кружокъ». Изъ существительныхъ дѣвочка и малютка можно составить только такое предложеніе: дѣвочка есть малютка, но не наоборотъ: малютка (всякая) есть дѣвочка; слѣдовательно, «малютка» здѣсь приложеніе, «дѣвочка»—опредѣляемое. Между тѣмъ въ грамматикахъ мы читаемъ: «при собственныхъ именахъ лицъ приложеніемъ служитъ нарицательное, а при собственныхъ именахъ другихъ предметовъ—собственное къ нарицательному».—Первое положеніе неоспоримо, для второго трудно подыскать основаніе. «Рѣка Дунай широка», «городъ Аѳины» славенъ: здѣсь приложенія рѣка и городъ, но не Дунай и Аѳины. Можно возразить, что въ этихъ предложеніяхъ сказуемое согласовано съ словами рѣка и городъ, а не съ собственными именами; но вѣдь и въ предложеніи: «императоръ Калигула умеръ насильственной смертью», сказуемое согласуется съ приложеніемъ, или, что все равно,—съ подлежащимъ по смыслу. Точно также въ грамматикахъ нѣтъ яснаго указанія на то, слѣдуетъ или не слѣдуетъ отдѣлять запятой приложеніе, стоящее впереди опредѣляемаго и имѣющее при себѣ опредѣленіе, по крайней мѣрѣ, не приводится никакого основанія для той или иной пунктуаціи. Попробуемъ найти его.

Приложеніе есть придаточное опредѣлительное сокращенное предложеніе, а такія предложенія, если они стоятъ впереди опредѣляемаго, не отдѣляются запятой; слѣдовательно, такъ же нужно поступать и съ приложеніемъ. Между тѣмъ въ учебникѣ Л. Поливанова: «Русскій синтаксисъ», читаемъ:

«Запятою отдѣляется приложеніе, стоящее передъ словомъ опредѣляемымъ, если имѣетъ при себѣ опредѣленіе» (изд. 1885 г., стр. 30).

Г. Гусевъ въ своей книгѣ: «Знаки препинанія въ русскомъ письменномъ языкѣ, выражается не такъ категорически:

«Распространенныя приложенія, т.-е имѣющія при себѣ свои опредѣленія и дополненія, иногда для ясности отдѣляются запятой и въ тѣхъ случаяхъ, когда находятся впереди своихъ опредѣляемыхъ» (стр. 63, примѣчаніе 1).

Сопоставляя два приведенныя указанія, трудно сказать, чтобы вопросъ о знакахъ препинанія для выдѣленія приложеній былъ разрѣшенъ съ необходимою въ такихъ случаяхъ ясностью. Что-нибудь одно: или отдѣлять, или не отдѣлять приложеніе, стоящее впереди опредѣляемаго, но только безъ оговорокъ и исключеній. Выше замѣчено, что основательнѣе въ этомъ случаѣ не ставить запятой.

Вопросъ о приложеніи долженъ быть обстоятельно выясненъ ученикамъ, такъ какъ въ письменныхъ работахъ и вообще при изложеніи своихъ мыслей они неизбѣжно столкнутся съ этимъ видомъ опредѣленій. Только мѣсто для знакомства съ приложеніями, по нашему мнѣнію, не тамъ, гдѣ оно большею частію отводится въ грамматикахъ, а рядомъ съ придаточными опредѣлительными предложеніями.

Первая работа при изученіи приложеній состоитъ въ томъ, что ученикамъ дается рядъ придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній съ сказуемыми—существительными, которыя (предложенія) они обращаютъ въ приложенія; потомъ указывается способъ для отысканія приложеній: предлагается поставить приложенія съ отно-

сящимися къ нимъ словами впереди и позади опредѣляемаго; дѣлается выводъ относительно знаковъ препинанія, и указываются основанія для такого вывода.

III. Прямая и косвенная рѣчь должна быть разучиваема вмѣстѣ съ придаточн. предлож. дополнительными.

Если въ связи съ придаточнымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ мы считаемъ умѣстнымъ говорить о приложеніи, то статья о придаточныхъ дополнительныхъ должна, по нашему мнѣнію, заканчиваться разъясненіемъ вопроса о прямой и косвенной рѣчи. Пересказывая содержаніе какой-нибудь статьи, дѣти склонны придерживаться ея текста, не умѣютъ выражать мысли своими словами, обращать прямыхъ рѣчей въ косвенныя и проч.

Извѣстно, что прямая рѣчь состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ вносныхъ предложеній, а на вносное предложеніе можно смотрѣть, какъ на придаточное дополнительное, въ которомъ опущенъ союзъ. Исходя изъ этого положенія, можно дать ученикамъ рядъ вносныхъ предложеній и заставить обратить ихъ въ придаточныя дополнительныя, потомъ продѣлать обратное упражненіе. Работа будетъ имѣть, примѣрно, такой видъ:

Прямая рѣчь.	Косвенная рѣчь.
1. Крыловъ говоритъ: «великій человѣкъ громокъ на дѣлахъ».	1. Крыловъ говоритъ, что великій человѣкъ и т. д.
2. Учитель крикнулъ дѣтямъ: «идите скорѣе по мѣстамъ».	2. Учитель крикнулъ дѣтямъ, чтобы они шли скорѣе по мѣстамъ.

Косвенная рѣчь.	Прямая рѣчь.
1. Увидя пламя, мы закричали, что въ нашей квартирѣ пожаръ.	1. Увидя пламя, мы закричали: «въ нашей квартирѣ пожаръ!»
2. Оселъ сказалъ соловью, что его безъ скуки слушать можно.	2. Оселъ сказалъ соловью: «тебя безъ скуки слушать можно».

Подобнымъ же образомъ ученики дѣлаютъ переложеніе небольшихъ разсказовъ или излагаютъ свои мысли въ той и другой формѣ.

IV. Какъ научить учащихся отличать придаточныя опредѣлительныя предложенія отъ придаточныхъ обстоятельственныхъ мѣста и времени?

Придаточныя обстоятельственныя мѣста и времени по внѣшней формѣ не только сходны съ опредѣлительными, но и легко могутъ быть обращены въ послѣднія. Для этого нужно нарѣчія мѣста **тамъ**, **туда**, **оттуда**, стоящія въ главномъ предложеніи, замѣнить выраженіями: «на томъ мѣстѣ», «въ томъ мѣстѣ», «на то мѣсто», «въ то мѣсто» и т. д., а нарѣчіе времени **тогда**—выраженіями: «въ то время», «въ тотъ часъ», «въ ту минуту» и т. д. Упражненіе располагается такъ. Ученики записываютъ подъ номерами примѣры, данные для превращенія:

1) Все общество собралось тамъ, гдѣ были приготовлены лодки. 2) Офицеръ прибылъ туда, гдѣ была его служба. 3) Солнце появилось оттуда, гдѣ синѣлъ лѣсъ. 4) Когда учитель вошелъ въ классъ, урокъ начался. Эти примѣры перестраиваются по указанному способу:

1) Все общество собралось на томъ мѣстѣ, гдѣ были приготовлены лодки. 2) Офицеръ прибылъ въ то мѣсто, гдѣ была его служба. 3) Солнце появилось съ той стороны, гдѣ синѣлъ лѣсъ. 4) Урокъ начался въ ту минуту, когда учитель вошелъ въ классъ.

Затѣмъ во второй группѣ предложеній нарѣчія мѣста и времени замѣняются относительными мѣстоименіями съ предлогомъ, чтобы придаточныя опредѣлительныя явились въ своей обычной формѣ.

Однимъ изъ необходимыхъ упражненій слѣдуетъ признать, конечно, сокращеніе придаточныхъ предложеній. Укажемъ на нѣкоторыя недомолвки и неясность въ указаніяхъ способовъ сокращенія. Въ грамматикахъ говорится, что, при сокращеніи придаточныхъ посредствомъ причастія и дѣепричастія, нужно сказуемое придаточнаго предложенія замѣнить причастіемъ или дѣепричастіемъ соотвѣтствующаго времени. Чему соотвѣтствующаго: глаголу главнаго или придаточнаго предложенія? Первое было бы невѣрно, второе не совсѣмъ точно. Что первое указаніе невѣрно, подтвержденіемъ служатъ слѣдующіе примѣры:

Я вижу приближающуюся тучу, я вижу приближавшуюся тучу, я вижу приблизившуюся тучу.

Я видѣлъ приближающуюся тучу, я видѣлъ приближавшуюся тучу, я видѣлъ приблизившуюся тучу.

Я увижу приближающуюся тучу, я увижу приближавшуюся тучу, я увижу приблизившуюся тучу.

Что второе указаніе неточно или, по крайней мѣрѣ, нуждается въ оговоркѣ, докажетъ слѣдующій примѣръ:

Увидя пламя, я подумалъ, что горитъ нашъ домъ. Въ придаточномъ обстоятельственномъ полномъ глаголъ стоитъ въ прошедшемъ времени, а сокращено оно по-

средствомъ дѣепричастія настоящаго времени. Почему это?—Извѣстно, что отъ нѣкоторыхъ глаголовъ совершеннаго вида можно произвести дѣепричастія настоящаго времени, но только въ формѣ настоящаго они имѣютъ значеніе прошедшаго времени. Такая оговорка необходима: иначе правило относительно сокращенія придаточныхъ при помощи дѣепричастій окажется въ противорѣчіи съ подобными примѣрами.

По нашему мнѣнію, правило о сокращеніи причастіями и дѣепричастіями лучше изложить такъ: если дѣйствія, выражаемыя сказуемымъ—глаголомъ главнаго и придаточнаго предложенія одновременны, то берется причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени; если они разновременны, причастіе и дѣепричастіе ставятся въ прошедшемъ времени. Исключеніе представляютъ дѣепричастія отъ глаголовъ совершеннаго вида, имѣющія въ формѣ настоящаго значеніе прошедшаго времени (увидя, замѣтя, придя и др.).

V. Какъ научить дѣтей различать предложенія соподчиненныя и включенныя?

Въ сочиненіяхъ учениковъ нерѣдко встрѣчаются ошибки въ построеніи такихъ сложныхъ предложеній, въ составъ которыхъ входятъ придаточныя соподчиненныя и включенныя. Въ существующихъ грамматикахъ почти нѣтъ указаній на то, какимъ правиламъ должны подчиняться подобныя предложенія при сочетаніи ихъ съ главными. Порядокъ практическихъ упражненій для выясненія этого вопроса можетъ быть приблизительно такой.

Дѣло начинается съ устнаго разбора сложныхъ

предложеній съ придаточными соподчиненными и включенными, результатомъ котораго должно быть опредѣленіе послѣднихъ. Затѣмъ, для вывода правила относительно соподчиненныхъ и включенныхъ предложеній, хорошо воспользоваться отрицательнымъ пріемомъ, имѣющимъ, замѣтимъ кстати, большое примѣненіе при практическомъ изученіи грамматики. Ученикамъ диктуется рядъ примѣровъ съ неправильнымъ соподчиненіемъ, въ такомъ родѣ:

1) Въ сочиненіи поэтъ изображаетъ могущество смерти, и что никто не можетъ ея избѣгнуть.

2) Представь примѣръ, и тогда только повѣрю я пословицѣ, и что ты умѣешь различать справедливое отъ ложнаго.

3) Мнѣ отвели комнату весьма покойную, но гдѣ съ трудомъ можно было развести огонь.

Изъ наблюденій надъ данными примѣрами ученики легко придутъ къ выводу, что въ нихъ соподчиненныя предложенія не согласованы между собою по формѣ. Отсюда выводится правило: соподчиненныя предложенія должны имѣть одинаковую форму, или полную, или сокращенную. Затѣмъ въ продиктованныхъ примѣрахъ исправляются ошибки; ученики сами придумываютъ и исправляютъ подобные примѣры; снова разбираютъ правильно построенныя сложныя предложенія съ соподчиненными; пишутъ по образцу ихъ свои предложенія, руководствуясь правиломъ, и проч.

Точно такія же упражненія продѣлываются и по отношенію къ придаточнымъ включеннымъ. Правило въ этомъ случаѣ можетъ быть дано въ такой формѣ: включенное предложеніе должно имѣть иную форму сравнительно съ тѣмъ, къ которому оно относится, т.-е. оно не можетъ быть полнымъ, когда подчиняющее предложеніе сокращенное, и наоборотъ.

Для ясности приводимъ примѣры неправильнаго включенія:

1) Человѣкъ, который сдѣлалъ дѣло, которое заслуживаетъ похвалы, мнѣ нравится.

2) Мы не могли думать, что эти люди не понимаютъ, что гибнутъ ихъ собственные интересы.

3) Я знаю, что вы знаете, что вамъ задано.

Примѣчаніе. Примѣры заимствованы изъ грамматики Селитренникова

Признаемъ очень полезными упражненія въ составленіи сложныхъ предложеній по даннымъ формуламъ. Имъ долженъ предшествовать устный разборъ. Когда ученики достаточно ознакомятся съ процессомъ разбора, берется какое-нибудь сложное предложеніе и обозначается его составъ въ видѣ формулы, въ которой условными буквами и знаками отмѣчаются предложенія главныя, придаточныя и отношенія между ними. Можно, напримѣръ, воспользоваться слѣдующими буквами и знаками:

1) Главныя предложенія обозначаются большими буквами русскаго алфавита: А, Б, В, Г и т. д.

2) придаточныя 1-й степени: а, б, в, г, д и т. д.

3) придаточныя 2-й степени: $а^2$, $б^2$, $в^2$, $г^2$, $д^2$ и т. д.

4) придаточныя 3-й степени: $а^3$, $б^3$, $в^3$, $г^3$, $д^3$ и т. д.

5) придаточныя опредѣлительныя — дугой сверху буквы (ӑ),

6) придаточныя дополнительныя — чертой снизу буквы (а̲),

7) придаточныя обстоятельственныя — точкой надъ буквой (а̇),

8) слитныя предложенія — коэфиціэнтомъ, указывающимъ число одинаковыхъ членовъ:—2а, 3в, 5А.

Положимъ, дано для разбора слѣдующее предложеніе:

а б̲^{2} А
Увидя, что пчела трудится вкругъ цвѣтка, сказалъ
Б.
орелъ однажды ей съ презрѣньемъ: «какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка со всей твоей работой и умѣньемъ».

Въ формулѣ составъ предложенія обозначится такъ: ӑ б̲^{2} А: Б.

Еще примѣръ:

А ȧ ȧ
Волкъ, близко обходя пастушій дворъ и видя сквозь
б̲^{2} в^3
заборъ, что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
б̲^{2} б̲^{2}
спокойно пастухи барашка потрошатъ, а псы смирне-
А г̇^{2}
хонько лежатъ, самъ молвилъ про себя, прочь уходя
Б
въ досадѣ: «Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли,
ȧ
друзья, когда бы это сдѣлалъ я!»

Формула этого предложенія: А 2 ȧ б̲^{3} в̇^{3} б^2 г̇^{2}: Б ȧ. Когда на достаточномъ количествѣ примѣровъ ученики пріобрѣтутъ навыкъ быстро обозначать составъ сложнаго предложенія, можно предложить имъ составить свои примѣры по данной формулѣ, сначала простой, потомъ болѣе и болѣе сложной.

Примѣры. Составить предложенія по формуламъ: А ӑ—А а̲ б̆^{2}—А 2 а—А ȧ б̆^{2}—А ӑ б^2 в^3; Б 2 а̲—А ӑ б̆^{2} в̲^{3}; Б 2 а и т. д.

Подобныя упражненія ведутъ къ отчетливому знанію состава сложнаго предложенія и служатъ какъ бы подготовительной ступенью къ сочиненіямъ, потому что сложное предложеніе, построенное по извѣстной форму-

лѣ, уже само по себѣ представляетъ, такъ сказать, маленькое сочиненіе, для котораго ученикъ долженъ найти соотвѣтствующее содержаніе.

VI. Объ особомъ видѣ самостоятельныхъ предложеній.

Есть особый видъ самостоятельныхъ предложеній, по своей внѣшней формѣ напоминающихъ придаточныя, и потому ученики часто смѣшиваютъ тѣ и другія. Такія предложенія сами по себѣ имѣютъ смыслъ, могутъ стоять отдѣльно и не отвѣчаютъ на вопросъ, поставленный при другомъ предложеніи; союзы, которыми они начинаются, можно замѣнить равнозначущими словами: а это, и это, при этомъ, за это и др. Ученикамъ дается рядъ этихъ предложеній, и они производятъ въ нихъ упомянутую замѣну.

Примѣры:

1) Мы посѣтили больного, за что онъ намъ былъ очень благодаренъ.

2) Мы ѣхали не болѣе двухъ верстъ въ часъ, что меня окончательно разсердило.

3) Мы останавливались въ полдень для обѣда, при чемъ всѣ спутники слѣзали съ лошадей.

4) Переѣзжая черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное и великолѣпное зрѣлище.

VII. О разучиваніи различныхъ формъ сравненія.

При разборѣ придаточныхъ сравнительныхъ предложеній очень полезно указать на различныя формы сравненія въ русскомъ языкѣ. Извѣстно, что

сравненіе можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ формахъ:

1) посредствомъ придаточнаго обстоятельственнаго образа дѣйствія—сравнительнаго полнаго;

2) при помощи сравнительнаго, сокращеннаго въ творительный или родительный падежъ,

3) посредствомъ двухъ самостоятельныхъ предложеній,

4) цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ предложеній.

Примѣры. 1) Петръ Великій трудился, какъ простой работникъ. 2) Конь летитъ стрѣлою. 3) Слеза за слезой упадаетъ на блѣдныя руки твои: такъ колосъ беззвучно роняетъ созрѣвшія зерна свои. 4) Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи... страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ плескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Кромѣ подыскиванія подобныхъ примѣровъ, ученики обращаютъ придаточныя сравнительныя въ сочиненныя предложенія, сокращаютъ полныя сравнительныя посредствомъ творительнаго и родительнаго падежей. Пріемъ превращенія придаточныхъ сравнительныхъ въ самостоятельныя извѣстенъ: или опускаются оба союза, или только союзъ **какъ**; въ послѣднемъ случаѣ придаточное ставится позади главнаго, а передъ нимъ союзъ **такъ** (иногда впереди главнаго).

Примѣры. Какъ изъ бездны потокъ выбѣгаетъ, такъ пѣснь зарождаетъ души глубина—изъ бездны потокъ выбѣгаетъ: такъ пѣснь зарождаетъ души глуби-

на.—Не сходить туману съ синя моря: ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.

Придаточное сравнительное въ большинствѣ случаевъ является неполнымъ: сказуемымъ въ немъ служитъ глаголъ главнаго предложенія въ настоящемъ времени (иногда въ прошедшемъ).

Ученикамъ дается нѣсколько сравнительныхъ предложеній, которыя они выражаютъ въ полной формѣ:

1) Онъ поетъ, какъ соловей (поетъ). 2) Конь пролетѣлъ, словно птица (летитъ). 3) Слезы лились, какъ ручей (льется). 4. Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой (пропалъ).

VIII. Къ вопросу о придаточныхъ предложеніяхъ цѣли.

Въ заключеніе два слова о придаточныхъ обстоятельственныхъ цѣли. Какъ извѣстно, эти предложенія въ сокращенной формѣ представляютъ ту особенность, сравнительно съ другими придаточными, что въ нихъ бываетъ налицо союзъ. Въ грамматикѣ Кирпичникова говорится, будто эти предложенія образовались путемъ сокращенія особаго оборота рѣчи, не употребительнаго въ русскомъ языкѣ. Напримѣръ, предложеніе: «Ягненокъ въ жаркій день пришелъ къ ручью напиться», будто бы есть сокращеніе такой рѣчи: «ягненокъ въ жаркій день пришелъ къ ручью, чтобы онъ напился». Это очень странно. Къ чему такая натяжка? Не лучше ли сказать, что, подобно придаточнымъ собственно образнымъ, не имѣющимъ полной формы, и обстоятельственныя цѣли, когда въ нихъ одно подлежащее съ главнымъ, употребляются только въ сокращенной формѣ?

Д. Ѳоминъ.

1899 г. 16 ноября. Варшава.

По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія.

Мною начато составленіе «Справочнаго русскаго словаря», въ которомъ я старался собрать возможно большее количество неотчетливыхъ, сбивчивыхъ и неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. Я руководствовался указаніями авторитетныхъ изданій, но относительно нѣкоторыхъ случаевъ правописанія у меня зародились сомнѣнія. Раньше, нежели печатать мою книгу, я хотѣлъ высказаться по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ и выслушать замѣчанія свѣдущихъ лицъ. Какъ, напримѣръ, писать:

1) залъ или зала?

Это слово перешло къ намъ изъ иностраннаго языка и на этой новой почвѣ никакъ не можетъ найти для себя подходящаго выраженія. Мы привыкли къ тому, что только имена прилагательныя измѣняются по тремъ родамъ, между тѣмъ слово зала имя существительное, и все-таки оно какъ будто имѣетъ три рода. Вѣдь это слово изображается трояко: залъ, зало, зала. Неужели оставить этого гостя въ такомъ исключительномъ положеніи? Не лучше ли отнести его къ тому или другому роду именъ существительныхъ и покончить съ нимъ разъ навсегда?

Замѣчательно, что Академическій словарь относительно этого слова, не смотря на свое исключительное положеніе рѣшающей инстанціи, не желаетъ произнести

своего рѣшающаго голоса въ пользу того или другого правописанія. Я не говорю уже объ Академическомъ словарѣ прежняго изданія (1869 г.), и новый словарь обнаруживаетъ такое же колебаніе, допуская правописаніе словъ: аванзала и аванзалъ. Позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній по поводу правописанія слова зала.

Мнѣ казалось, что правописаніе зало должно быть безусловно отвергнуто, такъ какъ ни французское la salle, ни нѣмецкое der Zaal не средняго рода. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, писать ли залъ или зала.

Всѣ данныя въ пользу того, чтобы отнести слово зала къ именамъ женскаго рода. Русскіе классическіе писатели: Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и др. пишутъ въ своихъ произведеніяхъ зала, а не залъ. Да и понятно, почему такъ.– Слово зала больше соотвѣтствуетъ духу русскаго языка, нежели залъ. Для подтвержденія моихъ словъ я сошлюсь на тотъ общеизвѣстный фактъ, что почти всѣ названія жилыхъ человѣческихъ помѣщеній въ русскомъ языкѣ имѣютъ форму именъ женскаго рода, таковы: горница, свѣтлица, свѣтелка, опочивальня, спальня, боковуша, изба, землянка, лачуга, мазанка, будка, клѣть, клѣтушка, больница, богадѣльня, сторожка; далѣе: гостиная, дѣтская, дѣвичья, лакейская, людская. Слова: комната, камера происходятъ отъ нѣмецкаго имени средняго рода, а перейдя въ русскій языкъ, стали именами женскаго рода. Нѣмецкое слово Thürm мужскаго рода, перешедши въ русскій языкъ, обратилось въ форму «тюрьма». Даже гардеробъ передѣлано въ гардеробная. Однимъ словомъ, названія жилыхъ помѣщеній

въ русскомъ языкѣ въ значительномъ большинствѣ имена существительныя женскаго рода. Ясно, такимъ образомъ, что слово зала больше соотвѣтствуетъ духу русскаго языка, чѣмъ залъ. Да и странно было бы сказать въ родительномъ падежѣ множественнаго числа заловъ, по образцу именъ мужскаго рода, вмѣсто залъ.

Правда, слова: домъ, жилище, и нѣсколько другихъ—не женскаго рода: но истина общеизвѣстная: чѣмъ меньше исключеній, тѣмъ лучше. Если какое-нибудь слово можетъ быть подведено подъ общее правило, то и не слѣдуетъ оставлять его въ исключительномъ положеніи. Слово зала легко можетъ быть подведено подъ общее правило, и въ русской литературной рѣчи оно уже давно стало именемъ женскаго рода.

2) Варево или вариво?

Въ старомъ Академическомъ словарѣ (изд. 1869 г.) рекомендуется начертаніе вариво, въ новомъ--варево, хотя допускается и вариво. На чемъ же остановиться?

Правописаніе этого слова необходимо разсматривать въ связи съ другими словами подобнаго же образованія, каковы: мѣсиво, топливо, пиво, сочиво. Всѣ эти слова образовались отъ глагольной темы, которая оканчивается на *и*, и всѣ они сохранили эту глагольную примѣту *и* въ неизмѣненномъ видѣ. Слово вариво образовалось отъ глагольной темы—вари, а потому нѣтъ основанія измѣнять въ немъ *и* въ *е*. Странно, что въ прежнемъ Академическомъ словарѣ слово крошиво пишется иначе: крошево, хотя оно образовалось совершенно такимъ же образомъ, какъ и мѣсиво. Я нахожу, что въ словѣ крошиво будетъ совершенно

основательно сохранить *и* въ неизмѣненномъ видѣ. Все то же слѣдуетъ сказать и относительно слова куриво, которое происходитъ отъ глагольной темы кури. На основаніи всего сказаннаго слѣдовало бы писать круживо, а не кружево. Возраженіемъ противъ такого правописанія можетъ служить укоренившееся произношеніе слова кружéвница. Но это возраженіе легко устранить, если въ данномъ словѣ удареніе перенести на предпослѣдній слогъ—кружевнйца. Впрочемъ сила привычки бываетъ иногда сильнѣе всякихъ филологическихъ указаній.

Слово мелево образовалось отъ глагольной темы меле, поэтому и нельзя писать меливо.

3) Не смотря, не взирая, или же: несмотря, невзирая?

Въ прежнемъ Академическомъ словарѣ не было словъ: несмотря, невзирая. Очевидно, они явились недавно и еще не получили своего окончательнаго утвержденія, и въ печатныхъ книгахъ постоянно встрѣчается то слитное, то раздѣльное правописаніе ихъ. Какъ же правильнѣе писать эти слова?

Для рѣшенія этого вопроса обратимъ вниманіе на нѣкоторые примѣры. Ѳедора-то немного ворчлива, да вы на это не смотрите,—дѣлайте свое дѣло (Достоевскій).

Никто не станетъ отрицать, что во второй половинѣ этого сложносочиненнаго предложенія *вы* подлежащее, не смотрите сказуемое, на это дополненіе къ сказуемому; что *вы* это мѣстоименіе, смотрите глаголъ, *не* отрицательное нарѣчіе и пишется, въ силу общаго правила, передъ глаголомъ отдѣльно. Сдѣлаемъ

маленькую замѣну въ предложеніи, именно: Ѳедора-то немного ворчлива, да вы, не смотря на это, дѣлайте свое дѣло. Безспорно, что подлежащее и дополненіе въ разбираемомъ измѣненномъ предложеніи остались тѣ же, а не смотря неужели потеряло свойства глагола? Очевидно, нѣтъ, — уже по одному тому, что при немъ осталось дополнительное слово, то самое, которое было въ неизмѣненномъ предложеніи. Оно только изъ наклоненія повелительнаго перешло въ дѣепричастіе. Въ такомъ случаѣ почему *не* слѣдуетъ писать слитно?

Возьмемъ другой примѣръ.—Мы сердечно работали: не смотрѣли ни на какія опасности. Здѣсь выраженіе: ни на какія опасности будетъ дополненіе къ сказуемому, а не смотрѣли—сказуемое—глаголъ. А если это предложеніе измѣнить такъ: не смотря ни на какія опасности, неужели выраженіе: не смотря, перестанетъ быть глаголомъ, хотя и принявшимъ неизмѣняемую форму дѣепричастія? Въ обоихъ разсматриваемыхъ предложеніяхъ выраженія: не смотрите и не смотря легко могутъ быть замѣнены выраженіями: не обращайте вниманія, не обращая вниманія. Неужели глаголъ: не обращайте, не обращали, принявъ форму дѣепричастія: не обращая, потерялъ свойства глагола? Очевидно, нѣтъ. Оно осталось тѣмъ же глаголомъ, принявшимъ форму нарѣчія, и передъ нимъ *не* пишется, по общему правилу, отдѣльно. Значитъ, не смотря въ данныхъ случаяхъ тоже остается дѣепричастіемъ, и передъ нимъ *не* пишется отдѣльно.

Еще примѣръ.—Господи, помоги, твердилъ Левинъ, не смотря на столь долгое отчужденіе и чувствуя, что онъ обращается къ

Богу такъ же довѣрчиво... (Толстой). Здѣсь слова: не смотря и чувствуя, соединены союзомъ *и*; значитъ, какая часть предложенія чувствуя, такая же часть предложенія и не смотря; какая часть рѣчи чувствуя, такая же часть рѣчи и не смотря, то-есть оба они сказуемыя и оба дѣепричастія. Слѣдовательно, *не* должно быть написано не иначе, какъ отдѣльно отъ слова смотри, по правилу правописанія *не* передъ глаголами, причастіями и дѣепричастіями. Если же въ данномъ примѣрѣ допустить слитное правописаніе, то-есть: несмотря, тогда слѣдуетъ допустить слитное начертаніе этого *не* и съ дѣепричастіемъ чувствуя. Вѣдь возможенъ и такой случай:... твердилъ Левинъ, несмотря на долгое отчужденіе и нечувствуя ни малѣйшаго желанія... но такое начертаніе безусловно невѣрно.

Наконецъ, если не смотря не дѣепричастіе, а нѣчто иное, то что такое смотря, напримѣръ, въ слѣдующихъ предложеніяхъ: Кто я такая, повторила Зина, смотря на него, какъ на сумасшедшаго (Достоевскій). Мельница шумѣла и стучала вдали то громче, то тише, смотря по вѣтру (Тургеневъ). Что такое смотря въ выраженіяхъ: смотря по обстоятельствамъ; смотря по расположенію духа, по состоянію и мн. др. Въ первомъ примѣрѣ смотря глагольная форма и управляетъ косвеннымъ падежомъ при помощи предлога *на*, въ остальныхъ примѣрахъ то же слово управляетъ косвеннымъ падежомъ при помощи предлога *по*. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ смотря дѣепричастіе. Но всѣ указанныя предложенія могутъ быть измѣнены въ отрицательныя, развѣ тогда слово смотря потеряетъ свои глагольныя свойства? т.-е. перестанетъ быть глаголь-

ной формой—дѣепричастіемъ? конечно, нѣтъ; слѣдовательно, и отрицаніе *не* должно быть написано передъ нимъ, какъ отдѣльное слово, какъ нарѣчіе, а не какъ представка.

Все сказанное здѣсь относительно не смотря можетъ быть отнесено и къ выраженію: не взирая. Оно такъ же служитъ сказуемымъ въ придаточномъ предложеніи, такъ же, что очень важно, имѣетъ при себѣ дополненіе, которымъ управляетъ при помощи предлога, и такъ же можетъ быть замѣнено выраженіемъ: не обращая вниманія. Напримѣръ: не взирая на все наше вниманіе, мы не слышали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтуховъ (Давыдовъ). Находившійся въ поѣздѣ врачъ, не взирая на общую тревогу, съ полнымъ самоотверженіемъ приложилъ всѣ свои старанія... и т. д.

Здѣсь весьма кстати сослаться на авторитетъ покойнаго Грота, который во второмъ томѣ своихъ «Филологическихъ разысканій» говоритъ буквально слѣдующее: «реченія не смотря, не взирая часто пишутся слитно, но несправедливо, потому что входящіе въ составъ ихъ глаголы сохраняютъ свое отличительное свойство и требуютъ дополненія, которое можетъ стоять и въ отрицательной формѣ: не смотря ни на какія препятствія» *).

4) На скоку или на скаку?

Во всѣхъ учебныхъ хрестоматіяхъ, куда попало стихотвореніе Лермонтова: «три пальмы», это слово пишется черезъ *а*: на скаку. Въ такомъ видѣ оно

*) «Филологическія разысканія» т. II. стр. 370.

усваивается и молодымъ поколѣніемъ, между тѣмъ это начертаніе неправильно. Чтобы опредѣлить правописаніе слова: на скоку, обратимъ вниманіе на то, какъ начало, то-есть какъ именительный падежъ этого слова: неужели скакъ? Но вѣдь такого слова нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. Въ словаряхъ есть слово скокъ. Въ такомъ видѣ употребляется это слово и въ литературѣ. Въ романѣ Толстого: «Анна Каренина», читаемъ: «Вронскій сталъ слышать ближе сапъ и скокъ (а не скакъ) Гладіатора», и далѣе: «Вронскій сталъ работать поводьями кругообразно въ тактъ скока». Въ романѣ А. Толстого: «Князь Серебряный», читаемъ: «огромный медвѣдь скокомъ преслѣдовалъ нищихъ». У одного изъ старинныхъ русскихъ писателей встрѣчаются такія выраженія; «я посылалъ вамъ приказаніе прибавить скоку». «Суворовъ пріучалъ лошадей своей конницы къ скоку во всю прыть». «Турки настигали меня такъ близко, что почти руками хватали за куртку, но при каждомъ ихъ наскокѣ лошадь моя бросалась впередъ» *). Однимъ словомъ, вездѣ, во всѣхъ падежахъ, не исключая и предложнаго (въ словѣ наскокѣ), мы видимъ въ корнѣ разбираемаго слова *о*, а не *а*. Ясно отсюда, что въ стихотвореніи: «Три пальмы», надо писать: на скоку, а не на скаку. Въ выраженіи: на всемъ скоку тоже надо писать *о*. На основаніи сказаннаго слѣдуетъ писать производное слово: скочокъ, скочка, скочки, а не скачекъ, скачка́, скачки́. Отъ корня скок происходятъ двѣ группы словъ: одна сохраняетъ *о* въ неизмѣненномъ видѣ: скокъ, скокнуть, вскочить, выскочить, выскочка, заскочить, наскочить, отскочить, подскочить, перескочить, соскочить,

*) Сочиненія Давыдова, изд. 1848 г., стр. 95—109.

проскочить и др.; въ другой группѣ словъ *о* измѣняется въ *а*: скакать, скакунъ, ска́чка, (ска́чка, ска́чекъ), вскакивать, выскакивать, заскакивать, наскакивать, наскакать, прискакать, подскакивать, соскакивать и др. Первая группа словъ имѣетъ обыкновенно удареніе не на коренномъ слогѣ, а вторая большею частію на коренномъ. Слово скокъ относится къ первой группѣ, такъ какъ производится непосредственно отъ корня; а слово скочокъ (скочка́, скочки́) есть уменьшительное отъ слова скокъ; а ска́чка (ска́чки, ска́чекъ) производится отъ глагола скакать и относится ко второй группѣ словъ.

Въ нѣкоторыхъ словаряхъ рекомендуется писать на скоку—слитно. Но слитное начертаніе этого слова не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Здѣсь кстати коснуться и другихъ словъ подобнаго образованія. Ихъ немного—всего четыре: на бѣгу, на лету, на скоку, на ходу.

Въ начертаніи этихъ словъ обнаруживается значительное разногласіе. Нѣкоторыя справочныя изданія пишутъ ихъ, какъ попало: то слитно, то раздѣльно, вовсе не заботясь о послѣдовательности; другія, кромѣ слова: на ходу, заботливо избѣгаютъ остальныхъ трехъ словъ, вѣроятно потому, что ихъ нѣтъ въ «указателѣ» къ «Русскому правописанію» Грота. Однако надо же чѣмъ-нибудь руководствоваться! Я соображаю такъ.— Въ словарѣ «Русскаго языка», издаваемомъ Академіей Наукъ, мы находимъ начертаніе: на бѣгу (I—11, 357), на ходу (I—995). Такъ какъ остальныя два слова составились подобнымъ же образомъ, и по своему значенію они сходны, то и правописаніе ихъ должно быть во всемъ одинаково, т. е. раздѣльное.

5) Безъ оглядки, безъ просыпу, безъ удержу, безъ умолку, безъ устали—раздѣльно или слитно писать эти реченія?

Вотъ цѣлая серія словъ, правописаніе которыхъ совершенно не установилось. Часто у одного и того же писателя мы встрѣчаемъ на разныхъ страницахъ то слитное, то раздѣльное, то съ черточкой, то безъ черточки правописаніе этихъ словъ. Иногда даже справочныя изданія, предназначенныя служить руководствомъ для другихъ, обнаруживаютъ въ данномъ случаѣ нежелательное, хотя и понятное колебаніе.

Трудности въ этомъ случаѣ происходятъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, всѣ эти и многія подобныя имъ слова служатъ въ предложеніи выраженіемъ обстоятельства образа дѣйствія, и такимъ образомъ какъ будто примыкаютъ къ неизмѣняемымъ частямъ рѣчи, къ нарѣчіямъ, съ которыми обыкновенно предлогъ пишется слитно; съ другой стороны, взятыя сами по себѣ, эти слова, безъ предлоговъ, оказываются малоупотребительными или даже вовсе неупотребительными. Легче другихъ поддается сладу реченіе: безъ оглядки.

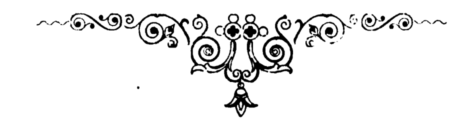
Не только лишь нарѣчія служатъ въ предложеніи обстоятельственными словами; эту функцію исполняютъ и другія части рѣчи, чаще же имена существительныя. Реченіе безъ оглядки и есть стоящее въ родительномъ падежѣ съ предлогомъ имя существительное. Доказательствомъ этому служатъ тѣ случаи, когда слово оглядка употребляется въ другихъ падежахъ, напримѣръ: «куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки». «Обломовъ подбирался къ вопросу медленно съ оглядкою». «Къ меду Мишка падокъ, такъ не было бъ оглядокъ».

Остальныя слова: у́молкъ, у́держъ, у́сталь— менѣе употребительны въ своемъ самостоятельномъ видѣ, но они все же допускаютъ и другія словосочетанія, напримѣръ: «цѣлый день не было умолка». «Удержу нѣтъ ему». «Съ устали заснешь и на полу». «Суетится цѣлый день, устали не знаетъ». Такимъ образомъ, есть основаніе и данныя три слова отнести къ именамъ существительнымъ, а вслѣдствіе этого указанныя реченія: безъ оглядки, безъ удержу, безъ умолку, безъ устали слѣдуетъ писать раздѣльно съ предлогомъ,—тѣмъ болѣе, что есть цѣлый рядъ другихъ реченій, совершенно сходныхъ съ ними по значенію и по образованію, каковы, напр.: безъ вѣсти, безъ вѣдома, безъ души, безъ запинки, безъ памяти, безъ спора, безъ шума, безъ ума и др. Всѣ они служатъ въ предложеніи для выраженія обстоятельства образа дѣйствія по вопросу какъ и, какъ имена существительныя, пишутся раздѣльно съ предлогомъ. «Стрекоза безъ души лѣто красное пропѣла». (Оселъ) «безъ памяти, бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого урода». «Беретъ досада безъ толку кормить» (подкидыша). «Великій человѣкъ думаетъ свою думу безъ шуму». Всѣ эти и выше указанные случаи аналогичны, и всѣ они должны слѣдовать одному и тому же правилу раздѣльнаго правописанія—имени существительнаго съ предлогомъ.

Только реченіе: безъ просыпу стоитъ нѣсколько особнякомъ. Слово просыпъ употребляется только въ родительномъ падежѣ и болѣе другихъ имѣетъ признаки адвербіальнаго реченія. Но есть ли необходимость дѣлать исключеніе для одного этого слова? Безспорно, нѣтъ—уже по одному тому, что этотъ родительный падежъ употребителенъ и безъ предлога, напримѣръ въ

выраженіи: «пьяница просыпу не знаетъ». Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что слово просыпъ имя существительное. Не даромъ въ Академическомъ словарѣ мы находимъ именно раздѣльное начертаніе реченія: безъ просыпу *), какъ и названныя выше существительныя съ предлогами **).

З. О—въ.

---

*) Словарь русскаго языка I—1190, см. слово дрыхнуть.

**) Практика наша позволяетъ сдѣлать обощеніе еще шире: слѣдовало бы вообще установить правило: склоняемыя реченія писать съ предлогами отдѣльно, и тогда дѣти избавились бы отъ заучиванія многочисленныхъ случаевъ всевозможныхъ исключеній, которыми переполнены учебники нашей русской грамматики. *Ред.*

Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся.

Успѣхъ внѣкласснаго чтенія учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ зависитъ отъ трехъ весьма важныхъ условій: I) отъ состава ученическихъ библіотекъ, II) отъ способа выдачи книгъ и III) отъ самаго руководства внѣкласснымъ чтеніемъ. Эти условія находятся въ такой связи другъ съ другомъ, что игнорировать однимъ значитъ повредить осуществленію другихъ, а, слѣдовательно, нанести ущербъ вообще внѣклассному чтенію.

I.

Какъ составить библіотеку, какъ организовать выдачу книгъ, какъ, наконецъ, контролировать внѣклассное чтеніе—вотъ вопросы, которые стоятъ на очереди и требуютъ настоятельно своего разрѣшенія.

Чтобы судить о степени важности перваго вопроса, достаточно указать на «Опытъ каталога», который вышелъ съ оффиціальнаго одобренія уже вторымъ исправленнымъ изданіемъ въ качествѣ руководства для организаціи ученическихъ библіотекъ. Но исчерпываетъ ли «Опытъ каталога» намѣченную имъ задачу, отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. На «Опытъ каталога» даже и въ настоящемъ его видѣ надо смотрѣть, какъ на начало работы, которая придетъ къ окончанію лишь при условіи коллективнаго труда. Это побуждаетъ и насъ сказать нѣсколько словъ о составленіи ученическихъ библіотекъ, въ надеждѣ, что голосъ лица, стоя-

щаго непосредственно въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи, не будетъ неумѣстенъ.

Судя по отзывамъ печати, въ «Опытѣ каталога» при всѣхъ его неоспоримыхъ достоинствахъ есть одинъ крупный недостатокъ—неполнота его отдѣловъ. Но, если этотъ недостатокъ ощущается вообще при чтеніи каталога, то тѣмъ болѣе онъ бросается въ глаза въ отдѣлѣ «Русская словесность» для старшаго и отчасти средняго возраста. Дѣйствительно, не трудно замѣтить, что полезной и доступной для пониманія юношей, начиная приблизительно съ V класса, считается лишь литература до Гоголя включительно, такъ какъ произведенія новѣйшихъ русскихъ беллетристовъ, за немногими исключеніями, не имѣютъ мѣста въ библіотекахъ среднеучебныхъ заведеній. Такое ограниченіе беллетристическаго отдѣла надо считать явленіемъ едва ли нормальнымъ, въ чемъ насъ убѣждаетъ слѣдующее. Наблюденія многихъ педагоговъ надъ внѣкласснымъ чтеніемъ обнаруживаютъ, что воспитанники и воспитанницы старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній сравнительно мало пользуются ученической библіотекой, а нѣкоторые, наиболѣе начитанные и развитые, совершенно прекращаютъ обращаться къ училищному библіотекарю за книгами (Мы лично не разъ наблюдали подобное явленіе). Было бы ошибочно объяснять это паденіемъ интереса къ чтенію,—напротивъ, изъ частныхъ бесѣдъ съ учениками и изъ ихъ отчетовъ о внѣклассномъ чтеніи видно, что они читаютъ достаточно для своего возраста, но только вниманіе ихъ болѣе возбуждаютъ не произведенія, положенныя по программѣ, а писатели, которыми школа не располагаетъ въ силу оффиціальныхъ предписаній. Не ясно ли, что учащійся, стремясь къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, достигаетъ своей цѣли и безъ

содѣйствія школы? Если онъ не всегда можетъ пользоваться услугами книжнаго рынка, то безъ труда найдетъ пищу для своей любознательности въ частныхъ и особенно въ общественныхъ библіотекахъ. Чтобы судить о томъ, какъ общественная библіотека отвоевываетъ себѣ право вліянія на учащуюся молодежь, отсылаемъ интересующихся къ этюдамъ Рубакина о русской читающей публикѣ. Спрашивается, какъ школа должна отнестись къ описанному явленію. Почаще прибѣгать къ мѣрамъ репрессивнаго характера? Но вѣдь это противорѣчитъ основнымъ принципамъ педагогики. Воспитывать въ учащихся отвращеніе къ такимъ, напримѣръ, беллетристамъ, какъ Некрасовъ, Гаршинъ и др? Но развѣ многіе не замѣтятъ тенденціи въ подобныхъ стремленіяхъ! Смотрѣть, наконецъ, сквозь пальцы на домашнее чтеніе учащихся? Но развѣ это не значитъ молча санкціонировать имъ чтеніе книгъ изъ частныхъ источниковъ! А между тѣмъ далеко не безразлично, гдѣ взята книга для чтенія. Если школьная библіотека во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ своихъ читателей, то ученикъ находится подъ непосредственнымъ контролемъ руководителя внѣкласснаго чтенія, который путемъ бесѣдъ всегда имѣетъ возможность поддержать добрыя наклонности своего питомца или предостеречь его отъ заблужденій. Въ противномъ случаѣ, юноша, ускользая изъ-подъ вліянія школы, предоставляется самому себѣ или, что еще хуже, подпадаетъ подъ власть какихъ-либо ложныхъ авторитетовъ. А при такихъ условіяхъ воспитательныя задачи школы едва ли осуществляются.

Сказанное приводитъ насъ къ необходимости расширить беллетристическій отдѣлъ ученическихъ библіотекъ и довести его приблизительно до такого объема, въ который должны войти и важнѣйшія произведенія

писателей послѣ Гоголя. При этомъ, возбуждая вопросъ о пополненіи школьныхъ библіотекъ, надо всегда помнить, что не имѣть книги подъ руками еще не значитъ предохранить учащихся отъ ознакомленія съ нею. А потому, какъ намъ кажется, школа значительно выиграетъ, если учащійся прочтетъ и Некрасова, и Гаршина и др. беллетристовъ, но только подъ непосредственнымъ контролемъ руководителя внѣкласснаго чтенія.

Вотъ нѣсколько мыслей, которыми мы хотѣли подѣлиться съ гг. преподавателями, интересующимися вопросомъ о внѣклассномъ чтеніи учащихся. Что же касается двухъ другихъ вопросовъ, намѣченныхъ въ началѣ этой замѣтки, то о нихъ мы намѣрены поговорить отдѣльно *).

М. Харламовъ.

*) Не можемъ не присоединиться къ голосу почтеннаго сотрудника «Филологическихъ Записокъ»: учащіеся, дѣйствительно, стремятся находить книги для чтенія разными путями и набрасываются на все, что попадается подъ руки, не стремясь поставить себѣ вопросовъ: заслуживаетъ ли попавшаяся въ руки книга того, чтобы прочитать ее? не даромъ ли пропадетъ время, затраченное для чтенія ея? что прибавитъ она для развитія читающаго? Такимъ образомъ, учащіеся читаютъ, помимо библіотекъ учебныхъ заведеній, и часто, конечно, во вредъ себѣ и учебному заведенію: прочиталъ одну книгу съ содержаніемъ легкомысленнымъ, пришелъ въ восторгъ, и читаютъ ту же книгу его товарищи...

Ред.

Проектъ организаціи ученическихъ библіотекъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на новыхъ началахъ.

Въ настоящее время ученическія библіотеки при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, насколько мнѣ извѣстно изъ годовыхъ отчетовъ этихъ заведеній, раздѣляются на классныя библіотечки или на библіотеки по возрасту учащихся: старшаго возраста (8-й, 7 кл.), средняго (6, 5 и 4 кл.) и младшаго возраста (3, 2 и 1 кл.). Послѣднее дѣленіе на практикѣ стало примѣняться со времени выхода изъ печати «Опыта каталога ученическихъ библіотекъ» 1889 года. Завѣдуютъ ученическими библіотеками въ каждомъ учебномъ заведеніи или классные наставники, или одно лицо изъ педагогическаго персонала, чаще всего преподаватель русскаго языка и словесности. Завѣдованіе состоитъ главнымъ образомъ въ веденіи матеріальной книги, составленіи систематическихъ каталоговъ, списковъ книгъ для пополненія библіотекъ, раздачѣ и обмѣнѣ книгъ ученикамъ, иногда—въ провѣркѣ результата чтенія, производимой во время обмѣна книгъ.

I.

Десятилѣтній опытъ завѣдованія ученической библіотекой показалъ мнѣ, что такое устройство ученическихъ библіотекъ не можетъ вполнѣ удовлетворять тѣмъ требованіямъ научно-воспитательнаго характера, каковыя мы въ правѣ предъявить этому учрежденію. Не

стану распространяться о пользѣ чтенія книгъ вообще и объ условіяхъ, при которыхъ чтеніе книгъ бываетъ полезнымъ. Всѣмъ извѣстно, что чтеніе хорошихъ книгъ содѣйствуетъ правильному умственному, нравственному и эстетическому образованію. Это, именно, содѣйствіе правильному умственному, нравственному и эстетическому образованію учащихся и должно составлять цѣль учрежденія при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ученическихъ библіотекъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія издавна проявляетъ свою заботливость относительно наилучшаго устройства ученическихъ библіотекъ: Ученый комитетъ, состоящій при немъ, слѣдитъ за новыми явленіями въ литературѣ и указываетъ тѣ сочиненія, которыя пригодны для чтенія учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1889 году Ученый комитетъ издалъ упомянутый «Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ», гдѣ дѣлаются уже указанія, въ какомъ возрастѣ учащихся полезнѣе прочитать данную книгу.

Нельзя не признать, что это—значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія ученическихъ библіотекъ: дѣленіемъ на три части устраняется большое количество искусственныхъ перегородокъ ученической библіотеки, раздѣленной на классныя библіотечки. Что дѣленіе на классныя библіотечки искусственно, можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній:

1) ученики, перечитавшіе всѣ книги своей классной библіотечки или тѣ, которыя ихъ интересуютъ, менѣе чѣмъ за годъ,—лишены возможности получать книги изъ библіотеки слѣдующаго высшаго класса; особенно въ печальномъ положеніи при этомъ бываютъ второгодники, у которыхъ всегда находится достаточно времени для чтенія книгъ;

2) ученики, не успѣвшіе за годъ прочитать всѣ книги своей классной библіотечки или тѣ, которыя ихъ интересовали, лишаются возможности, перейдя въ слѣдующій классъ, брать интересныя для нихъ книги изъ библіотечки низшаго класса;

3) несомнѣнно, что одна и та же книга можетъ быть съ пользою прочтена ученикомъ 3 кл. и 4-го кл., ученикомъ 5 кл. и 6 кл.: трудно раздѣлить учениковъ двухъ смежныхъ классовъ по ихъ развитію; а нерѣдко бываетъ и такъ, что нѣкоторые ученики, напр., 6 класса, по своему развитію, стоятъ выше многихъ учениковъ 7-го класса.

Но, предлагая дѣленіе ученической библіотеки на три возраста, «Опытъ каталога» только устраняетъ большое количество искусственныхъ перегородокъ и замѣняетъ ихъ таковыми же, но въ меньшемъ количествѣ, что видно изъ предыдущихъ разъясненій (см. п. 3), а также изъ заключительныхъ словъ предисловія къ «Опыту каталога».

«Библіотекарямъ, класснымъ наставникамъ и вообще лицамъ, наблюдающимъ за внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ, предоставляется, по собственному усмотрѣнію, выдавать книги, назначенныя для младшаго возраста, также ученикамъ возраста средняго и старшаго; книги же, назначенныя для средняго возраста,—ученикамъ высшихъ классовъ».

Очевидно, что одного общаго руководства въ устройствѣ ученическихъ библіотекъ и общихъ указаній относительно времени и возраста для наиболѣе плодотворнаго прочтенія данной книги, что даетъ Министерство Нар. Просвѣщенія,—не вполнѣ достаточно для того, чтобы плодотворность чтенія была обезпечена. Для юныхъ читателей необходимы ближайшіе руководители,

которые обращали бы вниманіе на индивидуальныя способности учащихся. Дѣйствительно, если въ дѣлѣ школьнаго обученія научнымъ предметамъ и искусствамъ въ высшей степени важно, чтобы обращалось вниманіе на индивидуальность учениковъ; если это важно въ дѣлѣ воспитанія, напр. въ примѣненіи мѣръ взысканія къ провинившимся, то не менѣе важно обращать на это вниманіе въ дѣлѣ чтенія книгъ учащимися. Пора ученическія библіотеки поставить на надлежащую высоту.

Для этого прежде всего необходимо, чтобы ближайшій руководитель юныхъ читателей былъ самъ хорошо знакомъ съ содержаніемъ книгъ, находящихся въ ученической библіотекѣ. Только тогда онъ можетъ одному ученику посовѣтовать прочитать одну книгу, другому—другую, сначала—ту, затѣмъ—другую и т. д.; только тогда онъ сможетъ провѣрить результатъ всякой прочитанной книги, удостовѣриться, обратилъ ли ученикъ должное вниманіе, на что слѣдуетъ; только тогда онъ будетъ ясно видѣть, въ какое время извѣстному ученику можно съ пользою прочитать книгу, которую онъ самъ пожелаетъ; тогда только, наконецъ, онъ разрѣшитъ сомнѣніе или затрудненіе учащагося, возникающія при чтеніи книгъ, и на примѣрахъ разъяснитъ, какъ нужно читать съ возможно большею пользою сочиненія изъ отдѣла беллетристики, сочиненія историческаго, богословскаго, философскаго содержанія, книги по естествовѣдѣнію и т. д.

Кто же изъ педагогическаго персонала даннаго учебнаго заведенія можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ вести это трудное, но, безъ сомнѣнія, весьма полезное и необходимое дѣло ближайшаго руководства юными читателями? Одному лицу это дѣло не по силамъ:

знать содержаніе всѣхъ книгъ библіотеки, какъ бы бѣдна она ни была,—книгъ, относящихся къ разнымъ отраслямъ знанія, невозможно. Возлагать это дѣло на классныхъ наставниковъ тоже нельзя, потому что къ каждому изъ нихъ пришлось бы предъявить такое же требованіе—ознакомиться съ содержаніемъ всѣхъ книгъ ученической библіотеки: вѣдь, классные наставники ведутъ своихъ учениковъ изъ класса въ классъ, и, значитъ, всѣ классныя библіотечки или библіотеки всѣхъ возрастовъ должны быть имъ извѣстны.

Цѣлесообразнѣе всего, по моему мнѣнію, ученическую библіотеку каждаго средняго учебнаго заведенія раздѣлить по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и обязанности ближайшаго руководства учащимися читателями поручить г.г. преподавателямъ по ихъ спеціальностямъ, такъ:

завѣдованіе отдѣломъ книгъ богословскаго содержанія поручить законоучителю,

завѣдованіе отдѣломъ исторіи и географіи—преподавателю этихъ предметовъ,

завѣдованіе отдѣломъ русск. яз., словесности и философіи—преподавателямъ русск. яз. и словесности,

завѣдованіе отдѣломъ сочиненій на французскомъ языкѣ—преподавателю французскаго языка и т. д.

При такомъ устройствѣ ученической библіотеки, отъ каждаго руководителя въ отдѣльности потребуется менѣе времени на пріемъ и выдачу книгъ, и онъ больше найдетъ времени для провѣрки результата чтенія. Для провѣрки результата чтенія онъ можетъ иногда взять изъ своего урока минутъ 10—15, когда прочитанная ученикомъ книга, по содержанію своему, бу-

детъ примыкать къ учебному матеріалу даннаго урока или одного изъ прежнихъ. Нерѣдко, вѣдь, преподавателю приходится выходить изъ рамокъ учебника, чтобы разъяснить урокъ, какъ слѣдуетъ, возбудить интересъ къ своему предмету разсказомъ или чтеніемъ изъ той или иной книги. Да и во время пріема и выдачи книгъ каждый руководитель будетъ имѣть возможность удѣлять минутъ 10—20 спокойной бесѣдѣ по поводу прочитанной книги, когда къ нему подойдутъ за книгами не 15—20 человѣкъ, какъ это часто бываетъ при завѣдованіи учении. библіотекой однимъ лицомъ, а 4—5 учениковъ.

Наконецъ, чтобы еще лучше поставить дѣло повѣрки результатовъ чтенія, а равнымъ образомъ въ интересахъ возбужденія и развитія самодѣятельности юныхъ читателей, въ интересахъ разносторонности и прочности познаній, пріобрѣтаемыхъ путемъ чтенія книгъ, можно бы предоставить веденіе домашнихъ письменныхъ работъ въ трехъ старшихъ классахъ не однимъ только преподавателямъ русскаго языка и словесности, но и другимъ преподавателямъ, какъ ближайшимъ руководителямъ чтенія книгъ. По крайней мѣрѣ, на 4 домашнихъ работы, темы для которыхъ заимствуются изъ уроковъ и произведеній русской словесности, 2 работы въ году должны быть исполнены на темы по другимъ предметамъ, напр.: по исторіи, по Закону Божьему, по географіи и т. д. Такое совмѣстное веденіе домашнихъ письменныхъ работъ, съ одной стороны, дало бы возможность другимъ ближайшимъ руководителямъ чтенія книгъ, путемъ исправленія письменныхъ отчетовъ, провѣрять результаты чтенія, дѣлать наглядныя разъясненія относительно усвоенія прочитаннаго; съ другой стороны, оно внесло бы оживленіе въ выбо-

рѣ темъ для домашнихъ работъ, а съ учителя русскаго языка и словесности снята была бы часть непосильнаго труда его въ дѣлѣ исправленія письменныхъ ученическихъ работъ вообще.

Не безполезны, конечно, и такого рода совѣты юнымъ читателямъ, какъ—записываніе въ особую тетрадь впечатлѣній отъ прочитанныхъ книгъ, выдающихся мѣстъ по изяществу языка, глубинѣ мысли и т. п. Не слѣдуетъ только обязывать каждаго ученика записывать и представлять свои замѣтки для просмотра преподавателю: слишкомъ большая трата времени, а пользы будетъ мало: живую словесную бесѣду, хотя и кратковременную, слѣдуетъ предпочесть длиннымъ записямъ впечатлѣній отъ прочитанныхъ книгъ.

Итакъ, раздѣленіе книгъ ученическихъ библіотекъ на отдѣлы по предметамъ, порученіе завѣдованія этими отдѣлами и обязанностей руководить юными читателями г.г. преподавателямъ по ихъ спеціальностямъ—главныя условія плодотворности чтенія, самыя необходимыя средства для возможно успѣшнаго достиженія цѣли учрежденія ученическихъ библіотекъ—содѣйствовать правильному умственному, нравственному и эстетическому образованію учащихся.

II. О примѣненіи на практикѣ проекта организаціи ученическихъ библіотекъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на новыхъ началахъ.

Примѣненіе этого проекта на практикѣ зависитъ прежде всего отъ высшаго учебнаго начальства, которое своимъ авторитетомъ можетъ освя-

тить цѣлесообразность новой организаціи ученическихъ библіотекъ и сдѣлать съ своей стороны указанія или измѣненія, если таковыя понадобятся. Затѣмъ, непосредственное примѣненіе проекта будетъ находиться въ зависимости отъ различныхъ условій каждаго средняго учебнаго заведенія въ отдѣльности. Во всякомъ случаѣ условія эти—не первостепенной важности, хотя нѣкоторымъ лицамъ на первый взглядъ они и могутъ показаться серьезными препятствіями въ дѣлѣ.

Трудно предвидѣть всѣ такого рода препятствія и точно указать ихъ по отношенію къ каждому учебному заведенію; поэтому мы попытаемся указать лишь нѣкоторыя, наиболѣе заслуживающія вниманія, и разрѣшить ихъ, предпославъ общую мысль, что полное примѣненіе проекта на практикѣ не можетъ проявиться сразу, въ первый же годъ организаціи ученическихъ библіотекъ на новыхъ началахъ: всякое дѣло вѣнчается полнымъ успѣхомъ послѣ многихъ трудовъ и усилій.

Такъ, на первыхъ порахъ, пожалуй, не много найдется преподавателей, которые знакомы съ содержаніемъ всѣхъ книгъ данной ученической библіотеки, относящихся къ ихъ спеціальности; но эта бѣда не велика: черезъ годъ, много—черезъ два, каждый руководитель чтенія познакомится съ содержаніемъ книгъ своего отдѣла настолько обстоятельно, что будетъ въ состояніи слѣдить за юными читателями, провѣрять результаты чтенія, давать надлежащіе совѣты.

Не слѣдуетъ думать, что въ первый же годъ послѣ новой организаціи библіотекъ потребуется для завѣдованія восемь преподавателей—по числу отдѣловъ систематическаго каталога, рекомендуемаго «Опытомъ каталога ученическихъ библіотекъ» и «первымъ допол-

неніемъ» къ нему. Отдѣла французскаго языка и нѣмецкаго во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и не окажется, такъ какъ эти отдѣлы недавно только указаны Ученымъ Комитетомъ. Отдѣлы исторіи и географіи можно соединить въ рукахъ одного преподавателя этихъ предметовъ; въ рукахъ одного преподавателя русскаго языка, словесности и логики можно соединить также два отдѣла: VI отдѣлъ—русскаго языка и словесности русской и всеобщей и II отдѣлъ—философскій.

Такимъ образомъ, всю ученическую библіотеку можно поручить на первое время четыремъ преподавателямъ, что облегчитъ учебныя заведенія относительно вознагражденія за трудъ г.г. завѣдующихъ ученическими библіотеками. Вознагражденіе же, конечно, необходимо для бóльшаго успѣха дѣла, такъ какъ отъ г.г. руководителей чтенія потребуется и трудъ, и энергія, и время на выдачу, обмѣнъ книгъ, всякаго рода записи и отчетность, отвѣтственность за цѣлость и исправность книгъ. Но и здѣсь на первое время можно, мнѣ кажется, ограничиться небольшимъ вознагражденіемъ, хотя бы въ такомъ размѣрѣ:

1) За завѣдованіе отдѣломъ I (Законъ Божій) . . . . 50 р.

2) За завѣдованіе отдѣломъ V (Естествознаніе, математика) . . . . . . 50 »

3) За завѣдованіе отдѣломъ III (исторія) и IV (географія) . . . . . . 80 »

4) За завѣдованіе отдѣломъ VI (русскій языкъ и словесность русская и всеобщая) и II (философія) . . . . . . 120 р. въ годъ.

Итого потребуется въ годъ 300 рублей вмѣсто 120—150 рублей, расходуемыхъ на завѣдованіе ученической библіотеки почти въ каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи въ настоящее время.

Нѣкоторыя среднія учебныя заведенія, располагая свободными спеціальными средствами, могутъ, конечно, назначить на это важное дѣло—содѣйствія нравственному, умственному и эстетическому развитію своихъ учащихся и большія суммы изъ своихъ бюджетовъ.

Всякаго рода другія препятствія могутъ быть легко улажены педагогическими совѣтами среднихъ учебныхъ заведеній непосредственно при осуществленіи проекта на дѣлѣ.

Л. Горбунковъ.

Воронежъ 12—21 декабря 1899 года.

Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ и о раціональной постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Преподаватель русскаго языка и словесности въ нашихъ гимназіяхъ принадлежитъ къ разряду педагоговъ „вьючныхъ" по преимуществу [1]. „Ходитъ" онъ, во-первыхъ, самостоятельно, подобно другимъ своимъ товарищамъ по школѣ, неся кладь, состоящую изъ спеціально на немъ лежащаго педагогическаго багажа. „Ходитъ" онъ и на пристяжкѣ. Особенно настойчиво „припрягаютъ" его къ мертвымъ языкамъ: въ 1-омъ классѣ онъ, по мѣткому выраженію одного педагога [2], „прикомандировывается въ распоряженіе латинской грамматики"; въ старшихъ классахъ занимается онъ съ учениками письменными переводами древнихъ авторовъ на русскій литературный языкъ. (Очевидно, преподаватели классическихъ языковъ переводятъ произведенія этихъ послѣднихъ на какой-то другой видъ русскаго языка) „Сѣдлаютъ" учителя словесности и во время всякаго рода гимназическихъ торжествъ и празднествъ: тутъ онъ обязанъ разъяснить смыслъ событія, сказать панегирикъ или что-нибудь подобное, смотря по обстоятельствамъ. Послѣднее требованіе относится, конечно, къ области своеобразныхъ переживаній и является традиціей, завѣщанной еще средне-

---

[1]) См. ст. В. Добровскаго «О причинахъ малоуспѣшности въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и литературы»... (Фил. Зап. 1894, II—III).

[2]) А. Барсовъ, Фил. Зап.

вѣковой схоластикой, во время господства которой преподаватели реторики и піитики обязаны были демонстрировать теорію своими собственными произведеніями. Впрочемъ, уступка болѣе трезвымъ взглядамъ на подобнаго рода произведенія творчества въ настоящее время сдѣлана въ томъ отношеніи, что отъ современныхъ намъ учителей словесности не требуется уже сочиненія произведеній въ стихотворной формѣ, какъ это было, напримѣръ, въ блаженной памяти вѣкъ Ломоносова.

Преподаватель словесности обязанъ слѣдить и за домашнимъ чтеніемъ учениковъ, задавая при всякомъ удобномъ и неудобномъ [3]) случаѣ послѣднимъ вопросы относительно содержанія прочитанныхъ ими произведеній изъ ученической библіотеки по всѣмъ отраслямъ знаній, начиная съ описанія Вандименовой земли и кончая хотя бы біографіей Ньютона или „Исторіей кусочка хлѣба".

Кромѣ всего этого, и какъ бы въ награду за его труды, учителю русскаго языка приходится, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю выслушивать жалобы, а подчасъ и обвиненія [4]) по поводу различныхъ погрѣшностей учениковъ въ отношеніи его предмета.

Однимъ словомъ, требованія, предъявляемыя учителямъ русскаго языка, опредѣляются, несомнѣнно, истиннымъ, но совершенно неумѣстнымъ въ качествѣ логической посылки въ данномъ случаѣ положеніемъ, что всѣ предметы въ русскихъ гимназіяхъ преподаются на русскомъ языкѣ. Ergo, разсуждаютъ далѣе, преподаватель этого предмета дол-

[3]) Потому что удобныхъ случаевъ учителю словесности представляется весьма мало, за скудостью числа его учебныхъ часовъ.

[4]) О такихъ обвиненіяхъ по адресу учителя рус. языка см. напр. ст. г. Козловскаго: «Русскій языкъ, какъ учебный предметъ (Фил. Зап.). Вып. I—VI 1893, стр. 5).

женъ, естественно, всячески заботиться (и чѣмъ шире его вмѣшательство въ эту область, тѣмъ лучше) объ успѣхахъ въ немъ учащихся. Основная ошибка этого силлогизма заключается въ томъ, что русскій языкъ, какъ онъ понимается въ этой посылкѣ, вовсе не предметъ: это необходимый субстратъ всѣхъ предметовъ, condicio sine qua non преподаванія этихъ послѣднихъ, но самъ языкъ не предметъ. Чтобы не оставить мѣста неясности въ пониманіи только что высказаннаго нами взгляда, мы должны оговориться, что отечественный языкъ, конечно, служитъ и долженъ служить предметомъ преподаванія на особыхъ урокахъ, гдѣ онъ является не только средствомъ усвоенія знаній, но и самъ по себѣ есть предметъ спеціальнаго изученія. Именно принципіальное опредѣленіе задачъ и цѣлей, которыя должны преслѣдовать эти спеціальные уроки русскаго языка, и будетъ служить намъ Аріадновой нитью въ предлагаемомъ ниже этюдѣ. Цѣль наброска нашего (преподаватель русскаго языка иначе и не можетъ писать, если онъ выполняетъ все, что на немъ лежитъ, т.-е. выполняетъ египетскій трудъ) показать, что не только слѣдуетъ освободить учителя словесности отъ выше указанныхъ припряжекъ и сѣдланій, но что пора снять съ него и часть того багажа (замѣнивъ его, гдѣ понадобится это, матеріаломъ, болѣе соотвѣтственнымъ назначенію предмета), который лежитъ въ настоящее время на немъ, какъ на преподавателѣ своей спеціальности. И это слѣдуетъ сдѣлать даже не въ силу того соображенія, что у учителя словесности, какъ и у каждаго человѣка, только одна шкура [5]), а просто изъ-за той

---

[5]) Особенно отягощаетъ учителя русскаго языка непомѣрно большое количество письменныхъ работъ, которыя онъ долженъ продѣлать съ учащимися. См. объ этомъ въ упомянутой статьѣ г. Добровскаго, а также статьи г. Пре-

пользы, которая за подобными преобразованіями этого предмета воспослѣдуетъ для средней школы.

Нашъ „скорбный листъ“ начнемъ съ краткаго очерка тѣхъ функцій, которыя несетъ въ настоящее время преподаватель русскаго языка, какъ необходимѣйшій багажъ своей спеціальности.

Прежде всего учителю русскаго языка предстоитъ провести (вѣрнѣе, протащить) 30—60 юныхъ питомцевъ средней школы сквозь дебри этимологіи (I кл. и начало II кл.). Тутъ молодой компаніи приходится преодолѣвать столько препятствій со стороны бабы-Яги этихъ дебрей—орѳографіи, сколько врядъ ли преодолѣваютъ и настоящіе герои сказокъ объ этой страшной старухѣ.—Мы не станемъ въ этой области останавливаться ни на заповѣдномъ, ни на незначительномъ: оставимъ напр. въ покоѣ букву „ѣ“, эту „приживалку“, по выраженію покойнаго В. П. Шереметевскаго, въ русскомъ алфавитѣ, устраненную живымъ языкомъ за ненадобностью уже лѣтъ 600 тому назадъ, но получающую и понынѣ огромную пенсію въ видѣ потоковъ ученическихъ слезъ, а иногда и человѣческихъ жертвъ; не будемъ упоминать о такомъ, напр., археологическомъ хламѣ, какъ терминъ „общій залогъ“, благодаря протекціи М. Смотрицкаго до Ломоносова, насильственно навязанный русской грамматикѣ [6]); вообще не будемъ „потрясать основъ“ этой послѣдней и не будемъ придирчивы къ частностямъ: укажемъ лишь на двѣ принципіальныя язвы учебной этимологіи: 1) на схоластическій методъ ея изложенія въ учебникахъ, заполонившихъ наши школы, почти

ображенскаго въ «Педагогическомъ Сборникѣ», изд. подъ редакц. г. Острогорскаго.

[6]) Вейсманъ. «Замѣтки къ исторіи рус. грамматики» («Ж. М. Н. П., іюль 1899).

исключительно построенныхъ на дедукціи, и 2) на довольно частыя стычки съ логикой, въ каковыя вступаютъ заправскіе коноводы нашей орѳографіи. Отсылаемъ читателя напр. къ указаніямъ на факты такой войны съ логикой, собранные въ остроумныхъ очеркахъ В. П. Шереметевскаго [7]). Здѣсь же позволимъ себѣ указать на такой многозначительный фактъ, какъ непослѣдовательность, какую допускаетъ напр. самъ Солонъ новѣйшаго правописанія, расходясь въ своей практикѣ съ предписаніями своей же собственной орѳографіи: въ послѣдней напр. онъ требуетъ написанія „вслѣдствіе", „Фонвизинъ", а въ своемъ трудѣ пишетъ „въ слѣдствіе", „Фонъ-Визинъ" (см. VIII т. „Сочиненій Державина", изд. акад. Я. Гротомъ) и т. п.

Приведенные нами выше примѣры недочетовъ въ области учебной этимологіи въ данномъ случаѣ имѣютъ прямое назначеніе указать лишь на тѣ трудности, какія преодолѣваетъ учитель русскаго языка, какъ преподаватель своей спеціальности, обязанный, во что бы то ни стало, несмотря ни на какія засады, устраиваемыя здравому смыслу въ дебряхъ этимологіи, научить дѣтей русской орѳографіи. Разумѣется, попутно изъ этихъ фактовъ можно вывести и другія заключенія.

Учебная экскурсія въ область этимологіи обыкновенно оканчивается разучиваніемъ наизусть чего-то въ родѣ ученическаго марша, хитроумно составленнаго изъ десятковъ нарѣчій, имѣющихъ букву „ѣ".

„Возлѣ, нынѣ, подлѣ, послѣ,
Развѣ, вмѣстѣ, здѣсь, покамѣстъ" [8])...

Не веселая это пѣсенка!

---

[7]) Сочиненія, изд. учебн. отдѣл. Общества распространенія техническихъ званій.

[8]) Учебникъ этимологіи А. И. Кирпичникова.

Ряды нашей первой педагогической экскурсіи порѣдѣли: многіе изъ ея участниковъ сложили свои буйныя головы въ неравномъ бою. Но дальнѣйшій путь требуетъ тоже не малыхъ жертвъ. Мы и въ области синтаксиса должны констатировать существованіе произвола и довольно частыхъ qui pro quo. Но, чтó особенно вредно и обидно для авторитета русскаго синтаксиса, это опять та же война съ логикой. Припомнимъ хотя бы общеизвѣстное правило, по которому необходимость постановки запятой при повтореніи союзовъ въ слитномъ предложеніи на „*и*“ и на „*ни*“ не разрострaняется въ случаѣ, если послѣдніе союзы повторяются не болѣе одного раза [9]).

Почему именно эти союзы пользуются такой привилегіей, и почему именно они изъяты изъ сферы дѣйствія закона?... Закончимъ экскурсію въ область синтаксиса указаніемъ на то, что печальныя qui pro quo и противорѣчія у одного и того же автора явленія и здѣсь не исключительныя [10]). Учитель словесности долженъ и тутъ примирять непримиримое. Въ лучшемъ случаѣ у него на установленіе „худого мира“ въ этой междоусобной брани противорѣчивыхъ правилъ синтаксиса уйдетъ много драгоцѣннаго времени.

Упомянувъ вскользь о всѣмъ извѣстныхъ трудностяхъ грамматики церк.-славянскаго языка, проходимой въ IV кл. гимназіи, мы обратимся къ старшимъ классамъ, гдѣ проходится такъ называемая словесность съ точки зрѣнія исторіи и теоріи ея. Совершенно справедливо говоритъ г. Козловскій [11]), что „учебный предметъ русскій языкъ (и словесность) есть (по программамъ, нынѣ дѣйствующимъ) энцикло-

---

[9]) «Русское правописаніе» Грота, изд. 11, стр. 106.

[10]) См. замѣчанія о грамматикѣ А. И. Кирпичникова въ упомянутой выше статьѣ г. Вейсмана.

[11]) См. выше.

педія знаній гуманитарнаго характера" (стр. 13). Для удоб ства обозрѣнія объема свѣдѣній, подлежащихъ сообщенію ученикамъ старшихъ классовъ гимназіи, мы разсмотримъ разомъ и матеріалъ для письменныхъ работъ, ссылаясь, во избѣ жаніе подозрѣній въ тенденціозности, на одинъ лишь сборникъ темъ, именно типическіе, популярные „темы расположенія и матеріалы для сочиненій въ старшихъ классахъ" И. Гаврилова *).

Предварительно позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Вопросъ о письменныхъ работахъ въ средней свѣтской школѣ по такъ называемому русскому языку и словесе ности, совершенно естественно, занимаетъ и учебную администрацію, и самихъ учителей русскаго языка. Значені письменныхъ упражненій, какъ средства общаго развитія, закрѣпленія знаній и всесторонняго усвоенія отечественнаго языка, признается и административными распоряженіями, и сознаніемъ самихъ преподавателей этого предмета, высказывающихся нерѣдко по этому вопросу и печатно.

Много говорили о пользѣ письменныхъ работъ, говорили о переутомленіи учителей русскаго языка, заваленныхъ массой работы по исправленію этихъ упражненій, наконецъ, говорили, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, о пользѣ привлеченія къ дѣлу веденія письменныхъ работъ и преподавателей другихъ предметовъ, проходимыхъ въ средней школѣ. Намъ кажется, что этотъ кардинальнѣйшій вопросъ не трактовался съ самой важной точки зрѣнія, именно со стороны вреда, какой приноситъ нынѣ дѣйствующая въ свѣтской школѣ система письменныхъ работъ самимъ учащимся, „ма-

*) Въ програм. гимназій и прогимназій руководства г.г. Гаврилова и Холевіуса, какъ схоластическія, не особенно рекомендуются М. Н. Просвѣщенія.

Ред.

лымъ симъ", какъ послѣднихъ любовно называлъ покойный В. П. Шереметевскій.

Возвращаемся теперь къ обозрѣнію той цѣлой энциклопедіи научныхъ знаній, которая должна быть сообщаема и усваиваема учащимися на урокахъ словесности.

Учитель этого предмета долженъ быть историкомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. На урокахъ словесности ученики должны ознакомиться съ историческими произведеніями нашей литературы, начиная съ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" и кончая Исторіей Государства Россійскаго" Карамзина. А чтеніе такихъ памятниковъ, какъ „Домострой", „Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь", „Исторія о дѣлѣхъ"... Курбскаго и Котошихина „О Россіи"... и т. п. не принадлежитъ ли къ области занятій цѣхового представителя исторіи? (См. программы). А вотъ и темы, рекомендуемыя для разбора на урокахъ словесности: „О достовѣрности лѣтописнаго сказанія подъ 6463 годомъ о крещеніи Ольги". „Черты быта русскаго народа по лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка", „Причины быстраго возникновенія и паденія персидскаго могущества"... Все это смѣлые эксперименты, отвѣтственность за которые не можетъ не пасть на современную систему преподаванія.

Учитель словесности долженъ знать, мало того, умѣть преподавать богословіе въ его историческомъ развитіи. Для него обязателенъ разборъ, напримѣръ, такихъ богословскихъ произведеній: „Слово Иларіона о Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ", „Слово въ новую недѣлю по пасцѣ" Кирилла Туровскаго, слово епископа Серапіона и т. п.

Учитель русскаго языка долженъ быть знатокомъ и классическаго міра. Вотъ на какія, напримѣръ, темы онъ долженъ научить учениковъ давать отвѣты: „Заслуги Ѳемистокла", „Югурта юноша", „Александръ Великій и римскій народъ", „Сципіонъ старшій и Сципіонъ младшій",

„Внѣшнія причины ранняго умственнаго развитія Греціи"... Что ни тема, то диссертація!

Учитель русскаго языка почему-то долженъ быть самымъ практическимъ человѣкомъ изъ всей коллегіи преподавателей: онъ долженъ научить учениковъ житейской мудрости. Вотъ темы, предлагаемыя названнымъ выше сборникомъ: „Языкъ мой—врагъ мой", „Куй желѣзо, пока горячо", „Нѣтъ зла болѣе, чѣмъ безначаліе".

Хорошая разработка слѣдующихъ темъ сдѣлала бы честь самому образованному историку, обществовѣду, натуралисту и географу: „Бѣдность и богатство по ихъ вліянію на нравственность", „Европа и Америка", „Вліяніе мореплаванія на развитіе человѣчества".

Такимъ образомъ все при нынѣ дѣйствующей системѣ приносится въ жертву мертвой формѣ. Душа науки—ея содержаніе—упраздняется; она сама укладывается на Прокустово ложе стилистическихъ хитростей и профанируется невѣжественной, но самоувѣренной болтовней, къ которой сама система преподаванія пріучаетъ питомцевъ средней школы съ первыхъ шаговъ ихъ пробудившейся мыслительной дѣятельности. Пора лишить схоластику, эту претенціозную старуху, втершуюся въ довѣріе русской школы, благодаря нелѣпой рекомендаціи такъ называемой классической системы образованія, права опеки надъ нынѣшней педагогіей: послѣдняя уже вышла изъ пеленокъ. Такимъ образомъ послѣ краткаго обозрѣнія того матеріала, который въ настоящее время составляетъ область преподаванія русскаго языка, какъ предмета, мы необходимо приходимъ прежде всего къ тому заключенію, что слишкомъ рискованно поручать даже отличнѣйшему и образованѣйшему преподавателю словесности трактовать съ учениками о вопросахъ, относящихся къ столь разнообразнымъ областямъ человѣческаго знанія, запасъ котораго вообще растетъ съ каждымъ днемъ. А, съ другой сто-

роны, не по днямъ, а по часамъ архивъ науки наполняется устарѣвшими или поддѣльными и потому отвергнутыми ея опытомъ и анализомъ товарами. Нельзя не констатировать того печальнаго явленія, что данныя науки въ средней школѣ не освѣжаются и не дезинфекцируются, и она часто питается никуда негодной, заплѣсневѣлой пищей, давно забракованной на рынкѣ науки. Часть вины въ данномъ случаѣ должна быть отнесена насчетъ непомѣрно широкой области знаній, подвѣдомственной учителю русскаго языка и словесности, у котораго, у одного среди многочисленной коллегіи, въ рукахъ есть такое орудіе закрѣпленія знаній въ головѣ воспитанника, какъ перо этого послѣдняго, и, съ другой стороны, нѣтъ времени слѣдить за движеніемъ гуманитарныхъ наукъ вообще и его собственной спеціальности въ частности.

Развѣ можетъ единственный представитель письменнаго слова, при подобномъ положеніи дѣла въ нашихъ гимназіяхъ, отвѣчать въ томъ случаѣ, если въ этой области не „все обстоитъ благополучно"? А это „неблагополучіе" проникаетъ потомъ и въ жизнь...

Итакъ, съ учителя словесности слѣдуетъ сложить часть его неудобоносимаго ига.

Теперь разсмотримъ вопросъ о томъ, что же должно входить въ объемъ преподаванія русскаго языка и словесности, какъ предмета средней школы.

Первой неотъемлемой обязанностью учителя русскаго языка является обязанность научить учениковъ орѳографіи, которая въ своемъ современномъ состояніи представляется подобіемъ нѣкоего хаоса, въ которомъ не-спеціалисту разобраться нѣтъ возможности. Сюда должно войти преподаваніе грамматики: синтаксиса и этимологіи и отчасти исторіи языка. Во-вторыхъ, учитель отечественнаго языка долженъ преподавать словесность. Здѣсь необходимо условиться на-

счетъ пониманія этого неопредѣленнаго термина, различно истолковываемаго даже на страницахъ трудовъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ (См. „Истор. Русской литер.“ А. Н. Пыпина, т. I, стр. 10). Не претендуя на обстоятельное разрѣшеніе въ настоящей статьѣ этого вопроса, мы думаемъ, что въ значительной степени приблизился къ правильному разрѣшенію его, съ точки зрѣнія требованій средней школы, г. В. Острогорскій въ своихъ „Бесѣдахъ о преподаваніи словесности“.

Въ область эту должны прежде всего входить чтеніе и объясненіе произведеній изящной словесности, въ лицѣ ея ближайшихъ къ нашему времени и современныхъ представителей и въ исторической преемственности явленій ея, начиная со „Слова о полку Игоревѣ“ и произведеній народной словесности. Во-вторыхъ, необходимо, знакомя со смѣной литературныхъ направленій, поставлять ихъ въ связь съ такими же явленіями въ области европейскихъ литературъ, лучшія произведенія которыхъ (въ переводѣ) должны быть предметомъ чтенія и разбора наравнѣ съ отечественными. Какъ необходимое подспорье въ этихъ случаяхъ для успѣшнаго усвоенія произведеній изящнаго человѣческаго слова, должны служить чтеніе и разборъ, по крайней мѣрѣ, корифеевъ міровой критики (въ переводѣ), какъ Аристотеля, Буало, Лессинга, нашего Бѣлинскаго и т. д.

Кое-что изъ указаннаго нами бѣгло въ этихъ строкахъ уже является предметомъ преподаванія на урокахъ исторіи и теоріи словесности, но постановка предмета во всемъ его объемѣ требуетъ пересмотра программъ съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о задачахъ практическихъ занятій по предмету словесности, которыя (практическія занятія) являются вообще по своей безусловной важности въ дѣлѣ преподаванія душой всякаго предмета.

Не будемъ говорить о томъ богатомъ запасѣ идей и образовъ, которые усвоятъ учащіеся на урокахъ отечественнаго языка, при условіи предлагаемаго здѣсь пониманія объема этого предмета. Не будемъ распространяться и о томъ, какъ постепенно ученикъ, подъ руководствомъ преподавателя, научится „повѣствовать“, „описывать“ и „разсуждать“ о предметахъ изъ области матеріала, усвоеннаго на урокахъ словесности.

Оставимъ безъ разъясненія и этико-воспитательное значеніе этого матеріала, равно какъ и вопросы, касающіеся методологіи преподаванія предмета. Во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ по существу своему словесность принадлежитъ къ точно такимъ же предметамъ, какъ, напримѣръ, священная исторія (образы, идеи, этико-воспитательное значеніе, повѣствованіе, отчасти описаніе), богословіе (разсужденіе, этико-воспитательное значеніе), математика (разсужденіе), географія (описаніе) и т. д. Не будемъ распространяться и объ эстетическомъ значеніи словесности, которая раздѣляетъ это свойство и съ другими изящными искусствами, преподаваемыми въ гимназіяхъ, какъ чтеніе древнихъ и иностранныхъ авторовъ, музыка и пѣніе, рисованіе, отчасти чистописаніе и гимнастика. Здѣсь мы будемъ говорить только о роли словесности, какъ предмета преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ дѣлѣ обученія воспитывающихся тому, что мы называемъ русскимъ языкомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Практическія занятія по словесности, обстрагируемой съ этой точки зрѣнія, должны состоять въ подражаніи стилю и пріемамъ рѣчи нашихъ писателей изящной словесности, стилю и терминологіи нашихъ лучшихъ критиковъ этихъ изящныхъ произведеній (Еще разъ повторяемъ, что in concreto, конечно, каждое изъ такихъ упражненій будетъ заключаться не въ пустомъ, стилистическомъ, схоластическомъ

празднoглаголаніи, а въ изложеніи, полномъ внутренняго содержанія, какъ и каждое изъ упражненій по другимъ предметамъ, о чемъ скажемъ ниже).

Личность учителя должна въ отношеніи усвоенія языковыхъ формъ занимать хотя и почтенное, но весьма скромное мѣсто. Учитель всегда долженъ помнить весьма поучительные для него примѣры, какъ положимъ, Тургенева въ свое время лучшіе знатоки русскаго языка называли орловцемъ, не умѣющимъ говорить по-русски; или, какъ Ломоносову не нравились слова: „рѣшительный", „опредѣлительный" и т. п., какъ неологизмы, противные духу языка [12]). Вѣдь лучшіе знатоки русскаго слова не разъ въ оцѣнкѣ разнообразныхъ явленій въ родномъ языкѣ расходились съ тѣмъ великимъ левіаѳаномъ, который представляетъ изъ себя русскій народъ съ его живымъ, постоянно развивающимся литературнымъ языкомъ (Да проститъ намъ читатель нашу смѣлую абстракцію: въ существѣ своемъ она имѣетъ все же конкретное содержаніе).

Во святомъ святыхъ духовной жизни школы—въ языкѣ, на которомъ происходитъ въ ней преподаваніе,—долженъ перестать самовластно хозяйничать учитель русскаго языка (Да въ дѣйствительности его хозяйничанье въ этой области сводится къ роли вопіющаго въ пустынѣ, котораго жизнь не слушается, а идетъ своимъ путемъ). Задача школы—уловить законы и требованія жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ; если она это сдѣлаетъ, то передъ ней открывается великая арена дѣятельности на пользу и помощь жизни. Но предварительно нужно устранить всякаго рода Сизифовъ, отъ нихъ же первый есть учитель русскаго языка въ нынѣшнихъ гимназіяхъ

---

[12]) «Ломоносовъ. Ист. Акад. Наукъ» П. Пекарскаго т. II подъ 1749 годомъ.

съ его необъятной и невыполнимой задачей, предписываемой ему программами и установившимися взглядами школьнаго „общественнаго мнѣнія“.

Какъ же мы втащимъ на гору камень, котораго никакъ нельзя было втащить по методу Сизифовой работы?

Въ нашемъ средне-учебномъ заведеніи преподаетъ 15—25 учителей; всѣ они ведутъ преподаваніе на русскомъ языкѣ (подразумѣвается, правильномъ). Каждый изъ нихъ работаетъ въ небольшой области науки, приспособляя послѣднюю, посредствомъ педагогическихъ пріемовъ, къ пониманію дѣтскаго и юношескаго возрастовъ. Но каждая изъ этихъ областей науки въ настоящее время уже имѣетъ много работниковъ русскихъ, писавшихъ въ литературѣ и говорившихъ съ каѳедры въ высшемъ (или среднемъ) учебномъ заведеніи передъ каждымъ изъ этихъ 15—25 преподающихъ. Языкъ каждой области знаній въ общемъ уже прекрасно разработанъ и, въ силу естественныхъ языковыхъ законовъ, имѣетъ свой стиль, свой лексиконъ, свои особенности. Въ дѣйствительности каждый педагогъ въ своемъ преподаваніи употребляетъ языкъ, свойственный его спеціальности: богословъ имѣетъ склонность уснащать свою рѣчь архаизмами, математикъ—выраженіями изъ своего едва ли не самого точнаго въ логическомъ отношеніи словеснаго матеріала; на языкѣ историка не можетъ не отразиться языкъ Соловьева или Бестужева-Рюмина, или кого иного, кто читалъ, напримѣръ, будущему учителю лекціи въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Но во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ подобныхъ и другихъ источниковъ знаній у преподавателя выработался особый стиль по такимъ же, напримѣръ, психологическимъ законамъ, какъ изъ воспріятій образуется постепенно общее представленіе.

Точно то же относится и къ естествовѣду, и къ преподавателю древнихъ языковъ и т. д. и т. д.

Если теперь, исходя изъ данныхъ дѣйствительности, сумѣть воспользоваться тѣмъ въ сущности огромнымъ богатствомъ русскаго языка, какой вынесенъ всѣми педагогами средней школы изъ жизни и литературы, урегулировать то, что уже существуетъ въ состояніи rudis indigesta que moles въ жизни, умѣло эксплуатировать пока „зарытый“, но весьма „полезный кладъ,—то средняя школа не будетъ жаловаться на неразвитость языка учащихся, на ихъ часто нелѣпыя синтаксически и дѣтски наивныя сочетанія словъ и выраженій, вообще на ихъ безграмотность, понимаемую въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Принципъ, на которомъ должна быть основана предлагаемая здѣсь мѣра, заключается въ томъ нѣсколько разъ уже высказываемомъ въ учебно-педагогической литературѣ постулатѣ, чтобы были установлены по всѣмъ по возможности предметамъ систематическія письменныя работы, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ. Всѣ такія работы (по закону Божію, словесности, географіи, математикѣ, исторіи, логикѣ, физикѣ и т. д.) во всей ихъ совокупности и будутъ письменными работами по русскому языку; форма будетъ въ нихъ скрѣпляться реальнымъ содержаніемъ, а реальное содержаніе будетъ искать наиболѣе соотвѣтственнаго себѣ выраженія.

Въ результатѣ такимъ путемъ устранится немало золъ. Во-первыхъ, при такой системѣ количество письменныхъ работъ увеличится, при чемъ, съ другой стороны, будетъ устранено переутомленіе учителей словесности, болѣе, пожалуй, опасное для учащихся, чѣмъ для самихъ переутомляющихся преподавателей (см. соображенія г. Анненскаго въ его „Педагогическихъ письмахъ“; Русская Школа, 1895, № 2, стр. 87).

Преподаватели прочихъ предметовъ получатъ въ свое распоряженіе перо учащихся—одно изъ сильнѣйшихъ средствъ закрѣпленія въ памяти и сознательнаго усвоенія сообщаемаго въ классѣ предметнаго матеріала [13]).

Учащіеся постепенно отвыкнутъ отъ пристрастія къ фразѣ въ ущербъ содержанію изложенія, при чемъ ближе къ осуществленію будетъ старое завѣтное требованіе: „Пиши, какъ говоришь, но и говори какъ пишешь".

Преподаватели всѣхъ предметовъ станутъ требовательнѣе къ внѣшней сторонѣ изложенія какъ при письменныхъ, такъ и при устныхъ отвѣтахъ, при чемъ устранится то ненормальное явленіе, что ученикъ, имѣющій по словесности 2 за неумѣнье владѣть устною и письменною рѣчью, по исторіи, географіи, логикѣ и др. можетъ получать четверки и даже пятерки.

Вмѣстѣ съ этимъ произойдетъ эмансипація учащихся, находящихся въ настоящее время въ отношеніи своего стиля въ полновластной зависимости отъ единственнаго представителя письменнаго слова въ средне-учебномъ заведеніи и чрезъ послѣднее (слово письменное) враждебно смотрящихъ на своего карателя безграмотности. Пути проникновенія родной рѣчи въ среднюю школу значительно расширятся и очистятся, и выработка стилей, соотвѣтствующихъ каждой спеціальности, значительно облегчитъ подготовку къ дальнѣйшей плодотворной работѣ въ сферѣ любой спеціальности. Вольнѣе и свободнѣе пойдетъ усвоеніе языка, такъ какъ педагогическая практика откажется отъ такихъ неплодотворныхъ для нея абстракцій, какъ „языкъ вообще", „стиль

---

[13]) Обвиненія г.г. преподавателей (не-словесниковъ) средней школы въ безграмотности, въ неумѣньи мыслить логически и излагать свои мысли стилистически правильно, конечно,—чистѣйшій «вздоръ» (Г. Добровскій).

вообще", и нынѣ пренебрегаемый, и стѣсняемый натуральный методъ обученія найдетъ себѣ надлежащее примѣненіе. Въ дѣлѣ выработки языка получатъ болѣе широкій доступъ для благотворнаго вліянія на учащихся наиболѣе талантливые стилисты и практики слова изъ преподавателей, которыхъ, конечно, въ процентномъ отношеніи ничуть не больше среди словесниковъ, чѣмъ среди всего вообще педагогическаго состава.

Однимъ словомъ, въ педагогическомъ отношеніи произойдетъ цѣлая метаморфоза въ заведеніи: на борьбу съ безграмотностью выступитъ цѣлый десятокъ, а то и болѣе педагоговъ, и преподаватель словесности на этомъ полѣ изъ донкихотствующаго рыцаря (ибо одинъ въ полѣ не воинъ) превратится въ передового бойца грамматическихъ и стилистическихъ завоеваній.

Само собою разумѣется, что, кромѣ письменныхъ работъ, для поднятія уровня знаній и общаго развитія учащихся въ средней школѣ необходима огранизація бесѣдъ по различнымъ предметамъ, организація домашняго чтенія учащихся съ участіемъ всѣхъ по возможности преподавателей въ дѣлѣ регулированія и провѣрки его, устройство классныхъ библіотекъ и т. д. и т. д. Но, такъ какъ примѣнительно къ русскому языку и словесности такія desiderata сдѣлались общимъ мѣстомъ, то мы эти вопросы и обходимъ молчаніемъ въ нашей статьѣ. Въ заключеніе мы можемъ сказать, что считаемъ свою задачу выполненной, если намъ удалось лишній разъ обратить вниманіе на необходимость неотложнѣйшаго изъ преобразованій въ нашей свѣтской средней школѣ, и если къ аргументаціи, приводимой обыкновенно въ пользу неотложности реформы въ преподаваніи русскаго языка и словесности, мы могли присоединить и свою скромную лепту. Мысли наши, какъ замѣтилъ и самъ читатель, исходнымъ пунктомъ своимъ имѣютъ тотъ же прин-

ципъ, который положенъ въ основаніе программъ 1890 г., гдѣ ясно говорится (Объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ), что... „каждый урокъ въ гимназіи по всякому предмету долженъ считаться и урокомъ русскаго языка"... Цѣль этюда нашего выставить посильныя соображенія въ вопросѣ объ изысканіи средствъ къ наиболѣе полному усвоенію учащимися богатствъ отечественнаго слова и къ пріобрѣтенію умѣнья владѣть русскою рѣчью.

В. Г.

Еще нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Рѣшаясь съ своей стороны сказать нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы заявляемъ, что собственно новаго по этому вопросу мы не прибавимъ къ тому, что уже въ разное время и разными лицами печатно заявлено. Мы имѣемъ въ виду только возстановить въ памяти то, что говорилось одними, а другими при чтеніи пережито, перечувствовано.

Прежде всего, преподаватель русскаго языка обремененъ непосильными работами,—такими работами, какихъ, вѣроятно, не исполняли и евреи въ Египтѣ... Чтобы поддерживать свое существованіе и семьи своей, преподаватель русскаго языка долженъ давать не менѣе 24 уроковъ въ недѣлю. Но даваніе уроковъ еще не бѣда: вѣдь и препо-

даватели другихъ предметовъ даютъ уроки! а бѣда заключается въ томъ, что, кромѣ этихъ 24 часовъ въ недѣлю, т.-е., кромѣ ежедневныхъ 4 часовъ, на его обязанности лежитъ еще въ каждомъ классѣ сдѣлать въ теченіе недѣли письменную работу и исправить её. Какъ великъ и тяжелъ этотъ трудъ, читатель нашей замѣтки сейчасъ увидитъ. Предположимъ, что у преподавателя русскаго языка—6 классовъ; слѣдовательно, въ теченіе недѣли онъ долженъ ежедневно извѣстное число часовъ употребить на исправленіе работъ классныхъ. Благодаря тому, что наши учебныя заведенія переполнены учащимися, въ низшихъ классахъ (нерѣдкость) бываетъ по 50-ти учениковъ, по 52—56-ти; въ старшихъ—по 40 и менѣе; такимъ образомъ, среднимъ числомъ—по 40 учениковъ въ классѣ, т.-е. въ теченіе недѣли преподаватель русскаго языка обязанъ исправить $40 \times 6 = 240$ письменныхъ работъ. Для исправленія 40 экземпляровъ диктанта, съ занесеніемъ балловъ въ книжечку, положимъ, требуется два-три часа,—пересказа—три-четыре часа, классныхъ сочиненій—четыре-пять часовъ, а домашнихъ—отъ пяти до десяти часовъ; другими словами: преподавателю русскаго языка ежедневно необходимо употребить на разумное исправленіе письменныхъ работъ въ I—II кл. 6 часовъ, въ III—V кл. 9—10 часовъ, въ VI—VIII кл. (+домаш. сочин.) 15—20 часовъ. Возьмемъ минимальное число часовъ: $6 + 9 + 15 = 30$ часовъ, т.-е. другими словами: преподаватель русскаго языка, если онъ исполняетъ предписанія М. Н. Просвѣщенія, долженъ употребить не менѣе 10-ти часовъ въ день тяжелаго умственнаго труда, чтобы получить жалованье, какъ и преподаватели другихъ предметовъ, только за трудъ *) въ стѣнахъ учебнаго заведенія! Но вѣдь это еще

*) Вознагражденіе только въ классическихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ за исправленіе письменныхъ работъ по 40—60 рублей за классъ въ теченіе учебнаго го-

не все: а составленіе программъ, выборъ темъ, подготовка къ урокамъ? Вѣдь это тоже своего рода не легкій трудъ, требующій не мало времени и силъ! Въ женскихъ гимназіяхъ, помимо названныхъ видовъ письменныхъ работъ, на преподавателѣ русскаго языка лежитъ еще настоящая обуза—это чтеніе такъ называемыхъ конспектовъ: 1) конспекта выслушаннаго и записаннаго урока каждой ученицей VIII кл.

да, положенное М. Н. Просвѣщенія, сравнительно ничтожное—за египетскій трудъ преподаванія русскаго языка! При этомъ необходимо замѣтить, что оно назначается членами педагогическаго совѣта въ равномъ большею частію количествѣ съ классиками за исправленіе ими экстемпоралій, не такъ многочисленныхъ, сравнительно съ письменными работами по русскому языку, и не такихъ объемистыхъ, какъ работы по послѣднему языку,—назначается по большинству голосовъ членами совѣта, изъ которыхъ одни, какъ историки, географы, преподаватели закона Божія, совсѣмъ не имѣютъ представленія о трудѣ исправленія письменныхъ работъ; другіе, математики, дающіе ученикамъ въ четверть одну—двѣ работы письменныхъ по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, мало имѣютъ представленія объ этомъ трудѣ. Но все-таки въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ хоть что-нибудь дается! По крайней мѣрѣ признано, что исправленіе письменныхъ работъ трудъ особый отъ даванія уроковъ въ классѣ; преподаватели же реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій не получаютъ и этихъ 40—60 руб. за исправленіе письменныхъ работъ въ одномъ классѣ въ теченіе учебнаго года: они несутъ свой крестъ, какъ безсребренники, правда, въ силу необходимости, по пословицѣ: «Взялся за гужъ,—не говори, что не дюжъ». Не признается за особый трудъ исправленіе названныхъ работъ даже въ кадетскихъ корпусахъ, которые располагаютъ средствами бо́льшими, чѣмъ среднія учебныя заведенія М. Н. Просвѣщенія.

въ одномъ изъ I—III кл. въ I полугодіи, 2) конспекта (точнѣе матеріала) для пробныхъ уроковъ, которые ученицы VIII класса даютъ во II-мъ полугодіи, а ученицъ въ VIII кл. (какъ, напр., въ Воронежской женской гимназіи) бываетъ 70—80; тотъ и другой конспектъ вмѣстѣ составятъ три- -четыре листа (обыкновенной писчей) бумаги, т.-е. 70—80×3—4=210—320 листовъ въ годъ, и все это преподаватель читаетъ за жалованье въ женскихъ гимназіяхъ самое разнообразное: 45 р. за урокъ годовой, 50, 60, 65, рѣже 75 и весьма рѣдко 100 р.! Вотъ гдѣ по истинѣ египетскій трудъ для преподавателя русскаго языка,—трудъ преподавателя, который при этомъ не вполнѣ пользуется правами среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній! Хоть всѣ 25 лѣтъ прослужи онъ въ женской гимназіи, но пожелай послѣ этого перевестись въ мужское учебное заведеніе,—долженъ получать въ послѣднемъ первый окладъ, т.-е. 750 р. за 12 уроковъ, тогда какъ прослужившій 5 лѣтъ въ мужскомъ учебномъ заведеніи получаетъ за тѣ же 12 уроковъ 900 р., а прослужившій 10 л.—1250 р., т.-е. 100 рублей за годовой урокъ... А цензъ образовательный у того и другого преподавателя одинъ и тотъ же...

Далѣе, физическо-механическій трудъ, несомнѣнно, страшно подрываетъ здоровье, подготовляетъ печальное въ старости для преподавателя русскаго языка. Но, кромѣ этого непригляднаго будущаго, преподаватель русскаго языка страдаетъ нравственно, какъ каратель безграмотности. А ученики пишутъ безграмотно не по одной только винѣ преподавателя русскаго языка: вѣдь на нихъ оказываютъ вліяніе и родители, рекомендующіе писать то или другое слово, какъ они сами пишутъ, и правописаніе учебниковъ, по которымъ они изучаютъ предметы среднихъ учебныхъ заведеній (а на этотъ счетъ у насъ самое разнообразное правописаніе: въ учебникѣ ариѳметики—одно, въ учебникѣ исторіи—другое, въ

учебникѣ географіи—третье... даже въ учебникахъ по русскому языку правило гласитъ, что надо писать такъ, а текстъ учебника нарушаетъ это правило!.. особенно много такихъ промаховъ въ нашихъ учебныхъ хрестоматіяхъ!...),—вѣдь оказываетъ вліяніе на грамотность учащихся въ разн. учебн. заведеніяхъ М. Н. Пр. и др. вѣдомствъ еще и правописаніе журналовъ, газетъ, самыхъ разнообразныхъ книжекъ для чтенія, особенно такъ называемая лубочная литература, которою упиваются наши дѣти!... А говоры? Развѣ легко преодолѣть особенности говоровъ, съ которыми являются дѣти въ учебное заведеніе, хоть, напр., особенности воронежскаго говора въ такомъ родѣ: „слиза“, „ничиво„, „говорить“, „дѣлайить“, „у печкѣ“, „у папѣ“, „къ печки“, „прежнива“ и др.? Ребенокъ не виноватъ, что говорятъ такъ окружающіе, и не въ состояніи скоро преодолѣть привычку говорить на мѣстномъ говорѣ, потому что не представляетъ себѣ сознательно правилъ грамматики литературнаго языка: для сознательнаго представленія той или другой формы литературнаго языка и формы мѣстнаго говора нужна дѣятельность мышленія сравнивающая, а развѣ въ отроческомъ возрастѣ она въ совершенствѣ работаетъ? Необходимо, чтобы ученикъ низшихъ классовъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣлъ вполнѣ активное вниманіе къ своей рѣчи, силу воли, чтобы слѣдить за своей живой рѣчью, а развѣ въ этомъ возрастѣ мыслимо вполнѣ требовать отъ дѣтей и активнаго вниманія, и силы воли? А преподаватель русскаго языка научи ученика такъ, чтобы онъ въ IV классѣ писалъ „вполнѣ безошибочно“,—научи при томъ ограниченномъ числѣ часовъ въ недѣлю (5, 4, 3 часа) и въ то же время одинъ часъ въ недѣлю употреби на письменную классную работу да часть другого часа на объясненіе тѣхъ промаховъ въ работѣ, которые 35, 40, 50 и 56-ть учениковъ сдѣлаютъ въ ней,—сдѣлаютъ въ силу главнымъ обра

зомъ указанныхъ выше причинъ! Какъ великъ трудъ преподавателя русскаго языка въ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Польшѣ и другихъ земляхъ, особенно съ инородческимъ населеніемъ, какъ, напр.: Крымъ, Кавказъ, Финляндія,—трудъ, употребляемый на борьбу съ безграмотностью, мы затрудняемся себѣ представить!... А коллеги преподавателя русскаго языка развѣ не идутъ противъ усилій его въ борьбѣ съ безграмотностью? Законоучитель требуетъ, чтобы питомцы его писали *З*аконъ Божій, Священное *П*исаніе, *А*нгелъ, *А*постолъ, *Е*вангеліе; историкъ и классикъ требуютъ написанія словъ *Р*имляникъ, *Г*рекъ, *С*лавянинъ и т. д., мало обращая вниманія на то, что все это взыщется съ преподавателя русскаго языка,—преподавателя, который долженъ держаться „Русскаго Правописанія"—Грота, а эта книга у нѣкоторыхъ преподавателей другихъ предметовъ и въ рукахъ не была!.. они пишутъ постарому... А между тѣмъ все виноватъ преподаватель русскаго языка: чрезъ его двойки—единицы оставляютъ на 5—6-й урокъ; чрезъ нихъ журятъ дѣтей родители, воспитатели, а иногда и прибѣгаютъ къ наказанію, которое въ умѣ своемъ Гоголевскій Осипъ примѣнялъ къ Хлестакову; чрезъ единицы—двойки дѣти зимуютъ въ томъ же классѣ, выбрасываются за бортъ корабля, т.-е. изъ учебнаго заведенія... Отсюда недовольство учащихся на преподавателей русскаго языка, озлобленіе противъ нихъ, а иногда и месть; отсюда отчаяніе получать удовлетворительныя отмѣтки по-русски, отвращеніе къ родному языку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ преподавателю предмета, который, какъ сказано выше, часто бываетъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ въ томъ, что на него взводятъ... Преподаватель самъ находится въ тискахъ: онъ volens—nolens обязанъ научить школьниковъ такъ, чтобы они, напр., въ IV классѣ классическихъ гимназій писали „вполнѣ безошибочно"... Можетъ ли при этихъ условіяхъ преподаватель русскаго языка, если у него

не помрачилось еще въ головѣ отъ тяжести труда; если у него не погасла въ сердцѣ любовь къ „малымъ симъ“,— можетъ ли онъ (позволяемъ себѣ повторить) быть покоенъ душою, не страдать нравственно, видя, съ одной стороны, неуспѣшность учениковъ, всевозможныя кары, вышвыриваніе за бортъ... съ другой, какъ гибнутъ его труды, силы, безъ пользы другимъ и себѣ?!...

Горе преподавателю русскаго языка, который въ силу какихъ-нибудь тяжелыхъ обстоятельствъ, болѣзненности, напр., или многочисленности семьи и т. д., принужденъ бываетъ давать болѣе 24 уроковъ въ недѣлю: онъ тогда, если хочетъ быть исполнительнымъ по службѣ, долженъ обратиться въ машину для того, чтобы перечитать массу письменныхъ работъ, долженъ забыть про развлеченіе, напр., побывать въ театрѣ, въ концертѣ,—про пищу духовную—прочесть ту или другую новость литературы, изслѣдованіе по рус. языку, исторіи и др. предметамъ; долженъ забыть на девять учебныхъ мѣсяцевъ про дѣтей... Развѣ выдумка, напр., подобное явленіе въ жизни преподавателя русскаго языка, какъ, напр.: „разъ, два... десять поправилъ!.. а уже одиннадцать часовъ: возвращаются православные христіане изъ церкви!“... Возвращается и его семья... Врывается въ кабинетъ къ папѣ лѣтъ семи дочка...

„Папа! мы были въ церкви“... начинаетъ она лепетать по своему...

— „Ксеня!.. милая!.. уйди: мнѣ некогда!“.. но ребенокъ, который, подобно птичкѣ Божіей, не знаетъ, что такое „некогда“,—начинаетъ сообщать новости... Сердце у отца разрывается: хочется схватить „милую Ксенію“, но мысль, что завтра понедѣльникъ, что завтра должны писать новую работу въ той кипѣ тетрадей, которая еще не доправлена, да еще непочатый экземпляръ упражненій моло-

дыхъ мозговъ „малыхъ сихъ", и вмѣсто проявленія нѣжности слышится нервный призывъ:

„Няня! возьмите Ксеню! она мнѣ не даетъ работать!"...

Чрезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ сынишка преподавателя русскаго языка съ вопросомъ:

„Папа! завтракать пора?"

— „Уйди ты, Володя!.. спроси у мамы... это не мое дѣло!.. Уходи же скорѣй!" Сынишка уже въ приготовительномъ классѣ: нѣсколько понимаетъ, что значитъ: „папа поправляетъ тетради"; поэтому съ кислой физіономіей уходитъ отъ своего противнаго папы...

Застучали вилки, ножи, тарелки... Мать посылаетъ сынишку за папой, чтобы послѣдній шелъ завтракать, но сынишка въ отвѣтъ на это матери:

„Мама, я не пойду!"..

— „Отчего?" —

„Папа сердитый!".. онъ сказалъ, когда я пришелъ къ нему: „Уходи же скорѣй!".. Является сама хозяйка въ кабинетъ къ преподавателю русскаго языка съ докладомъ, что всѣ за столомъ... завтракъ поданъ, и слышитъ: „Начинайте! сейчасъ приду". Въ столовой раздается стукъ, звонъ, а нашъ глава семьи дочитываетъ сочиненіе. Дочитано. Сколько же я прочиталъ? одиннадцать... тринадцать... семнадцать... Только семнадцать?!.. Все дѣти помѣшали!.. Еще одно сочиненіе прочту: все меньше будетъ. Читается одно, другое... Снова хозяйка входитъ въ кабинетъ.

„Что же ты, Леля?!.. завтракъ остылъ!"

— „Сейчасъ... дочитаю"...

„Да знаю я твое „дочитаю"!.. Брось!"..

— „Да сеейчаасъ же!.. Немного осталось дочитать!"...

„Хоть бы провалились твои эти тетрадки!.. Не пообѣдаетъ во время, ни ребенка не приласкаетъ!"...

Вотъ одна изъ тѣхъ печальныхъ страничекъ исторіи

жизни преподавателя русскаго языка,—жизни, про которую знаетъ, которую можетъ понять только тотъ, кто имѣетъ несчастіе называться при настоящемъ положеніи дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавателемъ русскаго языка!

Тяжелыя испытанія, которыя несетъ частью по доброй волѣ (дорожащій судьбами родного языка и своихъ питомцевъ) преподаватель русскаго языка, а больше въ силу необходимости: взялся за преподаваніе этого предмета, втянулся въ чтеніе и черканіе, и тянетъ... свой грузъ, пока есть терпѣніе и силы: не даромъ же нѣкоторые преподаватели родного языка называютъ „вьючнымъ"... Неособенно хорошо чувствуетъ себя онъ и въ силу того, что у него нѣтъ времени, за исключеніемъ лѣтнихъ каникулъ, на чтеніе... не ученическихъ только сочиненій, а на чтеніе для подновленія свѣдѣній по своему предмету,—на чтеніе книгъ для освѣженія своихъ мозговъ, и въ результатѣ что же? Не рѣдкое явленіе, что его питомцы или питомицы старшихъ классовъ по новѣйшей литературѣ больше знаютъ, чѣмъ самъ просвѣтитель молодого поколѣнія,—не рѣдкое явленіе и то, что этотъ просвѣтитель на вопросъ учащихся: „Можно ли читать такое-то сочиненіе?" бываетъ принужденъ сказать, что самъ не читалъ (и это съ его стороны вполнѣ добросовѣстно), или, если онъ не захочетъ бросить себя въ грязь лицомъ, можетъ своему питомцу сказать преважно: „некогда мнѣ съ вами разсуждать!" или (что тоже бываетъ) прибѣгнетъ къ карательнымъ мѣрамъ за то, что позволяетъ юноша предлагать подобные вопросы! Не хорошо чувствуетъ себя преподаватель родного языка и въ обществѣ, среди котораго ему приходится изрѣдка бывать: тогда уже родители школьниковъ осаждаютъ его, какъ спеціалиста своего предмета, вопросами, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: Какое впечатлѣніе на васъ произвела новая повѣсть А. Чехова? Какого вы мнѣнія о талантѣ молодого писателя?..

Не правда ли—чудное произведеніе Сенкевича: „Камо грядеши?"...

Пришлось преподавателю русскаго языка (мы совершенно забыли оговориться ранѣе, что имѣемъ въ виду педагога провинціальнаго: столичные живутъ въ совершенно другихъ условіяхъ) выбраться въ концертъ, послушать заѣзжую заморскую пѣвицу или виртуоза-піаниста, и онъ слышитъ рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: „А, Алексѣй Ивановичъ! что давно васъ и „слыхомъ не слыхать, и видомъ не видать!" Вырвались!... И охота же вамъ сидѣть все дома?!"...

— „Да вѣдь времени нѣтъ, Михаилъ Григорьевичъ!"

„Нѣтъ, вы съ нами знаться не хотите!".. Слышится новое восклицаніе: „А, Алексѣй Ивановичъ! наконецъ-то я васъ встрѣтилъ! Мнѣ къ вамъ маленькое дѣльце: вы знаете, что недавно мы открыли воскресную школу"...

— „Знаю, знаю... и очень радъ, что нашъ городъ будетъ давать возможность хоть по праздникамъ учиться грамотѣ тѣмъ, которые во время не имѣли случая просвѣтиться... да и познакомиться съ важнѣйшими истинами евангельскими".

„Да, да! мы имѣемъ въ виду дѣло поставить, какъ слѣдуетъ!.. Но вотъ наша бѣда: некому заправлять дѣломъ по-русски... Мы васъ убѣдительно просимъ по праздникамъ часика хоть на два приходить къ намъ въ школу"...

— „Радъ бы всей душой, но у меня времени нѣтъ, Петръ Тихоновичъ".

— „Да полноте!... вѣдь разъ въ недѣлю!"...

— „По чистой правдѣ говорю вамъ, что нѣтъ времени"...

„Не хотите вы помочь намъ... вѣдь не для себя, не для своихъ выгодъ мы просимъ васъ удѣлить часокъ—два"...

— „Не сомнѣваюсь!.. но вѣдь вы не знаете того, что нашему брату, учителю русскаго языка, шесть дней приходится работать—утромъ въ учебномъ заведеніи, а вечеромъ сидѣть надъ письменными работами... да и не въ будни

только, но и въ праздникъ... особенно, если въ день учебный вечеромъ кто нибудь помѣшалъ, или необходимо было участвовать въ совѣтѣ, или заболѣлъ кто-нибудь въ семьѣ... да мало ли непредвидѣнныхъ случаевъ, когда въ теченіе недѣли не успѣлъ просмотрѣть кипу, и сиди надъ исправленіемъ ея въ праздникъ!"...

„Нѣтъ, нѣтъ, васъ не интересуетъ наше дѣло!"... Не успѣлъ нашъ педагогъ окончить разговоръ съ однимъ, слышится новое привѣтствіе:

„Ба, Алексѣй Ивановичъ!... сколько лѣтъ, сколько зимъ не видѣлись!... Какъ поживаете!"...

— „Да ничего, ваше ...ство!"...

— „Не слышали", говоритъ оно очень важнымъ тономъ, подчеркивая каждое слово· „какъ наше дѣло пошло? Собрали уже значительную сумму на построеніе дома... Скоро наши несчастные будутъ жить въ своемъ помѣщеніи, будутъ дышать свѣжимъ воздухомъ... А то, представьте себѣ, лишены зрѣнія и должны страдать еще отъ духоты и сырости въ наемномъ помѣщеніи... А мы все работаемъ: то спектакль устроили, то приглашали с.-петербургскихъ артистовъ — устроили концертъ, то"...

Раздается звонокъ, другой... на эстрадѣ появляется чудо-пѣвица...

„Ахъ, какъ хорошо", разговариваетъ самъ съ собою преподаватель русскаго языка: „вотъ нотка!.. что за чудный переходъ!... Какая сила голоса, какое искусство!".. Зашипѣли часы, забили (концертъ былъ въ залѣ городской думы...)... „И зачѣмъ это съ боемъ часы?!".. произнесъ онъ: „Ну, слава Богу, кончили шипѣніе!.. что за дивная арія!".. Все первое отдѣленіе было для него однимъ мгновеніемъ... Антрактъ. Преподаватель рус. языка не поднимается съ мѣста... Подходитъ снова его ....ство... „Такъ вотъ въ чемъ дѣло, милѣйшій Алексѣй Ивановичъ! вы человѣкъ опытный

въ своемъ дѣлѣ: умѣете говорить... Нельзя ли будетъ вамъ прочитать лекцію въ пользу слѣпыхъ?"... Одинъ за другимъ звонокъ... Вотъ она... вотъ уже полились звуки... но звуки элегическіе... въ нихъ слышатся вздохи, стоны... „Гдѣ-то я ихъ слышалъ?" задаетъ себѣ вопросъ Алексѣй Ивановичъ: „Да, въ С.-Петербургѣ!".. и предъ Алексѣемъ Ивановичемъ проносится цѣлая галлерея лицъ, съ которыми ему когда-то приходилось встрѣчаться; припоминаются задушевныя бесѣды съ профессорами, съ товарищами .. „А порядочно прошло времени послѣ окончанія курса", подумалъ Алексѣй Ивановичъ: „Боже! какъ было тогда хорошо! Сколько было свѣтлыхъ надеждъ! и все это разбилось... обо что же?.. девятнадцатый годъ мучусь... читаю литературу, которую даютъ мнѣ неокрѣпшія головы школьниковъ!.. И какъ это невыносимо скучно, убійственно... Когда же все это кончится?.. Еще годъ и брошу... найду дѣло полегче"... Концертъ кончился...

„Что же, Алексѣй Ивановичъ, можно на васъ разсчитывать? прочтете?"... вопрошаетъ снова его ....ство.

— „Не знаю... подумаю"... Быстро распростившись съ его ...ствомъ и другими знакомыми, Петръ Ивановичъ выбѣжалъ изъ залы, одѣлся; сунувъ швейцару какую-то монету, вышелъ на улицу, сѣлъ на извозчика... Вотъ онъ у себя въ кабинетѣ... заперся. „Леля, Леля! что же ты заперся? закусывать!"... стала звать его супруга.

— „Сейчасъ! подожди немного"... Что было съ Алексѣемъ Ивановичемъ, какія думы проносились въ его головѣ, осталось тайной... Но, безъ сомнѣнія, онѣ были невеселыя!...

Вотъ что приходится переживать, испытывать ему въ жизни: тяжело ему въ школѣ, нелегко дома, невесело встрѣчаться съ людьми и въ обществѣ!..

Вотъ почему преподаватель родного языка, чтобы хоть сколько-нибудь быть въ курсѣ дѣла, когда настаютъ лѣтнія

каникулы, старается „поглотить“ все, что появилось выдающагося въ наукѣ по его специіальности, а также въ литературѣ,—спустя восемь—девять мѣсяцевъ по напечатаніи, если предполагается, онъ за эти восемь—девять мѣсяцевъ не разстроилъ своего здоровья настолько, что ему нѣтъ необходимости ѣхать куда-нибудь для поправленія здоровья.

Нельзя не сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ въ педагогической жизни преподавателя русскаго языка—это о постановкѣ общей отмѣтки за устные отвѣты изъ русской грамматики, славянскаго языка, теоріи словесности и исторіи русской литературы и за исполненныя письменныя работы въ ту или другую четверть (при этомъ мимоходомъ нельзя не упомянуть о томъ, что было бы гораздо лучше, если бы вмѣсто четвертей были трети: что за четверть въ учебныхъ заведеніяхъ съ 15 марта по двадцатое—двадцать пятое апрѣля въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходится начинать экзамены съ конца апрѣля?!..). Можетъ ли преподаватель ставить четвертную удовлетворительную отмѣтку учащемуся, который устно получаетъ четыре и пять, а за письменныя работы единицу, два? Нравственно обязанъ, понятно, ставить отмѣтку три, а въ силу требованія: въ IV классѣ ученикъ долженъ писать „вполнѣ безошибочно“, онъ не долженъ этого дѣлать: тогда преподавателю придется выслушать кое что отъ тѣхъ, кто имѣетъ власть надъ нимъ: „Какъ же вы его аттестуете балломъ три, а онъ за письменныя работы получаетъ единицы и двойки?“.

Формализмъ, съ точки зрѣнія родителей, воспитателей, безсердечность только одна преподавателя русскаго языка виною тому, если онъ, охраняя себя, исполняя предписаніе, чтобы ученики писали „вполнѣ безошибочно“, поставитъ четвертную неудовлетворительную отмѣтку...

„Иванъ Ивановичъ! за что же вы моему сыну поставили двойку въ четверти? Вѣдь устно у него 5, 5, 4, 5, 4, 4, а письменно 1, 1, 2, 1, 2, 2?

— „За письменныя работы!“

„А устные отвѣты? Вѣдь это возмутительно! Вы убили ребенка: онъ пришелъ изъ гимназіи въ слезахъ, не сталъ обѣдать!... Вы убиваете всякую охоту у него учиться по-русски!“...

— „Позвол.“...—

„Нѣтъ, м. г., вы мучите дѣтей! я поѣду на васъ жаловаться въ округъ, въ С.-Петербургъ!“.. началъ отчитывать разгнѣванный родитель, махая руками, и ушелъ изъ гимназіи...

Подобныя явленія сравнительно рѣдки, но они бываютъ: иногда при пробѣлахъ въ низшихъ классахъ ученикъ за свое прилежаніе переходитъ изъ класса въ классъ, имѣя слабоватыя отмѣтки за письменныя работы, и въ концѣ концовъ... двойка!.. А иногда, какъ говорятъ: бываютъ дѣти отъ природы, фамильно безграмотныя, но устно идутъ прекрасно, особенно въ V—VI классахъ, когда о грамматикѣ и рѣчи мало: преподаватель долженъ спѣшить пройти въ три недѣльныхъ урока и курсъ исторіи литературы, и теорію словесности и въ эти же три часа еженедѣльно исполнять съ своими питомцами „еженедѣльную“ письменную работу, т.-е. объяснить тему, дать планъ, а затѣмъ, по написаніи учениками работы, разобрать послѣднія и стилистически, и грамматически, и логически... Трудно бываетъ преподавателю русскаго языка помочь ученику въ старшихъ классахъ,—ученику, который прекрасно знаетъ курсъ литературы, а письменно получаетъ единицы, двойки... Въ четверти два ему, и что же дальше? Ученикъ въ отчаяніи... бросаетъ заниматься и устно... Для ободренія учащихся, для побужденія ихъ къ усиленному труду въ данномъ случаѣ необходимо ставить въ четвертяхъ двѣ отмѣтки: 1) за знаніе курса, 2) за исполненіе письменныхъ работъ. Ученики, родители ихъ будутъ видѣть, въ чемъ грѣхъ, и пре-

подавателю рус. яз. не придется страдать лишній разъ... и отъ начальства, и отъ родителей...

Итакъ, много враговъ у преподавателя русскаго языка въ борьбѣ его съ безграмотностью, много нужно употреблять силъ, терпѣнія, усидчивости, самоочумленія, и въ концѣ концовъ все-таки получить большой процентъ мало успѣвающихъ... И естественно: „Одинъ въ полѣ не воинъ" и особенно въ томъ случаѣ, когда противъ него десятокъ враговъ да при томъ посильнѣе его!...

Необходимо облегчить египетскій трудъ преподавателя русскаго языка во имя блага школьниковъ и во имя того, что вѣдь преподаватель русскаго языка имѣетъ одну только шкуру, что онъ желаетъ, какъ и всѣ смертные, питаться не одними только сочиненіями „малыхъ сихъ", что онъ имѣетъ человѣческое сердце, которое должно быть отзывчиво на призывъ ближнихъ, общества, родной семьи...

Уврачевать болѣзни преподавателя русскаго языка физическія и душевныя возможно: во-первыхъ, если одинаково, вмѣстѣ съ нимъ (какъ это дѣлается въ духовныхъ семинаріяхъ) будутъ нести тяжелый трудъ исправленія письменныхъ работъ и преподаватели другихъ предметовъ, или, во-вторыхъ, если у него будетъ половина уроковъ по русскому языку и половина по исторіи и географіи, и послѣдніе предметы оживятъ его дѣятельность, дадутъ разнообразный матеріалъ, соотвѣтственно проходимому курсу, для письменныхъ работъ, или, въ-третьихъ, если попрежнему за нимъ однимъ оставить отвѣтственность за грамотность учениковъ, то каждый даваемый имъ урокъ въ учебномъ заведеніи считать за два, и тогда преподаватель русскаго языка, получая жалованье, равное съ преподавателями другихъ предметовъ, будетъ работать два часа въ день въ учебномъ заведеніи и три—четыре, пять—шесть часовъ въ своемъ кабинетѣ, но уже не механически, а осмысленно и съ большею пользою

для „малыхъ сихъ“; въ четвертыхъ, необходимо требовать отъ составителей учебниковъ, издателей учебныхъ пособій, журналовъ для учениковъ, чтобы въ нихъ было такое же русское правописаніе, какому обязанъ научить дѣтей преподаватель русскаго языка по предписанію М. Н. Просвѣщенія *). Мы не беремъ на себя смѣлость сказать, что исчерпали все по данному вопросу: напротивъ, мы только коснулись даннаго вопроса въ надеждѣ, что другіе, у кого болѣе досуга, обсудятъ этотъ вопросъ въ печати не спѣша, всесторонне, а обсудить его необходимо: во-первыхъ, необходимо притти

---

*) Между прочимъ, замѣтимъ: не мѣшало бы избавить преподавателя русскаго языка (и тутъ же и преподавателей другихъ предметовъ) именно отъ переписыванія министерскихъ программъ проходимаго курса по полугодіямъ и представленія ея въ переписанномъ видѣ въ совѣтъ: дѣло преподаванія отъ этого нисколько не выигрываетъ. Другое дѣло: повѣдать совѣту, если преподаватель узналъ о новомъ методѣ преподаванія или самъ додумался до чего-нибудь новаго. Совершенно бы достаточно, думается намъ, если каждый преподаватель совѣту сообщитъ, что такой-то отдѣлъ программы выполненъ; если мало пройдено, то сказать почему. Излишній трудъ—и придумываніе темъ на полугодіе впередъ. Эта обязательность вымышленія темъ за полгода впередъ часто ставитъ преподавателя въ затрудненіе относительно исполненія ихъ въ предполагаемое время: или проболитъ преподаватель, или классъ окажется слабымъ по развитію, или помѣшаетъ болѣзненность учениковъ, а все это не можетъ не волновать преподавателя при выполненіи этого рода обязательствъ. Часто при прохожденіи курса напрашиваются темы и содержательнѣе, и интереснѣе для учащихся, но исполняй то, что придумалъ раньше. Да это ли одно? У каждаго преподавателя въ этомъ случаѣ бываютъ самыя разнообразныя непріятности, недоразумѣнія!

на помощь учащимся и преподающимъ родной языкъ, а, во-вторыхъ, слѣдуетъ подумать и о томъ, что ряды преподавателей родного языка рѣдѣютъ: легче и вольготнѣе служить на желѣзныхъ дорогахъ, по акцизу, чѣмъ нести трудъ въ теченіе 8, 10 и даже 12 часовъ въ день и быть ни сытому, ни голодному.

А бѣдствующихъ преподавателей значительное число, особенно съ незначительнымъ окладомъ жалованья, напр., во многихъ женскихъ гимназіяхъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, помимо труда по учебному заведенію, преподаватель, въ силу необходимости, еще подыскиваетъ себѣ частныя занятія, чтобы поддержать существованіе своей семьи, свое здоровье.

На преподавателяхъ русскаго языка, если они не машинально исполняютъ свои обязанности,—„особый отпечатокъ“: отъ постояннаго сидѣнья за письменнымъ столомъ они сутуловаты, крайне нервны, раздражительны; дичатся общества; вслѣдствіе недостатка пищи духовной, каменѣютъ въ своемъ развитіи; часто не мытыми, не часанными являются въ учебное заведеніе; цвѣтъ лица у нихъ блѣдно-зеленый; глаза, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія во время чтенія всевозможныхъ рукописей, получаемыхъ отъ „малыхъ сихъ“, красные; тяжелый трудъ преждевременно кладетъ на лицо безчисленное множество морщинъ; средняя цыфра продолжительности жизни значительно меньше цыфры продолжительности жизни другихъ преподавателей; нерѣдко они прекращаютъ свою дѣятельность и даже жизнь вслѣдствіе нервнаго удара, умопомѣшательства и другихъ причинъ. Все сказанное говоритъ за то, что необходимо обратить вниманіе на положеніе преподавателя русскаго языка.

С. Прядкинъ.

Воронежъ. 26 марта 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зрѣніе и слухъ, эти два важнѣйшіе органа, при помощи которыхъ главнымъ образомъ совершается умственная дѣятельность человѣка, въ дѣлѣ правописанія играютъ далеко не одинаковую роль: зрѣніе содѣйствуетъ, а слухъ препятствуетъ образованію правильныхъ навыковъ въ письмѣ. Поэтому задача обученія ороографіи должна состоять въ томъ, чтобы развивать и укрѣплять память зрѣнія, съ одной стороны, и всѣми возможными способами препятствовать отрицательному вліянію слуха на письмо, съ другой. Такъ называемыя провѣрочныя, или контрольныя, диктовки, столь охотно практикуемыя въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній, не только не приносятъ учащимся пользы, но оказываютъ на ихъ грамотность вредное вліяніе: въ памяти ихъ остаются слѣды отъ неправильнаго начертанія словъ, и, чѣмъ чаще имъ диктуютъ, тѣмъ больше накопляется такихъ слѣдовъ. Другими словами: вмѣсто того, чтобы предупредить возможность ошибки, мы какъ бы умышленно наталкиваемъ на нее ученика. Провѣрочныя диктовки могутъ имѣть мѣсто въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и смотрѣть на нихъ слѣдуетъ, какъ на неизбѣжное зло. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ диктовки предупредительныя, при которыхъ ясное, отчетливое произношеніе учителя уже до извѣстной степени устраняетъ возможность ошибки, а указанія, дѣлаемыя учителемъ относительно того, что, какъ и почему именно такъ, а не иначе ученики должны писать, способ

ствуютъ сознательному начертанію словъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда начертаніе словъ не можетъ быть воспринято при помощи грамматическихъ правилъ и опирается исключительно на зрительныя впечатлѣнія, единственнымъ надежнымъ средствомъ для развитія зрительной памяти является списываніе, имѣющее огромное значеніе, особенно—въ тѣхъ случаяхъ, когда начертаніе словъ можетъ быть усвоено исключительно при помощи зрительныхъ впечатлѣній. Сюда нужно отнести прежде всего правописаніе словъ съ неизмѣняемымъ звукомъ **е** въ корняхъ, который изображается въ однихъ словахъ буквою **е**, въ другихъ—буквою **ѣ**. Эта послѣдняя составляетъ для дѣтей одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ усвоенію грамотности. Цѣль настоящаго сборника и состоитъ именно въ томъ, чтобы доставить учащимся подходящій матеріалъ для списыванія словъ съ буквою **ѣ** въ корняхъ. Слова даны не отдѣльно, а въ примѣрахъ, такъ какъ только при этомъ условіи они прочно запоминаются. Примѣрами служатъ преимущественно пословицы, поговорки и загадки: при своей краткости и сжатости, эти поэтическія произведенія народной словесности всегда заключаютъ въ себѣ законченную мысль или образъ. Буква **ѣ** въ однихъ словахъ обозначена жирнымъ шрифтомъ, въ другихъ замѣнена крестикомъ и должна быть возстановлена пишущимъ. Скрыта буква **ѣ** въ тѣхъ словахъ, которыя уже нѣсколько разъ повторялись въ примѣрахъ, и начертаніе которыхъ, такимъ образомъ, должно было вполнѣ запечатлѣться въ памяти пишущаго. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что количество примѣровъ, подлежащихъ переписыванію, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ успѣха въ запоминаніи словъ съ извѣстными корнями, хотя, конечно, не возбраняется ученику

писать и всѣ примѣры подъ рядъ. Можно было бы замѣтить, что мы не отводимъ совсѣмъ мѣста самодѣятельности учащагося при списываніи, такъ какъ онъ легко возстановитъ букву ѣ вездѣ, гдѣ она замѣнена крестикомъ, потому что иной буквы тутъ и не можетъ быть. Но мы именно и настаиваемъ на томъ, что въ дѣлѣ изученія буквы ѣ въ корняхъ подобная самодѣятельность неумѣстна. Если въ словѣ «вѣтеръ», напримѣръ, замѣнить обѣ гласныя буквы крестикомъ, то ученикъ подвергнется ненужному искушенію написать ѣ послѣ т, и такимъ образомъ будетъ допущено неправильное начертаніе слова, чего всѣми силами слѣдуетъ избѣгать. Списываніе только тогда достигаетъ цѣли, когда пишущій поставленъ въ невозможность сдѣлать ошибку. Не важно, что ученикъ заранѣе освѣдомленъ о значеніи крестика, а важно то, что каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, онъ долженъ воспроизвести въ своей памяти начертаніе слова, припомнить, такъ сказать, его физіономію. Что касается самодѣятельности, то ничто не мѣшаетъ соединить съ списываніемъ какую-нибудь несложную работу,—напримѣръ, ученику можно предложить подчеркнуть въ примѣрахъ подлежащія или сказуемыя, имена существительныя, глаголы, предлоги и т. д.

Возможно, что, при взглядѣ на предлагаемый нами сборникъ, у иного цѣнителя возникнетъ такая мысль: къ чему эта масса примѣровъ ради одной какой-нибудь буквы ѣ, какъ будто не проще заучить всѣ коренныя слова съ этою злосчастною буквой и затѣмъ руководствоваться только правиломъ, что она удерживается во всѣхъ производныхъ словахъ! Такому цѣнителю мы отвѣтимъ, что заучиваніе коренныхъ словъ практикуется давно; существуютъ даже стихотворныя произведенія на эту тему. И что же? Наши ученики попрежнему стра-

дают безграмотностью, благодаря все той же злополучной буквѣ ѣ!

Важнѣйшими пособіями при составленіи сборника служили:

1) Даль: «Пословицы русскаго народа»;

2) Снегиревъ: «Русскія народныя пословицы и притчи»;

3) Холмогоровъ: «Таблица словъ съ буквою ѣ въ корняхъ»;

4) Шереметевскій: собраніе сочиненій.

Буква Ѣ въ началѣ словъ.

1) Хоть ѣсть нечего, да жить весело.—Ѣмъ хлѣбъ чистый, пью квасъ кислый.—Ѣшь, конь, сѣно да поминай лѣто.—Кабы хлѣбъ да одёжа, ѣлъ бы лёжа.—Ужъ солнышко на ели, а мы еще не ѣли.—Красна дорога ѣздоками, а обѣдъ ѣдоками.—Хлѣбъ да вода—чѣмъ не ѣда?—Слеза хоть жидка, да ѣдка.—Голодному и объѣдки сладки.—Масленица объѣдуха, деньгамъ подбируха.—Нашъ Мирошка ѣстъ и безъ ложки.—Забота не съѣла, такъ скука одолѣла.—Удалось червяку на вѣку листъ подъѣсть.—Пили, ѣли,—кудрявчикомъ звали; попили, поѣли,—прощай, шелудякъ.—Нападетъ сухотка, такъ не отъѣшься.—И лучшее кушанье приѣстся.—Все надоѣдаетъ, кромѣ работы.—У богатыхъ и въ постъ мясоѣдъ.—Дармоѣдъ любитъ чужой хлѣбъ.—Волкодавъ правъ, а людоѣдъ не правъ.—Приѣдчивъ вору некраденый кусокъ.—Парень сластоѣжка:—что ни день, то сыроѣжка.

Безъ соли, безъ хлѣба—половина обѣда.—Пошелъ провѣдать, да и остался обѣдать.—Къ обѣднѣ ходятъ по звону, а въ гости по зову.—Въ нѣдрахъ земли много сокровищъ.—Медвѣдь коровѣ не братъ.—Изъ лѣсу дремучаго выходила медвѣдица съ малыми дѣтушками-медвѣжатами.—Медвѣжій мѣхъ дорогъ.

Зубы есть, да нечего ×сть.—Грѣшное тѣло и душу съ×ло.—Надо×лъ, какъ горькая рѣдька.—Блюди хлѣбъ про ×ду, а копейку про бѣду.—Мужикъ съ однимъ яйцомъ каравай хлѣба ×стъ.—Черепахи ×дятъ мало и рѣдко.—Коврижку съ×мъ гора горой, ватрушку съ×мъ со столъ большой.—×лъ бы пирогъ, да въ печи сжегъ.—Вѣдалъ, гдѣ об×далъ.—Про глухого двухъ об×денъ не служатъ.—Иной по двѣ об×дни слушаетъ, да по двѣ

души кушаетъ.—Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ.—ѣшь досыта, работай до поту.--Богачи ѣдятъ калачи, да не спятъ ни днемъ, ни въ ночи.

2) Ѣду, ѣду, слѣду нѣту.—Валяй, Кургузка, недалече до Курска: семь верстъ отъѣхали, семьсотъ ѣхать. Барышъ съ убыткомъ въ однѣхъ саняхъ ѣздятъ.—Пріятна зимняя ѣзда на хорошей тройкѣ по родной дорогѣ.—Красна дорога ѣздоками, а обѣдъ ѣдоками.—Когда ѣдешь въ путь, остороженъ будь.—Далеко ѣхалъ, да скоро пріѣхалъ. Пословицы ни обойти, ни объѣхать.—Поѣхалъ было въ лѣсъ, да попался навстрѣчу бѣсъ.—На краденомъ конѣ далеко не уѣдешь.—Изрѣдка ѣзжалъ я съ отцомъ въ поле.—Всего свѣта не изъѣздишь.—Съ чѣмъ подъѣхалъ, съ тѣмъ и отъѣхалъ.—И не такъ подъѣзжали, да не съ тѣмъ отъѣзжали.—На горячей клячѣ за дѣломъ не ѣзди.—Сперва ты меня повези, тамъ я на тебѣ поѣзжу.—Не хвались отъѣздомъ, хвались пріѣздомъ.—У подъѣзда большого дома остановилась карета.—Какъ была-де поѣздка богатырская.—Наша хата не заѣзжій дворъ.—Выѣзжалъ бояринъ на охоту молодецкую.—На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали.—Арабскій наѣздникъ называется фарисомъ.—Мимо нашего села ни пути, ни проѣзду.—По большой дорогѣ проѣзжало много всякаго народу.—Какъ съѣхались, такъ и разъѣхались.—Заѣхалъ мимоѣздомъ въ городокъ уѣздный.—Безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ пять лѣтъ.

Тише ѣдешь, дальше будешь.—ѣдетъ дѣдъ искать обѣдъ.—Домашняя гривна лучше заѣзжаго рубля.—Бывало насъ по осени до полусотни съѣдется въ отъѣзжія поля.—Пріѣхалъ,—не здоровался: поѣхалъ,—не простился.—Не суди по пріѣзду, суди по отъѣзду. Поѣхали съ орѣхами, пріѣдутъ ни съ чѣмъ.—Мимо насъ быстро промчался поѣздъ.

БѢ.

1) Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ, въ салазки Жучку посадивъ.—Продрогшія лошади хлопотливо бѣгутъ по дорогѣ.—Отъ земли до луны свѣтъ пробѣгаетъ въ четверть секунды.—Волна на волну набѣгала, волна погоняла волну.—Сѣлъ я въ бѣговыя дрожки и по×халъ въ лѣсъ на рябчиковъ.—Непріятель обратился въ бѣгство.—Съ утра въ домѣ поднялась бѣготня.—Бѣглому одна дорога, а погонщику сто.—На родинѣ никто не принялъ бѣглеца.—Читать надо бѣгло, внятно и громко.—Набѣги половцевъ на Русскую землю повторялись очень часто.—Избѣгать ссоръ легче, нежели прекращать ихъ.—На деревьяхъ появились молодые побѣги.—Между горъ бѣжитъ конь вороной (загадка).—Съ горъ снѣга сбѣжали мутными ручьями.—Двухъ смертей не бывать, а одной не избѣжать.—Побѣжала дороженька черезъ горку.—Получивъ письмо, я пробѣжалъ его быстро глазами.—Зимой дикій олень ищетъ убѣжища отъ морозовъ въ лѣсахъ.—Бухты служатъ убѣжищемъ для моряковъ во время бурь.

Б×глымъ золотомъ сверкаетъ солнце по молодымъ осинамъ и березамъ.—Отъ волка б×жалъ, да на медв×дя попалъ.—Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ б×житъ (загадка).—Если бъ знать бѣду напередъ, можно бы ея изб×жать.—Кораблю угрожало неизб×жное крушеніе.—Во время несчастья человѣкъ приб×гаетъ къ помощи людей.—Волны то взб×гаютъ на берегъ, то съ шумомъ и стономъ уб×гаютъ обратно.

2) Бѣда бѣду родитъ.—Бѣдному вездѣ бѣдно.—Бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ.—Бѣдность не порокъ.—Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.—Бѣдняга босой мальчикъ дрожалъ отъ холода.—Бѣдняжка какъ

ни бьется, а гдѣ тонко, тутъ и рвется.—Кто горя не видывалъ, кто б×ды не бѣдовалъ?—Въ семь лѣтъ перебѣдовали б×дъ.—Семья осталась безъ отца-кормильца: придется ей бѣдствовать.—Голодъ народа—страшное для страны бѣдствіе.

Трудно б×дному б×ду побѣдить.—Русскій народъ много разъ побѣждалъ своихъ враговъ.—Имя Суворова прославлено побѣдами.—Побѣдителя не судятъ.—Побѣжденная страна была занята непріятелемъ.—Наполеонъ I пользовался славою непобѣдимаго полководца; но его побѣдоносная армія б×жала изъ Россіи.

Не убѣдилъ словами, сталъ убѣждать кулаками.—Убѣжденный въ своей непобѣдимости, Карлъ XII предпринялъ походъ въ Россію, но проигралъ подъ Полтавой поб×ду.—Его убѣжденіе твердо.—Были представлены убѣдительныя доказательства справедливости разсказаннаго случая.

Бѣдность учитъ, счастье портитъ.—Одна б×да всегда другую накликаетъ.—Не всякій можетъ говорить уб×дительно.—Всю жизнь прожилъ безб×дно.—Семья нашего сосѣда об×днѣла.—Всѣ люди знаютъ о неизб×жности смерти.—Черезъ поле переб×жалъ заяцъ.—Коля былъ бѣдовый мальчикъ.—Тяжело разуб×ждаться въ искренности друга.—Отнеслись къ дѣлу безъ всякихъ предуб×жденій.—Б×дность и мудраго смиряетъ.

3. Бѣла береста, да деготь черенъ.—Около проруби стоятъ бѣлыя голубки (загадка).—Въ бѣленькой бочечкѣ два разныя пива (загадка).—На горахъ лежалъ снѣгъ ослѣпительной бѣлизны.—Бѣльма съ плошку, а не видятъ ни крошки.—Въ яйцѣ двѣ части: бѣлокъ и желтокъ.—Бѣлка—красивый и проворный звѣрекъ.—Есть два вида зайцевъ: бѣлякъ и русакъ.—Заревѣлъ, какъ бѣлуга.—Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ.—А на

дворѣ ужъ побѣлѣло.—Люди бѣлить, а мы мѣста дѣлить.—Бѣлила не сдѣлаютъ мила.—Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю.—Въ квартирѣ потолокъ и стѣны побѣлили, полъ выкрасили.—Въ познаніяхъ ученика много пробѣловъ.—Въ окно увидѣла Татьяна поутру побѣлѣвшій дворъ.

За б×лыми березами соловушка поётъ.—Скатерть бѣла всю землю одѣла.—Пиши, записывай, наб×ло переписывай.—Личико б×ленько, да разуму маленько. Подо нравъ не подб×лишься.—Гора Б×луха есть высшее мѣсто въ Алтаѣ.—Рубашка б×ленька, да душа черненька.—Вся надежа была, словно вылитый въ мать, б×локурый красавецъ сынишка. — Б×лѣетъ парусъ одинокій въ туманѣ моря голубомъ.—Не б×ль въ полѣ заб×лѣлася.—Передъ нами ужъ б×локаменной Москвы какъ жаръ, крестами золотыми горятъ старинныя главы.—Сорока б×лобока на порогъ скакала, гостей поджидала.—Б×лолица-круглолица красная дѣвица при долинушкѣ стояла, калину ломала.—Полюби насъ черненькими, а б×ленькими насъ всякій полюбитъ.

4) Гнѣвенъ бѣсъ, да милостивъ Богъ.—Съ жиру собака бѣсится.—Пора перебѣситься, сударь! Къ морю Балда подходитъ, у моря бѣсенка находитъ.—Бѣшеная собака и хозяина кусаетъ.—Быстро, бѣшено неслась тройка, и не диво: на ухабѣ всякій разъ звѣрь рычалъ ретиво.

Б×съ не пьетъ, не ×стъ, а пакости дѣлаетъ.—Мечется, какъ б×шеная кошка.—Лошади взб×сились и понесли.—Не нагнать тебѣ б×шеной тройки: кони крѣпки и сыты, и бойки.

ВѢ.

1) Что самъ вѣдалъ, то и тебѣ повѣдалъ.—Вѣди провѣдали, что буки будутъ, а имъ ужъ и слѣдъ про-

стылъ.—Умѣючи и вѣдьму бьютъ.—По×хала кума, невѣдомо, куда.—Нужда вѣжлива, голь догадлива.—Невѣжда въ ослѣпленьѣ бранитъ науку и ученье.—Впредь тебѣ, невѣжа, наука: не садися не въ свои сани.—Много извѣдано горя.—Отвѣдала свинья полѣна, помнитъ, гдѣ по×ла.—Пчелки полетѣли на развѣдки.—Добрый совѣтъ—что заповѣдь.—Примѣръ есть самая краснорѣчивая проповѣдь.—Господь повелѣлъ проповѣдовать евангеліе.—При помощи чтенія хорошихъ книгъ мы пріобрѣтаемъ полезныя свѣдѣнія.—Интересно бесѣдовать съ человѣкомъ свѣдущимъ.—Богъ всевѣдущъ.—Мы исповѣдуемъ православную вѣру.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ.—Пророки были вѣстниками милости и гнѣва Божія.—Мы получили печальное извѣстіе.—Извѣстность пріобрѣтается добрыми дѣлами.—Подземные ключи и рѣки еще мало извѣстны.—Нужно навѣстить нашего друга.—Съ почты принесли повѣстку.—Про его совѣсть можно сказать повѣсть.—Роскошь предвѣщаетъ паденіе государства.—Ласточку зовутъ предвѣстницей весны.—Заблаговѣстили къ об×днѣ.—Въ Благовѣщенье морозъ, такъ подъ кустомъ овесъ.—Богъ вѣсть, что намъ ×сть.—Пропалъ безвѣстно.—Невѣсть, что будетъ.—Совѣсть-глазъ Божій.—Лгать совѣстно.

Языкъ лепечетъ, а голова не в×даетъ.—Отв×давъ сладкаго, не захочешь горькаго.—Докторъ навѣдался къ больному.—Знать не знаемъ, в+дать не в+даемъ.—Дурныя в×сти не лежатъ на мѣстѣ.—Бородка Минина, а сов×сть глиняна.—Нав×сти больного.

2) Вѣки защищаютъ глаза отъ пыли.—У него вѣки, какъ у колдуна.

3) Вѣкъ живи, вѣкъ учись.—Ночь ночевать не в×къ вѣковать.—Вѣковыя ели и сосны стоятъ по краямъ до-

роги.—Радость не вѣчна, печаль не безконечна.—Ночи вѣчныя лампады невидимы въ блескѣ дня.—Какъ въ море льются быстры воды, такъ въ вѣчность льются дни и годы.—Нельзя быть вѣчно ученикомъ.—Вѣковѣчная нев+ста.—Увѣчье не безчестье.—Лошадь изувѣчена.

Злому человѣку убавитъ Богъ в+ку.—Свинья подъ дубомъ в+ковымъ на+лась желудей.—В+чный туманъ висѣлъ надъ нами.—Горе не в+чно.

4) По+халъ въ Вѣну, а попалъ въ Парижъ.

5) Конецъ—д+лу вѣнецъ.—Изъ цвѣтовъ сплели вѣнокъ.—Вѣнчаютъ похвалой поб+ду.—Съ кѣмъ вѣнчаться, съ тѣмъ и кончаться.—Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.—Цвѣтокъ состоитъ изъ чашечки и вѣнчика.

Вѣникъ въ банѣ всѣмъ господинъ.—Сегодня в+н чались, а завтра скончались.—В+ника не переломишь, а по прутику весь переломаешь.—Невѣсту одѣли въ подв+нечное платье.

6) Встарь женихъ платилъ за невѣсту вѣно.

7) Слову вѣра, хлѣбу мѣра, деньгамъ счетъ.—Собака—вѣрный другъ человѣка.—Честному человѣку вѣрятъ безъ расписки.—Друга въ вѣрности безъ б+ды не узнаешь.—Кто вчера солгалъ, тому и завтра не повѣрятъ.—Написанное нужно провѣрить.—Дѣленіе повѣряется умноженіемъ.—Задача рѣшена невѣрно.—Вѣрующій не погибнетъ.—Не вѣрь чужимъ рѣчамъ, в+рь своимъ очамъ.—У древнихъ славянъ было вѣрованіе въ судьбу.—Плоды невѣрія ужасны. Во всякомъ подворьѣ свое повѣрье.—Безвѣріе хуже смерти.—Кто потерялъ довѣріе, тому нечего больше терять.—Одно изъ суевѣрій старины—в+ра въ встрѣчу.—Ужъ, вѣрно, мы поладимъ, коль рядомъ сядемъ.—Вѣроятно, зима въ этомъ году будетъ суровая.—Врагъ поступилъ вѣролом-

но.—Легковѣрный человѣкъ всему в+ритъ.—Не нужно быть самоувѣреннымъ.—Староверы не бреютъ бороды, считая это грѣхомъ.—Получены достовѣрныя изв+стія.

Больному въ +дѣ не в+рь.—Нев+рныя морскія волны обломковъ корабельныхъ полны.—Примите ув+реніе въ моей преданности.—Вчера была пров+рочная диктовка.

8) Вѣсъ да мѣра всякому дѣлу в+ра.—Вѣсь, да не обвѣшивай.—Сидитъ Елеся, ноги свѣся.—Были веселы, да голову повѣсили.—Босоты, наготы изувѣшаны шесты.—Иное слово бываетъ очень вѣско.—Медв+дь увѣсистый булыжникъ сгрёбъ.—Въ тонкій занавѣсъ окна свѣтитъ лучъ денницы.—Вѣтеръ шевелитъ занавѣску.—На большой дорогѣ стоялъ домъ подъ вывѣской.—Дворъ обсаженъ развѣсистыми деревьями.—Лучи солнца падали отвѣсно.

9) Дубъ раскинулъ свои могучія вѣтви.—Надъ озеромъ свѣтлымъ вѣтвистыя ивы стоятъ.—Оторвался листочекъ отъ вѣтки родимой.—Б+лка строитъ себѣ гнѣзда на деревьяхъ изъ в+токъ, листьевъ и мха.

10) Каковъ привѣтъ, таковъ и отвѣтъ.—Тѣло согрѣшило, а душа отвѣчай.—Не приманивай хлѣбомъ мягкимъ, а привѣтствуй словомъ ласковымъ.—Привѣтливое слово дѣйствуетъ сильнѣе угрозы.—Не бойся доносчика, бойся отвѣтчика.

Съ людьми совѣтуйся, а своего ума нѐ теряй.—Добрый совѣтъ—что запов+дь.

Кукушка—вѣщая птица.—Сердце вѣщунъ, душа—мѣра.—На одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи.—Внушеніе и увѣщаніе иногда сильнѣе наказанія.

Долгъ не ждетъ завѣщанія.—На берегу завѣтныхъ водъ цвѣтутъ богатыя станицы.

Обѣщалъ бычка, а даетъ тычка.—Обѣтъ Богу дать—вскорѣ исполнять.—Обѣщаніе не исполнено.

Добрый прив+тъ и кошкѣ пріятенъ.—И лѣсъ, и трава—все облеклось въ злов+щій цвѣтъ.

Межъ черныхъ тучъ прив+тно засіяла лазури полоса.—Прив+тливость и доброта улыбкою его украсили уста.

11) Въ полѣ вѣетъ перелетный вѣтерокъ.—По вѣтру вѣй, по-Божью живи.—Повѣяло прохладой.—Началось вѣяніе ржи.—Вѣеромъ тумана не разгонишь.—Въ городѣ развѣваются флаги.

Не хвали вѣтра, не изв+явъ жита.—Мельницы бываютъ вѣтряныя и водяныя.—Лѣтомъ платье провѣтриваютъ.—Лицо завѣтрѣло.—Это человѣкъ вѣтреный.

В+теръ кручины не разв+етъ.—Не море топитъ корабли, а в+тры.—Мнѣ въ душу пов+яло жизнью и волей.—Камень выв+трился.—За богатство идетъ, в+трогонка, значитъ.—Въ воздухѣ какое-то пов+тріе.—В+ялъ холодъ въ лицо отъ угрюмыхъ небесъ.—Сильный в+теръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ.

12) Звѣзды мернутъ и гаснутъ.—Появилась на небѣ первая звѣздочка.—Прекрасно чистое звѣздное небо.—Группа зв+здъ составляетъ созвѣздіе.—Алмазныя зв+зды въ лазури горятъ.

13. На ловца и звѣрь б+житъ.—Трусливый сѣренькій звѣрекъ! великъ же твой испугъ.—Слона и б+лаго медв+дя можно видѣть въ звѣринцѣ.—На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ.—Бываетъ и въ человѣкѣ звѣрство.—Охотникъ напалъ на зв+риный слѣдъ.

14) Невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума.—Всѣ въ семьѣ спятъ, а невѣсткѣ молотить велятъ.

15) Свѣжая вода здоровѣе вина.—Какъ мой са-

дикъ свѣжъ и зеленъ!—Утренняя роса освѣжаетъ растенія.—Утро свѣжестью пахнуло.—Вѣтеръ началъ свѣжѣть и крѣпнуть.—На дворѣ свѣжо.—Въ жару пріятно освѣжиться купаньемъ.

16) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.—Спой, свѣтикъ, не стыдись! Свѣтлый мѣсяцъ въ тучкѣ скрылся.—Маленькая, свѣтленькая, весь міръ одѣваю (загадка).—Новая свѣтелка чисто прибрана.—Свѣтлякъ зажегъ свой фонарикъ.—Солнце свѣтитъ и добрымъ, и злымъ.—Небо просвѣтлѣло.—Свѣтаетъ:—На разсвѣтѣ птицы просыпаются.—Тускло свѣтится луна въ сумракѣ тумана.—Уже свѣтило дня на западѣ горитъ.—Свѣтильникъ тѣлу есть око.—Солнце освѣщаетъ и согрѣваетъ землю.—Масло кокосовой пальмы употребляютъ на освѣщеніе.—Умъ истиною просвѣщается, сердце любовью согрѣвается.—Просвѣщеніе ума и сердца доставляетъ человѣку благо.—Въ тучѣ показался просвѣтъ.—Въ нѣкоторыхъ городахъ улицы освѣщены электричествомъ.

Св+тъ въ храмѣ отъ свѣчи, а въ душѣ—отъ добра.—У кого есть подсвѣчникъ, тотъ и помѣщикъ.

Друзья! намъ св+титъ здѣсь луна.—Тускло осв+щенный блѣдною луной, городъ утомленный смолкъ во тьмѣ ночной.

На весь св+тъ и солнышко не усв+титъ.—Слабо осв+щаетъ бл+дный огонекъ дѣтскую головку и румянецъ щекъ.—Подъ грозой—вьюгой не расти цвѣтамъ, на в+тру—дождѣ не горѣть св+чамъ.

17) Весна красна цвѣтами, а осень—снопами.—Мотылекъ летитъ на цвѣтокъ.—Поговорка—цвѣточекъ, пословица—ягодка.—В+теръ подымаетъ цвѣточную пыль.—Дѣти рѣзвятся на цвѣтистомъ лугу.—Не расти травѣ послѣ осени, не цвѣсти цв+тамъ зимой по снѣ-

гу.—Цвѣлъ, да завялъ, выросъ, да пропалъ.—Дождались мы св+тлаго мая: цв+ты и деревья цвѣтутъ.—Ахъ, кабы на цв+ты не морозы, и зимой бы цв+ты расцвѣтали.—Юноша расцвѣлъ.—Розы отцвѣтаютъ.—Процвѣтай же славой в+чной, городъ храмовъ и палатъ!—Въ глуши расцвѣтшій василекъ вдругъ захирѣлъ, завялъ.—Разноцвѣтными огнями озеро блеститъ.

Росой окропились цв+ты на поляхъ.—Передъ домомъ раскинутъ цвѣтникъ.—Цв+ли, цв+ли цв+тики, да поблекли.—Чистая вода безцв+тна.—Весною степь зеленая цв+тами вся разубрана.—Св+титъ солнышко, да осенью; цв+тутъ цв+тики, да не въ пору.—На дворахъ и гумнахъ снѣгъ лежитъ полотномъ и отъ солнца блеститъ разноцв+тнымъ огнемъ.

18) Жаль разумное Божье созданье—человѣка въ грязи и съ сумой!—Родъ человѣческій умножается.—Безчеловѣчно смѣяться надъ старостью.—Шуба овечья, да душа человѣчья.

Повтореніе.

Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отв+тѣ.—Горе наше гречневая каша: +сть не хочется, да и покинуть жаль.—Злой челов+къ злѣе волка.—Б+лыя съ морозу вдоль пути рядами тянутся березы съ голыми сучками.—Съ гостями будь в+жливъ.—Злыя дѣла нарушаютъ спокойствіе сов+сти.—Съ горы б+житъ потокъ проворный.—На б+днаго вездѣ каплетъ.—В+ку мало, да горя много.—На добрый прив+тъ—добрый и отв+тъ.—Весело цв+тики въ полѣ пестрѣютъ; ихъ по ночамъ осв+жаетъ роса.—Весело птичкѣ на зеленой в+ткѣ.—Дума за горами, б+да за плечами.—В+теръ волнуетъ море.—На темномъ небѣ блещетъ яркая зв+зда.—Св+жему

яблочку пятнышко не укоръ.—Здоровье всего дороже, а б+дность всего хуже.—Добрыя в+сти прибавятъ чести.—Въ Москвѣ есть пріютъ для раненыхъ и ув+чныхъ воиновъ.—Об+щалъ и не сдѣлалъ.—Широко лежатъ поля б+лыя, высоко горятъ зв+зды яркія.—По когтямъ и зв+ря знать.—Невидимкою луна осв+щаетъ снѣгъ летучій.—Рожа крива, да сов+сть пряма.—На б+лку въ колесѣ народъ дивился.—Смола не вода, брань не прив+тъ.—Въ морѣ потопъ, въ пустынѣ зв+ри, а въ мірѣ б+ды да напасти.—Кареты одна за другой катились къ осв+щенному подъ+зду.—Св+чи восковыя ярче зв+здъ горятъ.—Въ нашемъ городѣ есть зв+ринецъ.—Б+лый снѣгъ сверкаетъ синимъ огонькомъ.—+детъ б+да на б+дѣ, б+ду б+дой погоняетъ.—День дологъ, а в+къ коротокъ.—Русскіе государи в+нчаются на царство въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.—Доброе молчаніе—чѣмъ не отв+тъ?—Многія зв+зды гораздо больше земли.—У Бога св+та съ начала св+та всего доспѣто.—На всякій цв+токъ пчелка садится, да не со всякаго цв+тка поноску беретъ.—В+рный слуга царю всего дороже.—Св+жее яичко просв+чиваетъ.—Сорокъ лѣтъ—бабій в+къ.—Спокойствіе сов+сти есть лучшее благо.—Въ мѣдномъ подсв+чникѣ тускло горѣла св+ча.—Голову +дятъ, тѣло бросаютъ, а кожу носятъ (загадка).—Богъ в+сть, что въ котомѣ есть; в+стимо тому, кто несетъ котому.—Пришла б+да — отворяй ворота.—Были бы кони, +здоки будутъ.—Сергѣй не в+далъ, какъ Алексѣй пооб+далъ.—Въ темнотѣ б+лѣетъ занав+съ окна.—Прив+тъ и любовь лучше всякихъ пировъ.—Былъ конь, да изъ+здженъ.

ДѢ.

1) Приходится вертѣться, когда некуда дѣться.—Три денежки въ день, куда хочешь, туда дѣнь.—Смѣло

вдѣнешь ногу въ стремя и возьмешь ружье.—Деревья одѣты инеемъ.—Растенія питаютъ и одѣваютъ насъ.—Сапогъ не надѣванъ, а дыра готова.—У богатаго одѣяльце въ соболяхъ, да подушка въ слезахъ.—Чижъ въ западнѣ рвался и метался, а голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.

То старина, то и дѣянье.—Весною въ поляхъ начинается дѣятельность.—Колотись, бейся, а все надѣйся.—Понадѣялся мужикъ.—Добродѣтель не въ словахъ, а въ честныхъ дѣлахъ.—Нашъ Авдѣй никому не злодѣй.—Чижа захлопнула злодѣйка-западня.—Нѣтъ дѣйствія безъ причины.—Дѣйствительность превзошла наши ожиданія.—Дѣйствующими лицами въ басняхъ бываютъ животныя, растенія и неодушевленные предметы.—Бездѣйствіе приноситъ съ собою скуку.—Обстоятельства содѣйствовали успѣху нашего дѣла.

Доброе дѣло два в+ка живетъ.—Маленькое дѣльце лучше большого бездѣлья.—Шли два пріятеля вечернею порой и дѣльный разговоръ вели между собой.—Наскоро дѣлать-передѣлать.—Такъ дѣлай, чтобъ не передѣлывать.—Изъ пеньки дѣлаютъ веревки, канаты и полотна.—Землю воздѣлываютъ земледѣльческими орудіями.—Нашъ Левка д+ла обдѣлываетъ ловко.—Не учи бездѣлью, учи рукодѣлью.—Эта овчинка выдѣлки не стоитъ.—Одни поддѣльные цвѣты дождя боятся.—Въ нашей церкви два придѣла.—Земледѣліе—самое главное занятіе русскаго народа.—Земледѣлецъ радостно встрѣчаетъ весну.

Крѣпка недѣля середою, а жизнь половиною.—Понедѣльникъ—тяжелый день (народная примѣта).

Престарѣлые люди живутъ въ богадѣльнѣ.

Свѣтъ великъ, да д×ться некуда.—Въ рогожу од×ться—людей отречься.—В×къ живи, в×къ над×й-

ся.—Не гляди на дѣло, гляди на отдѣлку.—Сдѣлавъ добро, не кайся.—Люди за дѣло, а мы за бездѣлье.—Мели, Емеля, твоя недѣля.

2) Разъ въ крещенскій вечерокъ дѣвушки гадали.—По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой.—Дѣвочки и мальчики рвутъ цвѣты.—Коса—дѣвичья краса.—На дѣвичникѣ поются грустныя пѣсни.—На сѣверѣ Россіи стоятъ дѣвственные лѣса.—Въ Москвѣ есть Новодѣвичій монастырь.

3) Тужитъ дѣдъ, что худо одѣтъ.—Сиротинушка нашъ дѣдушка: ни отца, ни матери.—По стѣнамъ (избы) укладки съ дѣдовскимъ добромъ.—Прадѣды кушали просто, да жили на свѣтѣ лѣтъ со сто.

4) Вмѣстѣ жить—все дѣлить.—Не съ кѣмъ грусть и радость раздѣлить.—Надъ хвастунами хоть смѣются, а часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.—Туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака.—Есть всему предѣлъ и мѣра.—Милость Божія безпредѣльна.—Никогда не слѣдуетъ откладывать дѣла на неопредѣленное время.—Мнѣ въ удѣлъ досталось лишь страданье.

5) Дѣти милы отцу и матери.—Дѣтки хороши—отцу, матери вѣнецъ, худы—отцу, матери конецъ.—Дѣточки проснулись.—Дѣтина обликомъ хорошъ, да къ дѣлу никуда не гожъ.—На лужайкѣ дѣтскій крикъ.—Дѣтство—счастливая пора жизни.

6) Первобытные обитатели Америки индѣйцы, эскимосы и алеуты.—Мясо индѣйки вкусно.—Глупъ, какъ индѣйскій пѣтухъ

ЗѢ.

1) Кто зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ.—Пойду погулять, на бѣлый свѣтъ позѣвать.—Не разѣвай рта: ворона влетитъ.—За слономъ толпы зѣвакъ ходили.—

Звѣрь разинулъ зѣвъ.—На гостей напала зѣвота.—Прозѣвалъ татаринъ во снѣ кисель.—Зазѣвалась лиса на воронъ да и свалилась въ яму.

2) Береги здоровье, какъ зѣницу ока.—Зѣнки съ плошку, а не видятъ ни крошки.

ЛѢ.

1) Лѣвая рука слабѣе правой.—Дорога повернула налѣво.—Влѣво отъ насъ простирались обширныя равнины.—Этотъ мальчикъ—лѣвша.

2) Медъ ѣсть—въ улей лѣзть.—Безъ рукъ, безъ ногъ лѣзетъ на батогъ (загадка).—Къ крестьянину на дворъ залѣзъ осенней ночью воръ.—Напала на кошку спесь: хочетъ съ печки слѣзть.—Влѣзъ по поясъ, полѣзай по горло.—Залѣзъ въ богатство, забылъ и братство.—Лѣстницу метутъ сверху.

3) Живи съ разумомъ, такъ и лѣкаря не надо.—Отъ смерти нѣтъ лѣкарства.—Шалфей—лѣкарственная трава.

Врачъ лѣчитъ, смерть губитъ.—Самого себя лѣчить—только портить.—Не лѣчиться худо, а лѣчиться еще хуже.—Вода употребляется, какъ лѣчебное средство.—Нѣкоторыя болѣзни неизлѣчимы.—Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись.

4) Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ.—Лѣность—мать всѣхъ пороковъ.—Кто лѣнивъ, тотъ сонливъ.—Лѣнивый весь день на печи лежитъ.—Нянюшка лѣниво колыбель качаетъ.—Встань поутру, не лѣнись, мыломъ вымойся, утрись.—Лѣнь лѣнтяю и пальцемъ пошевелить.—Лѣниться не годится.

5) Не наше дѣло горшки лѣпить, а наше ихъ колотить.—Ласточка лѣпитъ гнѣздо, а пчела—соты.—Гли

на очень лѣпка.—Потолокъ украшенъ лѣпкою работой.—Мастеръ приготовилъ изъ гипса слѣпокъ.—Вьюга мнѣ слѣпила очи.—Божье крѣпко, а вражье лѣпко.—Бояться темноты нелѣпо.—Закатъ солнца на морѣ—великолѣпное зрѣлище.

6) Былъ бы лѣсъ, лѣшій будетъ.—За деревней поле, а за полемъ—лѣсокъ.—Лѣсные орѣхи вкусны.—На краю лѣса стоитъ изба лѣсника.—За казеннымъ лѣсомъ наблюдаетъ лѣсничій.—Небольшой лѣсъ, прерывающійся полями, называется перелѣскомъ.—Чернолѣсье состоитъ изъ лиственныхъ деревьевъ, а краснолѣсье—изъ хвойныхъ.—Мы видѣли полѣсье.—Глядя на лѣсъ, не вырастешь.

7) Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ.—Молодъ лѣтами, да старъ дѣлами.—Лѣтній день долгъ.—Согнута въ дугу, лѣтомъ на лугу, зимой на крюку (загадка).—Лѣтописецъ Несторъ въ своей лѣтописи разсказываетъ о нравахъ и обычаяхъ древнихъ славянъ.—Порохъ изобрѣтенъ въ XIV столѣтіи.—Малолѣтнія дѣти нуждаются въ помощи взрослыхъ.—Каково лѣто, таково и сѣно.

8) Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся.—Въ саду цвѣли блѣдноватыя розы.—Лицо покрыла блѣдность.—Въ добромъ житьѣ краснѣютъ, а въ худомъ блѣднѣютъ.—Поблѣднѣли цвѣты, пожелтѣла трава.

9) Деньги—желѣзо, платье—тлѣнъ.—Золотой молотокъ и желѣзныя двери отворяетъ.—Магнитный желѣзнякъ притягивается магнитомъ.

10) Не бойся, калѣка, добраго человѣка.—Лошадь искалѣчена.—Искалѣченный человѣкъ неспособенъ къ труду.—Не старость калѣчитъ,—горе.

11) Злые люди добраго человѣка въ чужой клѣти поймали.—Пташкѣ вѣтка лучше золотой клѣтки.—Крестьянка купила клѣтчатый платокъ.

12) Пьяному море по колѣно, а лужа по уши.—По колѣни ноги оттопталъ.—Родъ человѣческій раздѣляется на нѣсколько поколѣній.—На солончаковой почвѣ растутъ однѣ дряблыя, колѣнчатыя травы.

13) Дѣдъ лелѣетъ внука.—Взлелѣяли его, вскормили, а онъ и знать никого не хочетъ.

14) Обомлѣлъ отъ страха.—Все млѣетъ, томится отъ жары.

15) Тяжело жить въ плѣну.—Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ.—Вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей.—Лисица видитъ сыръ, лисицу сыръ плѣнилъ.—Родина плѣняетъ насъ воспоминаніями дѣтства.

16) Плѣсень есть скопленіе мельчайшихъ грибковъ.—Вода въ прудѣ заплѣсневѣла.—Заплѣсневѣвшій хлѣбъ вреденъ.

17) На дѣтинѣ плѣшь не укоръ —Не бывать плѣшивому кудрявымъ.—Плѣшивость есть слѣдствіе болѣзни волосъ.—Многіе рано плѣшивѣютъ.

18. Полѣно къ полѣну—костеръ.—Борода по колѣно, а дровъ ни полѣна.—Изъ полѣньевъ составляется полѣнница

19) Безъ снѣгу нѣтъ слѣду.—Человѣкъ обязанъ слѣдить за своими поступками.—Охотникъ выслѣдилъ звѣря.—Воровство - послѣднее ремесло.—Деньги пропали безслѣдно.—Ученый видитъ, а неученый слѣдомъ ходитъ.—За радостью часто слѣдуетъ горе.—Нужно преслѣдовать въ жизни серьезныя цѣли.—Отецъ оставилъ сыну въ наслѣдство доброе имя.—Докторъ изслѣдуетъ причину болѣзни.—Въ сочиненіи ученика нѣтъ послѣдовательности въ изложеніи мыслей.—Оставилъ наслѣдника—сына и старую гвардію онъ (Наполеонъ I).

20) Слѣпой зрячему не товарищъ.—Слѣпецъ слѣпцу

глаза колютъ, а оба ни зги не видятъ.—Слѣпень—горемыка и съ соломинкой летитъ.—Корысть глаза слѣпитъ.—Ослѣпнулъ нашъ дѣдушка, одряхлѣлъ.—Нѣкоторые люди страдаютъ куриною слѣпотой.—Ослѣпительный блескъ молніи освѣтилъ намъ дорогу.—Нельзя всему слѣпо вѣрить.

21) Телѣга запѣла: давно дегтю не ѣла.—Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.—Проѣхалъ мужикъ въ телѣжонкѣ, на тощей лошадкѣ.

22) Безъ соли, безъ хлѣба—половина обѣда.—Дадутъ хлѣбца, дадутъ и дѣльца.—Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ.—Хлѣбъ пекутъ или сами хозяева, или хлѣбники.—Хлѣбопашество—самое важное занятіе поселянъ.—Чужой хлѣбъ горекъ.

23) Чужой ротъ не хлѣвъ: не затворишь.—Знай телокъ, свой хлѣвокъ.—Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ (загадка).—Былъ хлѣвишко, да и тотъ сгорѣлъ.

МѢ.

1) Мѣдь и желѣзо—простые металлы, золото и серебро—благородные.—И мѣдныя деньги не тягость.—Мѣдникъ дѣлаетъ самовары изъ мѣди.—Мѣдянка—ядовитая змѣя.

2) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ.—Солнце садилось за мѣловыя горы.—Это надо въ трубѣ мѣлкомъ записать.

3) Промѣнялъ кукушку на ястреба.—Безмену пѣстъ не замѣна.—Волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мѣняетъ.—Хамелеонъ—большая ящерица, мѣняющая цвѣтъ своей кожи.—Радость измѣнила.—Другъ вѣренъ и неизмѣненъ.—Измѣнника презираютъ.—Все на свѣтѣ измѣнчиво да перемѣнчиво.—Это человѣкъ отмѣнной доброты.—Не вымѣнять у свиньи шкуры и за куній мѣхъ.—

Облака быстро исчезаютъ и измѣняются.—Размѣнялъ рубли на пятаки.—Въ десять л×тъ произошло много перемѣнъ.

4) В×съ да мѣра до грѣха не допустятъ.—Въ тишинѣ раздавались мѣрные шаги часовыхъ.—Мѣрно вздымались косматыя волны.—Какъ кому вѣрятъ, такъ тому и мѣрятъ.—Линія имѣетъ одно измѣреніе.—Доброе намѣреніе должно приводить въ исполненіе съ возможною скоростью.—Десять разъ примѣрь, одинъ отрѣжь.—Хорошій примѣръ лучше правила.—Суворовъ совершилъ безпримѣрный въ исторіи походъ въ Швейцарію.—Умѣрьте ваши желанія.—Умѣренность есть лучшій пиръ.—Какой-то муравей былъ силы непомѣрной.—Чрезмѣрные труды разстраиваютъ здоровье.—Передъ нами разстилались неизмѣримыя поля.—Гдѣ любовь нелицемѣрная, тамъ надежда в×рная.

5) Толокномъ Волгу не замѣсишь.—Замѣсила прѣсно, да посадила тѣсно.

Не мѣшай д×ла съ безд×льемъ.—Смѣшались въ кучу кони, люди.—Нѣтъ такого удовольствія, которое бы не было перемѣшано съ горечью.—Быть бы ненастью, да дождь помѣшалъ.—Борода д×лу не помѣха.—Суглинистая почва состоитъ изъ смѣси глины и песку.

6) И мѣсяцъ св×титъ, когда солнца нѣтъ.—Ночь была мѣсячная.—Журналъ выходитъ ежемѣсячно.—Кучеръ получаетъ жалованье помѣсячно.—Надъ рѣкою всталъ и смотритъ полумѣсяцъ молодой.

7) Не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ м×сто.—Болотистая мѣстность вредна для здоровья.—Въ одномъ изъ помѣстій жилъ баринъ.—Прекрасенъ сосѣдній помѣщичій л×съ.—Мѣстные жители занимаются огородничествомъ.—Не всякая шутка умѣстна.—Бочка вмѣщаетъ сорокъ ведеръ.—Мѣщане занимаются реме-

слами.—Помѣщеніе неудобно.—Мѣстоположеніе города прекрасно.—Вмѣстѣ тѣсно, а порознь скучно.—Играй и рѣзвись, покамѣстъ не пришло время учиться.

8) Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.—Охотникъ сдѣлалъ мѣткій выстрѣлъ.—По замѣткѣ и примѣта.—Время проходитъ незамѣтно.—Ночью на чистомъ небѣ легко примѣтить полярную звѣзду.—Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ вздоръ.—Въ рѣкѣ замѣтна убыль воды.—Аспидъ—замѣчательная ядовитая змѣя.—Силы больного примѣтно слабѣютъ.—Примѣчай будни, а праздники сами будутъ.—Бураго коня и за рѣкой примѣчаютъ.—Будь примѣтливъ, да не будь извѣтливъ.—Смѣтливъ воръ на худой запоръ.—Рѣжетъ волкъ и мѣченую овцу.—Орѣшника, березняка и вязу мой Мишка погубилъ несмѣтное число.

9) Лучшіе мѣха привозятъ изъ Сибири.—Моль портитъ мѣховое и шерстяное платье.—Вѣкъ изжить—не мѣхъ сшить.—Изъ бѣличьихъ шкуръ выдѣлываютъ мѣха́.—Кузнецъ раздуваетъ мѣхи́.

Запасъ мѣшку не порча.—Платье сидитъ мѣшковато.

Нечего мѣшкать, нужно приниматься за дѣло.—Скоро сказка говорится, дѣло мѣшкотно творится.

10) Не отъ голоду змѣя кусаетъ, а отъ злости.—Бумажный змѣй поднялся высоко.—Отъ села до села вьется змѣйкой дорожка.—Мудрость змѣина, кротость голубина.—На дорогѣ лежитъ змѣиная чешуя.

11) Смѣлый приступъ не хуже побѣды.—И радъ бы спѣлъ, да голосъ не смѣлъ.—Сердце соколье, да смѣлость воронья.—Звонить не умѣю, а перестать не смѣю.—Про доброе дѣло говори смѣло.—На такое дѣло осмѣлиться трудно.

12) Безсильному не смѣйся и слабаго обидѣть не

моги.—Не смѣйтесь надъ тѣмъ, кто падаетъ.—И смѣхъ наводитъ на грѣхъ.—Молоденекъ надъ старостью смѣяться.—Левъ страшенъ, обезьяна смѣшна.—Кто растрепанъ, не умытъ, тотъ собой людей смѣшитъ.—Ѣдкая насмѣшка рѣжетъ больнѣе ножа.—Слезливый слезами обольется, а смѣшливый со см×ху надорвется.—Въ басняхъ осмѣиваются людскіе пороки.—Надъ другими посмѣялся, надъ собой поплачешь.—Тяжело стать посмѣшищемъ людей.

Повтореніе.

На Бога над×йся, а самъ не плошай.—Съ утра до вечера ты спишь или з×ваешь.—Воръ вл×зъ въ кл×ть.—Л×съ обнажился, поля опустѣли.—Ржа жел+зо ×стъ, а печаль сердце.—Пл×шивый—человѣкъ фальшивый.—Посл×дняя надежда исчезла.—У сл+пого глаза на пальцахъ.—Вору висѣлица—неизм+нный другъ.—На свой аршинъ не м+рь.—М+сяцъ май и тепелъ, да голоденъ.—Шила въ м+шкѣ не утаишь.—Нѣтъ ничего глупѣе глупаго см+ха.—См+лость города беретъ.—Прим+ты есть хорошія, а есть и б+докурныя.—Счетъ дружбѣ не помѣха.—Безъ м+ры и лаптя не сплетешь.—Д+вичьи думы изм+нчивы.—Коли хл+ба край, такъ и подъ елью рай.—Сл+пому и св+тъ темнота.—Богъ велитъ посл+днюю крошку д+лить.—Береги и пол+но—въ печку годится.—У семи нянекъ дитя кал+ка.—Морозъ жел+зо рветъ и на лету птицу бьетъ.—Въ большихъ л+сахъ живутъ медв+ди.—Л+ность наводитъ б+дность.—Сонъ дороже л+каря.—Въ классѣ быть, такъ не з+вать.—Всѣмъ людямъ назначена пред+ломъ жизни смерть.—Д+душкѣ св+чка—лучинка съ печки.—Сд+лавъ худо, не жди добра.—Св+тъ великъ, да д+ться некуда. Середа прошла—и нед+ля вся.—Птичка надъ

моимъ окошкомъ гнѣздышко для д+токъ вьетъ.—Проз+валъ бражку, такъ водицу хлебай.—Отверзлись в+щія з+ницы, какъ у испуганной орлицы.—Отъ старости могила л+читъ.—У л+нивой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.—Л+сомъ шелъ, а дровъ не видалъ.—Люди рады л+ту, а пчела цв+ту.—Золото жел+зо рѣжетъ.—И по заячьему сл+ду доходятъ до медв+дя.—Лучше хл+бъ съ водою, чѣмъ пирогъ съ б+дою.—М+нялъ тихо, а вым+нялъ лихо.—Счетъ да м+ра—безгрѣшная в+ра.—См+лымъ Богъ владѣетъ.—Не см+йся, горохъ: не лучше бобовъ.—Д+лай д×ло Божье, свое само сд+лается.—Д+душка въ избѣ на печи ложится и ужъ спитъ себѣ.—Никто живой пред+ла своего не изв+даетъ.—Вдовецъ д+ткамъ не отецъ, а самъ круглый сирота.—Сладкимъ портятъ, горькимъ л+чатъ.—Отъ л+ни губы обвисли.—За деревьями л+су не видно.—Ржа жел+зо +стъ, а печаль сердце.—Въ густой тѣни л+сныхъ трущобъ таятся филины и совы.—Съ дуракомъ говорить, что въ стѣну горохъ л+пить.—Поросенокъ все въ грязь л+зетъ.—Пустился в+теръ въ море и многимъ сд+лалъ горе.—В+къ живи, в+къ над+йся.—Готовь л+томъ сани, а зимой тел+гу.—Прим+ръ сильнѣе угрозы.—Слову в+ра, хл+бу м+ра, деньгамъ счетъ.—Во что м+тилъ, въ то и попалъ.—У зм+и тѣло гибкое.—Радъ бы заплакать, да см+хъ одолѣлъ.—Л+нь добра не д+лаетъ, безъ хл+ба об+даетъ.—Зимой и л+томъ однимъ цв+томъ (загадка). Краденая лошадь не въ прим+ръ дешевле купленной.—Въ чемъ живетъ см+хъ, въ томъ и грѣхъ.

НѢ.

1) Есть нѣта лучше.—Нѣтъ денегъ передъ деньгами.—Отъ д+ла не отнѣкивайся.—Изъ нѣта не выкроешь естя.

2) Нѣкто сказалъ нѣчто о нѣкоторомъ дѣлѣ и повторилъ это нѣчто нѣсколько разъ.—Нѣкогда жилъ царь, который никогда не воевалъ, потому что ему было некогда.—Славяне нѣкогда были язычниками.

3) Воля батюшкина, нѣга матушкина.—Нѣтъ друга нѣжнѣе матери.—Печка нѣжитъ, а дорожка учитъ.—Изнѣженность вредитъ здоровью.—Мать нѣжно качаетъ въ колыбели ребенка.

4) Коли нѣмъ, такъ глухъ и нѣмъ.—Нѣмой по неволѣ слушаетъ, не споритъ.—И никто не знаетъ, что въ нѣмой тоскѣ сирота рыдаетъ въ темномъ уголкѣ.—Тишина нѣмая въ улицахъ пустыхъ.—Подъ ледяной своей корой ручей нѣмѣетъ.—Природа находилась въ какомъ-то онѣмѣніи.

Что русскому здорово, то нѣмцу смерть.—Славяне нѣмцевъ считали нѣмыми.—Мы учимся говорить по нѣмецки.—Моя мать была нѣмка.

5) Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.—Гнѣваться—человѣческое, а зло помнить—дьявольское дѣло.—Гнѣвайся, да не согрѣшай.—Неправдою жить—Бога прогнѣвить.

6) Тройка гнѣдыхъ лошадей быстро мчала тарантасъ.—У бѣднаго Гнѣдка разбиты ноги.

7) Гнѣзда цѣлы, а птицы улетѣли.—Гнѣздо ласточки разорять грѣхъ.—Птичка свила гнѣздышко.—Дикія пчелы гнѣздятся въ дуплахъ старыхъ деревьевъ.

8) Южная Русь долго выдерживала упорную борьбу съ разными кочевыми народами: печенѣгами, половцами, татарами и др.—Печенѣжскіе князья нерѣдко вступали въ родственныя отношенія съ русскими князьями.

9) Вѣтеръ снѣгъ съѣдаетъ.—Выпалъ первый снѣжокъ.—Зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошитъ.—Вѣтеръ нанесъ снѣжные сугробы.—Сегодня

снѣжитъ.—Прошлогодняя зима была безснѣжна.—Дѣти играютъ въ снѣжки.—Вдали бѣлѣли снѣговыя горы.

ПѢ.

1) Хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши.—Не всякая пѣснь до конца допѣвается.—Пѣтухъ плохой пѣвецъ.—Я рощамъ возвратилъ пѣвицу, я возвратилъ свободу ей.—Кукушка и пѣтухъ пѣвчія птицы.—Одна пѣвунья-ласточка подъ крышей обжилась, свила, слѣпила гнѣздышко, дѣтьми обзавелась.—Пѣсенка допѣта.—Пѣсельникъ лихой вдругъ промчался въ полѣ съ тройкой удалой.—Не умѣя пѣть, въ запѣвалы не суйся.—Въ морозной дали тихо потонулъ и напѣвъ печали, и тоски разгулъ.—По пляскѣ погудка, по пѣснѣ припѣвъ.—Вьюги зимнія, вьюги шумныя напѣвали намъ пѣсни чудныя.—Красны дѣвицы надъ рѣчкой пѣсни распѣваютъ.—Будемъ жить припѣваючи.

И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбръ.—Два молодые пѣтушка подрались.—Пѣтушьимъ гребнемъ головы не расчешешь.—Что ты такъ распѣтушился?

2) Мотая хвостомъ, за нагруженной снопами телѣгой чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій.

3) Два борова дерутся, промежъ нихъ пѣна валитъ (загадка).—Было бы сѣмечко, будетъ и пѣночка.—Съ этого добра пѣнки не сымешь.—Море бурлитъ и пѣнится.—Вспѣнились синія волны.—Пріятенъ холодный пѣнистый квасъ.

4) Сердце—пѣстунъ, душа—дядька.—Пѣстовали, лелѣяли дитятко и вырастили себѣ на горе.

5) Волнуясь конница летитъ, пѣхота движется за нею.—Въ нашемъ городѣ стоитъ одинъ пѣхотный полкъ.

Пѣшій конному не товарищъ.—Отъ неожиданности опѣшилъ, растерялся.—Стоитъ, какъ пѣшка.—Конные

воины спѣшились.—Счастье ×здитъ въ каретѣ, а съ умомъ идетъ пѣшкомъ.—Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ показались богомолки.

6) Л×томъ хл×бъ станетъ спѣть.—Кипитъ прѣетъ, къ об×ду поспѣетъ.—Спѣлое яблоко само съ дерева валится.—Жатва поспѣла, и серпъ изостренъ.—За в×тромъ въ полѣ не поспѣеть.—Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медв×дь насѣлъ.—Хорошіе успѣхи д×тей лучшее утѣшеніе для родителей.—Д×ло идетъ успѣшно.—Подоспѣло время жатвы.—Ягоды переспѣли.

Спѣшить не спѣши, а поторапливайся.—Подождемъ: намъ не къ спѣху.—Воинъ над×лъ свои доспѣхи.—Мы поспѣшно собрались въ дорогу.—Не сп×ши языкомъ, торопись д×ломъ.

РѢ.

1) Орелъ рѣетъ въ вышинѣ.—Въ темнотѣ слышно было рѣяніе большихъ крыльевъ.—Ручей рѣетъ въ песку.

Рѣка плавно катитъ свои волны. -Въ густыхъ камышахъ извивалась рѣчка.—Маленькая рѣчонка терялась въ оврагѣ.—По бархатнымъ лужкамъ течетъ, струится рѣченька къ безв×стнымъ бережкамъ.—Тихо шумѣлъ прирѣчный камышъ.

2) Отъ частаго сита рѣдкіе пироги.—Первый опытъ рѣдко удается.—Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.—Въ музеяхъ много рѣдкостей.—Волосы на головѣ порѣдѣли.—Заливныя озера нерѣдко высыхаютъ отъ л×тнихъ жаровъ.—Л×съ становился все рѣже и рѣже.—Изрѣдка вдали вспыхиваетъ молнія.—Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи.

3) Добра снѣдь и рѣдька, коли нѣтъ рыбы.— Вретъ, какъ рѣдьку садитъ.

4) Зарѣзалъ волкъ овцу.—Домъ снаружи украшенъ рѣзьбой.—Передніе зубы называются рѣзцами.—Дулъ рѣзкій вѣтеръ.—Въ избѣ кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.—Спѣлый хлѣбъ срѣзали серпами.—Поле перерѣзано неглубокими оврагами.—У ребенка прорѣзываются зубы.—Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристанетъ.—Каково сукно, таковы и обрѣзки.—Крупныя капли дождя рѣзко застучали по листьямъ.—Печати приготовляетъ рѣзчикъ.—Наотрѣзъ отказано въ просьбѣ.—Стекло рѣжутъ алмазомъ.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

Въ водѣ, по близости у берега крутого, плотичка рѣзвая жила.—Возлѣ лѣса, въ деревушкѣ, съ мамой дѣвочка жила, и у маленькой рѣзвушки красна шапочка была.—Рѣзвился, веселился да въ яму и свалился.— Не довольно ли учиться, не пора ли порѣзвиться?— Надъ Невою рѣзво вьются флаги пестрые судовъ.

5) Рѣпа да горохъ для проѣзжихъ воровъ.—Посадилъ дѣдъ рѣпку, выросла большая, пребольшая.

6) Рѣсница выпадетъ—къ подарку.—Въ глазъ попалъ рѣсничный волосокъ.

7) Книгопечатаніе изобрѣтено Гуттенбергомъ.—Паровая машина—важное изобрѣтеніе.—Кто пріобрѣлъ себѣ друзей, тотъ долженъ ими дорожить.—Злое пріобрѣтеніе не кормитъ.—Пріобрѣтай доброе имя въ молодости.—Всякое научное свѣдѣніе пріобрѣтается трудомъ.

Встрѣтилъ съ радостью, а проводилъ съ жалостью.— По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.—На первой встрѣчѣ да нехорошія рѣчи.—Встрѣчный вѣтеръ затруднялъ движеніе лодки.—Въ Срѣтеніе зима съ лѣ-

томъ встрѣчаются.—Навстрѣчу мнѣ только версты полосаты попадаются однѣ.

8) Глупая рѣчь не пословица.—Умныя рѣчи весело и слушать.—Рѣчистъ, да на руку нечистъ.—Славянскія нарѣчія разнообразны.—Въ книгѣ встр+тилось противорѣчіе.

9) Рѣшетомъ воды не наносишь.—Жел+зная рѣшотка крѣпка.—Одна изъ костей черепа называется рѣшотчатой.

10) Что рѣшилъ міръ, того не перерѣшишь.—Нерѣшительность часто портитъ д+ло.—Порѣшили д+ло: все кругомъ молчитъ; только Волховъ см+ло о быломъ шумитъ.

Гдѣ сшито на живую нитку, тамъ жди прорѣхи.

11) Апрѣль съ водою, а май съ травою.—Апрѣльскіе дожди не такъ полезны для полей, какъ майскіе.—Апрѣль сопрѣлъ.

12) На грѣхъ мастера н+тъ.—Не грѣшна, а пов+шена (птица).—Богъ хочетъ исправить грѣшника.—Тѣло согрѣшило, а душа отв+чай.—Безгрѣшна человѣка на св+тѣ н+тъ.—Грѣшно роптать на Бога.—Согрѣшающихъ видимъ, а кающихся Богъ в+сть.

13) Зрѣлый плодъ самъ падаетъ.—Хл+бъ зрѣетъ.—Клубника созрѣла.—Зрѣлость ума пріобр+тается въ періодъ мужества.—Зрѣло обдумай твой поступокъ.

(Очки не дадутъ сл+пому зрѣнія.—Презрѣніе есть лучшій отв+тъ на насм+шки.—Сироту призрѣли добрые люди.—Узрѣли мы поля родныя.—Языческія воззрѣнія на міръ р+зко отличаются отъ христіанскихъ. Корень *зр,—зер*).

14) Молодость крѣпка плечомъ, а старость головою.—Крѣпко царство казною.—Не давши слова, крѣпись, а давши—держись.—Не всякому в+рь,—запирай

покрѣпче дверь.—В+теръ крѣпчаетъ.—Движенія на воздухѣ укрѣпляютъ здоровье.—На берегу р+ки стоитъ сильное укрѣпленіе.—Нужно подкрѣпить свои силы.—Осажденные получили подъ вечеръ подкрѣпленіе.—Полезенъ русскому народу насъ укрѣпляющій морозъ.—Онъ мосты мостилъ крѣпко-накрѣпко, д+льно-над+льно (Был. объ Ильѣ Мур.).—Дубовый л+съ очень кр+покъ.

15) +стъ орѣхи, а въ зипунѣ прор+хи.—Передъ домомъ большое орѣховое дерево.—Старый дубъ уронилъ жолудь подъ кустъ орѣшника.

16) Прѣсна р+ка, а соли не проситъ.—Прѣсное тѣсто найдетъ м+сто.—Хл+бъ прѣсноватъ.

17) Свирѣпъ быкъ, да лямку тянетъ.—Погода пуще свирѣпѣла.—Пожаръ свирѣпствовалъ два часа.—Тигръ отличается свирѣпостью.—Зв+рь разсвирѣпѣлъ.

18) Горе, что стрѣла, разитъ.—Въ морѣ стрѣлка не безд+лка.—Въ камень стрѣлять, только стрѣлы терять.—Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.—Стрѣльцы встарину составляли постоянное войско.—Часовой выстрѣлилъ изъ ружья.—Раздался громкій выстрѣлъ.—Птицѣ подстрѣлили крыло.—Перестрѣлка за холмами; смотритъ лагерь ихъ и нашъ.—Нашъ пострѣлъ вездѣ посп+лъ.—Охотникъ разстрѣлялъ всѣ заряды и не убилъ ни одной птицы.—Куда ты б+жишь, пострѣленокъ?

19) Воробьи забились подъ застрѣху.

20) Хрѣнъ рѣдьки не слаще.—Сурово зелье хрѣнъ да р+дька.—А онъ, старый хрѣнъ, заупрямился.

Повтореніе.

И глухъ, и н+мъ, а счетъ ведетъ (загадка.)—Яркій сн+гъ сіялъ въ долинѣ, сн+гъ растаялъ и ушелъ.—П+снею коня не накормишь.—Кто см+лъ, тотъ вездѣ посп+лъ.—Въ р+кѣ б+житъ гремучій вилъ.—Р+жь да

+шь, ломай да намъ давай.—Изъ одной печи, да не однѣ р+чи.—Смолоду прор+ха, въ старости дыра.—Умъ разумомъ кр+покъ.—Есть озера пр+сныя и соленыя.—Свищуть стр+лы каленыя, копья кр+пкія трещатъ.—Медв+дь—самое страшное и свир+пое животное нашихъ л+совъ.—Не разгрызешь ор+ха, не съ+шь и ядра.—Молодость не гр+хъ, а старость не см+хъ.—Сладкія р+чи—ядъ, горькія—л+карство.—Игра въ шахматы изобр+тена персами.—Изр+дка и лжецъ правду скажетъ.—Р+дьки хвостъ на Великій постъ.—Проточные пруды образуются изъ запруженной воды въ р+кахъ, р+чкахъ и ручьяхъ.—Не сп+ши карать, сп+ши миловать.—Нужда изъ Сызрани п+шкомъ въ Москву шла.—По п+снѣ и голосъ.—Кто гн+въ свой одолѣваетъ, кр+покъ бываетъ.—Безъ языка и колоколъ н+мъ.—Орелъ вьетъ гн+зда на высокихъ скалахъ.—Куда зап+вало, туда и подголоски.—Идетъ домой п+шкомъ съ м+шкомъ.—Волга р+ка глубокая, раздольная, широкая, привольная.—Тѣнь полночная р+дѣетъ, золотитъ заря востокъ.—Друзья радостно встр+тились послѣ долгой разлуки.—Погоди: твоя р+чь впереди.—Летаютъ сны мучители надъ гр+шными людьми, а ангелы-хранители бесѣдуютъ съ д+тьми.—Не ищи мудрости, ищи кр+пости.—Дали ор+ховъ б+лкѣ, когда зубовъ не стало.—Минутная стр+лка движется быстрѣе часовой.—Ор+хи—д+вичьи потѣхи.—Паденіе Новгорода было неизб+жнымъ сл+дствіемъ р+шительнаго нам+ренія Іоанна III установить единодержавіе.—Р+шетомъ въ водѣ зв+зды ловитъ.—Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ шелъ подъ вечеръ л+скомъ, и повстр+чали вдругъ медв+дя носомъ къ носу.—Тамъ, за р+чкой тихоструйкой, есть высокая гора, въ ней глубокая нора.—Учился читать да писать, а выучился п+ть да плясать.—Оттого кукушка по чу-

жимъ гн×здамъ б+дуетъ, что своего н+тъ.—Не заказано в+тру свободному п+ть тоскливыя п+сни въ поляхъ.—Служилъ семь л+тъ, выслужилъ семь р+пъ, да и тѣхъ н+тъ.—Съ гр+хомъ бранись, а съ гр+шникомъ мирись.—Р+ки образуются изъ многихъ ручейковъ.—И на нивѣ въ зной томительный звонкихъ п+сенъ не слыхать.—По селу п+тухи перекликнулись.—П+сня вся, больше п+ть нельзя.—Мелка р+ка, да круты берега.

СѢ.

1) Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя въ поле свое.—Сѣй, разсѣвай да на небо взирай.—Сѣютъ—плачутъ, молотятъ—скачутъ.—Сѣющій слезами радостью пожнетъ.—Посѣяли съ лукошко, такъ и выросло немножко.—Начался посѣвъ ярового хл+ба.—Озеро усѣяно островами.—Усадьба наша окружена засѣянными полями.—По небу летятъ пушистыя разсѣянныя тучи.—Дѣти часто отличаются разсѣянностью.

Всякое сѣмя знаетъ свое время.—Растенія выростаютъ изъ сѣмени.

2) Сѣверъ холодомъ, а югъ жаромъ донимаютъ.—Подуло съ сѣверной сторонушки и мой садикъ занесло.

3) Волосомъ сѣдъ, а сов+сти н+тъ.—Сѣдые туманы плывутъ къ облакамъ.—Цв+тъ старости—сѣдина.—Ни сѣдиночки н+тъ на немъ—весь пл+шивый.

4) Ночью тянулся извозчикъ, высматривая запоздалаго сѣдока.—Пароходъ сѣлъ на мель.—Крестьянинъ ахнуть не усп+лъ, какъ на него медв+дь насѣлъ.—Насѣдка клохчетъ, чтобъ цыплятъ не растерять.—Какія в+сти! укралъ воръ п+туха съ нас+сти.—Двери покривились, полы осѣли.—По образу жизни люди разд+ляются на дикихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ.—Въ разсѣлинѣ скалы орелъ свилъ гн+здо.—Предсѣдатель занялъ м+сто, и засѣданіе открылось.

Дураку спесь, какъ коровѣ сѣдло.—Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью.—Осѣдлаю коня, коня быстраго.—Въ лавкѣ продають хомуты и сѣдла.—Зовутъ къ сосѣду на веселую бесѣду.—Сосѣдка, перестань срамиться!—Сосѣдушка, мой св+тъ, пожалуйста, покушай!—Въ сосѣднемъ домѣ живетъ столяръ.—Мы жили по сосѣдству.

Въ саду у насъ бесѣдка.—Интересно бесѣдовать съ челов×комъ опытнымъ.—Мой пріятель веселый собесѣдникъ.—Нашего непосѣда ни дома, ни у сосѣда.

5) Ѣду, ×ду, сл×ду н×ту; сѣку, сѣку, крови н×ту.—Л×съ сѣчь не жалѣть плечъ.—Острою сѣкирой ранена береза: по корѣ сребристой покатились слезы.—Войска сошлись, и началась злая сѣча.—Много ученъ, да не досѣченъ.—Равнина Сибири пересѣчена нѣсколькими в×твями горъ.—Ружье дало осѣчку.—На цѣлую версту тянулась л×сная просѣка.—Д×душка живетъ на пасѣкѣ.—Пчела самое полезное насѣкомое.—Въ л+су раздавался топоръ дровосѣка.—Съ радости кудри вьются, съ печали сѣкутся.

6) Сѣно гніетъ—р+ка растетъ.—Сегодня, д+ти, мы по+демъ на сѣнокосъ.—Л+томъ пріятно спать на сѣнникѣ и отдыхать на сѣновалѣ.

7) Такъ ясно жизнь его святая клонилась къ сѣни гробовой.—Ласточка съ весною въ сѣни къ намъ летитъ.—Кл+ти встарину соединялись сѣнями.—Сѣнныя д+вушки занимались пряжей, тканьемъ и другими работами.—Его осѣнила счастливая мысль.—Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ.

8) Мыло сѣро, да моетъ б+ло.—Сѣрое сукно тянется въ окно.—Утро было сѣренькое, а денекъ вышелъ красненькій.—Сквозь сѣровато-б+лые края тучи виденъ клочокъ св+тлой лазури.

Сѣра полезный минералъ.—Сѣрный запахъ непріятенъ

9) Самъ оплошалъ, на себя и сѣтуй.—Сѣтованіе на судьбу б+дѣ не поможетъ.

10) Мужики вдвоемъ тянутъ сѣть съ трудомъ.—Рыбаки сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ.—Мальчикъ накрылъ сѣткой бабочку.—Въ глазу есть сѣтчатая перепонка.

11) Насъ посѣтило тяжелое горе.—Посѣщеніе мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ приноситъ пользу.—Изр+дка мы посѣщаемъ театръ.—На выставкѣ картинъ много бываетъ посѣтителей.

ТѢ.

1) У зм+и тѣло гибкое.—Всѣ тѣла отъ холода сжимаются.—Тѣлесныя упражненія приносятъ большую пользу.

2) Тѣнь изъ стѣны не вырубишь.—По краямъ темнѣющаго свода тѣни всѣ, широкія, слились.—Тѣнистое дерево стояло посреди луга.—На всемъ лежалъ какой-то мрачный оттѣнокъ.

Нужда стѣну ломитъ.—Стѣнные часы пробили десять.—Скромные люди бываютъ застѣнчивы.

3) Тѣсный сапогъ разносится, широкій ссядется.—Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.—Коли тѣсно, такъ подвинься.—Не притѣсняй слабаго.—Мрачныя мысли стѣснились въ его душѣ.

4) Безъ тѣста пирога не испечешь.—На моихъ дрожжахъ ваше тѣсто взошло.

5) Всякъ тѣшитъ себя своей утѣхой.—Надежда утѣшаетъ и бѣдняка, и богача.—Твою печаль утѣшитъ Богъ и время.—Д+ти—ут+шеніе родителей.—Мать безутѣшно горюетъ о сынѣ.—Злод+й не имѣетъ утѣшенія спокойной сов+сти.—Д+лу время, а потѣхѣ часъ.—+сть потѣшно, работать докучно.—Милые бранятся, только т×шатся.

6) Затѣяли худо, не быть добру.—У нашихъ зятей много затѣй.—Убранство жилищъ у нашихъ предковъ было весьма незатѣйливо.

ЦѢ.

1) Говоритъ—словно въ цѣдилку цѣдитъ.—Процѣдилъ что-то сквозь зубы.—Чтобы очистить воду отъ вредныхъ прим×сей, сл×дуетъ процѣживать ее сквозь толстый слой песку.

2) Коза сыта, и капуста цѣла.—Одно дерево пальмы можетъ прокормить, од×ть и укрыть отъ непогоды цѣлую семью дикарей.—Аистъ цѣликомъ глотаетъ лягушекъ.—Всецѣло занятъ воспитаніемъ д×тей.

Время исцѣляетъ всякую печаль.—Нельзя исцѣлить, такъ лучше отрубить.—Шумятъ цѣлебные ключи.

Цѣловалъ ястребъ курицу до посл×дняго перышка.—Мать цѣлуетъ и ласкаетъ ребенка.

3) Цѣлься такъ, чтобы непрем×нно попасть въ цѣль.—Прицѣлъ взятъ невѣрно.—Безцѣльное путешествіе не приноситъ пользы.

4) На базаръ цѣны не возятъ.—Россія заключаетъ въ н×драхъ земель своихъ неистощимый запасъ цѣнныхъ произведеній минеральнаго царства.—Здоровье—безцѣнное благо.—Золото—драгоцѣнный металлъ.—Домъ проданъ за безцѣнокъ.—Цѣнность м×ховъ различна.—Трудно оцѣнить всѣ блага мира.—Неоцѣненное счастіе имѣть умныхъ и добрыхъ д+тей.

5) Мужика не шуба грѣетъ, а цѣпъ.—На гумнѣ слышенъ стукъ цѣповъ.—Зимой все цѣпенѣетъ.—Оцѣпенѣлъ отъ холода.

6) Теплый в+теръ тихо вѣетъ, жизнью свѣжей дышетъ степь, и кургановъ зеленѣетъ уб+гающая цѣпь.—Узникъ въ цѣпяхъ жел+зныхъ, а вельможа—въ золо-

тыхъ.—Весеннiй ледъ толстъ, да простъ; осеннiй тонокъ, да цѣпокъ.—Хмель цѣпляется по дереву.—Зацѣпилъ, поволокъ, а сорвался—не спрашивай.—Черезъ р+ку перекинутъ цѣпной мостъ.—Б+лка цѣпко держится за в+тви деревьевъ.—Прицѣпился такъ, что не отцѣпишь.—Кошка кр+пко вцѣпилась въ орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Повторенiе.

С+й хл+бъ, а +шь мякину.—Б+да глупости сос+дъ.—Остеръ мечъ, да некого с+чь.—Р+чь безъ мысли—т+ло безъ души.—Рубль ц+лъ копейкой.—Ц+пъ всякому шею третъ.—Проживетъ Өаддей и безъ зат×й.—Т+лу просторъ, душѣ т×сно.—Красно поле пшеномъ, а бес+да умомъ.—Осенью журавли, гуси и лебеди летятъ съ с×вера на югъ.—Небо ус×яно зв×здами.—С×на н×тъ, такъ и солома съ×дома.—С×раго помянули, а с×рый здѣсь.—Великъ т×ломъ, да малъ д×хомъ.—Братская любовь кр×пче каменныхъ ст×нъ.—У нашей Пелагеи свои зат×и.—Птичка ц×лый день хлопочетъ, но и ц×лый день поетъ.—Непроданному коню ц×ны н×тъ.—Старую собаку прiучить къ ц×пи трудно.—Р×дьку да горохъ не с×й у дорогъ.—Голова этого старца покрыта серебряною с×диною.—Не купи двора, купи сос×да.—Кладбище ос×нено старыми липами.—Жилъ—былъ у бабушки с×ренькiй козликъ.—Живетъ безъ т×ла, говоритъ безъ языка.—Гн×зда ц×лы а птицы улетѣли.—Ц×на по товару и товаръ по ц×нѣ.—С×яли рожь, а косимъ лебеду.—Не пеняй на сос×да, коли спишь до об×да.—Ты не плачь, береза б+дная, не с+туй: рана не смертельна: выл+чишься къ л+ту.—Малъ языкъ, да всѣмъ т+ломъ владѣетъ.—Шелъ с+ятель съ зернами въ полѣ и с+ялъ, и в+теръ повсюду тѣ зерна разв+ялъ.—Языкъ т+лу якорь.

Собственныя имена съ буквою Ѣ.

1) Поѣхалъ въ Вѣну, попалъ въ Парижъ.—Вѣнскіе стулья довольно хороши.

2) Борисъ и Глѣбъ сѣютъ хлѣбъ.—Въ Тамбовской губерніи есть городъ Борисоглѣбскъ, а въ Ярославской— Романовъ-Борисоглѣбскъ.

3) Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои.—Святославъ, сынъ Ольги, былъ убитъ печенѣгами на Днѣпровскихъ порогахъ.—Г. Верхнеднѣпровскъ въ Екатеринославской губерніи.

4) Тихій вечеръ дышетъ нѣгой надъ Днѣстромъ-рѣкою.—Широкое устье Днѣстра образуетъ мелководный Днѣстровскій лиманъ.

5) Онѣга протекаетъ на сѣверѣ Россіи, а Нѣманъ—на с×веро-западѣ.

Повтореніе всего пройденнаго.

Безъ косы с×на не накосишь.—Безъ матери дитя не ут×шишь.—Безъ матки пчелки—пропащія д×тки.—Богатый и въ будни пируетъ, а б×дный и въ праздникъ горюетъ.—Были бы кони, ×здоки будутъ.—Былъ бы хл×бъ, а зубы сыщутся.—Тихо в×етъ перелетный в×терокъ.—Лампа слабо осв×щаетъ комнату.—Д×ла, д×ла, какъ сажа б×ла!—Хл×бъ-соль—взаимное д×ло.—Русскій челов×къ не л×зетъ за словомъ въ карманъ.—Л×карства приготовляются преимущественно изъ травъ и металловъ.—Крестьяне ссыпаютъ хл×бныя зерна въ м×шки.—Счастье съ несчастьемъ см×шалось—ничего не осталось.—Зм×ю обойдешь, а отъ клеветы не уйдешь.—Передо мною разб×гались синѣющіе л×са.—Жарко въ небѣ солнце лѣтнее, да не грѣетъ меня молодца.—На б×дность и съ сос×дней стр×хи каплетъ.—

Золотая кл+тка соловью не пот+ха.—Рыжій да пл+шивый,—челов+къ спесивый.—«Посмотримъ», сказалъ сл+пой: «какъ будетъ плясать хромой».—Январь—первый м+сяцъ, декабрь—посл+дній.—Межъ сл+пыхъ и кривой зрячій.—Люди узнали м+дь гораздо раньше, чѣмъ жел+зо.—Ночью св+тятъ м+сяцъ и зв+зды.—Молитва м+ста не ищетъ.—М+тилъ въ ц+ль, а попалъ въ пень.—У подошвы утеса, въ норѣ, гн+здился чудовищный зм+й.—Самыя высокія горы покрыты в+чнымъ сн+гомъ.—Не слышно п+сенъ на лугу.—Сердце п+тухомъ зап+ло.—Не шуми ты, рожь, сп+лымъ колосомъ.—Волга р+ка—р+камъ мать.—Тучи мчатся съ с+вера на югъ.—Безъ любви, безъ счастья по міру скитаюсь: разойдусь съ б+дою, съ горемъ повстр+чаюсь.—На поле грозной с+чи ночная пала т+нь.—Зм+и +дятъ нас+комыхъ, птицъ.—Свитка с+ра, да воля своя.—Мой вросшій въ землю домикъ никто не пос+титъ.—Б+лое поле, черное с+мя: кто его с+етъ, тотъ и разумѣетъ (загадка).—Т+ло зм+й покрыто чешуйчатой кожей.—Для пот+хи грыземъ ор+хи.—Н+которые люди не знаютъ ц+ны деньгамъ.—+шь, не на+дайся, пей, не напивайся, впередъ не кидайся, въ середину не м+шайся, позади не оставайся.—Умылся не такъ, пріод+лся не такъ и сѣлъ не такъ, и по+халъ не такъ; за+халъ я въ ухабъ, не вы+хать никакъ.—Голодная кума-лиса зал+зла въ садъ.—Кл+ти встарину соединялись с+нями.—Доведется и намъ свою п+сенку сп+ть.—Продавецъ съ собой ц+ны не возитъ.—Солнце пригрѣетъ—все посп+етъ.—Сокровищу подобна наша жизнь: нельзя ее для низкихъ ц+лей тратить.

Д. Ѳоминъ.

Варшава. 1899 г. 9 ноября.

Темы испытаній зрѣлости по русскому языку, предложенныя въ разныхъ учебныхъ округахъ за время съ 1894 по 1897 годъ включительно.

Удовлетворительное русское сочиненіе учениковъ гимназіи на испытаніи зрѣлости для ихъ учителя является конечнымъ результатомъ многолѣтней работы его съ учениками, по истинѣ „концомъ, вѣнчающимъ дѣло". Требованія отъ этого сочиненія, по существу невысокія и вполнѣ основательныя, достаточно обстоятельно указаны въ правилахъ объ испытаніяхъ (§ 75, б). Мало того: помимо этого указанія, существуетъ еще, какъ извѣстно, также довольно подробная объяснительная записка къ учебному плану и примѣрной программѣ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ, дающая, между прочимъ, методическія указанія относительно веденія въ теченіе 8 лѣтъ письменныхъ упражненій учениковъ, чтобы можно было легче и вѣрнѣе достигнуть въ концѣ гимназическаго курса надлежащаго результата. Наконецъ, въ тѣхъ же правилахъ объ испытаніяхъ опредѣленно указаны также и качества, какимъ должна удовлетворять тема, предлагаемая на испытаніи зрѣлости (§ 58). Такимъ образомъ полученіе отъ учениковъ удовлетворительнаго сочиненія зрѣлости не представляется, повидимому, дѣломъ затруднительнымъ: указаны и желаемый результатъ, и пути къ его достиженію.

Но цѣлесообразность тѣхъ или иныхъ методическихъ пріемовъ, во-первыхъ, всегда вѣдь можетъ быть оспариваема *); а, во вторыхъ, для благополучія учащихся и для

*) Критика методическихъ указаній объяснительной записки относительно веденія письменныхъ упражненій не входитъ въ задачу настоящаго предисловія, имѣющаго цѣлью

собственнаго спокойствія учителю, какъ показываетъ практика дѣла, оказывается недостаточно сообразоваться лишь съ требованіями правилъ объ испытаніяхъ и руководствоваться указаніями объяснительной записки. Учитель можетъ ясно понимать первыя и всячески стараться выполнить вторыя, но тема испытанія зрѣлости, часто назначаемая извнѣ, свыше может поставить учащихся въ затрудненіе и существеннымъ образомъ повліять на качества сочиненій учениковъ, подвергающихся письменному испытанію. Короче говоря, однимъ изъ условій благополучнаго исхода экзамена зрѣлости является для учителя нѣкоторое знакомство съ характеромъ темъ зрѣлости, т. е. съ тѣмъ, какъ разнообразно могутъ быть понимаемы указанія правилъ объ испытаніяхъ.

Предлагаемый списокъ, содержащій 217 такого рода темъ *), по мнѣнію составителя, можетъ сослужить преподавателямъ нѣкоторую службу въ указанномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что всякій сборникъ для нашей небогатой такого рода изданіями учебной литературы представляется, кажется, не лишнимъ.

Темы собраны, начиная съ 1894 года, когда на испытаніяхъ зрѣлости впервые были примѣнены требованія нынѣ дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ (20 марта 1890г .).

лишь объяснить появленіе въ печати предлагаемаго сборника; поэтому здѣсь умѣстно, какъ намъ кажется, отмѣтить лишь то, что по указаніямъ нынѣ дѣйствующей объяснительной записки труднѣе достигнуть надлежащаго конечнаго результата, чѣмъ было то раньше. Это мы утверждаемъ по собственному многолѣтнему опыту.

*) Иныя, впрочемъ, повторяются или вполнѣ, или съ незначительными измѣненіями.

1894 годъ *).

С.-Петербурскій округъ:

1. основная—Значеніе ложно-классическаго направленія въ русской литературѣ.

2 запасная—Басня и сатира (параллель).

Московскій округъ:

3. для гимназій г. Москвы—Трудъ и любовь къ ближнему, какъ необходимыя основы нравственной жизни.

4. для остальныхъ гимназій округа—Только живя въ обществѣ, человѣкъ можетъ быть вполнѣ счастливъ.

Казанскій округъ:

5. основная—Знаніе есть лучшее богатство.

6. запасная—Сила привычки.

Оренбургскій округъ:

7. Основная—О характерѣ элегій Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

8. запасная—Чацкій и Онѣгинъ, какъ типы молодого поколѣнія русскаго общества XIX столѣтія.

Харьковскій округъ:

9. основная—Петръ Великій въ произведеніяхъ Пушкина (Полтава, Мѣдный всадникъ, Пиръ Петра Великаго).

---

*) «Журн. Минист. Народн. Просв.» 1896 г., сентябрь. Орѳографія, несмотря на ея разнообразіе и отступленія отъ общепринятыхъ правилъ, принадлежитъ «Журналу Министерства».

Одесскій округъ:

10. Воспитательное значеніе литературныхъ типовъ и идеаловъ.

11. Почему Москва сдѣлалась центромъ древней Руси.

12. Путешествія и ихъ значеніе.

13. Отношеніе между исторіей и поэзіей въ поэтическихъ произведеніяхъ съ историческимъ сюжетомъ.

14. Вліяніе изящныхъ искусствъ на душу человѣка.

15. Значеніе науки въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ.

16. Значеніе поэзіи въ духовной нашей жизни.

17. „Макбетъ“ Шекспира и „Борисъ Годуновъ“ Пушкина (сравнительная характеристика героевъ).

18. Отличительныя черты элегій Пушкина и Лермонтова.

19. Характерныя черты поэзіи Пушкина и Гоголя.

20. Воспитательное значеніе поэтическихъ произведеній.

21. Воспитательное и образовательное значеніе изящныхъ искусствъ.

22. Порядокъ и законность—важнѣйшія условія нашей жизни.

23. Пушкинъ, какъ драматургъ.

24. Пушкинъ и Гоголь въ изображеніи русской дѣйствительности.

25. Мысли Ломоносова и Пушкина о значеніи науки въ жизни человѣка.

Кіевскій округъ:

26. для гимназій г. Кіева:

„Премудрость царства управляетъ,
„Крѣпитъ ихъ вѣра, правый судъ,
„Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ“.

27. для гимназій въ другихъ городахъ—Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ.

Западно-Сибирскій округъ:

28. основная—Внутреннее состояніе Руси въ домонгольскій періодъ: церковь, искусство, просвѣщеніе и торговля.

29. запасная—Вліяніе татарскаго ига на развитіе русскаго государства.

Виленскій округъ:

30. основная—Значеніе труда и постоянства въ немъ.

31. запасная—Вредныя послѣдствія лѣности.

Варшавскій округъ:

32. Отличительныя черты ложно-классической комедіи по произведеніямъ Фонвизина.

33. Содержаніе повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба" и характеристика Тараса.

34. Характеристика Тараса и Остапа Бульбы.

35. Пѣснь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова со стороны ея содержанія, художественности выведенныхъ въ ней образовъ и особенностей формы и языка ея.

36. Характеристика Чичикова въ поэмѣ Гоголя—Мертвыя души.

37. Какія обстоятельства способствовали развитію политическаго могущества Россіи.

38. Русская женщина по произведеніямъ Пушкина: „Евгеній Онѣгинъ" и „Капитанская дочка".

39. Черты характера Бориса Годунова по драмѣ Пушкина.

40. Женскіе типы въ романѣ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“.

41. Типы молодого поколѣнія въ романѣ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“.

42. Различіе во взглядахъ стараго и молодого поколѣнія на воспитаніе, служебныя обязанности и взаимныя отношенія членовъ общества по комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“.

43. Историко-литературное значеніе комедіи Фонвизина „Недоросль“.

44. Вліяніе воспитанія Евгенія Онѣгина на развитіе его характера.

45. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Пушкина „Полтава“.

46. Илья Муромецъ и Тарасъ Бульба

47. Значеніе Гоголя въ исторіи русской литературы.

48. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“.

49. Новые типы русскаго общества, выведенные Пушкинымъ въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“.

50. Характеристика типовъ I части Мертвыхъ душъ.

51. Характеристика лирики Пушкина.

52. Параллель между поэзіей Пушкина и Гоголя.

53. Характеристика Бориса Годунова по Пушкину и Карамзину.

Рижскій округъ:

54. Счастье въ насъ, а не вокругъ насъ.

Кавказскій округъ:

55. Черты художественнаго романа по „Евгенію Онѣгину“ Пушкина.

56. Характеристика московскаго общества по „Горе отъ ума“ Грибоѣдова.

57. Значеніе литературной дѣятельности Гоголя.

58. Личность Карамзина въ его произведеніяхъ.

59. Главные типы комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“.

60. Типы изъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя: Собакевичъ, Плюшкинъ и Ноздревъ.

61. Положительныя черты характеровъ, изображенныхъ въ произведеніяхъ Пушкина.

62. Какое подражаніе желательно? Эпиграфъ: „Я одаль возсылалъ желанія смиренныя, однако, вслухъ, чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ пустаго, робкаго (рабскаго) слѣпаго подражанья“.

63. Воспитательное значеніе басенъ Крылова.

64. Взглядъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова на поэзію.

65. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ.

Восточная сибирь:

66. Главнѣйшія достоинства поэзіи Пушкина.

Туркестанскій край:

67. „Въ искушеньяхъ долгой кары,
„Претерпѣвъ судебъ удары,
„Окрѣпла Русь“. (Отрывокъ изъ „Полтавы“).

1895 годъ *).

С.-Петербургскій учебный округъ.

А. Отъ управленія округа (для гимназій, не представившихъ своевременно въ управленіе округа собственныхъ темъ):

*) «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1897 г. августъ.

68. основная—разница между исторіей и историческимъ романомъ.

69. запасная—значеніе поэзіи Пушкина въ русской литературѣ.

Б. Отдѣльныхъ гимназій:

70. Что трагическаго въ „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина.

71. Характеръ романтизма Жуковскаго.

72. Отраженіе личности писателя въ его произведеніяхъ.

73. О русскихъ пословицахъ.

74. Что значитъ изучать писателя?

75. Признаки ложно-классическаго направленія въ комедіи „Недоросль“.

76. Постепенное развитіе драматическихъ произведеній въ Россіи.

77. Развитіе русскаго общества на основаніи „Домостроя“ Сильвестра и „Духовной“ Татищева.

78. Значеніе изящной литературы въ дѣлѣ образованія человѣка.

79. О народности драмъ Пушкина.

80. Какъ отразился взглядъ Карамзина на исторію въ его разсказѣ о царствованіи Бориса Годунова?

81. Значеніе Ломоносова въ исторіи развитія нашего литературнаго языка.

Московскій учебный округъ.

82. „Пушкинъ освободилъ нашу литературу отъ подражательности, господствовавшей въ ней со времени Ломоносова, и далъ ей самобытное направленіе“. Галаховъ.

Варшавскій учебный округъ.

83. Подъ какими литературными вліяніями написана трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ“?

84. Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы.

85. Значеніе Ломоносова и Карамзина въ исторіи развитія русскаго литературнаго языка.

86. Характеристика Евгенія Онѣгина.

87. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ „Борисъ Годуновъ".

88. Подъ какими вліяніями развивался поэтическій талантъ Пушкина?

89. Характеристика Чичикова.

90. Историко-литературное значеніе комедіи Фонъ-Визина „Недоросль".

91. Значеніе Кіева и Москвы въ исторіи Россіи.

92. Значеніе царствованія императора Петра Великаго въ исторіи Россіи.

93. Сравненіе элегій Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

94. Различіе между Пушкинымъ и Гоголемъ по предмету и характеру ихъ поэтическаго творчества.

95. Миѳическій, бытовой и историческій элементъ въ произведеніяхъ русской народной поэзіи.

96 Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Гоголя „Ревизоръ".

97. Сравнительная характеристика Плюшкина (Мертвыя души Гоголя) и Барона (Скупой рыцарь Пушкина).

98. Роль Москвы въ исторіи возвышенія Россіи.

99. Петръ Великій по изображенію М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина.

100. Историческая и художественная сторона поэмы Пушкина „Полтава".

101. Причины возвышенія Москвы.

102. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка".

103. Особенности ложно-классической комедіи по „Недорослю" Фонъ-Визина.

Кіевскій учебный округъ.

104. а) Для гимназій города Кіева: „Истинное просвѣщеніе неразрывно соединяетъ умственное развитіе съ нравственнымъ".

105. б) Для гимназій въ другихъ городахъ:

„Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
„И пользу отъ того сыскать;
„А безъ ума перенимать,
„И, Боже сохрани, какъ худо!"

Одесскій учебный округъ.

106. Въ какихъ изъ видовъ словесныхъ произведеній изображается преимущественно отрицательная сторона жизни?

107. Значеніе литературы въ жизни народа.

108. Сущность прозы и поэзіи.

109. Отношеніе Жуковскаго и Пушкина къ дѣйствительности.

110. Воспитательное и образовательное значеніе историческихъ романовъ.

111. Значеніе поэзіи (значеніе изученія поэтическихъ произведеній).

112. Романъ и польза этой преобладающей формы изящной словесности.

113. Романтизмъ и ложно-классицизмъ.

114. Главнѣйшія отличительныя черты прозаическихъ и поэтическихъ произведеній.

115. Значеніе поэтическихъ произведеній, изображающихъ свѣтлыя и темныя стороны жизни.

116. Современное значеніе романа.

117. Отличіе современной драмы отъ древне классической.

118. О необходимости знаній въ жизни.

119. Различіе между трагедіей и комедіей.

120. Какія причины способствовали развитію русской литературы въ XIX вѣкѣ?

121. Характеръ элегій Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

122. Мысли Фонъ-Визина и Крылова о важности хорошаго воспитанія.

Харьковскій учебный округъ.

123. а) Основная:

„О Ахиллъ, о мой родитель!
„(Возгласилъ Неоптолемъ)
„Быстрый міра посѣтитель,
„Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
„Жить въ любви племенъ дѣлами—
„Благо первое земли;
„Будемъ вѣчны именами
„И сокрытые въ пыли.
„Слава дней твоихъ нетлѣнна,
„Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
„Жизнь живущихъ невѣрна,
„Жизнь отжившихъ неизмѣнна".

(Жуковскій, Торжество побѣдителей).

124. б) запасная—„Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы (I посл. къ Коринѳ. XV, 33).

Рижскій учебный округъ.

125. а) основная—Необходимость самообразованія въ школѣ и по выходѣ изъ нея.

126. б) запасная—Жизнь—тяжкій трудъ.

Кавказскій учебный округъ.

127. Причины и слѣдствія Великой Сѣверной войны.

128. Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи.

129. Борьба Рима съ Кароагеномъ.

130. Главныя дѣйствующія лица въ комедіи Гоголя „Ревизоръ“.

131. Главнѣйшіе моменты русскаго самодержавія до Петра Великаго.

132. Трудъ и его значеніе въ учебные годы.

133. Значеніе комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“.

134. Какихъ сторонъ государственной и общественной жизни коснулись реформы Петра Великаго, и какое значеніе онѣ имѣли?

135. Развитіе самодержавія въ Россіи и его благодѣтельныя послѣдствія.

Рижскій учебный округъ.

136. а) основная—Отличительныя черты эпоса и лирики.

137. б) запасная—Преимущество драматическихъ произведеній передъ другими родами поэзіи.

Казанскій учебный округъ.

138. а) основная—Надежда и воспоминаніе.

139. б) запасная—„Вѣкъ живи,—вѣкъ учись“.

Оренбургскій учебный округъ.

140. а) основная—Фамусовъ и Чацкій, какъ представители двухъ послѣдовательныхъ эпохъ—императрицы Екатерины II и императора Александра I.

141. запасная—Императрица II и ея вельможи въ произведеніяхъ Державина.

Западно-Сибирскій учебный округъ.

142. а) основная—Дѣятельность императора Петра Великаго въ созданіи флота и пріобрѣтеніи Балтійскаго моря.

143. б) запасная—Недостатки воспитанія и образованія въ Россіи въ вѣкъ Фонъ-Визина.

Восточная Сибирь.

144. Какими достоинствами отличаются басни Крылова.

Туркестанскій край.

145. Значеніе литературной дѣятельности Карамзина.

1896 годъ *).

С.-Петербургскій учебный округъ.

1) Отъ управленія округа:
146. а) основная—Значеніе „Исторіи" Карамзина.
147. б) запасная—Сатира и басня.
2) Темы отдѣльныхъ гимназій:
148. Вліяніе театра на духовное развитіе человѣка.
149. Слогъ есть самъ человѣкъ (Бюффонъ)
150. О поэмѣ.
151. Историческое развитіе романтизма и характеристика его.
152. Какъ надобно относиться къ употребленію иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ.
153. Главнѣйшія черты сходства и различія между эпосомъ и драмою.

Московскій учебный округъ.

154. Сила оружія и сила культуры.
Ingenuas didicisse feliciter artes

*) «Журн. Министер. Нар. Просв.» 1897 г. октябрь.

Emollit mores nec sinit esse feros. Ovid.
Graecia capta ferum victorem cepit etartes
Intulit Latio. Horat.

„Важнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани: мечъ пожинаетъ большею частью тѣ лавры, которые посѣяны миромъ". Филаретъ.

„Что утверждаетъ государство? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира". Жуковскій.

Примѣры: 1) Греція и Римъ; 2) Римъ и Германцы; 3) Русскіе и Татары.

Казанскій учебный округъ.

155. а) основная—„Учись (,) мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни".

156. б) запасная—„Не внѣ, а въ насъ самихъ и бѣдъ, и счастья сѣмя".

Оренбургскій учебный округъ.

157. а) основная—„Фонъ-Визинъ какъ поборникъ просвѣтительныхъ идей Императрицы Екатерины II".

158. б) запасная—Трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ" (идея, ея развитіе, герои трагедіи и наиболѣе выдающіяся мѣста въ драматическомъ отношеніи).

Одесскій учебный округъ.

159. Романъ, его исторія и образовательно-воспитательное значеніе.

160. „Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ".

161. Характеръ русской литературы до Петра Великаго и послѣ него.

162. Значеніе русскихъ народныхъ сказокъ.

163. Значеніе труда въ жизни человѣка.

164. Значеніе дѣтскихъ впечатлѣній въ душевномъ развитіи человѣка, на основаніи историческихъ и литературныхъ данныхъ.

165. Наука есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ.

166. Просвѣтительная дѣятельность Императрицы Екатерины Великой.

167. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ".

168. Исторія развитія древне-греческой драмы.

169. Вліяніе древне-классической драмы на ложно классическую.

170. Въ чемъ сходны Борисъ Годуновъ (Пушкина) и Эдипъ (Софокла), и въ чемъ ихъ существенное различіе?

171. Личность Бориса Годунова въ драмѣ Пушкина.

172. Заслуги Ломоносова и Карамзина въ дѣлѣ усовершенствованія русскаго литературнаго языка.

173. Нравственно-воспитательное значеніе произведеній Пушкина.

174. О вліяніи произведеній Гоголя на развитіе самосознанія въ русскомъ обществѣ.

175. Вліяніе театра на умственное и нравственное развитіе человѣка.

Рижскій учебный округъ.

176. Отраженіе русской жизни въ произведеніяхъ Пушкина.

Западно-Сибирскій учебный округъ.

177. а) основная—Значеніе Великаго Новгорода до Іоанна IV.

178. б) запасная—Вліяніе Византіи на русское просвѣщеніе.

Туркестанскій край.

179. Чѣмъ дорога Москва для каждаго русскаго человѣка?

Харьковскій учебный округъ.

180. Labor voluptasque, dissimillima natura, societate quadam inter se naturali sunt juncta" (Livius V, 4).

1897 годъ *).

С.-Петербургскій учебный округъ.

1) Отъ управленія округа:

181. а) основная—Романъ и его значеніе въ настоящее время.

182. б) запасная—Сатира и комедія.

2. Темы отдѣльныхъ гимназій:

183. Значеніе Жуковскаго въ русской литературѣ.

184. Какъ отразилась эпоха Императрицы Екатерины II въ произведеніяхъ Фонъ-Визина и Державина?

185. Байронизмъ въ русской литературѣ.

186. Монологи въ драматическихъ пьесахъ.

187. Значеніе реформъ Петра Великаго.

188. Какія услуги оказали нашей литературѣ русскіе писатели ложно-классическаго направленія?

189. Особенности античной трагедіи по „Эдипъ-царь" Софокла.

---

*) «Журналъ Министер. Нар. Просв. 1898 г. сентябрь.

190. Условія развитія дѣйствія въ „Эдипѣ-царѣ“ Софокла и въ „Королѣ Лирѣ“ Шекспира.

191. Значеніе Гоголя въ русской литературѣ.

192. Въ чемъ заключается комизмъ роли Хлестакова въ „Ревизорѣ“ Гоголя?

Московскій учебный округъ.

193. Какое значеніе имѣло перенесеніе столицъ въ исторіи русскаго народа?

Оренбургскій учебный округъ.

184. Значеніе стиховъ Ломоносова: „Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ“ и т. д.

Харьковскій учебный округъ.

195. а) основная—Значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія.

196. б) запасная—Что посѣешь, то и пожнешь.

Одесскій учебный округъ.

197. „Исторія литературы есть также и исторія цивилизаціи“ (Шерръ).

198. Въ какіе моменты исторіи особенно проявился патріотизмъ русскихъ?

199. Народная поэзія—зеркало народной жизни.

200. Сравнительный взглядъ на значеніе дѣятельности Пушкина и Гоголя.

201. Значеніе литературы въ дѣлѣ улучшенія жизни.

202. Свѣтлыя стороны жизни въ поэзіи Лермонтова.

203. Вліяніе на воспитывающагося семьи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

204. Драма сравнительно съ другими родами поэзіи.

205. Пушкинъ и Гоголь, какъ представители различныхъ направленій въ русской литературѣ.

206. Вліяніе страны на характеръ поэзіи и образъ жизни ея жителей.

207. Сравнительная характеристика поэтической дѣятельности А. С. Пушкина и Гоголя.

208. Родство истиннаго поэта съ пророкомъ.

209. Авторы помогаютъ согражданамъ лучше мыслить и говорить (Карамзинъ).

210. Поэзія и наука.

211. Характеръ поэзіи Пушкина и Гоголя.

212. Пушкинъ и Крыловъ, какъ поэты народные.

213. Вліяніе поэта на общество.

Западно-Сибирскій учебный округъ.

214. а) основная—Екатерина II, какъ писательница.

215. б) запасная—Имѣло-ли свои полезныя стороны ложно-классическое направленіе въ русской литературѣ.

Восточная Сибирь.

216. Значеніе Кіева, Москвы и Петербурга въ исторіи Россіи.

Туркестанскій край.

217. Научно-литературная дѣятельность М. В. Ломоносона.

П. К. Г.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1899 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III и IV выпусковъ.

Содержаніе V выпуска.

Содержаніе VI выпуска.

Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ: II. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ (окончаніе) — *И. Н. Смѣльницкаго.*

Методы и предметы ученія въ народн. училищахъ въ царствованіе имп. Екатерины II-й — *В. И. Ивановскаго.*

Примѣры объяснительнаго чтенія (стих.: „Картинка“ „Кто онъ?“ — Майкова и „Утро“ — Никитина) — *К. В. Ельницкаго.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній Лермонтова: „Споръ“. „Парусъ“, „Сосна“ — *Его же*

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1899 г.

Объявленія.

Вновь поступившіе въ продажу оттиски статей и научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его, II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна (съ пересылкой) брошюры съ портретомъ 50 к., безъ портрета 40 к., на лучшей бумагѣ съ портретомъ 65 к.

Вся выручка отъ продажи этой брошюры предназначена на увеличеніе фонда имени А. А. Хованскаго.

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)“. Ц. съ перес. 10 к., безъ перес. 7 к. 1899 г.

„Памяти А. С. Пушкина“. Цѣна съ перес. 20 к., безъ пер. 15 к. 1899 г.

„Памяти Ивана Саввича Никитина“. Ц. съ перес. 30 к., безъ пер. 25 к. 1899 г.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки“ (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). Ц. съ пер. 25 к., безъ перес. 20 к. 1899 г.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки“ (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина“ и др.) Ц. съ пер. 25 к. безъ пер. 20 к. 1899 г.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ“. Ц. съ пер. 10 к., безъ пер. 7 к. 1899 г.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина 1899 г. 15 к., съ перес.

Будде Е. Ѳ. проф. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. Воронежъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Барсовъ А. В. Живое Слово для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса.
1899 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г Ц. 50 к. съ перес.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. 20 к. съ перес.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Ѳоминъ. Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Харламовъ М. А. Краткій очеркъ жизни и педагогическо-литературной дѣятельности И. И. Лажечникова 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к:

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Рамзевичъ Н. К. Правильное произведеніе слова „человѣкъ" 1899 г. ц. 10 к. съ пер. 15 к.

1) Правильное производство слово „человѣкъ", 2) замѣтка о словѣ „русь" 3) къ объясненію выраженія въ словѣ о полку Игоревѣ „дорыскаше до куръ тмуторокане" 1899 г. ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. ц. 5 к. съ пер. 7 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Смѣльницкій И. Н. А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. 1899 г. ц. 25 к. съ пер. 35 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. ц. 40 к. съ пер. 50 к.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

ВЫПУСКЪ III.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ III ВЫПУСКА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМЫ.

Французская „слезная комедія".

Зародившаяся во Франціи въ 30-хъ годахъ XVIII ст. нравоучительно-сентиментальная, иначе называемая «слезливая» или «слёзная» комедія представляетъ большой интересъ для историка литературы. Она является первымъ протестомъ противъ узкости классической системы, не допускавшей изображенія въ драматической формѣ серьезной стороны жизни обыкновенныхъ смертныхъ. Вмѣстѣ съ другими, созданными въ XVIII в., драматическими жанрами, съ «буржуазною трагедіею» и «драмою» въ тѣсномъ смыслѣ слова эта комедія подготовила почву для романтической драмы, а также и для нашей современной реальной драмы.

Вопросъ о происхожденіи «слезной» комедіи во Франціи былъ предметомъ изученія многихъ изслѣдователей, при чемъ одни изъ нихъ смотрятъ на эту комедію, какъ на продуктъ «просвѣтительной» философіи или какъ на результатъ общественнаго настроенія французскаго общества XVIII в., а другіе, какъ на чисто литературное явленіе, либо зародившееся на національной почвѣ, либо созданное подъ вліяніемъ англійскихъ литературныхъ факторовъ. Эти разнорѣчивыя объясненія происхожденія «comédie larmoyante» заставили насъ пересмотрѣть этотъ вопросъ заново и познакомиться съ англійскою драмою конца XVII и первой половины XVIII в.в. Знакомство съ послѣдней убѣдило насъ въ томъ, что въ Англіи подъ самый конецъ XVII ст. уже

существовала «нравоучительно-сентиментальная комедія», аналогичная французской «слезной комедіи». Результатами изученія этой «sentimental comedy» мы подѣлились уже съ читателями въ апрѣльской и майской книжкахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1897 г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду дать картину зарожденія и постепеннаго развитія нравоучительно-сентиментальной комедіи во Франціи, познакомить читателя съ существующими въ литературѣ мнѣніями о происхожденіи послѣдней и установить свой взглядъ на этотъ вопросъ.

I

Мы начнемъ изученіе интересующаго насъ направленія въ области французской комедіи XVIII в. съ Детуша.

Филиппъ Нерико-Детушъ родился 9-го апрѣля 1680 г. въ г. Турѣ. Свѣдѣнія о раннемъ періодѣ его жизни крайне противорѣчивы. Въ прочитанномъ 25 августа 1776 г., въ торжественномъ засѣданіи Французской Академіи, «Eloge de Destouches» Даламберъ утверждалъ, что нашъ поэтъ былъ въ молодости актеромъ. Внѣшнимъ поводомъ къ выбору этой профессіи послужили, по мнѣнію біографа поэта, крупная непріятность съ отцомъ, побудившая молодого Детуша бѣжать изъ родительскаго дома съ труппою бродячихъ комедіантовъ. Это сообщеніе Даламбера вызвало возраженіе со стороны сына поэта, который, въ письмѣ къ біографу своего отца, опровергалъ заявленіе послѣдняго. Детушъ,

по словамъ сына, получилъ первоначальное образованіе въ родномъ городѣ, довершилъ его затѣмъ въ Парижѣ, въ «Collège de Quabre Nations», а 20-ти лѣтъ отъ роду поступилъ, въ качествѣ волонтера, въ одинъ пѣхотный полкъ и участвовалъ съ нимъ въ войнѣ за испанское наслѣдство въ 1702 и въ 1703 г.г.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого спора, не располагая положительными данными для разрѣшенія его въ ту или другую сторону.

Въ небогатой внѣшними фактами біографіи нашего поэта мы отмѣтимъ 1699 г., имѣвшій весьма важное значеніе въ его жизни. По собственному двукратному указанію Детуша [1]), въ 1699 году онъ познакомился съ французскимъ посланникомъ, аккредитованнымъ къ 13 швейцарскимъ кантонамъ, маркизомъ де-Пюизье, который пригласилъ его занять мѣсто своего личнаго секретаря и вскорѣ затѣмъ должность секретаря по дипломатической миссіи. Въ домѣ маркиза, по словамъ Детуша, была написана его первая комедія [2]): «Le Curieux Impertinent», представленная въ первый разъ на сценѣ Théâtre Français въ 1710 г. Впрочемъ, эта піеса не первый литературный опытъ нашего поэта: по указанію его сына, Детушъ еще на школьной скамьѣ сочинилъ недошедшую до насъ трагедію «Маккавеи».

---

[1]) Въ посвященіи своей піесы: «Le Curieux Impertinent», маркизу де-Пюизье 1710 г. и въ посвященіи сыну послѣдняго комедіи: «La Force du Naturel» 1750 г.

[2]) См. Epitre dédicatoire предпосл. этой комедіи. По словамъ Даламбера, эта піеса была сочинена Детушемъ тогда, когда онъ былъ актеромъ; сынъ поэта утверждаетъ, что она была написана отцомъ въ Huningue, гдѣ онъ зимовалъ, по случаю полученной имъ раны въ сраженіи при Fridlingue.

Въ собраніи писемъ Броссетъ и Буало (Ліонъ 1770 г. т. III p. 124) имѣется письмо послѣдняго къ Детушу отъ 26 декабря 1710 г., изъ котораго видно, что юный секретарь маркиза де-Пюизье посылалъ на просмотръ суровому критику сборникъ стихотвореній преимущественно религіознаго содержанія. Судя по этому письму, стихи Детуша не отличались большими литературными достоинствами. Даламберъ въ своемъ «Eloge», упоминаетъ еще объ одномъ юношескомъ недошедшемъ до насъ произведеніи Детуша, а именно объ «Одѣ къ Отечеству».

Два года спустя послѣ представленія «Le Curieux Impertinent», Детушъ ставитъ на сцену новую комедію «L'Ingrat». Затѣмъ слѣдуетъ въ 1713 г. «L'Irrésolu», въ 1715 г. [3]) «Le Médisant», въ 1716 г. «Le Triple Mariage» и въ 1717 г. «L'Obstacle imprévu ou L'Obstacle sans obstacle». Этою піесою заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Детуша. Она прерывается продолжительнымъ пребываніемъ нашего поэта въ Англіи. По рекомендаціи маркиза де Пюизье, Детушъ ѣдетъ въ 1717 году въ Лондонъ, въ качествѣ секретаря французскаго посланника, знаменитаго сподвижника герцога Орлеанскаго, аббата Дюбуа. Когда впослѣдствіи

---

[3]) Реестры «Comédie Française» и «Mercure» 1715 г. (іюль) приписываютъ еще Детушу комедію: «La fausse Veuve, ou la jalousie sans jalousie». Братья Parfaits, въ ихъ «Исторіи французскаго театра» перепечатали изъ «Mercure» строки, касающіяся этой піесы. (Vol. XV p. 206—208). Но самъ Детушъ, въ письмѣ къ своему другу Ciseron-Rivarol отъ 4 марта 1751 г., категорически отрицаетъ свои отческія права на это несчастное дѣтище. Paul Ahrend въ очеркѣ: «Einiges uber Destouches in Deutschland. Neuphilologisches Central Blatt № 3, 5 упоминаетъ эту піесу въ перечнѣ произведеній Детуша.

Дюбуа былъ отозванъ регентомъ во Францію и занялъ постъ архіепископа Камбрейскаго, замѣстителемъ его въ Лондонѣ остался Детушъ. Въ 1721 году нашъ драматургъ женился на англичанкѣ Доротеѣ Джонсонъ. По какимъ-то «дипломатическимъ соображеніямъ» Детушъ счелъ нужнымъ держать этотъ бракъ въ тайнѣ, а, когда его секретъ былъ открытъ, благодаря болтливости его свояченицы, нашъ поэтъ поспѣшилъ оставить Англію. Избранный 25 августа 1723 года въ члены Французской Академіи на мѣсто умершаго драматурга Кампистрона (1656—1723), Детушъ удаляется въ свое имѣніе близъ Мелёнъ и тамъ, въ тиши уединенія, пишетъ свои лучшія пьесы [4]).

Второй періодъ его литературной дѣятельности открывается комедіею: «Le Philosophe marié, ou le Mari honteux de l'être. Піеса эта, представленная 15-го фе-

---

[4]) По словамъ Даламбера, Детушу было предложено мѣсто французскаго посланника въ Россіи, при дворѣ Петра Великаго, но нашъ поэтъ отказался отъ этого поста. «И въ самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ Даламберъ: «не почести могли привлекать Детуша въ этомъ обширномъ государствѣ, а то по истинѣ рѣдкое зрѣлище, которое оно представляло всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ: свѣтъ, который всюду и вездѣ исходилъ отъ подданнымъ къ монарху, здѣсь, въ Россіи, идетъ отъ монарха къ подданнымъ; эти подданные, которыхъ продолжительная дикость (barbarie) унизила до того, что они полюбили ее, напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы удержать на своихъ глазахъ повязку, срываемую съ нихъ ихъ государемъ; суевѣріе и невѣжество, уничтоженныя у этого народа тою самою силою, которая укореняетъ ихъ у многихъ другихъ народовъ, а именно самымъ неограниченнымъ и строгимъ деспотизмомъ; наконецъ, политическое зарожденіе великаго, невѣдомаго въ продолженіе многихъ вѣ-

враля 1727 года [5]), имѣла огромный успѣхъ. Въ томъ же году Детушъ пишетъ и ставитъ на сцену новую піесу: «L'Envieux ou la Critique du Philosophe Marié», обязанную своимъ происхожденіемъ цѣлому ряду памфлетовъ, выпущенныхъ въ свѣтъ недоброжелателями поэта. Два года спустя, въ Théâtre Français играютъ комедію Детуша: «Les Philosophes amoureux», а въ 1732 г. нашъ драматургъ достигаетъ апогея славы и успѣха въ «Тщеславномъ» («Le Glorieux»), представленномъ 18-го января того же года [6]). Достигнувъ кульминаціоннаго пункта развитія своего таланта, Детушъ ничего не написалъ уже болѣе такого, что могло бы быть поставлено рядомъ съ «Женатымъ философомъ» или «Тщеславнымъ» [7]).

ковъ народа, которому вскорѣ суждено отомстить своимъ грознымъ существованіемъ за то забвеніе, въ которомъ оставляла его остальная часть Европы. Г. Детушъ, какъ истинный философъ, могъ бы изучить этотъ народъ, но онъ показалъ себя еще большимъ философомъ: онъ предпочелъ свою свободу и свое уединеніе». Приведенный нами отрывокъ изъ «Eloge de Destouches» отмѣченъ Лагарпомъ, какъ весьма удачная и краснорѣчивая характеристика дѣятельности Петра Великаго.

[5]) Выручка съ этой піесы поднялась до весьма высокой для того времени цыфры, а именно: въ первый вечеръ до 2605 liv. 10 s: во второй—до 2720 l. 10 s.; въ третій до 2980 l. 10 s., а въ четвертый—до 3070 l. Піеса была представлена въ этотъ сезонъ 26 разъ (Correspondance dramatique 1778 г. vol 1 p. 270).

[6]) О матеріальномъ успѣхѣ ея см. Notice de Georges d'Heylli, предисл. къ его изд. «le Glori eux» (1884 г. librairie des bibliophiles).

[7]) Мы назовемъ остальныя піесы нашего поэта: «Le Dissipateur ou l'Honnête Friponne», комедія въ 5 д. въ стихахъ

Въ послѣдніе годы жизни Детушъ перестаетъ писать для сцены. Теперь онъ берется за перо, съ цѣлью защитить церковь отъ нападокъ на нее новой филосо-

---

(Напечат. 1736 г. представл. 1753 г.) «La Fausse Agnès ou le Poëte Campagnard» въ 5 д. въ стихахъ (напечат. въ 1736 г., представл. въ 1759) «Le Tambour nocturne», вольный переводъ съ англійской комедіи Аддисона: «The Drummer», въ 5 д. въ прозѣ (напечат. въ 1736 г., представл. въ 1762 г.) «L'Ambitieux ou l'Indiscrète (1737) L'Enfant gâté on la belle Orgueilleuse» (въ 1 д. въ стихахъ 1741 г.) «L'Amour usé» 5 д. въ прозѣ 1742 г. Въ собраніи піесъ, изданномъ самимъ Детушемъ въ 1745 г., были впервые напечатаны: «L'Homme singulier», комедія въ 5 д., въ стихахъ, представл. въ 1764 г., и сцены, написанныя, въ видѣ образцовъ для одного молодаго, много обѣщавшаго, но рано умершаго поэта: «L'aimable Vieillard», «Le Tracassier», «Le Vindicatif» «Le Prothée». Въ этомъ же изданіи театра Детуша мы находимъ еще нѣсколько переведенныхъ имъ сценъ изъ «Бури» Шекспира, въ передѣлкѣ Драйдена.

Въ 1750 г. была представлена комедія нашего поэта: «La Force du Naturel», въ 5 д. въ стихахъ, а въ 1751 г. была напечатана комедія: «Le jeune homme à l'epreuve». Въ посмертномъ изданіи піесъ Детуша 1754 г. появились въ свѣтъ еще слѣдующія комедіи: «Le Trésor caché» (въ 5 д. въ прозѣ). Le Mari-Confideut» (въ 5 д. въ стихахъ). «L'Archi—Menteur» (5 д. въ стихахъ), «Le Dépot» (1 д. въ стихахъ).

Для полноты перечня піесъ Детуша укажемъ еще на divertissements: 1) «Le mariage de Ragonde ou la Veillée de Village,» 2) «les fêtes de l'Inconnu», 3) «la fête de la Nymphe Lutèce», на прологи: къ «Curieux» Impertinent, къ «l'Ambitieux» и на «Scènes de Thalie et de Melpomène».

Даламберъ въ своемъ «Eloge» упоминаетъ объ одной недошедшей до насъ піесѣ Детуша—«l'Esprit fort». Не дошелъ до насъ еще одинъ трудъ поэта, надъ которымъ онъ,

фіи. Въ журналѣ: «Mercure», помѣщено до 800 эпиграммъ и сатиръ антифилософскаго направленія.

Детушъ умеръ 4 го іюля 1754 г., имѣя отъ роду 74 года [8]).

Мы сосредоточимъ наше вниманіе на двухъ комедіяхъ Детуша: на «Женатомъ философѣ» и на «Тщеславномъ». Познакомимся прежде всего съ содержаніемъ первой изъ названныхъ піесъ.

Всѣмъ въ жизни доволенъ Аристъ; его обезпеченное состояніе даетъ ему возможность не заботиться о хлѣбѣ насущномъ и цѣликомъ предаваться своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ. Его не смущаетъ, какъ другихъ людей, жажда честолюбія, но и у него есть свое горе. Онъ два года женатъ; его жена Мелита во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина. Онъ любитъ

какъ это видно изъ одного письма его къ M-le chevalier de B-***, работалъ болѣе десяти лѣтъ. Первая часть сочиненія, въ которомъ трактовалось о Софоклѣ, объ Эврипидѣ, объ Аристофанѣ, о Плавтѣ, о Теренціи, судя по его письму, была уже вполнѣ окончена. Вторая должна была быть посвящена французской, итальянской, испанской и англійской драмамъ. Въ указанномъ нами письмѣ Детушъ говоритъ о томъ, что онъ работаетъ надъ театромъ обоихъ Корнелей.

[8]) Болѣе подробныя біографическія данныя о Детушѣ можно найти у D'Alembert: «Eloge de Destouches»; «Recréations littéraires ou Anecdotes et Remarques sur differents sujets recueillis» par M. C. R. 1765; «Opuscules» de C** R. contenant diverses lettres (имѣются нѣкоторыя письма Детуша; Leroy: «Néricault-Destouches» Paris Dumoulin 1862 г. Вообще о Детушѣ см. Wetz die Anfänge der ernsten bürgerlichen Dichtung XVIII; Worms 1885. Graziano. Essai sur la vie et les oeuvres de Destouches Diss-Inaug. Leipzig 1889 Ludemann. Uber Destouches Leben und Werke Inaug. Diss. 1895 Greiswald.

ее всей душою и пользуется ея взаимностью, но она—его жена, и въ этомъ состоитъ его горе.

«Entre nous, говоритъ онъ, ma faiblesse
«Est de rougir d'un titre vénérâble et doux,
«D'un titre autorisé, du beau titre d'epoux,
«Qui me fait tressaillir lorsque je l'articule,
«Et que les moeurs du tempsont rendu ridicule [9]).

Въ былое время Аристъ никогда не пропускалъ случая въ обществѣ открыто высказаться противъ брака. Но, какъ говорится, на всякаго мудреца довольно простоты, встрѣтилъ онъ Мелиту, влюбился въ нее, забылъ свои проповѣди противъ брака и... женился. Только у него не хватаетъ мужества объявить друзьямъ объ измѣнѣ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. И вотъ теперь онъ живетъ постоянно подъ страхомъ, что вотъ вотъ откроется его тайна, извѣстная только сестрѣ его жены, Селіантѣ,—его другу и жениху послѣдней, Дамону, и субреткѣ Финнетѣ. Два года длится это странное и весьма тяжелое для Мелиты положеніе. Покорная и послушная капризу Ариста, она всячески старается скрыть передъ людьми свою любовь къ чудаку-мужу. Ея пребываніе въ домѣ молодаго человѣка, котораго въ обществѣ считаютъ холостымъ, даетъ поводъ ко всякимъ оскорбительнымъ для нея намекамъ. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что одинъ изъ друзей нашего героя, Маркизъ Дю-Лоре, большой острякъ и скептикъ,

[9]) «Между нами», говоритъ онъ: «я имѣю слабость краснѣть отъ почтеннаго, нѣжнаго, законнаго и прекраснаго названія супруга, которое заставляетъ меня содрогаться, когда я его произношу, и которое нынѣшніе нравы сдѣлали смѣшнымъ.

единомышленникъ Ариста во взглядахъ на бракъ, бывая часто въ его домѣ, влюбляется въ Мелиту и начинаетъ серьезно ухаживать за нею. Мелита проситъ мужа объявить маркизу, что она его жена. Бѣдный Аристъ теряетъ голову и не знаетъ, что предпринять. Ревность заговорила въ немъ, но боязнь насмѣшекъ беретъ верхъ: онъ остается глухъ къ мольбамъ жены и предоставляетъ ей самой выпутаться изъ сѣтей маркиза, сказавъ ему, что ея сердце принадлежитъ другому. Кроткая Мелита въ точности исполняетъ волю своего повелителя. Избавившись отъ одной опасности, Аристъ попадаетъ въ другую. Пріѣзжаетъ его дядя, Жеронтъ, богатый, грубый самодуръ съ цѣлью женить племянника на своей падчерицѣ. Не встрѣчая сочувствія своему проекту со стороны Ариста, старикъ разражается гнѣвомъ и категорически заявляетъ, что, въ случаѣ неисполненія его требованія, онъ лишитъ его наслѣдства. Эта угроза, какъ это ни странно, производитъ впечатлѣніе на нашего героя. Онъ хотя и философъ, но, видимо, не прочь поклоняться и золотому тельцу. На счастіе Ариста пріѣзжаетъ его отецъ Лизимонъ, разорившійся, слабохарактерный, забитый судьбою человѣкъ, находящійся въ денежной зависимости отъ сына. Замѣтивъ, что Аристъ грустенъ, задумчивъ, отецъ проситъ сына повѣдать ему свое горе. И тотъ, послѣ долгой внутренней борьбы, открываетъ ему свою тайну. Отецъ, который порядкомъ побаивается своего братца Жеронта, обѣщаетъ ему поддержку въ борьбѣ съ упрямымъ старикомъ. Сообща принимаются они за дѣло; имъ удается уговорить Жеронта отложить свадьбу на недѣлю, а тѣмъ временемъ Аристъ узнаетъ, что маркизъ, потерявши всякую надежду на Мелиту, собирается жениться на падчерицѣ Жеронта. Маркизъ не боится насмѣшекъ и,

въ противоположность нашему философу, самъ объявляетъ ему о своемъ намѣреніи. Казалось бы, чего проще послѣ этого признанія пріятеля, послѣдовать его примѣру и положить предѣлъ мученіямъ жены. Нашъ герой и не думаетъ это дѣлать. Узнавъ о томъ, что его бракъ съ Мелитою уже не тайна для маркиза, благодаря болтливости Селіанты, Аристъ рѣшается бѣжать изъ города въ деревню. Но вотъ появляется Дамонъ и приноситъ новую тревожную вѣсть о томъ, что Жеронтъ, которому также стало извѣстно о бракѣ нашего героя съ Мелитою, поклялся, во что бы то ни стало, расторгнуть этотъ бракъ, заключенный безъ вѣдома родителей. Только этотъ послѣдній ударъ заставляетъ нашего философа образумиться. Мысль о возможности разлуки съ горячо любимою имъ женщиною причиняетъ ему невѣроятныя муки. Теперь онъ готовъ вступить въ отчаянную борьбу съ дядюшкою, но дѣло обходится и безъ боевой схватки. Кротость Мелиты оказываетъ магическое дѣйствіе на самодурство Жеронта, который капитулируетъ передъ ея нравственными качествами и санкціонируетъ бракъ своего племянника.

Піеса заключается слѣдующими словами Ариста, исцѣлившагося, наконецъ, отъ предразсудка противъ брака:

«Pour Vous mettre, Melite, au comble de Vos voeux,
«En face du public resserrons nos doux noeuds,
«Et prouvons aux railleurs que malgré leurs outrages,
«La solide vertu fait d'heureux mariages»[10]).

[10]) «Чтобы исполнить Вашу завѣтную мечту, Мелита, соединимъ еще тѣснѣе наши нѣжныя узы передъ глазами всего свѣта и докажемъ насмѣшникамъ, что, несмотря на ихъ козни, стойкая добродѣтель создаетъ счастливые браки».

Таково содержаніе комедіи: «Женатый философъ» [11]).

По мнѣнію Шевріе [12]) (+1762), сюжетъ піесы Детуша заимствованъ изъ комедіи Кампистрона: «le jaloux désabusé» (1709). Лессингъ отрицаетъ зависимость «Женатаго философа» отъ «Исправленнаго ревнивца». По его мнѣнію, эти піесы, за исключеніемъ одной только сцены, ничего общаго между собою не имѣютъ [13]).

Нѣкоторое сходство однако между героями піесъ Кампистрона и Детуша несомнѣнно существуетъ. Какъ тотъ, такъ и другой до брака подсмѣивались надъ нѣжными и ревнивыми супругами; послѣ брака они оба стыдятся обнаружить любовь къ своимъ женамъ; Аристъ ревнуетъ Мелиту къ маркизу Дю-Лоре, Дорантъ ревнуетъ Селію къ Эрасту, но оба они тщательно скрываютъ ревность, изъ боязни прослыть чудаками; оба они кореннымъ образомъ измѣняютъ свои взгляды на бракъ, когда имъ грозитъ опасность навсегда потерять дорогія имъ существа.

Но отмѣченное нами сходство въ характерахъ Ариста и Доранта не даетъ еще основанія утверждать, что Детушъ заимствовалъ сюжетъ «Женатаго философа»

---

[11]) Мы разсказали только главную интригу піесы, оставивъ въ сторонѣ побочную (которая заканчивается женитьбою Дамона на Селіантѣ), какъ не имѣющую интереса для нашихъ цѣлей, но эта побочная интрига, надо замѣтить, превосходитъ, съ художественной точки зрѣнія, главную интригу. Образъ капризной, своенравной Селіанты, срисованный, по словамъ сына поэта, съ натуры, а именно съ свояченицы Детуша, очерченъ въ высшей степени живо.

[12]) Chevrier. «Observations des stectacles» t. II p. 135.

[13]) «Гамбургская Драматургія», рус. пер. Разсадина ст. LI, стр. 255—259.

фа» изъ комедіи Кампистрона. По указанію сына поэта, въ предисловіи къ посмертному изданію «Театра» отца, поводомъ къ сочиненію «Женатаго философа» послужила оригинальная женитьба Детуша въ Англіи, о которой мы уже говорили выше. Съ своей стороны, мы думаемъ, что на піесѣ Детуша отразилось еще вліяніе нравоучительно сентиментальныхъ комедій Сиббера. И въ самомъ дѣлѣ, кроткій образъ героини Детуша напоминаетъ намъ родственныхъ ей по духу героинь піесъ Сиббера: «The Love's last shift» и «The Careless Husband». Къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай еще вернуться ниже.

Въ своемъ «Philosophe marié» Детушъ задѣлъ за живое «модный» тогда въ высшемъ обществѣ «предразсудокъ противъ брака», съ которымъ уже боролся и Кампистронъ въ указанной нами выше комедіи и самъ Детушъ въ его раннихъ произведеніяхъ. Любить жену, по понятію французскаго аристократа того времени, почиталось чуть не за грѣхъ. Только буржуа, людямъ низшей породы, предоставлена была въ этомъ отношеніи свобода. Супруги изъ аристократическаго круга, жили, не стѣсняя себя въ любовныхъ авантюрахъ [14]). Этотъ духъ времени, эти странные взгляды на бракъ, эта, санкціонируемая модою, распущенность нравовъ, нашли себѣ отраженіе въ комедіяхъ Реньяра, Данкура и др. послѣдователей Мольера, въ протокольномъ изображеніи которыхъ отрицательныхъ нравовъ общества сквозило если не явное сочувствіе къ нимъ, то по край-

---

[14]) Съ подробностями этого предразсудка читатель можетъ познакомиться у Тэна: «Origines de la France contemporaine». L'Ancien Règime, livre deuxième, chapitre II. De Goncourt la Femme au XVIII siècle.

ней мѣрѣ полнѣйшій индиферентизмъ. Герой первой комедіи Детуша: «le Curieux Impertinent», до такой степени напуганъ модными браками, что прежде, чѣмъ жениться на любимой дѣвушкѣ, онъ хочетъ убѣдиться не только въ томъ, что она любитъ его въ настоящую минуту, но и въ томъ, что она всегда ему будетъ вѣрна. Онъ хочетъ жить по старой модѣ, т.-е. любить жену и быть любимымъ ею. Съ этою цѣлью онъ обращается къ своему лучшему другу и проситъ испытать вѣрность его будущей супруги. Средство, надо сознаться, было выбрано не изъ очень удачныхъ. Пріятель понемногу входитъ въ свою роль и безумно влюбляется въ невѣсту не въ мѣру любопытнаго друга, а дѣвушка, оскорбленная излишней подозрительностью нашего героя, выходитъ замужъ за его друга [15]).

«Признаюсь, мадемуазель», говоритъ субретка Нерина своей барышнѣ въ одноактной комедіи Детуша:

---

[15]) Сюжетъ этой комедіи заимствованъ изъ новеллы Сервантеса: «El Curioso Impertinente», впервые напечатанной въ I-й ч. Донъ-Кихота 1605 г. Она была включена въ его «Novelas Exemplares» 1613 г., о которыхъ авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «я далъ имъ названіе «образцовыхъ», потому что, если вы вникните въ ихъ содержаніе, то убѣдитесь, что въ ихъ числѣ нѣтъ ни одной, изъ которой нельзя было бы извлечь образца для подражанія». Эта «нравоучительная новелла» привлекла вниманіе многихъ драматурговъ. Кромѣ Детуша, ею воспользовались для своихъ піесъ Де-Кастро и англ. писатель Краунъ. (Тикноръ: «Ист. Исп. Лит.», русск. пер. проф. Н. И. Стороженка 1883 г. II р. 104—105; 268. Ветцъ указалъ еще на 2 драматическія обработки того же сюжета: Brosse «Le Curieux Impertinent ou le jaloux». (1645 г.) и Thomas Southerne The Disappointment or The Mother in Fashion 1684 г. (ibidem. p. 95).

«Le Triple mariage»: «любовь и бракъ уже давно находятся въ разводѣ, поклявшись другъ другу никогда не жить вмѣстѣ» (Scène IV).

Любопытную характеристику любовныхъ отношеній того времени мы находимъ въ комедіи: «L'Obstacle Imprévu». «Вы недавно изъ провинціи», говоритъ Анжеликѣ слуга Пасквенъ: «надо вамъ повѣдать, какъ у насъ любятъ. Вы входите въ какое-нибудь собраніе, въ общество; осматриваетесь, выбираете себѣ изъ дамъ одну, которая наиболѣе вамъ по вкусу; вы бросаете на нее нѣжные взгляды, ищете случай съ нею заговорить и заговариваете. Признаніе дѣлается сразу. Если красавица скандализирована, что бываетъ очень рѣдко, то вы преспокойно отходите отъ нея; если же она милостиво принимаетъ ваше ухаживаніе, то вы разсыпаетесь въ любовныхъ увѣреніяхъ. Она отвѣчаетъ вамъ тѣмъ же, и вотъ ваше дѣло готово. Затѣмъ вы вмѣстѣ посѣщаете балы, театры, злословите, нюхаете табакъ, пьете шипучія вина, поглощаете ликеры, проводите ночи въ игрѣ. Удовольствіе—это единственное ваше стремленіе, вы его ищете вмѣстѣ, пока вы нравитесь другъ другу. Какъ только въ вашихъ отношеніяхъ проявится скука, мужчина тянетъ въ одну, дама въ другую сторону; оба стремятся къ новымъ привязанностямъ». Вотъ какимъ образомъ, резюмируетъ свою характеристику общества Пасквенъ: «рождаются, существуютъ и кончаютъ свой вѣкъ страстныя увлеченія въ наши дни». (I, 2) [16]).

---

[16]) Припомнимъ интересный разговоръ Селіанты съ субреткою Финеттою о бракѣ въ «Женатомъ философѣ». Послѣдняя уговариваетъ барышню выйти замужъ за Дамона. «Люди высшаго круга», говоритъ она: «слѣдуютъ всегда мо

Совсѣмъ иныхъ взглядовъ на любовь держится въ той же піесѣ Анжелика. Эта умная сердечная дѣвушка искренно полюбила Валера, но, къ своему горю, замѣчаетъ, что послѣдній вовсе не любитъ ее и въ бракѣ съ нею видитъ только возможность поправить свои денежныя дѣла. «Нѣтъ, Валеръ, вы меня не любите. Я предназначена вамъ въ жены, и это уже заранѣе васъ отталкиваетъ отъ меня. О, какъ я далека отъ вашихъ взглядовъ. Чѣмъ болѣе я думаю, что я буду вашею женою, тѣмъ горячѣе привязывается мое сердце къ вамъ. Въ нѣжныхъ и добродѣтельныхъ сердцахъ самыя сильныя страсти развиваются тогда, когда долгъ санкціонируетъ увлеченіе... Я хочу, чтобы вы меня любили не такъ, какъ молодые люди вашихъ лѣтъ... Я хочу реформировать ваше сердце и сдѣлать его способнымъ къ такой же нѣжной страсти, какъ моя». Мечтательная Анжелика думаетъ найти средство для исправленія этого пустого малаго въ совмѣстномъ чтеніи романовъ. «Тамъ вы узнаете, что самыя прекрасныя чувства стремятся только къ браку, и что они никогда не уничтожаются этими узами».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти во всѣхъ комедіяхъ, написанныхъ Детушемъ до «Женатаго философа», онъ возставалъ противъ распущенности семейныхъ нравовъ въ высшихъ слояхъ современнаго ему общества, но въ нихъ онъ удѣляетъ этому вопросу сравнительно мало мѣста, тогда какъ піеса: «Le Philo-

---

дѣ, и всякій придворный долженъ быть удобнымъ мужемъ: это самое главное условіе въ бракѣ. Что вамъ за дѣло, что мужъ вашъ глупъ, если онъ позволяетъ вамъ имѣть возлюбленнаго». На это барышня, нѣсколько подумавъ, отвѣчаетъ: «А, въ сущности говоря, ты права». (А. II, 1).

sophe marié», вся посвящена борьбѣ съ предразсудкомъ противъ брака. Надо однако замѣтить, что пріемъ, придуманный Детушемъ для этой борьбы, не можетъ быть признанъ вполнѣ удачнымъ. Вмѣсто того, чтобы взять въ герои своей комедіи какого нибудь пустого фата или стараго развратника, нашъ поэтъ навязываетъ модные взгляды на бракъ—философу, который долженъ стоять выше толпы съ ея безсмысленными предразсудками. Конечно, Аристъ—философъ только по имени. Хотя онъ и защищаетъ философію отъ нападокъ своего дядюшки—обскуранта, но его поступки противорѣчатъ его словамъ. Малѣйшій пустякъ способенъ привести этого мудраго философа въ отчаяніе: онъ теряетъ голову, не знаетъ, что предпринять, обращается въ безпомощнаго ребенка; онъ боится людской молвы, боится насмѣшекъ пустыхъ людей и, въ угоду своей трусости, приноситъ въ жертву самолюбіе и спокойствіе кроткой любящей жены, которая переноситъ свои страданія съ чисто-философскимъ терпѣніемъ: онъ, философъ, скрываетъ свой бракъ изъ боязни лишиться наслѣдства дядюшки, передъ которымъ онъ низко раскланивается, хотя и знаетъ его за грубаго и весьма посредственнаго въ нравственномъ отношеніи человѣка.

Современная Детушу критика [17]) справедливо указала ему на то, что онъ совершенно напрасно назвалъ героя своей комедіи «философомъ».

---

[17]) «Reflexions critiques sur le Philosophe marié». Paris Le Breton 1727; «Les caractères de la Comédie du Philosophe marié». Paris. 1727. Lettre critique sur la nouvelle comédie du Philosophe Marié, ou du Mari honteux de l'être à M. Maillard, ancien avocat au Parlement Paris. Oudat. 1727. «Apologie du Philosophe marié, réponse à la lettre critique adressée» à M. Maillard A. A—*** de l'Académie Française 1727.

Детушъ счелъ нужнымъ возразить своимъ критикамъ. Въ томъ же 1727 году онъ поспѣшилъ поставить одноактную комедію: «L'Evieux ou la critique du Philosophe marié». Эта піеса принадлежитъ такъ же, какъ и «Женатый философъ», къ «comédies de caractères». Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является здѣсь писатель Ликандръ, до того завистливый человѣкъ, что онъ не можетъ слышать о чьемъ-либо успѣхѣ. Чужая радость причиняетъ ему тяжкія страданія. Въ этой карикатурной фигурѣ должны были узнать себя критики и хулители «Женатаго философа». Піеса не имѣла успѣха, благодаря ея тенденціозности.

Устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ Детушъ старается доказать правильность заглавія піесы: «Le Philosophe Marié», но апологія эта ведется имъ не особенно удачно. Подъ конецъ довольно туманнаго и блѣднаго разсужденія авторъ приходитъ къ тому заключенію, что, если приведенные имъ доводы не убѣдятъ его противниковъ, то послѣдніе во всякомъ случаѣ могутъ примириться съ вторымъ заглавіемъ его піесы: «Le Mari honteux de l'être».

Въ этой комедіи мы находимъ весьма интересное указаніе поэта на то, что въ «Женатомъ философѣ» имѣются патетическія, серьезныя сцены. Араминта только что вернулась изъ театра съ представленія «Le Philosophe marié» и передаетъ свои впечатлѣнія Ликандру. Піеса, по ея словамъ, имѣла огромный успѣхъ: въ теченіе первыхъ трехъ актовъ театральный залъ все время оглашался смѣхомъ, «но, что васъ должно поразить, сударь», замѣчаетъ Араминта: «такъ это то, что четвертое дѣйствіе началось серьезною сценою между философомъ и его отцомъ, и что эта сцена показалась столь трогательною, что всѣ зрители принялись пла-

кать». Эти слова производятъ на Ликандра потрясающее впечатлѣніе: «Плакать въ комедіи! да вѣдь это безразсудно!» (sc. 9) «Pleurer à une comédie! Mais cela est fou!» — Это голосъ убѣжденныхъ нео-классиковъ, это отзвукъ наставленія Буало:

«Le comique, ennemi des soupirs et des pleurs».
N'admet point en ses vers de tragiques douleurs» [18])

Детушъ сознавалъ, что въ его «Женатомъ философѣ» есть что-то новое, чѣмъ эта піеса отклоняется отъ обычнаго для комедіи пути; ему, быть-можетъ, приходилось даже слышать отъ своихъ критиковъ слова, которыя говоритъ его Ликандръ: «Pleurer à une comédie! mais cela est fou!» Детушъ хотѣлъ, видимо, обратить вниманіе читателей и зрителей на этотъ новый элементъ въ его комедіи. Въ своемъ «Завистливомъ» Детушъ неоднократно повторяетъ, что серьезныя сцены въ «Женатомъ философѣ» чередуются съ веселыми сценами. Такъ, Белиза, невѣста Ликандра, говоритъ своему жениху, что послѣ свадьбы она непремѣнно поведетъ его смотрѣть «Le Philosophe marié», и утверждаетъ, что тотъ, несмотря на его предубѣжденія противъ этой піесы, будетъ отъ души смѣяться. «Я не буду смѣяться», отвѣчаетъ ей на это Ликандръ — «Въ такомъ случаѣ вы будете плакать», замѣчаетъ Белиза: «потому что въ піесѣ имѣются мѣста, которыя заставляютъ зрителя плакать».

Одинъ изъ пріятелей Ликандра разсказываетъ послѣднему о томъ, что даже тѣ, которые были подкупле-

[18]) «Комедія, врагъ вздоховъ и слезъ, не допускаетъ въ своихъ стихахъ трагической печали». Тоже говоритъ Горацій въ «Ars Poetica»: «Versibus exponi tragices res comoedia non vult».

ны имъ для того, чтобы шикать и свистѣть во время хода піесы Детуша, не могли не подчиниться всеобщему увлеченію. «Я имѣлъ несчастіе», говоритъ онъ: «видѣть ихъ апплодирующими, смѣющимися и плачущими».

Какія же сцены въ «Женатомъ философѣ» могли вызвать у зрителей слезы? На этотъ вопросъ мы имѣемъ уже готовый отвѣтъ самаго поэта. Онъ самъ намъ указалъ на одну изъ серьезныхъ сценъ своей піесы, а именно на ту, которою открывается 4-ый актъ, т. е. на сцену объясненія Ариста съ его отцомъ. Тонъ бесѣды Лизимона, этого добраго, скажемъ даже сентиментальнаго, старика съ сыномъ представляетъ несомнѣнную новость. Французскій партеръ привыкъ видѣть другой типъ отца, обыкновенно фигурирующій въ комедіяхъ, обращавшійся съ сыновьями не какъ съ равными, а какъ съ подчиненными, которые, въ свою очередь, платили ему холодностью и всякими продѣлками. Но отмѣченная самимъ поэтомъ сцена 4-го акта не единственная въ піесѣ Детуша, которая способна растрогать чувствительныхъ зрителей. Самъ поэтъ говоритъ: «Il y a dans la piece des endroits, qui font pleurer» [19]). Намъ представляется возможнымъ къ этимъ «endroits» отнести еще ту сцену, въ которой кротость и добродѣтель Мелиты побѣждаютъ самодурство Жеронта (V, 10) и, пожалуй, даже ту, въ которой Аристъ узнаетъ объ угрозѣ дядюшки расторгнуть его бракъ съ Мелитою (V, 5).

Минуя неимѣвшую успѣха піесу: «Влюбленные философы», мы переходимъ теперь къ «Тщеславному», который признается нѣкоторыми критиками не только

---

[19]) «Въ піесѣ есть мѣста, которыя заставляютъ плакать».

лучшимъ произведеніемъ Детуша, но и вообще драматическимъ шедевромъ XVIII в. [20]). Почти всѣ современники поэта отзываются объ этой піесѣ съ большою похвалою, такъ, напримѣръ, Лагарпъ, который вообще не долюбливалъ Детуша, находитъ, что «онъ превзошелъ самого себя» въ «Тщеславномъ» [21]). Любопытно вспомнить противорѣчивыя сужденія объ этой піесѣ Вольтера. Въ письмѣ къ M-re de Cideville (февр. 1732) онъ говоритъ, что «піеса холодна какъ по содержанію, такъ и по формѣ». Вольтеръ убѣжденъ въ томъ, что успѣхомъ, которымъ пользуется «Тщеславный», Детушъ обязанъ игрѣ артистовъ. Въ 1747 г. Вольтеръ пишетъ Д' Аржанталю: «Я видѣлъ «Тщеславнаго», который былъ жесточайшимъ образомъ искалѣченъ актерами, но піеса тѣмъ не менѣе доставила мнѣ огромное удовольствіе. Я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда-либо, въ томъ, что это произведеніе въ отношеніи нравовъ можетъ быть сравнено съ лучшими произведеніями Мольера; интригою же оно превосходитъ почти всѣ творенія послѣдняго».

Познакомимся прежде всего съ предисловіемъ Де-

---

[20]) Таково мнѣніе Villemain (Cours de littérature française XVIII s. 12 leçon. Paris Didier 1859). Другого мнѣнія держится Nisard: «Лучшее произведеніе Детуша: «Тщеславный», говоритъ онъ: «требуетъ дѣтскаго партера, хотя въ ней и нѣтъ недостатка въ правдивыхъ и изящныхъ чертахъ, которыя могутъ быть оцѣнены и родителями» («Litt. Franç» IV p. 222) Піеса Детуша теперь позабыта, но два стиха вошли въ разговорную рѣчь:

«La critique est aisée, mais l'art est difficile (Acte II sc. 5)
Chassez le naturel, il revient au galop». (A. III sc. 5).

[21]) La Harpe. «Lycée ou Cours de Littérature ancienne et moderne». Paris 1817. t. x p. 339.

туша, имѣющимъ для насъ большой интересъ. Мы приводимъ его почти цѣликомъ. «Извѣстно, что я всегда имѣю въ виду великій принципъ, продиктованный Горацiемъ: «Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci», и что я признаю драматическое искусство лишь настолько заслуживающимъ уваженія, насколько оно преслѣдуетъ цѣль поучать, забавляя (Instruire en divertissant). Я всегда считалъ за непреложное правило то, что, какъ бы ни была забавна комедія, она будетъ произведеніемъ несовершеннымъ и даже опаснымъ, если ея авторъ не поставитъ себѣ задачею исправлять нравы, нападать на человѣческія слабости, изобличать порокъ и представлять добродѣтель въ такомъ дивномъ сіяніи, чтобы привлечь къ ней всеобщее уваженіе и почтеніе... Всѣ мои зрители единодушно показали и самымъ для меня лестнымъ образомъ, что они весьма сочувственно относятся къ этимъ стремленіямъ.» Детушъ отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую во вкусахъ его націи. «Комедіи, которымъ старинный предразсудокъ предоставлялъ лишь нравиться обществу и развлекать его, могутъ въ настоящее время его развлекать и долго ему нравиться лишь въ томъ случаѣ, когда общество находитъ въ этомъ пріятномъ зрѣлищѣ не только то, что дѣлаетъ его невиннымъ и дозволеннымъ, но также и то, что можетъ способствовать къ его обученію и къ его исправленію». «Зрители обнаруживаютъ теперь», по словамъ Детуша: «вкусъ только къ такимъ произведеніямъ, которыя стремятся къ тому, чтобы облагородить сцену, чтобы очистить ее отъ легкомысленныхъ остротъ, отъ этого умственнаго разврата, отъ этого ложнаго блеска, отъ этихъ грязныхъ двусмысленностей, отъ этой плоской игры словъ, отъ этихъ низкихъ и порочныхъ нравовъ, которые зачастую были присущи ей и сдѣлали

комедію достойною уваженія и присутствія порядочныхъ людей». «Не трудно убѣдиться въ томъ», замѣчаетъ далѣе Детушъ: «что во всѣхъ моихъ твореніяхъ, переполненныхъ, правда, недостатками, я стремился нравиться лишь такимъ зрителямъ. Вся моя заслуга, которою я могу гордиться, заключается въ томъ, что я принялъ тонъ, показавшійся новымъ, хотя послѣ несравненнаго Мольера, казалось, что нѣтъ иного секрета нравиться публикѣ, какъ только итти по его слѣдамъ. Но какая дерзость слѣдовать образцу, который наиболѣе мудрые и справедливые писатели считали всегда неподражаемымъ. Убѣдившись въ невозможности сравняться съ нимъ, мы будемъ вполнѣ счастливы, если какимъ-нибудь новымъ путемъ сдѣлаемся терпимыми послѣ него».

Постараемся теперь проанализировать это любопытное предисловіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть признано литературнымъ «profession de foi» Детуша. Нашъ поэтъ считаетъ себя творцомъ новаго направленія въ комедіи. Что же это за новый путь, открытый Детушемъ и невѣдомый самому «неподражаемому и несравненному» Мольеру? Детушъ говоритъ, что авторы комедіи до сихъ поръ заботились только о забавѣ и развлеченіи зрителей, которые теперь требуютъ, чтобы они не только забавляли и развлекали ихъ, но еще и **поучали и исправляли**. Изъ предисловія Детуша можно заключить, что онъ яко бы первый отвѣтилъ на эти новые запросы общества. Но спрашивается, можно ли назвать Детуша творцомъ нравоучительной комедіи во Франціи. Извѣстно, что Мольеръ въ своихъ лучшихъ, по крайней мѣрѣ, произведеніяхъ всегда имѣлъ въ виду нравоучительную цѣль. Вотъ что, напр., онъ говоритъ въ «premier placet présenté au roi» по поводу «Тартюфа».— «Такъ какъ за-

дача комедіи заключается въ исправленіи людей посредствомъ развлеченія, то я полагалъ, что на моемъ мѣстѣ мнѣ ничего не оставалось лучшаго дѣлать, какъ бороться съ пороками моего времени, описывая ихъ въ смѣшномъ видѣ». Преслѣдуя въ своихъ комедіяхъ нравоучительную цѣль, Мольеръ затрогивалъ въ нихъ порою весьма серьезные вопросы, касался въ нихъ очень важныхъ общественныхъ недуговъ. Не даромъ говоритъ Гёте, что «мольеровскія комедіи трагичны въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова» [22]). Самъ Мольеръ (въ III дѣйствіи своей піесы: «les Fourberies de Scapin») устами Zerbinette говоритъ о себѣ слѣдующее: «нравъ у меня веселый, и я безпрестанно смѣюсь, но и, смѣясь, я бываю серьёзнымъ, по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ». И въ самомъ дѣлѣ, сюжеты, основныя идеи «Тартюфа», «Мизантропа», «Скупого», «Жоржа Дандена», «Донъ-Жуана» и многихъ другихъ комедій Мольера весьма серьёзны.

Переходя къ комедіямъ Готероша (Hauteroche) Монфлери, Пуассона, Дюфрени, Реньяра, Данкура и другихъ, мы убѣждаемся не только въ несомнѣнномъ литературномъ, но также и въ нравственномъ превосходствѣ произведеній Мольера надъ твореніями его соперниковъ и ближайшихъ послѣдователей. Намъ приходится отмѣтить въ нихъ удивительно спокойное, снисходительное, а зачастую и санкціонирующее отношеніе къ пороку. Мы наблюдаемъ множество двусмысленностей и циничныхъ остротъ [23]). Въ противоположность Мольеру,

---

[22]) Существуетъ диссертація Vasserzieher 'a: «Die tragischen Züge bei Molière». Iena 1882.

[23]) Lucas. «Histoire philosophique et littéraire du théâtre». 1862. v. I p. 204—221.

этому великому «моралисту», названные нами поэты признаютъ единственною цѣлью ихъ творчества — забаву, развлеченіе зрителей. Вотъ что говоритъ профессоръ Пети-де Жюллевиль о двухъ наиболѣе извѣстныхъ комедіяхъ Реньяра: «По существу положеніе это очень удручающее (рѣчь идетъ о комедіи: «le Légataire Universel» 1708 г). Современный намъ авторъ извлекъ бы изъ этого положенія драму или по крайней мѣрѣ мрачную и печальную комедію, но Реньяръ окутываетъ всѣ эти низости (vilénies) блестящею дымкою искрящейся веселости. «Игрокъ (другой шедевръ Реньяра 1696 г.) превратился въ нашемъ вѣкѣ въ героя драмы; онъ возбуждаетъ ужасъ, состраданіе, слезы: онъ влечетъ за собою на сцену безчестіе, нищету, убійство, самоубійство, но Реньяръ принадлежитъ, по вкусамъ и убѣжденіямъ, къ чистой классической традиціи; онъ не допускаетъ иныхъ комедій, какъ только такихъ, которыя вызываютъ смѣхъ [24]). Приведемъ еще сужденіе извѣстнаго драматическаго критика Жофруа о Данкурѣ. «Этотъ авторъ», говоритъ онъ: «во всѣхъ своихъ произведеніяхъ забавенъ, остроуменъ, натураленъ; онъ весело и свободно смѣется надъ современными ему нравами, но, мало озабоченный мыслью исправлять ихъ, онъ представляется намъ поэтомъ легкомысленнымъ и поверхностнымъ» [25]). Эта, бьющая ключомъ въ комедіяхъ Реньяра и Данкура беззаботная веселость, такъ хорошо гармонировавшая съ тѣмъ безумнымъ весельемъ, которое царило въ высшемъ французскомъ обществѣ времени регенства Герцога Орлеанскаго, такъ увлекало ав-

---

[24]) Petit de Julleville. Histoire du thèatre français. Paris Armand Colin 1889 p. 251, 255.

[25]) Geoffoy. Cours de littérature dramatique, 1819. v II p. 170

торовъ этихъ комедій, что они порою не умѣли различить, «гдѣ кончается веселость, и гдѣ уже начинается распущенность» [26]). «Много ушей», замѣчаетъ Люка по поводу комедій Реньяра»: «которыхъ нельзя обвинить въ крайней щепетильности или въ излишнемъ ригоризмѣ, были скандализированы тѣми вольностями, которыя позволилъ себѣ авторъ по отношенію къ нравственности и благочестію» [27]). Руссо въ своемъ знаменитомъ посланіи (Sur les Spectacles) къ Даламберу удивляется тому, какимъ образомъ полиція и цензура разрѣшаютъ играть «le Légataire Universel». «Самыя священныя права, самыя трогательныя чувства», говоритъ онъ: «осмѣяны въ этой презрѣнной сценѣ. Наиболѣе достойныя наказанія продѣлки собраны здѣсь, какъ будто нарочно, съ такою веселостью, которая заставляетъ ихъ принять за шалости. Подлогъ, кража, плутни, ложь, безчеловѣчная жестокость,—все тамъ есть и все тамъ удостаивается аплодисментовъ». Утрировка и излишній ригоризмъ приведенной цитаты несомнѣнны. Здѣсь сказалась обычная парадоксальность воззрѣній Руссо на ненавистную ему цивилизацію со всѣми ея аттрибутами. Тѣмъ не менѣе однако, если мы сопоставимъ комедіи современниковъ и ближайшихъ послѣдователей Мольера съ піесами Детуша, то мы убѣдимся въ томъ, что послѣдній имѣлъ основанія противополагать свои «нравоучительныя комедіи» выше означеннымъ произведеніямъ. Но имѣлъ ли Детушъ основаніе противополагать свои комедіи піесамъ Мольера, въ которыхъ, какъ мы уже говорили, послѣдній всегда преслѣдовалъ нравоучительную цѣль? На первый взглядъ неразрѣшимый вопросъ разрѣшается довольно просто.

---

[26]) Lucas ibidem. I p. 281.

[27]) Idem. I p. 281.

Поэтическій кодексъ того времени требовалъ, чтобы «недостатки, которымъ подражаетъ комедія (съ цѣлью исправленія нравовъ), не были бы слишкомъ удручающими для того, чтобы вызывать у зрителей состраданіе; ни слишкомъ возмутительными для того, чтобы возбуждать ненависть, ни слишкомъ опасными для того, чтобы внушать ужасъ; порокъ принадлежитъ комедіи лишь настолько, насколько онъ смѣшенъ и презрѣненъ» [28]). Примѣняясь къ этимъ требованіямъ поэтическаго кодекса, Мольеръ старается найти комическое выраженіе «трагическимъ» мотивамъ въ его піесахъ. Онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы атмосфера въ его комедіяхъ не очень бы сгустилась; чтобы зрители не вынесли трагическаго впечатлѣнія изъ его піесы, а на это у него всегда имѣются въ запасѣ шутки, остроты, и тотчасъ настроеніе зрителя, которое готово было уже сдѣлаться мрачнымъ, превращается, по мановенію волшебника—поэта, въ добродушно-веселое; въ замолкшемъ было партерѣ снова раздается веселый смѣхъ. «У Мольера», говоритъ Тэнъ: «истина составляетъ основаніе (его піесъ), но она скрыта; онъ слышалъ рыданія человѣческой трагедіи, но ему не хотѣлось быть эхомъ ихъ... Надо представить въ смѣшномъ видѣ Тартюфа, Гарпагона, докторовъ: смѣшное заставляетъ забывать порокъ, и вмѣсто того, чтобы ужасаться, мы съ удовольствіемъ надъ ними посмѣемся... Не бойтесь, философія не погибнетъ за скоморошничествомъ, она выплываетъ даже въ «Мнимомъ больномъ». Облекать все, даже серьезное, въ смѣшное есть отличительное свойство француза и свѣтскаго человѣка» [29]).

Въ «Критикѣ Школы Женщинъ» Мольера есть

---

[28]) Dictionnaire dramatique 1776 t. I. p. 262.

[29]) Тэнъ. «Ист. англ. лит.», рус. пер. II т. р. 65—67.

мѣсто, которое заставляетъ насъ думать, что послѣдняго стѣсняло порою это непремѣнное требованіе, во что бы то ни стало, смѣшить, шутить тогда, когда хотѣлось бы плакать. Мало того, что авторъ комедіи правдиво изобразилъ въ ней тотъ или другой порокъ современнаго ему общества, онъ долженъ еще «шутить» (plaisanter), «et c'est une étrange entreprise», замѣчаетъ Мольеръ: «que celle de faire rire les honnêtes gens» [30]). Быть-можетъ, великій поэтъ сознавалъ узкость классической системы, въ которой не было мѣста для серьезныхъ піесъ изъ жизни обыкновенныхъ людей. Впрочемъ, Мольеръ понималъ, что въ борьбѣ съ человѣческими слабостями и пороками смѣхъ—великое и страшное орудіе. Комедія Мольера можетъ быть въ этомъ отношеніи сравнена съ комедіями нашего Гоголя. Какъ у того, такъ и у другого поэта основная идея піесъ, ихъ содержаніе весьма серьезны, но это содержаніе облекается у нихъ въ комическую форму. Мольеръ, подобно Гоголю, убѣжденъ въ томъ, что благородный смѣхъ всесиленъ. «Прекраснѣйшія черты серьезной морали», разсуждаетъ французскій поэтъ въ предисловіи къ «Тартюфу»: «оказываются менѣе могущественными въ сравненіи съ чертами сатиры. Ничто не дѣйствуетъ такъ на людей, какъ изображеніе ихъ недостатковъ. Отдавая на всеобщее осмѣяніе пороки, мы этимъ наносимъ имъ жестокій ударъ. Порицанія переносятся легко, но не насмѣшки. «On veut bien être méchant, mais on ne veut pas être ridicule» [31]). Аналогичныя мысли высказывались неоднократно Гоголемъ.

---

[30]) «А это довольно странная задача смѣшить порядочныхъ людей».

[31]) «Люди хотятъ быть злыми, но они не хотятъ быть смѣшными».

Глубоко вѣруя въ нравственное, оздоравливающее значеніе основной стихіи комедіи—смѣха, сознавая въ себѣ силу огромнаго комическаго таланта, Мольеръ не боялся за то, что шутки, а порою и двусмысленныя остроты, которыми онъ сдабривалъ приподносимую имъ публикѣ горькую пилюлю, повредятъ главной цѣли его творчества. И мы преклоняется передъ литературнымъ и нравственнымъ значеніемъ Мольера, готовые повторить слова Тэна: «Не бойтесь, философія не погибнетъ за скоморошничествомъ».

Однако нѣкоторые критики XVIII в. держались иныхъ взглядовъ на комедію Мольера и находили возможнымъ обвинять великаго «цензора нравовъ» въ безнравственности. Такъ Фенелонъ, который, по своимъ взглядамъ принадлежитъ уже къ XVIII в., осуждаетъ Мольера въ «Lettre à l'Académie Française» за то, что тотъ, «въ угоду партеру, утрировалъ характеры, и за то, что придалъ «un tour gracieux au vice et une austerité odieuse et ridicule à la vertu» [32]).

Къ числу осуждавшихъ Мольера въ безнравственности слѣдуетъ отнести Луиджи Риккобони. Это былъ знаменитый итальянскій актеръ, долгое время игравшій въ Парижѣ, въ «Théâtre Italien», авторъ многочисленныхъ сочиненій о театрѣ [33]). Риккобони находитъ, что комедіи Мольера несвободны отъ тѣхъ недостатковъ, ко-

[32]) «Привлекательный оттѣнокъ пороку и отталкивающую и комическую суровость добродѣтели».

[33]) «L'Histoire du théâtre Italien». 1727; «Observations sur la comédie et le génie de Molière» 1736; «Pensées sur la déclamation»; «Reflexions historiques et critiques sur les différents théâtres de l'Europe»; «De la Reformation du théâtre».

торыми полны піесы его предшественниковъ, современниковъ и ближайшихъ послѣдователей. Нѣкоторыя произведенія Мольера, по его мнѣнію, до того опасны для общественной нравственности, что ихъ слѣдуетъ совершенно изгнать со сцены. Таковы «l'Ecole des maris, l'Ecole des femmes и Georges Dandin». «L'Avare и le Cocu Imaginaire» могутъ быть оставлены на сценѣ послѣ коренной переработки. Будучи въ принципѣ, какъ это ни странно, врагомъ театра, Риккобони признаетъ однако [34]) возможныхъ существованія такихъ безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи трагедій и комедій, которыя могли бы быть названы «школою нравственности». По его мнѣнію, «театръ долженъ внушать отвращеніе къ пороку и развивать вкусъ къ добродѣтели тѣмъ людямъ, которые не ходятъ въ иную школу, какъ только въ театръ, и которые безъ наставленій, получаемыхъ ими тамъ, весь вѣкъ свой не знали бы о своихъ недостаткахъ и не думали бы вовсе объ ихъ искорененіи» («De la Réformation du Théatre» p. 100). Риккобони констатируетъ даже фактъ осуществленія этой мечты, восторженно привѣтствуя появленіе комедій Ла-

[34]) Въ предисловіи къ посвященному имъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ сочиненіи: «De la Réformation du Théâtre», Риккобони говоритъ, что тотчасъ по поступленіи на сцену онъ сразу открылъ въ ней такую массу дурныхъ сторонъ, что тогда же рѣшилъ покинуть ее при первомъ удобномъ случаѣ. Ему удалось привести этотъ планъ въ исполненіе только въ 1728 г., и съ этихъ поръ начинается его открытая борьба съ театромъ. Онъ хотѣлъ бы совсѣмъ уничтожить послѣдній, но, такъ какъ онъ поддерживается правительствомъ, то Риккобони принужденъ ограничить свою борьбу съ театромъ реформою его.

шоссе, ближайшимъ предшественникомъ котораго и былъ Детушъ [35]).

Руссо тоже отрицаетъ нравоучительное значеніе комедій Мольера. «Кто не согласится со мною», говоритъ онъ въ знаменитомъ посланіи къ Даламберу: «что театръ того самаго Мольера, предъ талантомъ котораго я преклоняюсь болѣе, чѣмъ кто бы то ни было иной, не представляетъ изъ себя школы пороковъ и дурныхъ нравовъ, еще болѣе опасной, чѣмъ книги, спеціально написанныя для развращенія читателей? Онъ прежде всего озабоченъ тѣмъ, чтобы поднять на смѣхъ доброту и простоту и расположить насъ въ пользу хитрости и обмана». Въ «Жоржѣ Данденѣ» онъ заставляетъ насъ смѣяться надъ несчастнымъ обманутымъ мужемъ, въ «Скупомъ» онъ принуждаетъ насъ симпатизировать дерзкому и плутоватому слугѣ. Такъ какъ главную задачу комедій Мольера составляетъ исправленіе не пороковъ, а только странностей (ridicules), смѣшныхъ съ свѣтской точки зрѣнія, то онъ не остановился (въ «Мизантропѣ») передъ осмѣяніемъ самой добродѣтели. И все это дѣлается Мольеромъ, по мнѣнію Руссо, ради главнаго мотива его творчества: «il fallait faire rire le parterre» [36]). «Если порою Мольеръ и осмѣиваетъ порокъ, то уже во всякомъ случаѣ», говоритъ Руссо: «онъ вовсе не думаетъ о томъ, чтобы побудить насъ полюбить добродѣтель». Въ противоположность Риккобони, Руссо относится несочувственно и къ нравоучительной «слезной комедіи» «Elles instruisent beaucoup», замѣчаетъ

---

[35]) «Réflexions historiques et critiques sur les différents théâtres de l'Europe» p. 148—149.

[36]) «Надо было заставить смѣяться партеръ».

онъ: «mais elles ennuient davantage. Autant voudrait aller au sermon!» [37]).

Аналогичныя сужденія о Мольерѣ мы находимъ у Мерсье [38]).

«Всякая комедія, которая не исправляетъ порока», замѣчаетъ онъ, не хороша хотя бы ее нельзя было на-

---

[37]) Они очень поучаютъ, но еще болѣе того надоѣдаютъ. Лучше итти въ такомъ случаѣ слушать проповѣдь».

[38]) Луи-Себастьенъ Мерсье родился въ Парижѣ 6 іюня 1740 г. и умеръ тамъ же 25 апрѣля 1814 г. Это былъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ умовъ и плодовитѣйшихъ писателей Франціи XVIII в. Онъ самъ себя называлъ «le plus grand livrier de France»; въ этомъ отношеніи конкуррировать съ нимъ могъ только его пріятель и единомышленникъ въ литературныхъ и политическихъ взглядахъ—Restif de la Bretonne (1734—1806). Изъ-подъ его пера вышло огромное количество произведеній самаго разнообразнаго характера. Назовемъ его наиболѣе извѣстныя сочиненія.

L'An 2440, rève s'il en futjamais (Amsterdam 1770 3 т.) Мерсье воображаетъ себѣ, что онъ пробуждается въ 2440-мъ году въ новомъ обществѣ, представляющемъ изъ себя реализацію его политическихъ и экономическихъ утопій.

«Tableau de Paris» (Nenchâtel et Amsterdam 1781—90 12 vols)—Цѣнное для историка описаніе нравовъ французскаго дореволюціоннаго общества. Въ «Nouveau Paris» (Brunswick 1800—6 parties), который составляетъ продолженіе «Tableau de Paris», передъ глазами читателя проходятъ картины жизни общества въ періодъ революціи. Поборникъ политической свободы и равенства между людьми, Мерсье принялъ живое участіе въ великомъ переворотѣ 1789 г. Примкнувъ къ партіи Жирондистовъ, онъ старался освободить Людовика XVI отъ смертной казни, которую находилъ возможнымъ замѣнить пожизненнымъ заключеніемъ.

Припомнимъ также его «Néologie, ou Vocabulaire de mots

звать плохою. Всѣ піесы Реньяра въ этомъ родѣ и многія изъ Мольеровскихъ страдаютъ этимъ же печальнымъ недостаткомъ» (Du Théâtre, p. 84).

Подобно Руссо, Мерсье упрекаетъ Мольера въ томъ, что онъ въ своихъ комедіяхъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду не пороки (les vices), а только стран-

nouveaux à renouveler, ou pris dans des acceptions nouvelles (1801), Mon bonnet du matin и «Mon bonnet de nuit», въ которыхъ собраны очерки на всевозможныя темы, «Fragments de politique et d'histoire» въ 3-хъ томахъ, «Portraits des rois de France» въ 4-хъ т. Упомянемъ также курьёзный трактатъ Мерсье: «De l'impossibilité physique du système de Copernic, et de la chimère dite Attraction Neutonienne».

Мы познакомимся ниже съ теоретическими взглядами Мерсье на интересующее насъ направленіе въ области французской драмы XVIII в., которые мы находимъ въ его сочиненіи: «Du théâtre ou nouvel essai sur l'art dramatique» 1772 г. Большая часть его піесъ носитъ названіе «drames», герои которыхъ не суть короли и принцы, не великіе міра сего, а бѣдные и честные труженики. Мерсье сосредоточиваетъ въ нихъ свое вниманіе на изображеніе въ яркихъ и сильныхъ чертахъ горькой нужды этихъ жертвъ «неравномѣрнаго распредѣленія богатства», которое, по его словамъ, составляетъ «источникъ всѣхъ нашихъ несчастій» (Du Théâtre p. 221). Вотъ главнѣйшія его піесы: «Jeuneval, ou le Barnevelt français; le Déserteur, le Juge, l'Indigent, la Brouette du Vinaigrier; Philippe II; la Mort de Louis XI (этою «историческою піесою» воспользовался Казиміръ Делавинь для своей трагедіи «Louis XI» —1832 г.), Maison de Socrate; le Vieillard et ses trois filles (свободная передѣлка Шекспировскаго «Короля Лира»), les Tombeaux de Vérone (Ромео и Юлія) Timon d'Athènes» etc, etc. Надо замѣтить, что въ 4-хъ томный «Théâtre complet de Mercier» (1778—1784) не вошло еще множество его піесъ.

ности и ошибки (les ridicules). Когда же въ видѣ исключенія онъ вступаетъ въ борьбу съ порокомъ, то эту борьбу онъ производитъ при помощи того же самаго орудія, которымъ онъ успѣшно пользуется въ своихъ нападкахъ на «ridicules». По мнѣнію Мерсье, «les ridicules» подлежатъ осмѣянію, тогда какъ «les vices» должны быть изображены на сценѣ въ такомъ видѣ, чтобы вызвать къ нимъ отвращеніе зрителей.

«Особенно когда поэтъ изображаетъ порокъ», замѣчаетъ Мерьсе: «онъ не долженъ шутить, потому что смѣхъ въ этомъ случаѣ былъ бы кощунствомъ» (ibidem. p. 54—59, 76—77). Только въ «Тартюфѣ» порокъ изображенъ надлежащимъ образомъ, въ остальныхъ же комедіяхъ Мольера пороки фигурируютъ въ привлекательномъ видѣ («peignés, fleuris, brillants de toute couleur»), который дѣлаетъ ихъ, по словамъ Мерсье, заразительными (épidémiques) [32]).

Такимъ образомъ, указанные нами критики осуждаютъ Мольера за то, что онъ, озабоченный желаніемъ смѣшить зрителей, зачастую забывалъ нравоучительную цѣль, которая одна, по мнѣнію этихъ критиковъ, оправдываетъ царствованіе комедіи, и подчасъ позволялъ себѣ даже поднимать на смѣхъ самую добродѣтель. Какъ видимъ, эти литературные судьи, по своей близорукости, не усмотрѣли въ комедіяхъ Мольера глубокаго нравственнаго смысла за шутливою формою, въ которую великій поэтъ, примѣняясь къ наставленіямъ классическаго кодекса, долженъ былъ облекать серьезное содержаніе своихъ піесъ. Эти сужденія, какъ намъ кажется, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на отмѣченное нами выше не совсѣмъ ясное мѣсто въ предисловіи Детуша къ «le Glorieux», въ которомъ онъ говоритъ о

томъ, что въ своихъ комедіяхъ онъ принялъ новое направленіе, неизвѣстное даже самому.

Признавая нравоучительную цѣль conditio sine qua non всякой, достойной вниманія порядочныхъ людей, комедіи, Детушъ старается рѣзко подчеркнуть дидактическую цѣль, ради которой написаны его піесы, и не допустить въ нихъ ни одной мало-мальски двусмысленной шутки [39]). Забота о томъ, чтобы нравоучительная цѣль его комедій [40]) никоимъ образомъ не ускользнула отъ вниманія зрителей, и о томъ, чтобы въ его піесахъ не было ничего такого, что могло бы оскорбить скромность зрителей,—приводитъ Детуша къ ослабленію комическаго элемента. По словамъ Руссо, Мольеръ, «если порою и осмѣиваетъ порокъ, то уже во всякомъ случаѣ онъ не думаетъ заставить насъ полюбить добродѣтель». По мнѣнію Детуша, назначеніе комедіи заключается не только въ осмѣяніи порока, но и въ прославленіи добродѣтели. При изображеніи послѣдней на сценѣ авторъ

---

[39]) ibidem p. 78—79, 82.

[40]) Все въ мірѣ относительно. Порою у самаго Детуша мы встрѣчаемъ не очень—то скромныя шутки. Для примѣра укажемъ на отрывокъ разговора между молодой дѣвушкой и ея женихомъ въ «le Philosophe Marié».

Damon: Quoique vous m'appeliez pour Vous faire raison,
Le Vous laisse le choix du temps, du lien, des armes;
Mais comme Vous pourriez m'eblouir par Vos charmes,
Pour rendre tout égal, ne conviendrez—Vous pas
De choisir une nuit pour vider nos débats?
Celiante: Oui, je ris, quoique fort en colére
Cette saillie est bonne et ne peut me déplaire.
(Elle rit plus fort) (A II sc 2)

Отмѣтимъ еще циничныя рѣчи Криспена въ «l'Obstacle impévu».

піесы долженъ представить ее въ такомъ дивномъ сіяніи, чтобы привлечь къ ней всеобщее уваженіе». По точному смыслу классическаго кодекса «вполнѣ добродѣтельные характеры» не имѣли доступа въ комедіи. Припомнимъ по этому поводу любопытное сужденіе Колле о «Мизантропѣ», который хвалитъ комедію Мольера именно за то, за что ее осуждаетъ Руссо. «Истинная комедія», говоритъ онъ: «менѣе создана для изображенія добродѣтели, чѣмъ для борьбы съ пороками и странностями, я говорю: менѣе создана, потому что я вовсе не претендую на исключеніе изъ комедій добродѣтельныхъ характеровъ. Мнѣ бы хотѣлось только видѣть въ нихъ хотя бы немного смѣшныхъ чертъ, въ виду того, что самый добродѣтельный и самый мудрый человѣкъ не бываетъ свободенъ отъ той или другой слабости. «Мизантропъ» —Мольера—человѣкъ очень почтенный, но онъ выставляется авторомъ иногда съ смѣшной стороны. Онъ принадлежитъ человѣчеству, вотъ вамъ человѣкъ,—вотъ вамъ природа: это не романъ [41]) (намекъ на фантастичность сюжетовъ слёзныхъ комедій). Замѣтимъ, съ своей стороны, что характеръ Альцеста надѣленъ смѣшными чертами не только потому, что и у добродѣтельнаго человѣка найдутся свои странности, но главнымъ образомъ потому, что серьезныя сцены и вполнѣ добродѣтельные характеры, согласно поэтическому кодексу того времени не имѣли мѣста въ ко-

---

[41]) Collé. «Journal Historique» v. II. p. 311—312 (іюль 1763). Мерсье держится діаметрально противоположнаго взгляда. Онъ упрекаетъ Аристотеля за то, что тотъ исключаетъ изъ театра «les caractères purement vertueux, et, замѣчаетъ онъ: «ce sont ceux—la prècisemtut qu 'il faudrait mettre sur la scène» (Du thèâtre p. 266).

медіи. Мелита и, пожалуй, даже Лизимонъ въ «le Philosophe marié» могутъ быть названы «des caractères purement vertueux». Таковы же характеры Ликандра и Лизы въ «le Glorieux». Эти «добродѣтельные характеры», эти образцы добродѣтели, которые вводятся драматургомъ въ видѣ контраста представителямъ тѣхъ или другихъ «vices» или «ridicules», и которымъ послѣ нѣкоторой борьбы удается привести послѣднихъ къ рѣшимости исправиться отъ своихъ недостатковъ, вносятъ въ комедіи Детуша новый, патетическій элементъ.

Эта особенность комедій Детуша не ускользнула отъ вниманія его современниковъ. По словамъ Лессинга, «Детушъ далъ образцы болѣе изящнаго и высокаго комизма», чѣмъ какой публика привыкла находить у самаго Мольера, даже въ наиболѣе серьезныхъ его комедіяхъ» [42]). «Тщеславный» представляетъ изъ себя первую комедію», замѣчаетъ Даламберъ: «въ которую съ успѣхомъ дерзнулъ проникнуть патетическій элементъ, на первый взглядъ столь чуждый этому жанру. Мольеръ, этотъ законодатель театра, казалось, пренебрегъ имъ даже въ такихъ піесахъ, въ которыхъ онъ самъ ему напрашивался, какъ, напр., въ «Тартюфѣ», гдѣ раздирающее положеніе честной семьи, готовой сдѣлаться жертвой негодяя, давало этому великому художнику—сцены, полныя самаго трогательнаго интереса и краснорѣчія (les scènes les plus pleines d'intérêt et d'éloquence)». По словамъ Даламбера, Детушъ «заслуживаетъ полнаго одобренія за то, что сумѣлъ въ этой піесѣ «mêler l'intérêt qui produit les larmes avec les traits que le ridicule fait naître» [43]). Онъ находитъ, что «le Glorieux»

---

[42]) «Гамбурская Драматургія», русск. перев. ст. X, стр. 49—50.

[43]) «Соединить трогательный элементъ съ комическимъ».

«составляетъ въ одно и то же время и эпоху новаго жанра, и образецъ искуства и мѣры, которыхъ требуетъ этотъ опасный союзъ двухъ различныхъ чувствъ» («Eloge de Destouches»). Ту же мысль высказываетъ и Вольтеръ («Lettres Philosophiques, Conseils à un Journaliste»), который находитъ, что единственный недостатокъ «Мизантропа» заключается въ отсутствіи «intérêt»; послѣдній, по его мнѣнію, находится въ «Тщеславномъ». «Это смѣшеніе шутливости и умиленія», говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ M-lle Quinault 1736 г.: «представляется мнѣ вѣрною картиною жизни». Гриммъ указалъ на существованіе въ «Женатомъ философѣ» и въ «Тщеславномъ» «чрезвычайно трогательныхъ сценъ» [44]), Колле считаетъ извѣстныя намъ піесы Детуша такими же comédies larmoyantes, какъ и піесы Ла-Шоссе [45]).

Познакомимся теперь съ содержаніемъ «Тщеславнаго». Центральною фигурою комедіи является графъ De-Tufières. «C'est l'homme le plus vain qu 'ait produi la nature» [46])—этими словами характеризуетъ графа его слуга Пасквенъ. Онъ такого высокаго мнѣнія о своей особѣ и о своемъ происхожденіи, что на всѣхъ смотритъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Но графъ бѣденъ, и вотъ онъ задумалъ поправить свои дѣла женитьбою на дочери богатаго буржуа Лизимона. Послѣдній тоже тщеславенъ: ему хочется породниться съ аристократомъ. Такимъ образомъ намѣренія графа и Лизимона встрѣчаются. Одному нужна богатая невѣста, другому знатный зять. Разбогатѣвшій буржуа придерживается въ жизни чисто аристократическихъ взглядовъ на бракъ;

---

[44]) «Correspondance Littéraire» 1 Avril 1754.

[45]) «Journal Historique» I p. 54. (1749 г.).

[46]) «Это самый тщеславный человѣкъ въ свѣтѣ»,

онъ плохо живетъ съ женою, хочетъ обзавестись подругою. Выборъ его падаетъ на живущую въ его домѣ бѣдную молодую дѣвушку Лизу, которая вмѣстѣ съ его дочерью воспитывалась въ одномъ couvent. Старикъ предлагаетъ ей переѣхать на отдѣльную квартирку, куда онъ будетъ наѣзжать. На это предложеніе дѣвушка даетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Apprenez, je vous prie, à connaître vos gens.
«Un coeur, tel que le mien, méprise les richesses,
«Quand il faut les gagner par de telles bassesses» [47]).

Своею внѣшностью, умомъ, Лиза сумѣла вселить къ себѣ другія чувства въ сынѣ Лизимона Валерѣ. Послѣдній хочетъ жениться на ней, на колѣняхъ молитъ молодую дѣвушку принять его предложеніе. Лиза сама полюбила молодого человѣка, но она понимаетъ, что между ними лежитъ огромная пропасть, и что его родители никогда не согласятся на этотъ бракъ. Нельзя не указать на то, что увлеченіе Валера Лизою, живущею въ домѣ въ качествѣ компаньёнки его сестры, его убѣжденіе въ томъ, что «l'amour assortit tout»,—все это явленія, свидѣтельствующія о наступленіи новаго времени, симптомы грядущей революціи въ общественныхъ отношеніяхъ [48]).

---

[47]) «Научитесь, я васъ прошу, узнавать людей; сердце, какъ мое, презираетъ богатства, если ихъ нужно пріобрѣтать путемъ такихъ низостей».

[48]) Припомнимъ, что у Валера Детуша былъ предшественникъ. Мы говоримъ объ извѣстной комедія Мариво: «Le jeu de l'Amour et du Hasard» (1730). Дорантъ влюбляется въ служанку и признается ей въ чувствахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «je t'adore, je te respecte, il n'est ni rang, ni naissance, ni fortune que ne disparaisse devant une âme comme la tienne. J'aurais honte que mon orgueil tînt encore con-

Лиза открываетъ свою сердечную тайну старику Ликандру, который часто посѣщалъ ее еще въ couvent и теперь снова, послѣ долгаго промежутка времени, зашелъ къ ней. Въ отвѣтъ на сѣтованія молодой дѣвушки о томъ, что ея общественное положеніе служитъ препятствіемъ къ браку съ любимымъ человѣкомъ, Ликандръ спѣшитъ успокоить ее тѣмъ, что она вовсе не такого низкаго происхожденія, какъ она предполагаетъ. Лиза—родная дочь Ликандра и сестра графа Де-Тюфьеръ. Дѣло въ томъ, что много лѣтъ тому назадъ Ликандру пришлось изъ-за дуэли, окончившейся смертью его врага, бѣжать въ Англію, спасаясь отъ судебнаго преслѣдованія, которое было возбуждено противъ него родственниками убитаго. Дуэль эта произошла, благодаря тяжкому оскорбленію, нанесенному женѣ послѣдняго матерью Лизы, женщиною чрезвычайно тщеславною и заносчивою. Вернувшись на родину, отецъ Лизы принужденъ былъ скрываться подъ именемъ Ликандра. Теперь горе миновало. Друзьямъ послѣдняго удалось доказать ложность обвиненія его въ преднамѣренномъ убійствѣ. Отецъ проситъ обезумѣвшую отъ радости Лизу сохранить до поры до времени все сказанное имъ въ тайнѣ. Эта тайна необходима для того, чтобы исцѣлить молодого графа Де-Тюфьера отъ тщеславія, перешедшаго ему, по закону наслѣдственности, отъ матери.

Наступаетъ день свадьбы нашего героя съ Изабеллою, дочерью Лизимона. Вдругъ нежданно—негаданно

---

tre toi, et mon coeur et ma main t'appartiennent». Правда, эта субретка на самомъ дѣлѣ оказывается барышнею, которая прибѣгла къ этому маскараду для испытанія любви своего жениха, но выше приведенныя слова все-таки были произнесены Дорантомъ той, которую онъ принималъ за служанку.

появляется Ликандръ, одѣтый въ нищенскія лохмотья. Графъ въ ужасѣ предчувствуетъ приближеніе катастрофы. При первомъ свиданіи съ отцомъ онъ выдалъ его Лизимону за своего управляющаго. Старикъ подходитъ къ графу и требуетъ, чтобы онъ, отбросивъ ложный стыдъ, призналъ его за своего отца. Въ противномъ случаѣ онъ грозитъ проклясть сына. Послѣ нѣкотораго колебанія и внутренней борьбы графъ сдается. Сыновнее чувство побѣдило тщеславіе, и, обливаясь слезами, онъ падаетъ къ ногамъ Ликандра. Тогда послѣдній поднимаетъ сына, цѣлуетъ его, говоря, что король, узнавъ о несчастіяхъ, постигшихъ ихъ домъ, и о козняхъ враговъ, возстановилъ его прежнее достоинство, возвратилъ утраченные титулы и состояніе. Теперь молодому графу не приходится уже болѣе стыдиться своего отца, стараго графа Де-Туфвера. Тутъ же во всеуслышаніе онъ объявляетъ, что Лиза его дочь. Эта сцена, точно такъ же, какъ и сцена объясненія Лизы съ Ликандромъ въ IV д. (3), носитъ на себѣ несомнѣнно сентиментальный характеръ.

Піеса заканчивается двумя свадьбами. Исправившійся отъ своего недостатка герой въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ мораль этой комедіи: «La gloire et la présomption n'attirent que la haine et l'indignation» [38]). Въ первоначальной редакціи финалъ піесы былъ нѣсколько иной. Осмѣянный и униженный отцомъ, молодой графъ Де-Тюфьеръ лишался руки Изабеллы, но, какъ гласитъ театральная хроника, Детушъ принужденъ былъ передѣлать конецъ своей комедіи въ угоду исполнявшему въ ней главную роль знаменитому артисту Кино Дюфренъ.

[38]) «Тщеславіе и самомнѣніе вызываютъ только гнѣвъ и ненависть».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что разобранныя нами комедіи Детуша: «le Philosophe marié» (1727) и «Le Glorieux» (1732), принадлежатъ новому типу комедіи, въ которой на ряду съ комическими элементами фигурируютъ и серьезные, чувствительные элементы. Это новшество, какъ мы уже знаемъ, было замѣчено многими современниками Детуша.

Мы не будемъ останавливаться на комедіяхъ Детуша, написанныхъ имъ послѣ «Тщеславнаго», изъ которыхъ многія представляютъ изъ себя, точно такъ же, какъ и извѣстныя уже намъ двѣ піесы нашего поэта, сочетанія серьезныхъ и комическихъ сценъ. Таковы, напр.: «Le Dissipateur», «Le jeune Homme à l'Eprenve», «Le Trésor caché». Появившейся въ 1733 г. комедіей: «La Fausse Antipathie», открывается дѣятельность Нивель-де-Ла-Шоссе, который довершаетъ начатую Детушемъ реформу комедіи и создаетъ новый драматическій жанръ, занимающій среднее мѣсто между трагедіею и комедіею. Но прежде, чѣмъ приступить къ ознакомленію читателя съ литературною дѣятельностью Ла-Шоссе, кинемъ ретроспективный взглядъ на раннія комедіи Детуша и посмотримъ, не встрѣтимъ ли мы и тамъ уже серьезныхъ сценъ.

Изъ предисловій къ этимъ піесамъ мы узнаемъ, что и въ этомъ періодѣ литературной дѣятельности Детушъ стоитъ на нравоучительной почвѣ. «La comèdie n'est faite que pour instruire» (комедія создана только для того, чтобы поучать), говоритъ онъ въ посвященіи своей первой піесы Маркизу Де Пюизье. Въ посвященіи «l'Obstacle Imprévu» герцогу Орлеанскому Детушъ высказываетъ мысль о томъ, что комедіи въ дѣлѣ исправленія нравовъ оказываются болѣе полезными «строгихъ уроковъ философовъ». «Je fais la guerre

aux défauts des humains», читаемъ мы въ стихотворномъ посвященіи «Le Médisant» герцогинѣ Мэнской.

«Et les portraits, qui partent de mes mains
«Ont pour objet celui de les instruire
«Par les traits égayés d'une vive satyre» [50]).

Детушъ порою находитъ нужнымъ резюмировать въ концѣ піесы ея мораль. Такъ, напримѣръ, слуга Crispin заканчиваетъ первую піесу автора слѣдующимъ обращеніемъ къ партеру:

«Pour refléchir, messieurs, la matière est fort ample.
«Amants, maris jaloux, profitez de l'exemple;
«Soyez de bonne foi, croyez qu 'on l'est aussi
«Et pour prendre leçon venez souvent ici» [51]).

Такимъ же нравоучительнымъ резюме заключается «L'Ingrat»:

«Vous avez vû punir le plus grand des ingrats
«Profitez de l'exemple et ne l'imitez pas» [52]).

Поэтъ озабоченъ тѣмъ, чтобы въ его піесахъ не было ничего такого, что могло бы «blesser la pudeur» et «trop alarmer les oreilles chastes».

Что касается до патетическаго элемента, то нѣкоторый намекъ на него мы находимъ въ «l'Ingrat» и въ «l'Obstacle Imprévu». Въ одномъ изъ своихъ писемъ

[50]) «Я веду борьбу съ человѣческими недостатками, и портреты, которые выходятъ изъ моихъ рукъ, должны поучать шутливыми чертами живой сатиры.

[51]) «Вотъ вамъ обширная тема для размышленій, господа. Любовники, ревнивые супруги воспользуйтесь урокомъ: будьте искренни, вѣрьте въ искренность другихъ и приходите почаще поучаться здѣсь».

[52]) Вы видѣли, какъ былъ показанъ самый неблагодарный человѣкъ въ свѣтѣ: «воспользуйтесь урокомъ и не подражайте ему».

Детушъ говоритъ, что комедія: «L'Ingrat» была бы его лучшимъ произведеніемъ, если бы характеръ героя не былъ надѣленъ такими отталкивающими чертами, что противорѣчитъ природѣ комедіи, въ которую не должны быть допущены слишкомъ преступныя лица. Сентиментальный элементъ представляется Пасквеномъ, который, вовсе не походя на плутоватыхъ слугъ Мольера и Реньяра, сердечно преданъ своему барину, хотя и не можетъ примириться съ отрицательными поступками и убѣжденіями послѣдняго. Какъ на образчикъ сентиментализма укажемъ на 7 ую сцену II акта.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о комедіи: «L'Obstacle Imprevu», которая была написана Детушемъ не за долго передъ его отъѣздомъ въ Англію. За Юліею, бѣдною сироткою, живущею въ домѣ Лизимона, ухаживаетъ самъ хозяинъ; это чувство къ молодой дѣвушкѣ раздѣляетъ его сынъ Валеръ. Но послѣдняя одинаково равнодушна какъ къ отцу, такъ и къ сыну. Сердце ея давно принадлежитъ Леандру, котораго бѣдность заставила пуститься въ дальнія странствованія по свѣту, въ надеждѣ пріобрѣсть себѣ состояніе. Долго ничего не было слышно о немъ, но вотъ, наконецъ, онъ появляется въ самый разгаръ интриги піесы. Теперь онъ богатъ и можетъ жениться на Юліи. Мы не скажемъ, чтобъ путь, избранный нашимъ героемъ для достиженія своей цѣли, былъ достоинъ порядочнаго человѣка, которымъ Детушъ пытается изобразить Леандра. Съ какою циничною развязностью разсказываетъ онъ своей невѣстѣ, какъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ женился на богатой старухѣ, которая вскорѣ послѣ свадьбы умерла, оставивъ его единственнымъ наслѣдникомъ ея огромнаго состоянія. Этотъ разсказъ о несовсѣмъ-таки нравственныхъ подвигахъ же-

ниха нисколько не возмущаетъ Юліи, которая встрѣчаетъ слова Леандра добродушнѣйшимъ смѣхомъ: «Je ne puis m'empêcher de rire», говоритъ она: «de cette aventure, et je la trouve tout-à-fait plaisante» [53])... Но радость въ жизни—близкая сосѣдка печали. Изъ разсказа Леандра о его забавной авантюрѣ Юлія узнаетъ, что Леандръ былъ женатъ на ея матери. Отчаяніе овладѣваетъ бѣдными молодыми людьми. Если бы «непредвидѣнное обстоятельство» къ ихъ браку не было «мнимымъ», то піеса могла кончиться какою-нибудь трагическою катастрофою, и мы имѣли бы тогда въ этой піесѣ первый опытъ буржуазной трагедіи, но, по волѣ автора, все разрѣшается благополучно. Оказывается, что Юлія вовсе не дочь той старухи, на которой былъ женатъ Леандръ: она дочь Ликандра и графини Сорріенто. Такимъ образомъ, всѣ препятствія, къ счастію молодыхъ людей, устранены, и они съ легкимъ сердцемъ могутъ соединить себя узами гименея. Отмѣтимъ, что эта піеса имѣетъ нѣкоторое сходство съ «Тщеславнымъ». И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Юліи въ семьѣ Лизимона напоминаетъ намъ положеніе Лизы въ семьѣ другого Лизимона. За обѣими дѣвушками ухаживаютъ отецъ и сынъ; обѣ онѣ оказываются въ концѣ концовъ дочерьми Ликандровъ, которымъ выпала на долю бурная жизнь, переполненная всевозможными приключеніями. Но сходство этихъ положеній—чисто внѣшнее. Бойкая, плутоватая Юлія мало имѣетъ общаго съ сдержанною, серьёзною Лизою; Валеры также мало похожи другъ на друга. Валеръ въ «Непредвидѣнномъ препятствіи» очень скоро утѣшается, когда Юлія отдаетъ предпочтеніе Леандру, тогда какъ чувство его тёзки въ «Тщеславномъ»

[53]) «Я не могу не смѣяться надъ этимъ приключеніемъ, которое нахожу весьма забавнымъ».

отличается серьезностью и глубиною. Указанныя черты различія между этими двумя піесами придаютъ каждой изъ нихъ свой особый отпечатокъ. Отношенія Валера къ Юліи очерчены въ духѣ веселой комедіи; сцены Валера съ Лизою, въ числѣ отмѣченныхъ нами другихъ сценъ, придаютъ «Тщеславному» тотъ серьезный оттѣнокъ, который позволяетъ намъ отнести его къ разряду, если не чистыхъ слезныхъ комедій, то такихъ, «переходныхъ», такъ сказать, комедій, въ которыхъ патетическій элементъ играетъ уже довольно важную роль. Однако и въ «Непредвидѣнномъ препятствіи» уже встрѣчаются сцены патетическаго характера. Возьмемъ хотя бы 9-ую сцену IV акта, въ которой Юлія узнаетъ о препятствіи къ ея браку съ Леандромъ, или ту сцену, въ которой Ликандръ разсказываетъ Лизимону грустную повѣсть объ его отношеніяхъ къ графинѣ Сорріенто.

Такимъ образомъ, и въ этихъ комедіяхъ мы усматриваемъ уже присутствіе серьезныхъ сценъ, но въ этихъ піесахъ онѣ играютъ, сравнительно съ «Тщеславнымъ» и даже «Женатымъ философомъ», ничтожную роль. Какъ только положеніе въ той или другой сценѣ принимаетъ болѣе или менѣе драматическій характеръ, Детушъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, спѣшитъ разсѣять зрителя какою-нибудь забавною выходкою, на каковую всегда способны слуги комедіи. Поэтъ еще слишкомъ связанъ съ литературными традиціями XVII в., чтобы порвать съ ними всякую связь ради нравоучительныхъ соображеній. Въ извѣстномъ уже намъ посвященіи своего «Médisant» онъ самъ заявляетъ себя послѣдователемъ Мольера. Рядомъ съ словомъ «instruire» во всѣхъ теоретическихъ разсужденіяхъ Детуша этого времени фигурируетъ слово «divertir».

Любопытно указать на то, что одинъ изъ самыхъ

непримиримыхъ враговъ слёзной комедіи, написавшій огромное количество эпиграммъ на Ла-Шоссе, Пиронъ (1680—1773 г.) обмолвился, такъ сказать, въ 1728 г. одною комедіею, «въ которой мы находимъ патетическія сцены». Главнѣйшій недостатокъ комедіи: «Les Fils ingrats», говоритъ біографъ и близкій другъ Пирона—Rigoley de Juvigny, заключается въ томъ, что она приблизилась къ «слёзному жанру, можетъ-быть, вопреки желанію самого автора». Сюжетъ піесы нѣсколько напоминаетъ намъ трагедію Шекспира: «Король Лиръ», перенесенную въ буржуазную обстановку и съ тою еще разницею, что вмѣсто дочерей въ французской піесѣ выступаютъ сыновья. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ самый разгаръ увлеченія «слёзными комедіями», Пиронъ переименовалъ свою піесу изъ «Fils Ingrats» въ «Ecole des Pères» [54]) и снабдилъ ее въ новомъ изданіи предисловіемъ, въ которомъ всячески старался доказать непричастность этой комедіи къ ненавистному ему «слёзному жанру». Къ этому предисловію Пирона намъ придется еще вернуться въ нашемъ очеркѣ.

А. Чебышевъ.

Продолженіе будетъ.

[54]) Піеса Пирона была возобновлена на сценѣ подъ новымъ названіемъ 13-го ноября 1748 г. Collé: «Journal Historique», I v., p. 20.

ПРЕДАНІЕ О ВАДИМѢ НОВГОРОДСКОМЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ *).

Вадимъ по трагедіи Княжнина.

Но преданіе о Вадимѣ было слишкомъ неопредѣленно по содержанію и, слѣдовательно, допускало и другое толкованіе точно такъ же, какъ и другую обработку, потому что извѣстно было не одной только имп. Екатеринѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина II была не единственная представительница народно-русскаго теченія: корифеи современной ей русской литературы начинали тоже интересоваться родной стариной и, стало-быть, могли обратить вниманіе и на преданіе о Вадимѣ. Съ другой стороны, Екатерина II не была единственной послѣдовательницей идей просвѣтительной философіи: французская философія быстро распространялась среди русской интеллигенціи. Правда, русская знать, по выраженію Сореля [19]), «говорила по-французски и щеголяла философіей лишь для того, чтобы отличить себя отъ другихъ, изъ кастоваго чувства, изъ стремленія къ изысканности»; но, конечно, были люди, серьезно относившіеся къ новымъ идеямъ,—и около 1789 г. образовалась (разсказываетъ тотъ же авторъ ibid. стр. 404) группа «патріотовъ», мечтавшихъ о «просвѣщенномъ правительствѣ», обсуждавшихъ и прославлявшихъ гуманитарныя преобразованія». Такимъ образомъ, не одна Екатерина II мечтала о политическомъ идеалѣ,—у многихъ просвѣщенныхъ русскихъ людей могла тогда явиться потребность выразить литературнымъ образомъ свое политич. настроеніе, при чемъ послѣднее могло и не сходиться съ взглядами императрицы, такъ какъ франц. идеи приводили не только къ просвѣщенному абсолютизму, но и къ свободной респу-

---

*) Продолж. Нач. въ вып. III—IV. «Ф. З.» за 1899 г.

[19]) Сорель: «Европа и франц. революція» (Перев. подъ ред. проф. Карѣева). Т. I, стр. 405.

ближѣ. Стало-быть, если Екатерина II, знакомая съ русской стариной и съ франц. философіей, вложила въ русское преданіе франц. идею просвѣщеннаго абсолютизма, то мы въ правѣ ожидать, что какой-нибудь писатель, тоже знакомый и съ родной стариной, и съ французской философіей, вложитъ въ то же преданіе идею пресловутой формулы «liberté, fraternité, égalité», которая въ сочиненіяхъ Руссо пришла къ намъ на Русь вмѣстѣ съ идеей о просвѣщенномъ абсолютизмѣ. Такой писатель нашелся: это былъ Княжнинъ, написавшій въ 1789 г. трагедію: «Вадимъ Новгородскій». Изслѣдователи, вниманіе которыхъ обращала на себя эта трагедія [20]), обыкновенно признаютъ это произведеніе невиннымъ и вовсе чуждымъ тѣхъ тенденцій, которыя ему въ свое время были приписаны, и за которыя оно подверглось преслѣдованію. Но, несомнѣнно, нужно держаться въ данномъ случаѣ середины, т.-е., съ одной стороны, нельзя, подобно современникамъ Княжнина, видѣть въ этой трагедіи открытый протестъ противъ монархическаго правленія и прославленіе свободной республики, съ другой—нельзя ее считать совершенно невинной,—напротивъ, нужно приписать автору нѣкоторыя симпатіи идеалу политической свободы въ ущербъ идеѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Для выясненія этого необходимо познакомиться какъ съ исторіей трагедіи,

---

[20]) О трагедіи, «Вадимъ», имѣются слѣдующія статьи:
М. Лонгиновъ—Яковъ Борисов. Княжнинъ и трагедія его: «Вадимъ», «Р. Вѣстн.», 1860, № 4.
Ефремовъ—Трагедія: «Вадимъ Новгородскій», «Рус. Стар.», 1871, т. III. (Здѣсь указана и вообще литература о «Вадимѣ)».
В. Я. Стоюнинъ—Еще о Княжнинѣ и о его трагедіи: «Вадимъ», «Р. В.» 1860, № 10.

До этихъ изслѣдованій о «Вадимѣ» писать какъ-то избѣгали. Краткіе отзывы о немъ находимъ только у митр. Евгенія (который упоминаетъ объ одной только рецензіи на эту трагедію А. Клушина, помѣщенной въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи», ч. III) и у Воейкова.

такъ и съ ея содержаніемъ, чтобы тѣмъ самымъ выяснить ея направленіе, что необходимо для нашей главной цѣли—литературной исторіи преданія о Вадимѣ.

Фактическія данныя относительно исторіи трагедіи, изложенныя въ выше указанныхъ статьяхъ, даютъ намъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы.

Во-первыхъ, мы видимъ, что трагедія написана около 1789 года, и въ выборѣ сюжета Княжнинъ, по всей вѣроятности, слѣдовалъ Екатеринѣ II, которая за три года передъ тѣмъ (1786) написала свое «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика». Но въ печати трагедія появилась только въ 1793 году послѣ смерти автора, умершаго 14-го января 1791 года. Напечатана трагедія: «Вадимъ», была въ двухъ видахъ однимъ и тѣмъ же наборомъ: отдѣльною книжкою и въ «Россійскомъ Өеатрѣ» («Россійскій Өеатръ», или полное собраніе всѣхъ Россійскихъ өеатральныхъ сочиненій. Часть 39-ая. С.-Петербургъ, 1793 года). Съ изданія отдѣльною книжкою «Вадимъ перепечатанъ П. Ефремовымъ въ «Русск. Старинѣ» 1871 года, т. III. Въ полное же собраніе сочиненій Я. Б. Княжнина «Вадимъ» не попалъ. Затѣмъ мы узнаемъ также, что трагедія эта уже по напечатаніи своемъ (а не при жизни Княжнина) подверглась преслѣдованію, которое велось тайно, такъ какъ оффиціальнаго запрещенія на трагедію собственно не было. Свидѣтельства кн. Дашковой и сына Я. Б. Княжнина опровергаютъ связанныя съ нашей трагедіей, но въ то же время ни на чемъ не основанныя преданія о томъ, будто княгиня Дашкова за напечатаніе «Вадима» лишилась мѣста президента Академіи и должна была удалиться отъ двора въ Москву, а Я. Б. Княжнинъ умеръ послѣ допроса у полицеймейстера Шешковскаго [21]). Первое преданіе опровергается тѣмъ фактомъ, что княгиня отправилась въ Москву и въ свои дерев-

---

[21]) Оба преданія—о кн. Дашковой и о смерти Княжнина—находимъ, напр., у Бантышъ-Каменскаго («Словарь достопамятныхъ людей», 1835 г.). О насильственной яко-

ни гораздо позднѣе, именно въ 1795 году, по семейнымъ обстоятельствамъ, и сохраняла всѣ свои должности; а уволена была отъ нихъ только 22 ноября 1796 г. императоромъ Павломъ, который выслалъ ее даже и изъ Москвы слѣдующимъ рескриптомъ, даннымъ въ С.-Петербургѣ на имя московскаго главнокомандующаго Измайлова отъ 1 декабря 1796 года: «Михаилъ Михайловичъ! Объявите княгинѣ Дашковой, чтобъ она, памятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 году, выѣхала изъ Москвы въ дальнія свои деревни. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ». «Извольте смотрѣть, чтобы ѣхала немедленно» (Собственноручная приписка государя). Изъ этой ссылки (въ новгородскую деревню) княгиня возвратилась не ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ [22]). Что касается второй сплетни о допросѣ Шешковскаго, которому будто бы подвергся Княжнинъ, то, очевидно, ее распустили, уже послѣ кончины писателя, лица, знавшія о существованіи трагедіи, привыкшія часто слышать о подвигахъ этого инквизитора; но, можетъ быть, этотъ слухъ былъ распущенъ при напечатаніи «Вадима» въ 1793 году. Во всякомъ случаѣ Я. Б. Княжнинъ не дожилъ ни до этихъ сплетенъ, ни до опалы на свою трагедію и, стало-быть, не могъ испытать на себѣ инквизиторскихъ пріемовъ Шешковскаго. Это ясно видно изъ предыдущихъ разсказовъ сына Княжнина и кн. Дашковой, а, кромѣ того, это подтверждается еще и слѣдующими основательными соображеніями, которыя высказываетъ въ своей статьѣ г. Лонгиновъ [23]). (Приводимъ его собственныя слова). 1) «Княжнинъ, извѣстный при дворѣ и служившій при Бецкомъ, легко могъ быть допрошенъ въ истинномъ смыслѣ слова безъ Шешковскаго участія. 2) Мы имѣемъ свидѣтельство (ста-

---

бы смерти Княжнина говоритъ даже нашъ безсмертный поэтъ Пушкинъ въ своихъ историч. отрывкахъ: «Княжнинъ», говоритъ онъ: «умеръ подъ розгами».

[22]) См. Лонгинова «Русск. Вѣстникъ», 1860 г., т. 25

[23]) «Русск. Вѣстн.», ibid.

тья въ «Сынѣ Отеч.», 1852 г., № 12, см. выше стр. 73, прим.) тому, что «Вадимъ» долженъ былъ играться на сценѣ еще въ 1789 году, а если повѣрить отвергаемому нами преданію, то допросъ Шешковскаго безъ всякой причины должно отнести не ко времени, когда «Вадима» разучивали, а къ эпохѣ, которая наступила слишкомъ годъ назадъ (какъ это и дѣлаетъ Бантышъ-Каменскій), потому что Княжнинъ умеръ 14 янв. 1791 года по свидѣтельству всѣхъ біографовъ, кромѣ митроп. Евгенія, называющаго день его смерти—12-е янв. 1789 г.; но это, несомнѣнно, ошибка. 3) Замѣтимъ еще, что если бы «Вадимъ» былъ причиною такого печальнаго и, безъ сомнѣнія, гласнаго событія съ Княжнинымъ въ 1790 году, княгиня Дашкова, при всей самостоятельности своего характера, не разрѣшила бы печатаніе трагедіи въ 1793 году, т.-е. при еще худшихъ политическихъ обстоятельствахъ «Франціи и Европы». Таковы фактическія данныя относительно трагедіи: «Вадимъ Новгородскій». Они выясняють намъ только, что трагедія эта стоитъ особнякомъ въ ряду другихъ драматическихъ произведеній Я. Б. Княжнина, и что въ силу нѣсколько щекотливаго своего содержанія она подверглась преслѣдованію; но этимъ еще не выясняется ея направленіе, и для выясненія его необходимо подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этого произведенія.

Обращаясь къ содержанію «Вадима», я прежде всего долженъ сказать, что сюжетомъ трагедіи Княжнина служитъ исключительно столкновеніе Рюрика съ Вадимомъ: дѣйствіе начинается не съ призванія князей, какъ у Екатерины II, но прямо съ заговора Вадима, который у Княжнина является не славянскимъ княземъ, но только новгородскимъ посадникомъ и полководцемъ *).

---

[24]) При разборѣ содержанія пользуемся изданіемъ «Вадима» отдѣльною книжкою (Импер. Акад. Наукъ).

*) Содержаніе трагедіи вкратцѣ слѣдующее. Вадимъ, Новгородскій посадникъ, вернувшись съ войны домой, находитъ свой родной городъ во власти варяжскаго князя

Въ свое время Княжнину удивлялись, и трагедіи его считались образцами высокаго поэтическаго творчества; надпись къ его портрету гласитъ:

«Се образъ Княжнина, кого за мирный гласъ
И сами Граціи украсили короной!
Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнассъ:
Онъ здѣсь воздвигъ его Росславомъ и Дидоной».

Но потомки уже не приписывали ему сооруженія россійскаго Парнасса. Поэтъ-критикъ Мерзляковъ прямо заявляетъ, что пьесы Княжнина—«переложеніе французскихъ трагедій на русскіе нравы» [25]. Авторъ статьи объ Антологіи г. Дюпре де Сенъ-Моръ выражается нѣсколько сильнѣе: «Княжнинъ, зять Сумарокова, и его преемникъ въ искусствѣ драматическомъ, довелъ подражаніе иностраннымъ авторамъ до неправеднаго присвоенія чужой собственности» [26]. Наконецъ, Пушкинъ тоже называетъ Княжнина «переимчивымъ» и этимъ словомъ весьма мѣтко характеризуетъ его дѣятельность.

Рюрика, котораго въ его отсутствіе новгородцы призвали сами для водворенія въ городѣ тишины. Вадимъ, не желая видѣть своихъ согражданъ подъ чьимъ-либо владычествомъ, составляетъ съ другими посадниками, Пренестомъ и Вигоромъ, заговоръ съ цѣлью поднять возстаніе противъ Рюрика; храбрѣйшему защитнику новгородской свободы онъ обѣщаетъ въ награду свою дочь Рамиду, которая влюблена въ Рюрика и переживаетъ душевную борьбу между любовью и чувствомъ долга, не позволяющимъ любить смертельнаго врага ея отца. Рюрикъ, который тоже любитъ Рамиду, узнавъ о намѣреніяхъ Вадима и его сообщниковъ, принимаетъ свои мѣры противъ бунта, побѣждаетъ бунтовщиковъ и схватываетъ самого Вадима; но вмѣсто казни этотъ великодушный и просвѣщенный монархъ предлагаетъ бунтовщику свою дружбу и царскій вѣнецъ. Поборникъ свободы отвергаетъ и то и другое и закалывается вслѣдъ за своею дочерью, которая тоже приноситъ свою любовь въ жертву суровому долгу.

[25]) Статьи Галахова о Княжнинѣ: «От. Зап.» 1850, № 4.

[26]) «Вѣстникъ Европы» 1824, № 22.

Дѣйствительно, первая отличительная черта его трагедій это ихъ близость къ иностраннымъ оригиналамъ: почти всѣ онѣ или чистый переводъ, или переводъ съ небольшими измѣненіями. Такъ, «Софонисьба» переведена изъ Вольтера, «Дидона» изъ Лефрана Помпиньяна (Lefranc de Pompignan); при написаніи трагедіи: «Владиміръ и Ярополкъ», Княжнинъ подражалъ «Андромахѣ» Расина; «Владисонъ»—подражаніе Вольтеровой «Меропѣ» и т. д. Вторая черта этихъ трагедій вытекаетъ изъ первой: какъ подражанія псевдо-классическимъ оригиналамъ, онѣ пьесы псевдо-классическія со всѣми отличительными признаками псевдо-классицизма. Такимъ образомъ, въ художественномъ отношеніи трагедіи Княжнина слабы. Но онѣ, во первыхъ, несомнѣнно, имѣютъ историческое значеніе, какъ явленія извѣстнаго времени: «онъ перенималъ», говоритъ про Княжнина Галаховъ [27]): «то, что въ его время было въ ходу, почиталось совершеннѣйшимъ», и такимъ образомъ «въ перенятыхъ пьесахъ Княжнина отражалась, хотя слабо и не совсѣмъ вѣрно, условная красота величавыхъ трагиковъ». Во-вторыхъ, трагедіи его замѣчательны со стороны содержанія и своимъ глубокимъ патріотизмомъ, и тѣмъ серьезнымъ чувствомъ—«требованіемъ лучшаго», которое эти пьесы возбуждали въ зрителяхъ. «Достоинство ихъ» говоритъ тотъ же авторъ [28]): «чисто патріотическое: въ нихъ гораздо болѣе любви къ отечеству (что и составляетъ ихъ положительную сторону), нежели поэзіи. Съ перемѣною точки зрѣнія измѣняется и относительная цѣнность пьесъ: самая посредственная въ поэтическомъ смыслѣ пьеса можетъ, какъ выраженіе патріотизма, выдвинуться на первый планъ». На ряду съ патріотизмомъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ проникнуты идеями человѣколюбія и милосердія, долга и правды,—идеями, одушевлявшими какъ самого поэта, такъ и лучшихъ людей его времени. «Въ замѣчаніе о всѣхъ

[27]) Галаховъ «Отеч. Зап.» 1850, № 4.
[28]) ibid.

трагедіяхъ Г. Княжнина», говоритъ митр. Евгеній: «сказать можно, что онѣ имѣютъ въ себѣ много прекрасныхъ, сильныхъ и даже разительныхъ мѣстъ, а особливо при изображеніи важныхъ и геройскихъ движеній». Обращаясь теперь къ нашей трагедіи, мы должны сказать, что всѣ только что указанныя отрицат. и положит. качества Княжнинскихъ трагедій приложимы и къ ней; но, оставаясь по формѣ, подобно всѣмъ другимъ трагедіямъ Княжнина, псевдо-классической, она отличается отъ нихъ по своему содержанію, которое намъ необходимо подробнѣе разобрать для выясненія направленія трагедіи. Правда, несмотря на то, что сюжетъ ея заимствованъ изъ русской жизни, и «Вадимъ» тоже представляетъ собою подражаніе корифеямъ французской псевдо-классич. трагедіи, мы разумѣемъ Корнеля («cinna») и Вольтера («Brutus»)[29]: тѣмъ не менѣе мы находимъ здѣсь и новизну въ содержаніи: на ряду съ идеями справедливости, великодушія, долга, чести (припомнимъ, напр., постоянную борьбу чувства долга и любви въ душѣ Рамиды) авторъ съ особенною силою выставилъ борьбу двухъ новыхъ идей просвѣтительной философіи, только что занесенныхъ тогда къ намъ съ Запада, идеи просвѣщеннаго абсолютизма и идеи свободы, равенства и братства. Княжнинъ не первый взялся за эту задачу. Русскіе люди, хотя бы и ради моды только (какъ думаетъ Сорель), увлекались идеями Руссо: рѣзкіе стихи изъ трагедій Николева (см.

---

[29]) Подражанія въ смыслѣ передѣлки и перевода рѣчей мнѣ не пришлось замѣтить при бѣгломъ сличеніи «Вадима» съ этими двумя трагедіями. Но не подлежитъ сомнѣнію, что образъ благороднаго Вадима до извѣстной степени списокъ съ Вольтерова республиканца Брута (ср., напр., рѣчи Вадима съ рѣчами Брута: acte I, scénes 1, 2; acte V, scéne 1); точно также образъ благороднаго и великодушнаго государя Рюрика списанъ съ Августа въ трагедіи Корнеля «Цинна» (рѣчи Августа—acte II, scéne 1; acte IV, scéne 2—очень близко напоминаетъ разсужденія Рюрика.)

ниже), написанные еще до появленія Княжнинскаго «Вадима», какъ нельзя лучше показываютъ, какъ соблазнительно было тогда, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, подъ обаяніемъ мысли о политической свободѣ бросить грозный упрекъ абсолютизму. Николевъ и Княжнинъ оба въ сущности поддались одному и тому же соблазну. Только первый говорилъ смѣло, потому что жилъ въ либеральную пору, когда бояться было нечего; а второй говорилъ несмѣло, опасался, какъ мы увидимъ, высказаться прямо въ пользу политич. свободы, потому что тогда въ виду французской революціи и наступавшей уже реакціи въ либеральномъ правленіи Екатерины II нельзя было разсчитывать на сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, на снисхожденіе ея. Впрочемъ, осторожность не спасла Княжнина: память почтеннаго писателя была омрачена полицейскимъ преслѣдованіемъ, которому подверглась послѣ его смерти трагедія: «Вадимъ». Такимъ образомъ въ свое время эта трагедія, надѣлавшая столько шуму, несомнѣнно, для многихъ казалась написанной въ республиканскомъ духѣ; съ сильными выходками противъ монаршей власти; но, какъ мы уже выше указывали, позднѣйшіе изслѣдователи и даже нѣкоторые современники (Козодавлевъ) нашли пьесу совершенно невинной, нашли, что она скорѣе проповѣдуетъ торжество монархіи надъ республик. свободой, чѣмъ вооружается противъ первой. Необходимо поэтому опредѣлить, насколько справедливы, съ одной стороны, эти обвиненія Княжнина въ республиканствѣ, съ другой—увѣренность въ совершенной невинности данной трагедіи, и тѣмъ самымъ выяснить ея направленіе, что необходимо для нашей главной цѣли,—исторіи преданія о Вадимѣ въ русской литературѣ. Центральными лицами, на которыхъ сосредоточивается все дѣйствіе трагедіи, являются здѣсь, какъ и въ драмѣ Екатерины II, Рюрикъ и Вадимъ. Ихъ мы должны теперь охарактеризовать на основаніи предыдущаго разбора содержанія. Княжнина не занимаетъ вопросъ о происхожденіи князей, призванныхъ къ намъ на княженіе, и потому онъ

останавливается на личности Рюрика исключительно, какъ правителя, независимо отъ его происхожденія (на что Екатерина II обратила вниманіе): Рюрикъ, по трагедіи Княжнина, пришлый князь, добровольно призванный новгородцами по завѣщанію Гостомысла. Онъ подалъ помощь Новгороду какъ разъ въ то время, когда городъ погибалъ отъ внутреннихъ усобицъ, когда его «свобода встрепетавъ къ паденью наклонилась», и граждане, тронутые его заслугами, вручили ему верховную власть. Правда, по словамъ Вадима (д. I, явл. 2), Рюрикъ, подавая помощь, платилъ только долгъ новгородцамъ, такъ какъ въ свое время былъ ими спасенъ отъ враговъ и, слѣдовательно, получилъ отъ нихъ подобное же одолженіе. Но его теперешняя заслуга превысила старый долгъ; къ тому же граждане новгородскіе, видя, что они погибнутъ безъ прочной власти, забываютъ объ этомъ долгѣ и чувствуютъ себя обязанными передъ Рюрикомъ. Самъ Рюрикъ принялъ эту власть не съ радостію тиранна, удовлетворившаго, наконецъ, своему честолюбію, но по принужденію, по просьбѣ народа. Поэтому престолъ для него бремя, полное «несмѣтныхъ попеченій, трудовъ, прискорбій и душевныхъ огорченій» (д. II. явл. 3). Но въ то же время эта «тяжкая власть Монарховъ» (ibid.), разъ онъ согласился ее принять, является для него высокимъ и отвѣтственнымъ долгомъ, предъ которымъ должны блѣднѣть его личныя чувства. Такъ, онъ боится, что любовь къ Рамидѣ можетъ повредить его высокому служенію монарха:

«Искореню любви изъ сердца всю отраву,
Мнѣ должно сохранить пріобрѣтенну славу
И не любовникомъ,--Монархомъ здѣсь пребыть».
(Д. III, явл. 3).

Точно также на предложеніе Рамиды сложить съ себя царскую власть, чтобы заслужить дружбу Вадима, онъ отвѣчаетъ, что даже ради ея любви онъ не можетъ обмануть надеждъ граждавъ, облекшихъ его для блага города высокою властью:

«Коль прежде честь снискалъ, отрекшись власти, я,
Унизился бъ теперь я, право отдая,
Въ сердцахъ твоихъ Гражданъ начертанно любовью;
Я долженъ защищать его моею кровью»
(Д. IV, явл. 3).

Итакъ, царская власть—это долгъ, трудный и серьезный, но вмѣстѣ съ тѣмъ долгъ высокій, который утвержденъ не на грубой силѣ, но на добродѣтели и пользуется поэтому покровительствомъ боговъ:

«На добродѣтели престолъ мой утвержденъ:
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ»...
(Д. III, явл. 4).

Поэтому ограждая отъ враговъ свою власть, царь тѣмъ самымъ стоитъ на стражѣ не трона своего вещественнаго, но самой истины:

«Пойдемъ подъ сѣнію боговъ безсмертной длани
Не тронъ мой, истину святую защищать»

говоритъ Рюрикъ, готовясь выступить съ войскомъ противъ Вадима (Д. IV, явл 1). При такомъ просвѣщенномъ взглядѣ на верховную власть самъ Рюрикъ, конечно, является въ своихъ дѣйствіяхъ тоже просвѣщеннымъ монархомъ. Его духъ не властолюбивъ (такъ характеризуетъ его Рамида, д. IV, явл. 3), и, слѣд., онъ правитъ не ради самой власти, но ради служенія народу. Отсюда проистекаютъ всѣ высокія качества просвѣщеннаго Рюрика: онъ охранитель законовъ страны и первый ихъ исполнитель, онъ блюститель правды, виновникъ счастья гражданъ, ихъ щедрый благодѣтель. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ въ своемъ обращеніи къ народу:

«Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый Судія,
Вы вольны, счастливы, стонаю только я.
Который Гражданинъ, хранящій добродѣтель,

Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель.
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И, если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,—
Зато щедротою моею утѣшалъ» (Д. V, явл. 3).

Но всѣ эти качества монарха становятся еще выше въ нашихъ глазахъ, если мы примемъ въ расчетъ высокое самоотверженіе и великодушіе Рюрика. Онъ служитъ государству совершенно безкорыстно, совершенно отрекается отъ своихъ личныхъ интересовъ, потому что за всѣ свои благодѣянія встрѣчаетъ только ненависть и злобу со стороны облагодѣтельствованныхъ, и эта неблагодарность вызываетъ его на горькія размышленія:

«Надъ пропастями здѣсь мой тронъ поставленъ;
За благости мои я злобой окруженъ,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято:
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоютъ смертные, чтобъ ими обладать;
Благотворителямъ содѣтели мученья
Не стоютъ никогда они благотворенья»
(Д. IV, явл. 2).

Но эта неблагодарность не останавливаетъ его на пути его высокаго служенія: онъ великодушенъ не только, какъ царь, который прощаетъ, но и какъ рыцарь истины и чести, который для ихъ спасенія жертвуетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ. И, дѣйствительно, онъ не только ищетъ примиренія съ своимъ заклятымъ врагомъ Вадимомъ, но даже готовъ возложить на его голову свой царскій вѣнецъ, лишь бы освободить себя отъ несправедливаго обвиненія въ пристрастіи къ тираніи, и только мольбы колѣнопреклоненныхъ гражданъ побуждаютъ его оставить «намѣренья ихъ счастію претящи» (Д. V,

явл. 3). Итакъ, въ Княжнинской трагедіи, какъ и въ исторической драмѣ Екатерины II, власть Рюрика—это просвѣщенный абсолютизмъ со всѣми его идеальными признаками: душа этой власти—законность, съ которой связано всемогущество монахра [30]). Такая власть стоитъ выше всякихъ порицаній и въ сравненіи съ ней даже политическая свобода не выдерживаетъ критики. Недаромъ поэтому Рамида, которая разгадала Рюрика не только, какъ своего возлюбленнаго, но и какъ правителя, многозначительно замѣчаетъ:

«И что свобода вся предъ Рюриковой властью?»
(Д. II, явл. 1).

Посмотримъ теперь, каковъ противникъ Рюрика—Вадимъ. Это уже не удѣльный князь Екатерининской драмы, одиноко возстающій противъ старшаго брата въ силу своихъ честолюбивыхъ стремленій,—нѣтъ это безкорыстный (какъ и Рюрикъ) поборникъ гражданской свободы, опирающійся на сильную партію. Прежде всего Вадимъ—убѣжденный республиканецъ въ духѣ Руссо, руководящійся вполнѣ современными ему принципами «Contrat social». Первый его принципъ—свобода; она для него—«небесная красота» (Д. V, явл. 3), «блаженство» (Д. I, явл. 2) и первое условіе жизни:

«И если не могли свободы сохранить,
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить»? (Д. I, явл. 2).

говоритъ онъ своимъ сподвижникамъ. Второй принципъ—абсолютное равенство; про прежнихъ вельможъ Новгорода онъ говоритъ: «вельможи наши... велики, будто боги, но ровны завсегда и меньшимъ изъ гражданъ» (Д. I, явл. 2). Наконецъ, третій принципъ—это служеніе обществу подъ условіемъ свободы и равенства. Такъ, Пренестъ прямо говоритъ, что, возбуждая народъ противъ Рюрика, онъ тѣмъ самымъ «служитъ обществу» (Д. III, явл. 4); Вадимъ обѣщаетъ выдать свою

---

30) Cp. Montesquieu L. II, Chap. IV.

дочь за «спасителя общества» (Д. I, явл. 3) и завидуетъ своимъ сподвижникамъ, павшимъ за общество:

«О вы, за общество навѣкъ закрывши взоръ,
Сколь счастливѣй меня вы днесь, Пренестъ,
Вигоръ!» (Д. V, явл. 2).

При существованіи такого свободнаго и равнаго общества Новгородъ, по мнѣнію Вадима, былъ силенъ: онъ подавалъ законы «трепещущимъ царямъ» (Д. I, явл. 1); въ такомъ-то обществѣ и существовала «та страсть къ отечеству, которая гражданъ героями творила», но эту страсть «въ сердцахъ держава затворила» (Д. I, явл. 3).

Итакъ, Вадимъ благородный, глубоко убѣжденный человѣкъ, но отнюдь не честолюбецъ и не террористъ; Вадимъ, какъ герой псевдо-классической трагедіи, сохранилъ черты республиканца-римлянина въ духѣ «Цинны» Корнеля или «Брута» Вольтера, которымъ, какъ мы уже отмѣтили, подражалъ Княжнинъ въ этой трагедіи («Вадимъ»). Съ другой стороны, Вадимъ, какъ истый римлянинъ, твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ; его герои «готовы умереть за согражданъ» (Д. I, явл. 3). Самъ онъ, видя, что ему не удалось спасти свободу Новгорода, отвергаетъ и дружбу Рюрика, и даже царскій вѣнецъ, имъ предложенный, какъ орудіе рабства (Д. V, явл. 3), и умираетъ съ безкорыстнымъ презрѣніемъ къ власти. Съ этой стороны Вадимъ—герой псевдо-классическій, который собственную неизмѣримую, нечеловѣческую, силу воли ставитъ выше даже могущества боговъ:

«Вселенну, боги, вы, вратя по вашей власти,
Возможете весь міръ Тиранамъ предавать
И счастью и себя слѣпому подвергать,
Злодѣямъ счастливымъ пусть все порабощенно,
Но сердце изъ того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громомъ вооружась, властителя мнѣ дать».
(Д. V, явл. 2).

Таковы центральныя лица трагедіи. Остальныя—Рамида, которая борется съ своею страстью и долгомъ;

Пренестъ и Вигоръ, безукоризненные герои и сподвижники Вадима; Изведъ, наперсникъ Рюрика, и Селена, наперсница Рамиды — суть необходимые аттрибуты псевдо-классической трагедіи и, какъ таковые, не даютъ намъ ничего для выясненія ея направленія. Далѣе, мы видѣли, что Рюрикъ—это просвѣщенный и гуманный государь, а Вадимъ—французскій республиканецъ, не дожившій еще до террора и еще помнящій свое родство съ римлянами. Что же хотѣлъ сказать этимъ Княжнинъ? Повидимому, онъ только сопоставляетъ эти два идеала, не давая предпочтенія ни тому, ни другому. Но это только такъ кажется: при внимательномъ чтеніи трагедіи невольно бросается въ глаза, что авторъ, поставивъ тотъ и другой идеалъ на возможную высоту, не только сопоставляетъ ихъ, но и заставляетъ бороться между собою. На чьей же сторонѣ остается побѣда и симпатіи читателя? На этотъ вопросъ, руководясь первымъ впечатлѣніемъ, отвѣтить трудно: и Рюрикъ, и Вадимъ оба велики въ своихъ идеалахъ, и никто изъ нихъ не остается въ долгу у другого, а, если Вадимъ и погибаетъ, то смерть его геройская, омрачающая побѣду Рюрика. Но, всматриваясь опять-таки внимательнѣе, мы должны все же сознаться, что авторъ къ Вадиму относится съ большей симпатіей, нежели къ Рюрику, и вотъ въ чемъ главнымъ образомъ это замѣчается. Прежде всего надо сказать, что Вадимъ всюду является героемъ величественнымъ и полнымъ сознанія своей энергіи и силы, между тѣмъ, какъ Рюрикъ часто выходитъ какимъ-то черезчуръ кроткимъ, мягкимъ—даже его стремленіе помириться съ Вадимомъ, стремленіе слишкомъ навязчивое, какъ-то не совмѣщается съ величіемъ царя, унижаетъ его и даже выказываетъ отчасти его слабовольность. Затѣмъ, въ то время, какъ воззваніе Вадима къ гражданамъ увлекаетъ ихъ, воспламеняетъ жаждою свободы и невольно располагаетъ къ ея поборнику (Д. II, явл. 4),—всѣ добродѣтели Рюрика и всѣ его старанія не могутъ снискать ему народныхъ симпатій: онъ постоянно, какъ мы ви-

дѣли, жалуется на неблагодарность народа, на свою печальную участь и при всѣхъ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ остается какимъ-то неудачникомъ. Наконецъ, самая побѣда Рюрика надъ Вадимомъ, является какой-то неполной: надъ нимъ какъ бы тяготѣетъ злой рокъ, не допускающій его ни къ счастью, ни даже къ покою, котораго уже достигъ безпокойный Вадимъ. Такимъ образомъ, строго говоря, симпатіи Княжнина отчасти направлены въ сторону идеала свободы. Правда, изображая борьбу двухъ началъ, онъ оставляетъ ее въ концѣ концовъ нерѣшенной, предоставляя какъ бы самому читателю рѣшить, кого можно назвать восторжествовавшимъ. Но самъ-то авторъ, несомнѣнно, болѣе любитъ Вадима, погибающаго славною смертью, чѣмъ Рюрика, огорченнаго своей печальной побѣдой. Поэтому мы, кажется, не ошибемся, если признаемъ за направленіемъ этой трагедіи республиканскія симпатіи, смягченныя отчасти возвеличеніемъ просвѣщеннаго абсолютизма. Теперь мы можемъ спросить: правы ли были современники и сама Екатерина II, увидѣвшіе въ этой трагедіи политическую неблагонадежность автора? Конечно, опасенія ихъ были преувеличены, но несомнѣнно, съ другой стороны, что многія рѣзкія выраженія изъ рѣчей Вадима и его сподвижниковъ были дѣйствительно нежелательны. Припомнимъ, что тогда уже совершился переломъ въ либеральномъ царствов. Екатерины, вслѣдствіе реакціи, начавшейся съ 1789 г., подъ вліяніемъ переворотовъ во Франціи. Въ это время сама Екатерина уже опасалась «французской заразы» и говорила Храповицкому: «L'égalité est un monstre, qui veut être roi». Немудрено поэтому, что такой политически развитой и глубоко убѣжденный писатель, какъ Радищевъ, подвергся за свою книгу: «Путешествіе изъ

---

[31]) Записки Храповицкаго, въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ» 1862 г., кн. III, стр. 226—7 (эти выдержки см. «Русск. Стар». 1871, т. III, предисловіе Ефремова о трагедіи: «Вадимъ Новгородскій».

Петербурга въ Москву», ссылкѣ, именно въ силу того, что выступилъ съ своимъ произведеніемъ въ концѣ царствованія Екатерины II, въ эпоху реакціи, страха предъ «французской заразой». Если бы это «Путешествіе» появилось раньше, то, несомнѣнно, Екатерина II не отнеслась бы къ нему такъ строго, несмотря даже на нѣкоторыя слишкомъ смѣлыя мѣста въ немъ. Понятно, что и трагедія Княжнина въ это время уже не могла пройти незамѣченной и возбудила преслѣдованіе, что, конечно, не случилось бы, если бы она появилась до 1789 года. Доказательствомъ этого служитъ судьба другой трагедіи: «Сорена и Замиръ» [32])—Николева. Эта трагедія представлена была впервые въ Москвѣ 12 февраля 1785 года. Она такъ же, какъ и «Вадимъ Новгородскій», нечужда вольнодумныхъ тенденцій. И трагедія Николева не возбудила при своемъ появленіи опасеній императрицы. На донесеніе Московскаго главнокомандующаго гр. Брюса (который, найдя трагедію опасной, запретилъ ее представлять) она отвѣтила рескриптомъ въ духѣ глубокомысленнаго изреченія Талейрана подчиненнымъ: Messieurs, surtout point trop de zèle. «Авторъ», сказала она, «возстаетъ противъ самовластія тиранновъ, а Екатерину вы называете матерью», и велѣла княгинѣ Дашковой напечатать трагедію Николева въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» [33]). Но, когда, шесть-семь лѣтъ спустя, появилась подобная же трагедія Княжнина, Екатерина приказала ее изъять изъ печати и сжечь. Очевидно, причиной этого была перемѣна въ характерѣ эпохи, всеобщія опасенія, внушенія боязливыхъ совѣтниковъ императрицы (на что справедливо указываетъ кн. Дашкова въ своихъ

---

[32]) «Сорена и Замиръ», трагедія «Россійскій Ѳеатръ», часть I, стр. 292.

[33]) Ч. I, стр. 235—323. Свѣдѣнія о трагедіи Николева взяты изъ статьи М. Лонгинова, напечат. въ «Русск. Вѣстникѣ» 1860, т. 25, и изъ статьи П. Ефремова въ «Русск. Стар». 1871, т. III.

запискахъ). Но помимо этого, Екатерина могла въ этой трагедіи видѣть и личное для себя оскорбленіе. До появленія этого произведенія она знала Княжнина только, какъ пѣвца своего гуманнаго царствованія, и такимъ онъ, дѣйствительно, себя выказывалъ: по желанію императрицы онъ написалъ трагедію: «Титово милосердіе», и «Титъ представленъ былъ на придворномъ театрѣ», говоритъ митроп. Евгеній [34]): «въ чертахъ такихъ, которыхъ подлинника нельзя было публикѣ не узнать въ своей Монархинѣ». И вдругъ этотъ поклонникъ просвѣщенной императрицы является поборникомъ свободы, которая въ это время уже породила всѣ ужасы террора, и, мало того, даже личнымъ литературнымъ противникомъ Екатерины: онъ беретъ тотъ же сюжетъ, который она уже обработала сама въ 1786 году, но вмѣсто того, чтобы унизить своевольнаго Вадима предъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ само держцемъ Рюрикомъ, какъ это сдѣлала сама Екатерина, Княжнинъ окружилъ Вадима ореоломъ величія. Итакъ, Княжнинъ вступилъ на путь, показавшійся, сообразно съ характеромъ эпохи, опаснымъ для нѣкоторыхъ современныхъ консерваторовъ и оскорбительнымъ для самой императрицы, и его трагедію постигла печальная участь...

Резюмируя теперь все написанное объ исторіи нашей трагедіи и о ея содержаніи, мы должны сказать, что считать ее, вмѣстѣ съ изслѣдователями этой эпохи, произведеніемъ вполнѣ невиннымъ будетъ ошибочно: современники, усмотрѣвшіе въ «Вадимѣ» свободный духъ, были, несомнѣнно, ближе къ истинѣ; но и они тоже слишкомъ далеко зашли въ своихъ опасеніяхъ. Правильнѣе всѣхъ, кажется намъ, понялъ направленіе трагедіи митрополитъ Евгеній, который, признавая за ней извѣстное направленіе, соглашался однако съ тѣмъ, что оно сильно омягчено характеристикой гуманнаго

---

[34]) «Словарь свѣтскихъ писат»., Ч. I, стр. 290.

Рюрика. «Вадимъ», говоритъ митр. Евгеній [35]): «тогда показался набатомъ. Піеса сія и дѣйствительно была нескромнѣе Вольтерова «Брута», хотя въ роли Рюрика помѣщено на все довольно правыхъ отвѣтовъ». Во всякомъ случаѣ, подобно тому, какъ Екатерина II въ своей драмѣ намѣтила въ Вадимѣ своевольнаго бунтовщика, противника разумной и гуманной власти, Княжнинъ усмотрѣлъ въ немъ новыя, болѣе благородныя черты «русскаго Брута», который по своимъ возвышеннымъ стремленіямъ стоитъ не ниже просвѣщеннаго Рюрика. Именно такъ и понимаетъ Княжнинскаго Вадима А. Ѳ. Воейковъ въ одномъ отрывкѣ изъ своей дидактической поэмы [36]):

«Безсмертный Озеровъ! ты сердца зналъ пучину,—
Ты Сторна сотворилъ, Эдипа и Моину,
Душа моя болитъ за Ксенію твою;
Надъ Поликсеною изъ сердца слезы лью,
Люблю Димитрія съ отважною душою;
Но смѣло признаюсь, мужъ славный, предъ тобою:
Моя любимая трагедія: «Вадимъ».
Съ какою силою начертанъ Княжнинымъ
Новогородскій Брутъ и Цесарь величавый!
Одинъ блистающій въ коронѣ чистой славой,
Свободу благостью заставившій забыть
И отъ безвластія власть спасшую любить;

---

[35]) «Словарь свѣтскихъ писат.». Ч. I, стр. 291.

[36]) Поэмы «Искусства и Науки». Отрывокъ этотъ появился въ «Вѣстникѣ Европы» 1819 г., т. 104, № 8, стр. 248—255. Воейковъ написалъ его въ Дерптѣ въ 1817 г. Авторъ говоритъ тутъ о заслугахъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Богдановича, Нелединскаго, Сумарокова, Фонвизина, Озерова, Княжнина, Мерзлякова, Жуковскаго и Батюшкова. Приводимая нами выдержка напечатана на стр. 252.

Другой свирѣпъ и яръ, какъ тигръ неукротимый,
По добродѣтелямъ за полубога чтимый;
Обоимъ славная, ужасная судьба!
И нерѣшенною осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ гражданина:
Корнелева пера достойная картина!»

Итакъ, XVIII вѣкъ, вызвавшій къ литературной жизни преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ, создалъ два поэтическихъ образа этого героя: Вадима—мятежника, смиряющагося въ концѣ концовъ предъ верховной властью, и Вадима—Брута, остающагося даже и въ моментъ своей смерти на высотѣ своего республиканскаго призванія. Эти два типа: Вадимъ, такъ сказать, консервативнаго направленія и Вадимъ либеральнаго, какъ мы увидимъ, повторяются во всей остальной литературной жизни преданія, при чемъ, конечно, извѣстное общество или литерат. направленіе эпохи налагаетъ на тотъ или другой типъ свой отпечатокъ.

И. Замотинъ.

Продолженіе будетъ.

Кризисъ въ духовной жизни древней Эллады конца V-го вѣка до Р. Х.

(Этико-историческій очеркъ) *).

Перейдемъ теперь къ опредѣленію значенія Эврипида въ духовномъ развитіи древней Греціи.

Все въ Эврипидѣ: его образъ жизни, личныя склонности, привычки и занятія, наконецъ, самая наружность—показываютъ въ немъ типичнаго представителя того періода развитія Греціи, который знаменовалъ собой переходъ къ новымъ началамъ духовной жизни, стоявшимъ въ противорѣчіи съ идеалами античнаго міра, воплотившимися въ Эсхилѣ и его твореніяхъ. Въ противоположность послѣднему, полагавшему, какъ мы видѣли, высшее назначеніе человѣка въ служеніи государству, Эврипидъ не только всю свою продолжительную жизнь провелъ вдали отъ активнаго участія въ дѣлахъ государства, но велъ совершенно уединенный, замкнутый образъ жизни, посвящая всё свое время исключительно философскимъ и научнымъ занятіямъ [83]). Эврипидъ былъ въ полномъ смыслѣ слова кабинетнымъ ученымъ и страстнымъ библіофиломъ: его книгохранилище считалось самымъ цѣннымъ и рѣдкимъ въ Аѳинахъ. Вопреки національнымъ традиціямъ, Эврипидъ неоднократно въ своихъ произведеніяхъ выражаетъ полное презрѣніе и отвращеніе къ занятіямъ гимнастикой и атлетическимъ искусствомъ, которыя составляли суще-

*) Продолженіе. См. I—II в.в. за 1900.

[83]) Отчужденность Эврипида отъ политической дѣятельности рѣзко порицается Аристофаномъ въ его комедіи: «Лягушки», ст. 1512 и слѣд.

ственный элементъ въ системѣ воспитанія юношей въ древней Элладѣ. Наконецъ, самая наружность Эврипида, насколько можно судить о ней по сохранившимся бюстамъ [34]), далеко не выражаетъ того жизнерадостнаго чувства, которое составляло существенную черту античной Эллады, жившей одной общей жизнью съ окружавшей ее природой и не вѣдавшей разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, между духомъ и матеріей: напротивъ, печаль, разочарованіе жизнью и тоска составляютъ характерныя черты извѣстныхъ намъ изображеній Эврипида. Не безъ основанія поэтому его называютъ первымъ провозвѣстникомъ міровой скорби.

Чтобы опредѣлить значеніе Эврипида въ исторіи духовнаго развитія древней Эллады, необходимо, во-первыхъ, выяснить связь его трагедій съ современными ему явленіями жизни аѳинянъ, во-вторыхъ, указать на этико-религіозныя и вообще философскія воззрѣнія Эврипида, образовавшіяся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Анаксагора.

Современная Эврипиду дѣйствительность характеризуется господствомъ охлократіи (черни). Время, въ которое жилъ поэтъ, составляло поворотный пунктъ отъ античнаго строя жизни, въ которомъ преобладала идея національности и государственности, къ новому порядку вещей, въ основу котораго легла идея гуманизма, признаніе правъ человѣка, независимо отъ его національности и занимаемаго имъ политическаго положенія. Крѣпкое единеніе, связывавшее античное государство съ отдѣльными его членами, съ развитіемъ охлократіи ослабѣло; борьба партій расшатала основы политическа-

---

[34]) Напр.: сидячая статуя Эврипида въ Луврскомъ музеѣ и два его бюста въ Неаполитанскомъ.

го организма; историческія традиціи и завѣты предковъ были попраны вождями демоса [35]). Религіозный скептицизмъ и индиферентизмъ интеллигентнаго общества, съ одной стороны, и грубое суевѣріе черни, съ другой [36]) — разрушили національныя вѣрованія въ отечественныхъ боговъ. Такимъ образомъ, два главнѣйшихъ устоя античной жизни, именно, идея національной политіи и натуралистическая религія, давшія, какъ мы видѣли, содержаніе трагедіямъ Эсхила, рушились, и на ихъ развалинахъ воцарился произволъ личныхъ страстей, и положеніе софиста Протагора, что человѣкъ — мѣра всѣхъ вещей, замѣнило собой традиціонныя этико-религіозныя нормы дѣятельности.

Такова та жизненная основа, на которой развилась трагедія Эврипида. Содержаніе ея составляютъ выше указанныя патологическія явленія современной поэту дѣйствительности, представлявшей разнузданную вакханалію страстей человѣка, сбросившаго съ себя всякій внѣшній авторитетъ. Вмѣсто идеальнаго міра боговъ и героевъ національнаго эпоса трагедій Эсхила Эврипидъ воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ современное ему общество. Онъ свелъ трагедію съ небесъ и предметомъ ея наблюденій сдѣлалъ человѣка, его внутренній, субъективный, психологическій міръ. Эврипидъ первый среди греческихъ драматурговъ занятъ анализомъ психологическихъ побужденій человѣка и его субъективной жизнью. Имена героевъ и героинь національнаго эпоса, какъ Іонъ, Ксутъ, Креуза, Ипполитъ, Федра, Медея, Орестъ, Ифигенія, Агамемнонъ и др. у Эврипида лишены ореола идеальной героической эпохи, явля-

[35]) См. гл. II. Политическая жизнь.

[36]) См. гл. I. Религія.

ются представителями современнаго поэту общества и служатъ ему объектами для психологическаго анализа того кризиса, который переживалъ въ это время древній міръ. Миѳъ, такимъ образомъ, теряетъ въ трагедіяхъ Эврипида свою объективность; эпическія сказанія произвольно трансформируются, передѣлываются и комбинируются поэтомъ, согласно его цѣлямъ и философскимъ тенденціямъ. На судьбу дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи Эврипида и на развитіе драматизма не вліяютъ никакія постороннія силы, подобно родовому нечестію или карающему духу (ἀλάστωρ), какъ то видѣли мы у Эсхила. Трагическія катастрофы и коллизіи всецѣло и исключительно обусловливаются у Эврипида субъективными мотивами. Психологическій анализъ и изображеніе страсти составляютъ главную задачу его трагедій. Подобнымъ же образомъ и боги у Эврипида теряютъ всякое вліяніе на ходъ и развитіе драматическаго дѣйствія, становятся простыми сценическими аксессуарами, обращаются въ deus ex machina. Поэтому трагедію Эврипида вполнѣ вѣрно можно назвать субъективной, или психологической трагедіей, иначе—трагедіей страсти и характеровъ въ отличіе отъ демонической трагедіи Эсхила, у котораго, какъ мы видѣли, субъективный, психологическій элементъ совершенно отсутствуетъ, и главное значеніе имѣютъ демоническія силы.

По обрисовкѣ характеровъ и психологическому анализу дѣйствующихъ лицъ изъ дошедшихъ до насъ 17 пьесъ Эврипида особенный интересъ имѣютъ слѣдующія его трагедіи: «Алкеста», «Медея», «Ипполитъ», «Іонъ», «Гекуба», обѣ «Ифигеніи», «Неистовый Гераклъ», «Просительницы», «Гераклиды» и «Вакханки». Ревность (Медея), месть (Медея и Гекуба), любовь (Федра), материнскія чувства (Гекуба, Клитемнестра),

готовность къ самопожертвованію (Ифигенія въ Тавридѣ, Алкеста), дѣвственная чистота и цѣломудріе (Ифигенія въ Тавридѣ, Ипполитъ, Іонъ), безуміе (Гераклъ)— вотъ главнѣйшія психологическія темы, которыя дали содержаніе выше названнымъ трагедіямъ Эврипида и легли въ основу характеровъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ. Для цѣли предлагаемаго очерка излишне входить въ подробный анализъ каждой въ отдѣльности трагедіи Эврипида и дѣйствующихъ въ нихъ лицъ. Для насъ имѣетъ интересъ общій характеръ произведеній Эврипида, именно, тотъ субъективный элементъ въ нихъ, который отличаетъ трагедію Эврипида отъ трагедій Эсхила.

Заимствуя свое содержаніе изъ субъективной жизни человѣка, трагедія Эврипида останавливается преимущественно на патологическихъ аномаліяхъ духовной жизни современнаго ему общества, среди котораго эгоизмъ и разнузданность страстей заглушали голосъ совѣсти и сознаніе долга и подкапывали законы религіи, этики и государства. Поэтому въ произведеніяхъ Эврипида мы встрѣчаемъ множество ходячихъ сентенцій, представляющихъ какъ бы кодификацію современной поэту субъективной морали, если только позволительно назвать моралью отрицаніе всякихъ общепризнанныхъ, объективныхъ началъ нравственности, на которыхъ основывается жизнь всякаго благоустроеннаго общества. Такъ, въ одномъ изъ отрывковъ Эврипида читаемъ: «Я утверждаю, что для меня законъ не писанъ» [37]). Та же мысль, только въ иной формѣ выраженія, въ другомъ фрагментѣ гласитъ: «Таково требованіе природы, которой нѣтъ дѣла до законовъ» (т.-е,

---

[37]) Hipp. vel. fr. I (436).

человѣческихъ установленій) [38]. На безсиліе сознанія нравственнаго долга въ борьбѣ съ природными влеченіями указываетъ другой отрывокъ: «Я хорошо помню», говорится въ немъ: «всѣ твои нравоученія; но, вопреки голосу совѣсти, къ этому меня влечетъ законъ природы» [39]. Эта борьба между долгомъ и природными инстинктами чувственныхъ, низменныхъ побужденій еще опредѣленнѣй высказывается въ другомъ отрывкѣ, гдѣ она называется божескимъ наказаніемъ (θεῖον κακόν), благодаря чему человѣкъ, хотя и сознаетъ, въ чемъ состоитъ требованіе нравственнаго закона, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ ему [40]. Эту же мысль высказываетъ и Медея [41] словами, переданными Овидіемъ въ латинскомъ переводѣ такъ: «Video meliora proboque, deteriora sequor». Слова эти, какъ извѣстно, стали стереотипной формой выраженія двойственности и разлада, свойственныхъ человѣку [42]. Въ отрывкѣ изъ «Ипполита» (Hipp. vel.) Эврипидъ констатируетъ современный ему принципъ жизни, по которому законъ въ силѣ, а не въ правдѣ. Въ этомъ фрагментѣ поэтъ говоритъ: «Благополучіе людей не зависитъ отъ ихъ благочестія: теперь все достигается нахальствомъ и силою рукъ».

Изъ-за пріобрѣтенія власти и для удовлетворенія корысти всѣ средства были позволительны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе два отрывка: «Если ужъ нарушать правду, такъ всего лучше нарушать ее для пріобрѣтенія власти» [43]; въ другомъ фрагментѣ чи-

[38]) Fr: 171 (912).

[39]) Chrys. fr. I.

[40]) Chrys. fr. II: ὅταν τις εἰδῇ τἀγαθόν, χρῆται δὲ μή.

[41]) Med. 1078—80.

[42]) Ср. св. Апост. Павла, посланіе къ римл:. гл. 7.

[43]) Phoen. 527.

таемъ: «Если самимъ богамъ пріятна прибыль, такъ какъ тотъ среди нихъ пользуется наибольшимъ удивленіемъ, чей храмъ заключаетъ въ себѣ наибольше сокровищъ, то что же мѣшаетъ и тебѣ всячески искать прибыли и такимъ образомъ уподобиться богамъ» [44]).

Въ патологическихъ явленіяхъ современной поэту дѣйствительности, на которыя указываютъ выше приведенные фрагменты, слѣдуетъ искать объясненія пессимистическаго взгляда Эврипида на человѣческую жизнь вообще. Во многихъ мѣстахъ своихъ трагедій поэтъ жалуется на всеобщность и безпредѣльность скорби и бѣдъ, всюду окружающихъ нашу жизнь. Такъ, одна изъ его трагедій («Автоликъ») начиналась словами: «Безконечное горе царитъ по всей Элладѣ». «Въ жизни господствуютъ беззаконіе и печаль», читаемъ мы въ другомъ отрывкѣ [45]). «Увы, какъ велики бѣдствія человѣка, и никто не можетъ указать ихъ конца!» гласитъ одинъ изъ фрагментовъ [46]). Печальная дѣйствительность, современная поэту, приводитъ его къ полному разочарованію жизнью, которой онъ предпочитаетъ смерть, какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка: «Кто знаетъ, не есть ли жизнь—смерть, а смерть—жизнь» [47]).

Причина всѣхъ указываемыхъ Эврипидомъ нравственныхъ золъ и болѣзней его времени вытекала изъ начала субъективизма, изъ стремленія отдѣльной личности сбросить съ себя всякій внѣшній авторитетъ и законъ. Но тотъ же субъективизмъ породилъ также и вопросы, невѣдомые до этой поры античному міру, именно, вопросы

---

[44]) Philoct. fr. 6.

[45]) Fr.: 122 (957).

[46]) Antiop. fr. 41 (210).

[47]) Τίς οἶδε εἰ τὸ ζῆν μέν ἐστι κατθανεῖν, τὸ κατθανεῖν δὲ ζῆν;

объ отношеніи личности къ государству и о естественныхъ правахъ человѣка. Будучи вѣрнымъ отображеніемъ дѣйствительности, произведенія Эврипида заняты также и рѣшеніемъ подобныхъ соціальныхъ вопросовъ своего времени: такъ, въ одномъ изъ фрагментовъ [48]) высказывается мысль, что по законамъ природы (иначе—по естественному праву) всѣ люди обладаютъ равными правами, и что существующее среди людей неравенство противно естественнымъ правамъ человѣка и создано искусственно. Съ этой точки зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія естественнаго права человѣка, Эврипидъ обсуждаетъ общественное положеніе женщинъ, рабовъ и дѣтей, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ (νόθοι), т.-е. тѣхъ классовъ общества, которые въ античномъ государствѣ были наиболѣе безправными и обезличенными его членами [49]).

Такова связь трагедій Эврипида съ современной имъ жизнью и вопросами, порожденными ею и давшими содержаніе его произведеніямъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію этико-религіозныхъ и философскихъ воззрѣній поэта. Аристофанъ въ комедіи своей: «Лягушки» (ст. 1382), говоритъ, что Эврипидъ среди аѳинянъ пользовался славой мудрѣйшаго (σοφώτατος). То же подтверждаетъ и Платонъ въ своей «Республикѣ» [50]) говоря, что изъ всѣхъ формъ поэтическаго творчества трагедія всего ближе къ философіи, среди же трагиковъ

---

[48]) Alexand. fr. 16 (53).

[49]) См. подробности объ этомъ у Бернгарди: «Истор. греч. литер.» томъ II, стр. 422, 6 и въ указанныхъ имъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу.

[50]) Plat.: «Polit» VIII, 568, A.

Эврипида съ наибольшимъ правомъ можно назвать философомъ. Обычное опредѣленіе Эврипида, какъ трагика, въ отличіе отъ Эсхила и Софокла, встрѣчаемое у древнихъ писателей, это: «σκηνικὸς φιλόσοφος», или: «ὁ ἐπὶ σκηνῆς φιλόσοφος». Названіе Эврипида «сценическимъ философомъ» вполнѣ вѣрно указываетъ на другую существенную особенность его трагедій, именно, на ихъ диссертаціонный, философскій характеръ, столь же мало свойственный традиціямъ античной трагедіи, какой она является у Эсхила и Софокла, какъ и субъективный элементъ въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ.

Каковы же были философскія и этико-религіозныя воззрѣнія Эврипида? На образованіе міровоззрѣнія послѣдняго главнымъ образомъ имѣли вліяніе, съ одной стороны, натуралистическая философія Анаксагора и скептицизмъ софистовъ, съ другой—духовный кризисъ, пережитый античнымъ эллинскимъ міромъ въ концѣ V-го вѣка до Р. Х. Анаксагоръ, по обще признанному мнѣнію и свидѣтельству древнихъ, считается руководителемъ Эврипида въ философскихъ его занятіяхъ [51]). Вліяніе его на Эврипида выразилось прежде всего въ признаніи послѣднимъ господства разумнаго начала въ устройствѣ вселенной; во-вторыхъ, въ отождествленіи человѣческаго разума съ божествомъ [52]); въ-третьихъ, въ ученіи о божественномъ происхожденіи души человѣка и, наконецъ, въ противоположеніи чувственнаго, видимаго міра, подверженнаго измѣнчивости и разрушенію, міру духовному, для котораго не существуетъ смерти [53]). Вліяніе Анаксагора содѣйствовало главнымъ

---

[51]) Cic. «Tusc. disp» IV, 14.

[52]) Valck. p. 238. τὸν νοῦν ἡμῶν ἑκάστου εἶναι Θεόν.

[53]) См. Chrysippi fr. 6; Hipp. 191—197. Phoenic. fr. 9.

образомъ пробужденію духа пытливости въ изслѣдованіи явленій внѣшняго міра, приведшаго къ разрушенію основъ натуралистической религіи и къ болѣе духовному представленію божества, что мы и встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Эврипида [54]). Миѳологическія, національныя представленія о богахъ Эврипидъ лишаетъ всякаго этическаго значенія, указывая на несогласныя съ достоинствомъ божества приписываемыя послѣднему низменныя побужденія и страсти, какъ: гнѣвъ, месть, ревность, вражда, чувственность и т п. [55]).

Въ трагедіи: «Іонъ», высказывается мысль, что, если боги—существа, стоящія выше людей, то они своими поступками должны превосходить послѣднихъ и служить для нихъ безупречнымъ авторитетомъ и идеаломъ.

Такое же отрицательное отношеніе встрѣчаемъ мы у Эврипида къ оракуламъ, жрецамъ и предсказателямъ; послѣднихъ онъ называетъ лже-пророками, говоря, что они посредствомъ обмана извлекаютъ прибыль изъ своего шарлатанскаго искусства [56]). Эврипидъ совѣтуетъ во всемъ слѣдовать своему личному убѣжденію [57]). «Наше личное сужденіе и благоразуміе—наилучшіе гадатели», говоритъ вѣстникъ въ трагедіи Эврипида: «Елена» [58]).

Какъ мы видимъ, вліяніе Анаксагора поставило Эврипида въ отрицательное отношеніе къ національнымъ

---

[54]) См. три фрагмента: 153, 155, 158, взятые у Климента Александрійскаго.

[55]) См «Androm.» ст. 1061—1165, «Iphig. T.» ст. 380 и сл.; «Her.» 1341—46; «Elect.» ст. 737 и 1246.

[56]) См. «Iphig Aul.» 956—58; «Iphig. T» 570—75.

[57]) Fr. inc. 128 (963). μάντις δ'ἄριστος ὅςτις εἰκάζει καλῶς.

[58]) «Hel». 763 γνώμη δ'ἀρίστη μάντις ἥ τ' εὐβουλία.

вѣрованіямъ. Отвергнувъ ихъ, какъ лишенныя этической основы и не отвѣчающія величію божества, поэтъ единственнымъ источникомъ истиннаго религіознаго чувства признаетъ нравственное самосознаніе человѣка, его совѣсть, т. е. является проповѣдникомъ такъ называемаго религіознаго субъективизма, отрѣшеннаго отъ всякихъ внѣшнихъ формъ богопочитанія [59]). Но субъективизмъ представляетъ очень зыбкую почву для религіознаго чувства и вѣры, такъ какъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ измѣнчивыхъ и случайныхъ условій даннаго времени и среды, доказательствомъ чему служитъ самъ Эврипидъ. Онъ говоритъ, что вѣрить въ боговъ—значитъ признавать ихъ міроправленіе въ судьбахъ и жизни человѣчества [60]). Но, взирая на патологическія явленія переживаемой имъ эпохи, когда господство произвола, личныя страсти и право сильнаго попрали всякія человѣческія и божескія установленія, поэтъ, стоя на субъективной почвѣ въ вопросахъ религіи, естественно приходитъ къ сомнѣнію, дѣйствительно ли божественная мудрость, а не произволъ и случайность управляютъ судьбами человѣчества. Этотъ религіозный скептицизмъ у Эврипида по временамъ доходитъ до полнаго отрицанія существованія божества, какъ, напр., въ обращеніи Ореста къ Электрѣ: «Если въ мірѣ неправда сильнѣй правды, то нельзя допустить существованія боговъ» [61]).

---

[59]) Hec. 799 ἀλλ’ οἱ θεοὶ σθένουσιν χὠ κείνων κρατῶν νόμος· νόμῳ γὰρ τοὺς θεοὺς ἡγούμεθα καὶ ζῶμεν ἄδικα καὶ δίκαι’ ὡρισμένοι.

[60]) Walck. de Aristob. p. 3, 4.

[61]) Elect. 583: χρὴ μηκέτι ἡγεῖσθαι θεοὺς εἰ τἄδικα ἔσται τῆς δίκης ὑπέρτερα.

Такимъ образомъ, философія Анаксагора, разрушивъ въ Эврипидѣ вѣру въ національныхъ боговъ, привела его къ религіозному субъективизму, а явленія современной ему дѣйствительности—къ религіозному скептицизму. Подводя итогъ всему выше сказанному нами о личности Эврипида, о характерѣ его трагедіи и этико-религіозныхъ и политическихъ идеяхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: на произведеніяхъ Эврипида отразились всѣ характерныя явленія кризиса въ духовной жизни Греціи конца V вѣка до Р. Х., вызваннаго реакціей въ пользу правъ человѣка противъ тяготѣвшей надъ нимъ и подавлявшей его идеи государственности и противъ религіознаго натурализма. Этимъ объясняется субъективный характеръ его трагедій, заимствующихъ свое содержаніе преимущественно въ психологическомъ, внутреннемъ мірѣ человѣка, а не въ проявленіяхъ демоническихъ силъ божества и въ національной исключительности, видѣвшей въ человѣкѣ только гражданина, что составляло главное содержаніе трагедій Эсхила. Идея національности и связанныя съ нею права гражданина у Эврипида теряютъ то исключительное и одностороннее значеніе, какое они имѣли въ античномъ мірѣ. Вмѣсто правъ гражданина Эврипида занимаетъ вопросъ о естественныхъ правахъ человѣка. Объективныя вѣрованія въ національный культъ, основанный на традиціи и миѳологіи, у Эврипида замѣняетъ религіозный субъективизмъ, основой котораго служитъ внутреннее чувство человѣка, его совѣсть, что, не заключая въ себѣ абсолютной, обязательной силы, приводитъ обыкновенно къ религіозному скептицизму. Сознавая несостоятельность внѣшняго, обрядоваго культа натуралистической религіи, Эврипидъ только гадательно, по врожденному душѣ каждаго человѣка вну-

треннему откровенію, предчувствовалъ зорю новой, иной жизни, въ которой личности человѣка суждено будетъ освободиться отъ ига внѣшняго закона, тяготѣвшаго надъ нимъ въ античномъ язычествѣ. Подъ вліяніемъ этого внутренняго голоса, или, если позволено будетъ такъ выразиться, субъективнаго откровенія, Эврипидъ уже на склонѣ своей жизни, во время своего пребыванія при дворѣ македонскаго царя Архелая, написалъ одну изъ лучшихъ своихъ трагедій: «Вакханки», главное достоинство которой составляетъ тотъ религіозный энтузіазмъ, который высказываетъ поэтъ, описывая введеніе новаго культа Діониса. При этомъ Эврипидъ шлетъ вызовъ современному ему невѣрію и на судьбѣ Пенѳея указываетъ на кары, ожидающія противниковъ новаго богопочитанія.

Такимъ образомъ, Эврипидъ представляетъ прямую противоположность Эсхилу и, находясь въ противорѣчіи съ идеалами античнаго, языческаго міра, является, хотя не съ такой послѣдовательностью, какъ Сократъ, провозвѣстникомъ зари новой жизни, въ которой богооткровенная религія Слова созиждетъ себѣ храмъ нерукотворный въ сердцахъ людей и заложитъ основу духовному строю государства, благодаря чему совершится полная эмансипація человѣка и освященіе его внутренняго, субъективнаго міра, его личности.

IV. Философія и софисты.

Послѣ указанія въ предшествовавшихъ главахъ на факты и явленія духовнаго кризиса въ Элладѣ конца V-го вѣка до нашей эры, какъ онъ отра-

зился въ религіи, въ политической жизни и на литературныхъ идеалахъ того времени, намъ остается въ заключеніи разсмотрѣть значеніе софистовъ, какъ проводниковъ и представителей этого новаго, чуждаго и враждебнаго античному міру, его религіи и государству начала субъективизма, лежащаго, какъ мы видѣли, въ основѣ всѣхъ явленій политической, религіозной и литературной жизни Греціи въ разсматриваемую нами эпоху. Но, чтобы выяснить значеніе софистовъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія философскаго самосознанія Греціи, слѣдуетъ предварительно опредѣлить характеръ и направленіе греческой философіи въ періодъ времени, предшествовавшій появленію софистовъ.

Этотъ первый періодъ исторіи философіи въ Греціи обнимаетъ собой весь VI-й и первую половину V-го вѣка до Р. X. Зародившись въ Іоніи, бывшей также колыбелью греческой исторіографіи и эпической поэзіи, философія дальнѣйшее свое развитіе получила въ южной Италіи (Великая Греція) и Сициліи. Какъ общій объектъ философскаго мышленія, такъ и одинаковый методъ его и результаты, къ которымъ приходитъ философія этого періода, объединяютъ представителей различныхъ школъ, выразившихъ отдѣльные моменты развитія философскаго сознанія въ Греціи за это время. Именно, по своему объекту греческая философія этого времени есть философія природы, такъ какъ предметомъ ея изслѣдованія служитъ внѣшній міръ, космосъ, почему она и называется космологической философіей, или натурфилософіей. По своему методу она можетъ быть названа догматической, такъ какъ она приступаетъ къ изслѣдованію внѣшняго міра безъ предварительнаго, научнаго опредѣленія задачъ и условій раціональнаго познанія. Наконецъ, по своимъ вы-

водамъ философія этого періода носитъ характеръ натуралистическій или, точнѣе сказать: матеріалистическій, такъ какъ не различаетъ духовнаго и матеріальнаго началъ въ природѣ и въ человѣкѣ, и только къ концу разсматриваемаго періода, именно, у Анаксагора, впервые появляется дуалистическое ученіе о духѣ и матеріи, какъ о двухъ противоположныхъ началахъ.

Несмотря однако на указанное нами единство метода, задачъ и результатовъ, объединявшихъ философію за этотъ періодъ времени, послѣдняя все же имѣла свое развитіе, выразившееся въ образованіи опредѣленныхъ философскихъ школъ, которыя преемственно слѣдовали одна за другой, и между которыми существуетъ не только историческая связь въ послѣдовательности времени, но и логическая преемственность задачъ, выдвигавшихся постепенно развивавшимся философскимъ самосознаніемъ. Укажемъ на важнѣйшіе моменты этого развитія и на тѣ результаты, къ которымъ оно пришло къ половинѣ V вѣка до Р. X., и которыми было вызвано новое направленіе философской мысли, характеризуемое названіемъ субъективизма.

Три главныхъ вопроса, касающихся космоса, послѣдовательно занимаютъ греческую философію этого времени, а именно: а) вопросъ о первоначалѣ, лежащемъ въ основѣ всѣхъ многообразныхъ явленій внѣшняго міра; рѣшеніе этого вопроса даетъ содержаніе школамъ іонійской, элеатской и пиѳагорейской; б) выше названныя древнѣйшія философскія системы, принимая единое, неизмѣнное и непреходящее начало за основу бытія, оставляютъ безъ объясненія самый процессъ возникновенія (генезисъ), уничтоженія и измѣненія, сопровождающій міръ явленій и составляющій ихъ сущность.

Этотъ вопросъ о генезисѣ и составляетъ вторую

задачу философіи, именно, философіи Гераклита. Наконецъ, в) третій вопросъ, естественно вытекавшій изъ первыхъ двухъ,—вопросъ объ отношеніи генезиса къ бытію, иначе—объ отношеніи, существующемъ между единымъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ началомъ, составляющимъ основу космоса, и непрестаннымъ процессомъ возникновенія, уничтоженія и измѣненія, наблюдаемымъ въ мірѣ явленій, даетъ содержаніе философскимъ системамъ Эмпедокла, атомистовъ (Левкиппъ и Демокритъ Абдерскій) и Анаксагора.

Къ какимъ же выводамъ пришло философское мышленіе названныхъ нами школъ по указаннымъ тремъ вопросамъ? Ни матеріальныя начала, какъ вода въ ученіи Өалеса, безконечное (τὸ ἄπειρον) у Анаксимандра,- воздухъ у Анаксимена, полагаемыя послѣдовательно въ основу бытія; ни числовыя отношенія, принимаемыя Пиѳагоромъ за сущность космоса; ни, наконецъ, отождествленіе сущности бытія съ самимъ бытіемъ, а послѣдняго съ мышленіемъ въ системѣ элеатовъ не дали удовлетворительнаго объясненія разнообразію видимаго міра явленій и вызвали ученіе Гераклита. Послѣдній отрицалъ въ самомъ принципѣ существованіе единаго неизмѣннаго начала въ природѣ вещей и сводилъ всю сущность бытія къ непрестанному измѣненію, вѣчному движенію, къ безпрерывному процессу уничтоженія и возникновенія. По ученію Гераклита, ничего нѣтъ постояннаго, и въ мірѣ царитъ вѣчная борьба однихъ началъ съ другими, имъ противоположными. «Война-мать всѣхъ вещей», учитъ Гераклитъ. Міръ представляетъ собой подобіе вѣчно живущаго огня, по временамъ гаснущаго и вновь воспламеняющагося.

Такъ возникли два противоположныхъ другъ другу ученія: съ одной стороны, древне-іонійскіе философы,

пиѳагорейцы и элеаты отрицали или игнорировали міръ явленій, съ другой—Гераклитъ видѣлъ въ космосѣ только постоянную смѣну явленій возникновенія и уничтоженія. Обнаружившееся по вопросу о сущности бытія противорѣчіе между указанными двумя односторонними выводами философіи вызвало дуалистическія системы Эмпедокла, атомистовъ и Анаксагора. Для объясненія одновременнаго существованія единства космическаго начала и многообразія его видимыхъ явленій дуалисты допускаютъ два начала: матерію, какъ косную, инертную, неизмѣнную, постоянную субстанцію и силу, какъ причину всѣхъ модификацій, измѣненій и превращеній субстанціи. Въ системѣ Эмпедокла такая организующая сила представлена въ аллегорическомъ образѣ любви и ненависти (φιλία и νεῖκος). У Демокрита атомы по своему существу обладаютъ, при условіи существованія въ природѣ пустоты, отождествляемой Демокритомъ съ понятіемъ небытія, способностью къ безконечнымъ взаимнымъ комбинаціямъ отъ самыхъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ: къ послѣднимъ, по ученію атомистовъ, принадлежитъ и духъ, какъ наивысшій продуктъ недѣлимыхъ, матеріальныхъ атомовъ.

Въ системахъ Эмпедокла и Демокрита образующее начало такъ же матеріально, какъ и самая первичная субстанція (атомы Демокрита и элементы Эмпедокла). По ученію же Анаксагора, такой организующей міровой силой не можетъ быть матеріальное начало: ее слѣдуетъ полагать внѣ чувственнаго міра и считать по существу началомъ духовнымъ, отличнымъ отъ матеріи. Такимъ образомъ, въ системѣ Анаксагора впервые въ греческой философіи противополагаются духъ и матерія.

Появленіе дуализма привело къ еще бо́льшему разладу и несогласію между представителями различныхъ фи-

лософскихъ ученій. Только въ одномъ положеніи всѣ сходились, именно: въ невозможности считать чувственныя воспріятія за основу для созданія какой-либо философской догмы. Гераклитъ называетъ чувства человѣка «лживыми свидѣтелями»; у элеатовъ весь міръ объявляется чѣмъ-то призрачнымъ и лживымъ. Зенонъ, исходя изъ представленія идеальнаго бытія Парменида, своей діалектикой доказываетъ логическую невозможность чувственныхъ представленій, показывая, что множественность, измѣнчивость, пространственныя и временныя отношенія вовсе не существуютъ.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка развитія греческой философіи перваго періода мы видимъ, что методологическій ея догматизмъ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи привелъ къ скептицизму: возникаетъ вопросъ объ условіяхъ и возможности раціональнаго познанія вообще. Рѣшеніе этого вопроса даетъ направленіе и содержаніе послѣдующимъ періодамъ философіи въ Греціи. Измѣняются какъ объектъ философскаго мышленія, такъ и его методъ и результаты.

Изъ космологіи, каковой философія была въ первый періодъ своего развитія, она становится антропологіей, такъ какъ предметомъ ея мышленія дѣлается человѣкъ, его внутренній, субъективный міръ,—изъ догматической становится сначала скептической (въ школѣ софистовъ), затѣмъ раціоналистической (у Сократа).

Такимъ образомъ, софисты въ исторіи греческой философіи составляютъ переходный фазисъ отъ догматизма натурфилософовъ къ раціонализму Сократа. Какъ философская доктрина, ученіе софистовъ представляетъ реакцію противъ догматизма предшествовавшаго періода развитія философіи въ Греціи. Софисты подвели

только итоги результатамъ и выводамъ, къ которымъ пришла догматическая натурфилософія.

Указавъ на мѣсто, занимаемое софистами въ общемъ ходѣ развитія греческой философіи, обратимся теперь къ разсмотрѣнію теоретическихъ и практическихъ доктринъ софистики и выяснимъ связь ея съ современными ей отрицательными явленіями духовной жизни Эллады. «Причиной гибели, постигшей греческій міръ, была мысль, былъ освободившійся самъ по себѣ внутренній міръ человѣка, была субъективность.

Конкретная нравственность, государственный бытъ, религія призывались теперь къ суду мысли, измѣрялись всеобщими, универсальными принципами, о которые и должны были сокрушиться, такъ какъ они были не всеобщими идеями, а, напротивъ, прекрасной индивидуальной жизнью» [62]). Софисты представляютъ первую стадію въ развитіи философскаго субъективизма, его отрицательную, разрушительную сторону. Выставивъ основнымъ принципомъ своего ученія положеніе, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей, они не указали на то субстанціональное въ немъ начало, которое одно только можетъ дать отдѣльной личности право считаться судьей и рѣшителемъ какъ теоретическихъ вопросовъ познанія, такъ и практическихъ нормъ морали и этики; софисты остановились на низшихъ функціяхъ субъективной жизни человѣка, на его ощущеніяхъ и чувственныхъ инстинктахъ. Поэтому сенсуализмъ софистовъ, разрушивъ идеалы прекрасной, античной жизни Эллады, не создалъ въ замѣнъ ихъ иныхъ, болѣе духовныхъ идеаловъ и не могъ основать ни раціональной науки, ни научной морали: послѣднее составило жизненную задачу Сократа.

---

[62]) Шмидтъ: «Ист. педаг.» I, ст. 255.

Такимъ образомъ, ученіе софистовъ представляется по существу своему всестороннимъ нигилизмомъ,—нигилизмомъ въ наукѣ, въ религіи, въ политической и моральной жизни; но софисты въ философіи только подвели итоги всему предшествовавшему имъ развитію философской мысли въ Греціи, а въ прочихъ сферахъ духовной жизни констатировали патологическія явленія своего времени, явившись его точными и вѣрными выразителями; въ этомъ заключается тѣсная, внутренняя связь софистовъ съ современной имъ жизнью; въ этомъ же и причина универсальнаго, энциклопедическаго характера дѣятельности ихъ: софисты являются руководителями и наставниками молодого поколѣнія во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній: Протагоръ—учителемъ добродѣтели; Горгій—политики и ораторскаго искусства, Продикъ—грамматики и синонимики, Гиппій—астрономіи, математики и мнемоневтики, Эвтидемъ и Діонисидоръ—военнаго искусства и т. д. Этимъ же объясняется и повсемѣстная популярность, которой пользовались софисты по всей Греціи, а также почетъ, сопровождавшій ихъ всюду, гдѣ только они появлялись; наконецъ, ихъ тщеславіе и недоступность въ виду высокой платы, которую они брали за обученіе [63]). Школа софистовъ вполнѣ отвѣчала потребностямъ своего времени; она измышляла философскія оправданія и основанія разнузданности страстей, эгоизму, невѣрію, попранію законовъ государственныхъ и моральныхъ и право сильнаго провозгласила единственной нормой дѣятельности человѣка. «Софисты олицетворяютъ собой теорію сплошь господствовавшей греческой практики: они своимъ ученіемъ

---

[63]) Такъ, напр., Протагоръ требовалъ за полное обученіе сто минъ.

говорили то же самое, что практически осуществилось во всей жизни аѳинской: нельзя отдѣлить ни софистику отъ дѣйствительной жизни, ни эпоху отъ софистики, и Платонъ былъ въ правѣ сказать, что въ ученіи софистовъ выражаются собственно тѣ же самыя начала, которыя руководили поступками народа въ его гражданскихъ и общественныхъ отношеніяхъ» [64]). Такова тѣсная связь теорій и доктринъ софистовъ съ современнымъ имъ состояніемъ Греціи. Поэтому при разсмотрѣніи ученія софистовъ мы находимъ въ немъ отображеніе и обоснованіе явленій и фактовъ, указанныхъ уже нами въ предшествовавшихъ главахъ, касавшихся религіознаго, политическаго и нравственнаго состоянія Эллады въ эту эпоху.

Главный принципъ софистики, какъ онъ формулированъ Протагоромъ изъ Абдеры, старѣйшимъ по времени представителемъ софистовъ и наиболѣе вліятельнымъ среди нихъ, гласитъ: «Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей» [65]). Въ понятіи «человѣкъ» софисты при этомъ игнорировали существенный признакъ этого понятія, отличающій человѣка, какъ существо разумное и этическое, отъ прочихъ существъ, а остановились на субъективныхъ побужденіяхъ и мнѣніяхъ каждаго отдѣльнаго лица. Согласно такому ирраціональному толкованію и пониманію сущности человѣка, отношенія послѣдняго къ внѣшнему міру, т.-е. къ познанію его законовъ, опредѣляются ощущеніями субъекта, а отношенія его къ самому себѣ, къ своимъ ближнимъ и государству—

---

[64]) Шмидтъ: «Ист. педаг.» I, 256.

[65]) По Діогену Лаертскому (IX. 51): «Πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν.

личными, субъективными побужденіями. Прямой выводъ изъ этого положенія софистики по отношенію къ теоретическому познанію тотъ, что не существуетъ объективной (всѣми признаваемой) истины, и что объ одномъ и томъ же предметѣ могутъ быть признаваемы въ одинаковой мѣрѣ истинными сужденія, другъ другу противоположныя. По отношенію же къ морали выводъ тотъ, что нѣтъ обще-обязательныхъ этическихъ нормъ для дѣятельности человѣка, а существуетъ только право сильнаго, какъ единственный міровой законъ, дозволяющій человѣку удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ и эгоистическимъ побужденіямъ. Требованіе закона этическаго: «**Я долженъ**», въ кодексѣ софистовъ замѣнено требованіемъ закона естественнаго, т.-е. правомъ сильнаго: «**Я хочу**». Всё, что стѣсняетъ и ограничиваетъ это «Я хочу», какъ-то: всѣ государственныя установленія, обычаи и завѣты предковъ, положительные законы и моральныя требованія,—обзывалось софистами выдумкой и измышленіемъ людей слабыхъ для обузданія болѣе сильныхъ своихъ согражданъ.

Таковы были естественные выводы изъ положенія Протагора: «Человѣкъ мѣра всѣхъ вещей», относительно науки и морали. Какъ мы выше говорили, это положеніе привело къ нигилизму въ области научной и моральной, т. е. къ полному отрицанію науки и морали. Такой же отрицательный характеръ отличаетъ и политическіе принципы софистовъ. Отвергая научную объективность истины и обязательность этическихъ нормъ дѣятельности, софисты, естественно, свели всю политическую мудрость къ искусству краснорѣчія. Поэтому ораторское искусство получило въ ихъ школѣ первенствующее значеніе среди другихъ предметовъ обученія; софисты по преимуществу называли себя учителями

краснорѣчія, что̀ находилось въ тѣсной связи съ современнымъ политическимъ состояніемъ Аѳинъ. Въ это время господства охлократіи, политическая власть демагоговъ основывалась на умѣньи посредствомъ слова управлять чернью. Платонъ говоритъ поэтому, что софисты считали дѣломъ своей мудрости обращаться съ толпой, какъ съ большимъ, сильнымъ звѣремъ, страсти котораго они-де умѣютъ возбуждать и укрощать. Понятно, какимъ моральнымъ зломъ въ политической жизни было ораторское искусство софистовъ, отвергавшихъ всякіе нравственные принципы и объективную мораль. Поэтому Платонъ въ своемъ діалогѣ: «Горгій», рѣзко изобличаетъ безнравственность цѣлей, преслѣдовавшихся ораторскимъ искусствомъ софистовъ. Такимъ же образомъ и Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта [66]), называлъ ихъ «прелюбодѣями слова» (мудрости), такъ какъ, не признавая никакихъ идеаловъ, софисты цѣль мудрости и краснорѣчія полагали въ достиженіи земныхъ матеріальныхъ благъ. Софистъ Антифонъ укорялъ Сократа за его умѣренный, простой образъ жизни, за пренебреженіе удобствами и жизненнымъ комфортомъ; называлъ Сократа не наставникомъ мудрости, а учителемъ злосчастія [67]). Наука и политическая мудрость утратили въ школѣ софистовъ, какъ и въ современной имъ жизни, свой идеальный характеръ и обратились къ служенію мамонѣ и золотому тельцу, что было естественнымъ слѣдствіемъ отрицанія софистами объективной истины и морали. Какъ въ наукѣ и морали, такъ и въ государственной дѣятельности ихъ ученіе вытѣснило идеальныя стремленія, требованіе долга, любовь къ

[66]) Xenoph. «Memor». I, 6, §§ 13—14.
[67]) Xenoph. «Memor.» I, 6, §§ 2—4.

отечеству и общественному благу проповѣдью эгоизма, воплощеніе чего мы видѣли въ дѣятельности Алкивіада и другихъ вождей различныхъ политическихъ партій того времени.

Объ отношеніи софистовъ къ національнымъ вѣрованіямъ мы уже говорили въ главѣ о религіи по поводу сочиненія Протагора о богахъ, которое за его враждебное отношеніе къ государственному культу было предано сожженію на городской площади, а самъ Протагоръ изгнанъ изъ Аѳинъ (411 г. до Р. Х.).

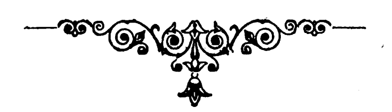
Таковы были религіозныя, моральныя, политическія и научныя доктрины софистики и связь ихъ съ духовнымъ кризисомъ, который переживала въ это время Эллада. Какъ мы сказали, ученіе софистовъ, отрицая объективность религіи, морали, науки и государства, представляетъ собой полнѣйшій нигилизмъ. Провозглашенный Протагоромъ принципъ: «Человѣкъ мѣра всѣхъ вещей», только констатировалъ современную анархію, господствовавшую во всѣхъ сферахъ духовной жизни Греціи конца V-го вѣка до Р. Х., и важнѣйшія явленія которой (анархіи) составляли задачу настоящаго нашего очерка.

Изъ представленнаго нами очерка духовнаго кризиса въ жизни Эллады конца V-го вѣка до Р. Х. мы видимъ, что въ основѣ всѣхъ патологическихъ явленій, сопровождавшихъ этотъ кризисъ въ религіи, въ политической жизни, въ литературѣ, въ философіи, лежитъ одно и то же начало субъективизма, стремленіе человѣка, какъ личности, выйти изъ-подъ тяготѣв-

шаго надъ нимъ въ античномъ мірѣ авторитета государства и натуралистической религіи. Иго закона государственнаго и культового, обрядоваго, тяготѣло надъ ветхимъ человѣкомъ. Эстетика, въ первоначальномъ, коренномъ значеніи этого слова, въ классическомъ, античномъ строѣ жизни преобладала надъ духомъ; послѣдній былъ въ подневольной работѣ у плоти; духовный человѣкъ былъ отданъ въ рабство естественному, чувственному человѣку, не отдѣлявшему себя отъ окружавшей его внѣшней природы и жившему съ ней одной, общей жизнью въ полной гармоніи духа и плоти. Античный міръ не вѣдалъ раскола между матеріальнымъ и духовнымъ началами, между небомъ и землей; боги его тѣ же люди. Божество въ натуралистическомъ культѣ очеловѣчено, получило въ немъ плоть, кровь и страсть, образъ и подобіе человѣка. Въ главѣ о религіи мы видѣли, какимъ образомъ совершалось пробужденіе человѣческаго духа благодаря постепенному развитію философскаго самосознанія: человѣкъ начинаетъ сознавать свое независимое отъ матеріальной природы существованіе, свое божественное, небесное происхожденіе; одновременно съ этимъ пробужденіемъ человѣческаго духа наступаетъ универсальный кризисъ въ античной жизни Эллады: антропоморфизмъ и чувственность греческаго Олимпа, воспѣтаго Гомеромъ и догматизированнаго прочими народными пѣвцами Греціи, теряетъ свое обаяніе и традиціонный авторитетъ. Личность человѣка, какъ носителя духовнаго начала, вступаетъ въ борьбу съ матеріалистической религіей и основаннымъ на ней государственнымъ строемъ. Первый моментъ этой борьбы имѣлъ исключительно, какъ мы видѣли, разрушительный, отрицательный характеръ, знаменуя собой переходъ отъ натуральной, естественной жизни къ жизни

въ духѣ и истинѣ. Прежде чѣмъ наступило время полнаго обновленія ветхаго человѣка, должна была послѣдовать его смерть для возрожденія его къ новой жизни. Послѣ софистовъ, доктрины которыхъ содѣйствовали разложенію идеаловъ античнаго міра, появляется положительное, жизненное, этико-религіозное ученіе Сократа, которое даетъ начало идеальной школѣ Платона, универсализму Аристотеля, практической догмѣ эпикурейцевъ и стоиковъ. Въ этихъ школахъ постепенно вырабатывается идеалъ человѣка, и полагаются основы раціональной науки, этики и морали. Но и этимъ философскимъ системамъ, возникшимъ на развалинахъ античнаго міра, равно какъ и неоплатонизму, послѣднему слову вымиравшаго язычества, въ общемъ ходѣ развитія человѣчества принадлежитъ только пропедевтическое, подготовительное значеніе для воспріятія языческимъ міромъ Божественнаго откровенія.

А. Солоникіо.

„КРИТОНЪ“,

или: „Объ обязанностяхъ гражданина“ — этическій діалогъ Платона *).

Ведутъ разговоръ Сократъ и Критонъ.

С. Итакъ, не слѣдуетъ ни воздавать несправедливостью за несправедливость, ни вообще причинять, какое бы то ни было, зло людямъ, что бы ни пришлось потерпѣть отъ нихъ? И смотри, Критонъ, какъ бы, соглашаясь съ этимъ, не покривить душой! Вѣдь я знаю, что такъ думаютъ и будутъ думать лишь немногіе. Знаю и то, что между тѣми, которые такъ думаютъ, и тѣми, которые думаютъ иначе, не только нѣтъ полнаго согласія, но они (какъ то, впрочемъ, и естественно), зная убѣжденія другъ друга, относятся другъ къ другу съ полнымъ пренебреженіемъ. Такъ ужъ и ты подумай, пожалуйста, хорошенько о томъ, дѣйствительно ли ты держишься вполнѣ одного со мной убѣжденія, и тогда ужъ начнемъ свое разсужденіе съ того положенія, что ни въ какомъ случаѣ нельзя признать правильнымъ ни платить несправедливостью за несправедливость, ни воздавать зломъ за зло въ видахъ самозащиты, или ты отступаешься отъ этого основного положенія, не соглашаешься признать его за истинное. Что касается меня, то я, какого убѣжденія держался раньше, такого и сейчасъ держусь; что же касается тебя, такъ ты, если хоть въ чемъ-нибудь расходишься со мной, заявляй объ

*) Оконч. Нач. см. въ I—II вып. «Фил. Зап.» 1900 г

этомъ и объясняй причину своего несогласія. Если же ты остаешься при прежнемъ нашемъ съ тобой на этотъ счетъ убѣжденіи, то слушай, что́ за этимъ слѣдуетъ.

К. Хорошо, я остаюсь при прежнемъ нашемъ убѣжденіи и во всемъ согласенъ съ тобой. Излагай.

С. Итакъ, я приступаю къ изложенію дальнѣйшаго или, скорѣе, ставлю вопросъ: кто, разъ согласившись съ кѣмъ-либо другимъ, призналъ что нибудь справедливымъ, долженъ ли онъ и поступать сообразно съ тѣмъ, что призналъ справедливымъ, или въ правѣ отступить отъ этого?

XI. К. Онъ долженъ поступать сообразно съ тѣмъ, что призналъ справедливымъ.

С. На основаніи этого именно положенія рѣшай слѣдующій вопросъ. Своимъ уходомъ отсюда безъ согласія гражданъ причиняемъ ли мы кому-нибудь какое-либо зло и при томъ именно тому, съ кѣмъ всего менѣе должны были бы такъ обойтись, или нѣтъ? А, затѣмъ, остаемся ли мы при тѣхъ убѣжденіяхъ, какія сами признали справедливыми, или нѣтъ?

К. Вотъ ужъ, право, не знаю, что и отвѣчать на твой вопросъ, Сократъ: я его не понимаю!

С. Ну, въ такомъ случаѣ представь себѣ дѣло такъ. Положимъ, что въ тотъ самый моментъ, когда мы собирались бы улизнуть отсюда (называй это тамъ, какъ хочешь), къ намъ явились бы законы и правительство нашего государства и спросили бы: «А повѣдай-ка ты намъ, Сократъ, что у тебя на умѣ?!.. Не правда ли, что настоящею своею затѣей ты замышляешь погубить насъ, законы, и разомъ все государство, поскольку, конечно, это въ

твоей власти, или ты думаешь, что государство, въ которомъ состоявшіеся судебные приговоры не имѣютъ никакой силы, въ которомъ они частными лицами признаются за недѣйствительные и, какъ таковые, попираются,—можетъ еще существовать и не разрушаться?» Ну, что скажемъ мы на это, Критонъ и на другое, этому подобное? Вѣдь согласись, что иной при подобномъ обстоятельствѣ (особенно будь онъ ораторъ) много могъ бы наговорить въ защиту попираемаго закона, предписывающаго, чтобы всѣ постановленные приговоры входили въ силу!... Или мы отвѣтимъ имъ, что потому такъ поступаемъ, что само государство обошлось съ нами худо, поставивъ неправый приговоръ?... Это ли мы съ тобой отвѣтимъ, или что другое?

XII К. Это, это самое, Сократъ!

С. А что, если законы намъ замѣтятъ: «Да развѣ и это было условлено между нами и тобой, Сократъ, или мы только условились, что ты подчинишься всѣмъ приговорамъ, какіе бы ни постановило государство?».. И если бы мы, Критонъ, вздумали, съ своей стороны, выразить недоумѣніе по поводу ихъ словъ, они навѣрно сказали бы: «Не удивляйся, Сократъ, нашимъ словамъ, а лучше отвѣчай намъ, такъ какъ ты и самъ любишь прибѣгать къ эротематическому пріему. Ну, такъ въ чемъ изволили провиниться передъ тобой мы, законы, и государство? За что собираешься ты насъ погубить? Развѣ не намъ, прежде всего, обязанъ ты самымъ своимъ рожденіемъ? не при нашемъ ли посредствѣ твой отецъ женился на твоей матери и родилъ тебя? Ну, ну, говори: можешь ли ты тѣ изъ насъ

которые касаются брака, упрекать въ томъ, будто бы они въ какомъ-нибудь отношеніи не хороши?»— «Я не упрекаю», отвѣтилъ бы я. «Ну, а законы, касающіеся воспитанія и образованія явившихся на свѣтъ,—законы, которымъ и ты обязанъ собственнымъ своимъ воспитаніемъ,—эти-то законы въ чемъ-нибудь можешь упрекнуть? Или, по-твоему, существующіе на этотъ счетъ законы распорядились худо, заставивъ твоего отца обучать тебя музыкѣ и гимнастикѣ? [5])—«Нѣтъ, не худо», сказалъ бы я.—«Ну, а разъ ты призналъ, что при посредствѣ насъ, законовъ, ты рожденъ и получилъ воспитаніе и образованіе, то можешь ли ты самъ, а равно и предки твои утверждать, во-первыхъ, что вы не наши потомки, не наши рабы?... А разъ это такъ, то неужели ты можешь считать себя и насъ равноправными?.., Неужели ты смѣешь думать, что въ правѣ мстить за то, что мы собираемся сдѣлать съ тобой?... Или по отношенію къ своему отцу и господину (будь у тебя таковой) ты не имѣлъ равныхъ правъ, почему не смѣлъ отплачивать имъ тѣмъ же, что самъ терпѣлъ отъ нихъ: за брань отвѣчать бранью, за побои—побоями и т. п., а по отношенію къ родному государству и къ законамъ тебѣ будетъ предоставлена такая равноправность, такъ что, разъ мы собираемся погубить тебя, считая себя въ правѣ такъ поступить,

---

[5]) Музыка.—Этимъ терминомъ обозначалась у древнихъ совокупность облагораживающихъ предметовъ воспитанья: пѣніе, музыка, танцы и національная поэзія; «музыкѣ» противополагалась «гимнастика»—совокупность занятій, имѣвшихъ цѣлью совершенное физическое развитіе молодежи: гимнастика и атлетическія игры (Plat. Reipubl. 376 E.).

то и ты въ отместку намъ возьмешься, по мѣрѣ силъ своихъ, губить и насъ, законы, и родное свое государство?... И ты,—тотъ самый, кто истинно радѣлъ о добродѣтели, станешь утверждать, что поступаешь въ данномъ случаѣ справедливо? Или ты ужъ такой мудрецъ, что не дошелъ и до того сознанія, что отечество въ глазахъ не только всѣхъ здраво мыслящихъ людей, но и самихъ боговъ священнѣе, святѣе, почтеннѣе и важнѣе родного отца съ матерью и всѣхъ вообще предковъ? что будь даже оно разгнѣвано, все-таки больше слѣдуетъ благоговѣть предъ нимъ, больше уступать и подчиняться ему, чѣмъ отцу? что надо или убѣдить его въ незаконности его требованія, или исполнять все, что бы оно ни приказало, и безропотно переносить страданія, если оно предпишетъ подвергнуться какому-либо испытанію, прикажетъ ли сносить побои, или подвергнуться лишенію свободы, или итти на войну, гдѣ рискуешь либо быть раненымъ, либо умереть,—все это надо исполнять: этого требуетъ сама справедливость: отнюдь нельзя ни подаваться, ни отступать, ни покидать своего поста, но всюду и вездѣ какъ на войнѣ, такъ и на судѣ надо или выполнять въ точности все, что ни предпишетъ государство, отечество, или убѣдить его, какъ именно слѣдуетъ поступить по справедливости, прибѣгать же къ насилію нельзя ни по отношенію къ родному отцу и матери, и еще тѣмъ менѣе по отношенію къ родному государству?»—Ну, что скажемъ мы на это, Критонъ? правду ли говорятъ законы, или неправду?

К. По-моему, правду.

XIII. С. «Итакъ, суди самъ, Сократъ», продолжали бы, вѣроятно, законы: «правду ли мы говоримъ, утверждая, что ты собираешься поступить несправедливо по отношенію къ намъ, замышляя то, что сейчасъ замышляешь? Вѣдь мы, родивъ тебя, давъ тебѣ воспитаніе и образованіе, вообще удѣливъ тебѣ, равно какъ всѣмъ прочимъ гражданамъ, все, что могли, наилучшее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставивъ каждому изъ гражданъ свободу дѣйствій, во всеуслышанье объявляемъ, что всякому признанному совершеннолѣтнимъ гражданину, ознакомившемуся съ ходомъ нашей государственной жизни и съ нами, законами, разрѣшается (разъ мы ему не понравились) уходить, куда ему угодно, и уходить, забравъ съ собой все свое имущество. Точно также никто изъ насъ, законовъ, не препятствуетъ и не возбраняетъ никому изъ васъ при желаніи переселяться со своимъ имуществомъ въ колонію ли (разъ мы и государство не нравимся ему), или въ другое какое-нибудь государство, куда угодно. Но разъ кто-либо изъ васъ остался и послѣ того, какъ узналъ, какъ мы судимъ и какъ вообще управляемъ государствомъ, тотъ», утверждаемъ мы: «уже тѣмъ самымъ на дѣлѣ согласился выполнять все, что бы мы ни предписали. А кто», утверждаемъ мы далѣе: «отказываетъ намъ въ повиновеніи, тотъ въ трояномъ отношеніи виновенъ передъ нами: онъ не повинуется намъ, какъ своимъ родителямъ; не повинуется намъ, какъ своимъ воспитателямъ, и, наконецъ, согласившись повиноваться, не повинуется, да и не убѣждаетъ насъ въ неправильности нашихъ дѣйствій, если мы въ чемъ-либо поступаемъ нехорошо. А вѣдь мы только предлага-

емъ, не требуемъ деспотически исполнять наши приказанія, позволяя выбирать одно изъ двухъ: или переубѣдить насъ, или исполнить наши требованія. А онъ не дѣлаетъ ни того, ни другого».

XIV. «Вотъ такія-то обвиненія падутъ и на тебя, Сократъ, если только ты приведешь въ исполненіе этотъ свой замыселъ. При томъ знай, что, совершивъ его, ты окажешься виновнѣе любого изъ гражданъ». А если бы я спросилъ: «Это почему же?» они бы справедливо съ укоризной замѣтили мнѣ, что я-то именно охотнѣе, чѣмъ кто-либо другой, далъ свое согласіе на этотъ договоръ. Именно они сказали бы: «Сократъ, у насъ есть вѣскія доказательства того, что и мы, и государство сильно пришлись тебѣ по душѣ. Вѣдь не придись государство тебѣ особенно по душѣ, не сталъ бы ты, не въ примѣръ прочимъ аѳинянамъ, жить въ немъ безотлучно: вѣдь, если не считать одного или другого похода [6]), такъ ты не только никогда не выходилъ изъ города, ни на какое зрѣлище [7]),—никуда вообще не отлучался ни разу, не выѣзжалъ, подобно другимъ, но даже никогда у тебя и желанія-то никакого не являлось повидать другой какой-нибудь городъ, познакомиться съ другими законами: съ тебя довольно было и насъ, и на-

---

[6]) «Походъ».—Намекъ на участіе Сократа въ походѣ подъ Потидею (430 г.) Делію (424) и Амфиполисъ (422). Во время сраженія при Потидеѣ онъ—слѣдуетъ прибавить—проявилъ необыкновенную стойкость и мужество и, между прочимъ, спасъ, какъ говорятъ, раненаго Алкивіада.

[7]) Зрѣлища.—Намекъ на знаменитыя въ древности «Олимпійскія», «Немейскія», «Истмійскія» и «Пиѳійскія» игры, на которыя стекалась чуть не вся тогдашняя Греція.

шего города. Такимъ образомъ, мы оказались избранными тобой предпочтительно передъ другими, и ты согласился быть нашимъ гражданиномъ и быть у насъ подъ началомъ. Живя вообще, какъ гражданинъ нашего города, ты и дѣтей здѣсь родилъ! Ясно, что городъ былъ тебѣ любъ. Затѣмъ, если бы ты захотѣлъ, ты могъ бы еще во время самаго процесса избрать себѣ въ видѣ наказанія изгнаніе, и тогда бы ты, съ вѣдома и согласія государства, могъ сдѣлать то, что сейчасъ собираешься сдѣлать, противъ его воли. Между тѣмъ ты тогда на судѣ просто-напросто рисовался, показывая видъ, будто вовсе не думаешь быть недовольнымъ, если бы надо было подвергнуться смертной казни и, по собственному заявленію, даже смерть предпочитая изгнанію, а теперь, не смущаясь прежними своими словами и не обращая вниманія на насъ, готовишься ты губить насъ и идешь на то, на что пошелъ бы лишь самый скверный рабъ: ты собираешься бѣжать, нарушая тѣ договоры и соглашенія, по которымъ обязался быть нашимъ гражданиномъ. Ну, такъ, прежде всего, отвѣчай: правду или неправду говоримъ мы, утверждая, что ты не на словахъ лишь, а на дѣлѣ согласился быть гражданиномъ по нашимъ законамъ?» Ну, что возразимъ мы съ тобой, Критонъ, на это? Или намъ ничего другого не остается, какъ согласиться?

К. Приходится согласиться, Сократъ.

С. Тогда вотъ что скажутъ законы: «Итакъ, не правда ли то, Сократъ, что ты нарушаешь заключенные съ нами договоры и соглашенія, на которые пошелъ безо всякаго съ нашей стороны принужде-

нія, безъ обмана и при томъ безъ необходимости рѣшать дѣло на спѣхъ: ты могъ рѣшать вопросъ въ теченіе семидесяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ могъ бы безпрепятственно уйти, если бы мы пришлись тебѣ не по вкусу, или—если бы самыя условія договора показались несправедливыми. Ты же однако не предпочелъ нашему городу ни Лакедемона, ни Крита, про которые при всякомъ удобномъ случаѣ утверждалъ, что тамъ законы хороши; не оказалъ ты предпочтенія и никакому другому греческому или иностранному городу; изъ своего же родного отлучался рѣже всѣхъ калѣкъ: и хромыхъ и слѣпыхъ: ясно—нашъ городъ и мы, законы, нравились тебѣ больше, чѣмъ кому-либо другому изъ аѳинянъ. А кому понравился бы городъ, не имѣй онъ хорошихъ законовъ? Значитъ, теперь ты ужъ не держишься того договора? А знаешь, Сократъ, будь ты лучше намъ вѣренъ и послушенъ: въ такомъ случаѣ ты ни въ комъ не вызовешь смѣха своимъ удаленіемъ изъ города.

XV. Въ самомъ дѣлѣ, подумай-ка: ну что хорошаго готовишь ты себѣ и своимъ близкимъ, нарушая договоръ или вообще въ чемъ-либо противъ него погрѣшая? Вѣдь почти очевидно, что твоимъ друзьямъ также придется уходить въ изгнаніе, терять отечество или по крайней мѣрѣ имущество; что же касается тебя самого, то, прежде всего, если прибудешь въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ: Ѳивы ли, или Мегару, гдѣ, по-твоему, законы хороши,—ты явишься туда врагомъ и тамошняго государственнаго строя, и всѣ, кому дороги интересы родного города, будутъ съ подозрѣніемъ смотрѣть на тебя, видя въ тебѣ нарушителя законовъ;

кромѣ того, этимъ своимъ поведеніемъ ты укрѣпишь своихъ судей во мнѣніи, что они произнесли надъ тобой справедливый приговоръ: вѣдь нарушитель законовъ легко, разумѣется, можетъ слыть и за развратителя юношей и всѣхъ вообще легкомысленныхъ людей. Такъ что же ты предпримешь? будешь ли избѣгать всѣхъ благоустроенныхъ городовъ и всѣхъ добропорядочныхъ гражданъ, и стоитъ ли тебѣ при такихъ обстоятельствахъ жить, или ты попробуешь сойтись съ тѣми «добропорядочными» гражданами и, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, пуститься съ ними собесѣдничать?.. Но о чемъ же, Сократъ? Ужъ не о томъ ли, о чемъ бывало толковалъ здѣсь: что выше всего въ глазахъ людей должны быть добродѣтель, справедливость, законность и законы? Неужели, по-твоему, такое твое, Сократовское, упражненіе не покажется въ этомъ случаѣ верхомъ безстыдства? А надо думать, что такъ. Впрочемъ, что мы? Вѣдь ты, поднявшись съ этихъ мѣстъ, пойдешь въ Θессалію, къ друзьямъ твоего Критона! Тамъ вѣдь, извѣстное дѣло, царитъ полнѣйшій безпорядокъ и распущенность, и тамъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ стали бы слушать твой забавный разсказъ о томъ, какъ комично ты удралъ изъ тюрьмы, нарядившись въ чужое платье, напяливъ кожухъ либо еще что-нибудь, какъ обыкновенно наряжаются бѣглецы, и даже измѣнивъ самую свою наружность. Но неужели же ты воображаешь, что среди нихъ не найдется ни одного такого человѣка, который не указалъ бы тебѣ на то, что ты, старикъ, коему, естественно, и жить-то осталось пустяки, прѣявилъ такую постыдную жажду жизни, что позволилъ себѣ

нарушить важнѣйшіе законы? Впрочемъ, можетъ быть, никто этого не скажетъ, если ты, Сократъ, никого не обидишь. А если нѣтъ? Ну, тогда придется тебѣ, Сократъ, выслушивать много несогласнаго съ твоимъ достоинствомъ. И вотъ будешь ты тамъ жить да поживать, ко всѣмъ подлаживаясь, предъ всѣми и каждымъ раболѣпствуя! И только и дѣла у тебя будетъ, что пировать да веселиться тамъ, въ Ѳессаліи, словно бы ты на пиръ выѣхалъ въ Ѳессалію! Ну, а куда же, скажи, пожалуйста, дѣнутся у насъ тогда всѣ твои, знакомыя намъ, разсужденія о справедливости и о прочей всякой добродѣтели? Но, можетъ-быть, ты жить хочешь ради дѣтей, чтобы имъ дать воспитаніе и образованіе? Значитъ, ты потащишь ихъ съ собой, въ Ѳессалію, и тамъ ихъ будешь воспитывать и учить, лишивъ ихъ родины, чтобы заодно съ другимъ всѣмъ имъ и это изведать. Или не такъ? не то? Можетъ-быть, воспитываясь здѣсь, они, когда ты будешь жить вдали отъ нихъ, получатъ лучшее воспитаніе и образованіе? твои друзья вѣдь о нихъ порадѣютъ? Такъ, стало-быть, уйди ты въ Ѳессалію, и они порадѣютъ о твоихъ дѣтяхъ, а сойди ты въ Аидъ [8]), не станутъ о нихъ заботиться? Ну согласись, что, если есть какой нибудь прокъ въ твоихъ друзьяхъ, то, надо полагать, они во всякомъ случаѣ о нихъ позаботятся.

XVI. Да нѣтъ, Сократъ, слушайся насъ, твоихъ воспитателей, и не ставь ни дѣтей, ни жизни, ничего другого выше правды, чтобы, когда ты сойдешь

---

[8]) Аидъ—царство тѣней, преисподняя, куда, согласно вѣрованію эллина, поступала безсмертная душа человѣка тотчасъ послѣ его смерти.

въ Аидъ (умрешь по приговору суда, какъ рѣшили мы), у тебя была возможность привести все это въ свое оправданіе предъ тамошними судьями. А теперешній твой образъ дѣйствій и здѣсь ни тебѣ, ни другому кому-либо изъ твоихъ приверженцевъ не покажется лучше, справедливѣе и выше прежняго, да и тамъ, когда перейдешь въ загробную жизнь, не представится въ лучшемъ видѣ. Но, отойди ты сейчасъ въ вѣчность, ты умрешь, обиженный не нами, законами, а людьми. Если же уйдешь за предѣлы отечества, раньше такъ гнусно отомстивъ за совершенную надъ тобой несправедливость, отплативъ зломъ, нарушивъ собственныя соглашенія и договоры съ нами и дурно обошедшись съ тѣми, кто менѣе всего заслуживалъ того—съ самимъ собой, съ друзьями, отечествомъ и нами, то и мы разгнѣваемся на тебя живого, и наши братья въ Аидѣ, зная, что ты принялся, по мѣрѣ силъ своихъ, губить и насъ, примутъ тебя неблагосклонно. Берегись же, чтобы Критонъ не убѣдилъ тебя поступить лучше такъ, какъ онъ говоритъ, а не такъ, какъ совѣтуемъ мы» ...

XVII. Увѣряю тебя, дорогой другъ мой Критонъ, все это я какъ будто слышу и сейчасъ, какъ корибантамъ [9]) мерещатся звуки флейтъ, и у меня въ ушахъ стоитъ гулъ этихъ рѣчей, и лишаетъ онъ меня возможности внимать чему-нибудь иному. И будь увѣ-

---

[9]) Корибанты—жрецы фригійской богини Кибелы, поклоненіе коей, имѣвшее мѣсто и въ современной Сократу Греціи, отличалось крайне—необузданнымъ, страстно--чувственнымъ характеромъ и сопровождалось изступленной пляской, игрой на флейтахъ и тимпанахъ.

ренъ, что бы ты ни сталъ возражать на это, ты будешь говорить понапрасну: таково по крайней мѣрѣ сейчасъ мое убѣжденіе. А впрочемъ, говори, Критонъ, если разсчитываешь чего нибудь добиться.

К. Мнѣ нечего больше сказать, Сократъ!

С. Такъ и оставь, Критонъ! Будемъ держаться истины: «Не живи, какъ хочется, а—какъ Богъ велитъ».

С. Мышецкій.

Москва. Май 1899 г.

Одно мѣсто въ „Поученіи“ Мономаха.

Въ оригиналъ Лаврентьевскаго списка лѣтописей случайно попало нѣсколько листовъ какой-то книги, и монахъ Лаврентій переписалъ эти листы цѣликомъ вмѣстѣ съ лѣтописнымъ текстомъ. Благодаря этому до насъ дошли обрывки собранія сочиненій Владимира Мономаха. Обыкновенно видятъ въ сохранившемся до насъ текстѣ два произведенія: 1) „Поученіе“ и 2) „Посланіе“ Мономаха къ Олегу Святославичу. Но необходимо видѣть въ немъ по крайней мѣрѣ три произведенія, такъ какъ конецъ его не можетъ принадлежать ни „Поученію“, ни „Посланію къ Олегу“; судя по настойчивымъ обращеніямъ къ Богородицѣ и Андрею Критскому о помощи осажденному городу:

„Градъ Твой схрани, Дѣвице, Мати чистая, иже о Тебѣ вѣрно царствуеть“;

„О Препѣтая Мати,... спаси ны въ скорбехъ погружающася присно и сблюди отъ всякого плѣненья вражья Твой градъ, Богородице“;

„Андрею честный... не престай моляся за ны... да избудемъ вси гнѣва и печали, и тля, и грѣха, и бѣдъ же“, этотъ конецъ представляетъ собою сочиненную Мономахомъ молитву во время одного изъ нападеній на Переяславль *), вѣроятно, половцевъ.

Рядъ мѣстъ „Поученія“ неудобопонятенъ вслѣдствіе

*) Мономахъ построилъ храмъ въ честь Богородицы въ Переяславлѣ въ 1098 г. (Макарій: «Исторія р. церкви», II², 213); о храмѣ въ честь св. Андрея Критскаго въ Переяславлѣ см. Лаврент. списокъ подъ 1089 годомъ.

О первыхъ трехъ годахъ своего княженія въ Переяславлѣ Мономахъ говоритъ: «Многи бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода».

пропуска словъ или фразъ; нѣсколько мѣстъ толкуется произвольно и разнообразно. Критика этихъ мѣстъ очень трудна; приходится довольствоваться гипотезами.

Остановимся на одномъ словѣ.

„А изъ Чернигова до Кыева нестишь ѣздихъ ко отцю, днемъ есмь переѣздилъ до вечерни".

Подчеркнутое слово въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, не поддается объясненію. Догадываются, что его надо понимать: бездорожицей, прямымъ путемъ, или: несчетно, многократно; но безъ основаній. Мы предлагаемъ небольшую поправку: предположить пропускъ въ концѣ этого слова, въ титлѣ, буквы *д* и читать: не стишьды, или съ древнею орѳографіею: нѣ сътишьды.

Частица нѣ встрѣчается въ древне-русскихъ текстахъ (и въ лѣтописяхъ) не разъ въ значеніи: около, приблизительно. Нарѣчіе сътишьды также извѣстно въ памятникахъ въ значеніи: сто разъ. Такимъ образомъ, нѣ сътишьды должно быть переводимо: разъ сто, около ста разъ.

А. Соболевскій.

Объяснительное чтеніе стихотвореній: «НИВА» — Ап. Майкова, «ТРИ ПАЛЬМЫ» и «ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ» — Лермонтова, «Подражаніе псалму XIV-му» — Языкова.

I. «Нива» Ап. Майкова.

Вникая въ содержаніе и форму стихотворенія: „Нива“, ученики составляютъ, при помощи учителя, планъ стихотворенія. Они дѣлятъ его на двѣ главныя части: А) изображеніе урожая и Б) молитву о духовномъ хлѣбѣ. На такое дѣленіе наводитъ ихъ, между прочимъ, слѣдующее четверостишіе:

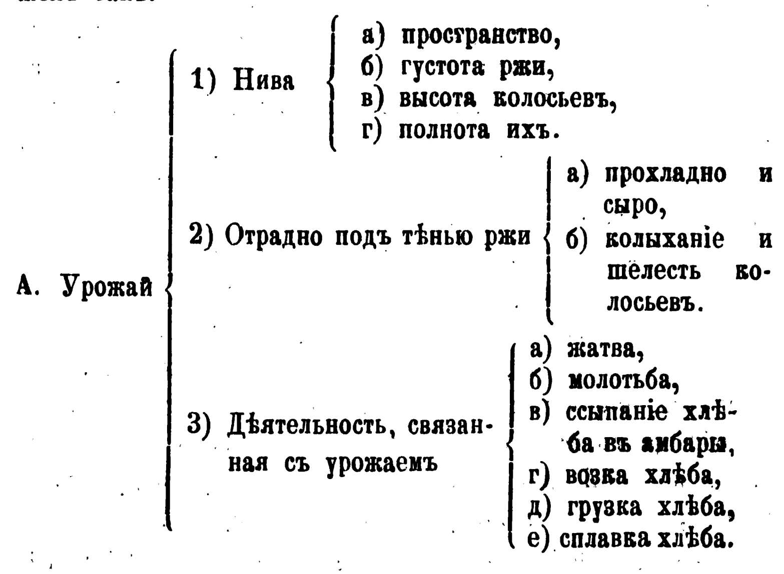
„О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые Неба,
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба“.

Очевидно, что первые два стиха этого четверостишія какъ бы обобщаютъ все, составляющее первую часть стихотворенія, а послѣдніе два стиха, выражая молитву „о духовномъ хлѣбѣ“, составляютъ вторую часть стихотворенія.

Первую часть стихотворенія ученики дѣлятъ на второстепенныя части. Сначала поэтъ изображаетъ то, что онъ видитъ передъ собой, что реально существуетъ передъ нимъ; затѣмъ онъ создаетъ рядъ картинъ, изображающихъ будущую дѣятельность людей, связанную съ урожаемъ. Такимъ образомъ получаются двѣ второстепенныя части. Связью между ними служатъ строки, въ которыхъ поэтъ говоритъ, какъ отрадно прилечь въ тѣни высокой ржи и внимать „бесѣдѣ важной“, которую ведутъ колосья между собой. Эти строки выдѣляются въ особую часть. Такимъ образомъ первая часть стихотворенія дѣлится на три второстепенныя ча-

сти. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь дѣлится учениками на третьестепенныя части. Такъ, первую часть они дѣлятъ по признакамъ нивы, вторую—по характеру ощущеній, воспринимаемыхъ поэтомъ подъ тѣнью ржи; третью—по различію дѣятельности людей, связанной съ обильнымъ урожаемъ.

Графически планъ стихотворенія можетъ быть изображенъ такъ:

Б. Молитва о духовномъ хлѣбѣ.

Составивши планъ стихотворенія, ученики, руководимые вопросами учителя, 1) выдѣляютъ признаки нивы (ржанаго поля), 2) указываютъ на разнообразіе дѣятельности людей, вызываемой богатымъ урожаемъ; 3) показываютъ значеніе урожая для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей не только земледѣльцевъ, но и лицъ, занимающихся промышленно-торговою дѣятельностью; 4) выясняютъ внутреннюю связь между первой и второй частями стихотворе-

нія; 5) выводятъ основную мысль стихотворенія; 6) показываютъ отношеніе поэта къ предмету стихотворенія.

1. Поэтъ идетъ по узкой межѣ и кругомъ видитъ необозримое поле густой, высокой ржи. Онъ съ трудомъ раздвигаетъ ее. Колосья колютъ лицо, и поэту приходится нагибаться и закрывать лицо, точно отбиваясь отъ потревоженныхъ пчелъ на пасѣкѣ. Лучи солнца не достигаютъ до земли, и путникъ въ жаркій іюльскій день находитъ на межѣ, подъ тѣнью ржи, пріятную прохладу. Рожь дозрѣваетъ и на солнцѣ отливаетъ золотомъ. Полные колосья склонились подъ своею тяжестью. Урожай богатый. Любуясь такой нивой, поэтъ невольно восклицаетъ: „О, Божья благодать!“

2. Подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ нивой, поэтъ для защиты отъ жгучихъ лучей солнца склоняется на межѣ, подъ тѣнь ржи. Имъ овладѣваетъ отрадное чувство. Подъ шелестъ нависшихъ надъ нимъ и колеблющихся колосьевъ онъ живо представляетъ одну за другою картины дѣятельности людей, связанной съ урожаемъ: вотъ жницы и жнецы, то нагибаясь, то выпрямляясь, весело жнутъ и вяжутъ тяжелые снопы; вотъ гулкое эхо отъ ударовъ цѣповъ раздается по деревнѣ, возвѣщая о спѣшной молотьбѣ. Зерна ссыпаны въ амбары, и отъ хлѣба разносится запахъ „розана и меда“. Вотъ раздается скрипъ тяжело нагруженныхъ телѣгъ: это везутъ излишекъ хлѣба на продажу. Кули хлѣба сваливаются на пристаняхъ, и затѣмъ ими нагружаются барки. Вотъ и цѣлый караванъ барокъ съ хлѣбомъ бурлаки тянутъ бечевой вдоль рѣки: хлѣбъ везутъ для продажи въ столицу или въ мѣста, гдѣ въ немъ нуждаются.

3. Съ обильнымъ урожаемъ, такимъ образомъ, связанъ трудъ не только земледѣльцевъ, но и массы другихъ людей, занимающихся промышленно-торговою дѣятельностью. И тѣ, и другіе, т.-е. какъ земледѣльцы, такъ и лица,

занимающіяся промышленно-торговою дѣятельностью, находятъ себѣ заработокъ, средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей.

4. Но, кромѣ матеріальныхъ потребностей, т.-е. потребностей, связанныхъ съ органическою жизнью человѣка, существуютъ еще духовныя потребности, связанныя съ душевною жизнью человѣка. И удовлетвореніе послѣднимъ настолько же необходимо для полной жизни человѣка, насколько необходимо и удовлетвореніе первымъ: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“ (Лук. IV, 4). Къ духовнымъ потребностямъ относятся религіозныя, нравственныя, умственныя и эстетическія. Удовлетвореніе этимъ потребностямъ и ведетъ къ духовному совершенствованію человѣка. Если человѣкъ не находитъ удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ, онъ испытываетъ „духовный голодъ“, онъ лишенъ возможности духовно совершенствоваться; а такое совершенствованіе составляетъ одну изъ существенныхъ цѣлей жизни человѣка. Вотъ почему поэтъ при видѣ обильнаго урожая, обезпечивающаго удовлетвореніе матеріальнымъ потребностямъ людей, обращается къ Подателю всѣхъ благъ съ молитвой не лишить ихъ и „духовнаго хлѣба“.

5. Изъ сказаннаго становится ясною основная мысль стихотворенія. Она можетъ быть выражена слѣдующими словами стихотворенія: „О, Боже! Ты даешь для родины моей тепло и урожай—дары святые Неба,—но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей, ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!“ Любуясь картиной обильнаго урожая и представляя рядъ земледѣльческой и промышленно-торговой дѣятельности, связанной съ урожаемъ; выражая благодареніе Творцу за ниспосланіе родинѣ матеріальнаго довольства, поэтъ молитъ Его о ниспосланіи ей и „духовнаго хлѣба“.

Стихотвореніе: „Нива“, написано въ 1860 году, ко-

гда шло подготовленіе къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; когда, по выраженію того же поэта, „начиналась заря новыхъ дней", и когда нужно было особенно позаботиться о просвѣщеніи, о „духовномъ хлѣбѣ" для многомилліоннаго народа.

6. Поэтъ относится къ предметамъ своего изображенія съ глубокимъ чувствомъ. Такое чувство вызываетъ въ немъ какъ видимые, такъ и создаваемые имъ предметы. И подъ вліяніемъ этого чувства онъ изображаетъ предметы. Чувство поэта выразилось въ стихотвореніи и а) непосредственно, и б) посредственно.

а) Непосредственно выражено чувство поэта восклицаніемъ: „О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!" вырвавшимся изъ груди его (поэта), когда онъ увидѣлъ огромное пространство густой колосистой ржи, отливающей золотомъ, и когда онъ почувствовалъ отрадную прохладу въ тѣни высокой ржи. Затѣмъ поэтъ, изобразивши картину обильнаго урожая и картину дѣятельности людей, обусловливающей довольство, матеріальную обезпеченность народа, тоже въ порывѣ глубокаго чувства восклицаетъ: „О, Боже! Ты даешь для родины моей тепло и урожай—дары святые Неба!" За этимъ восклицаніемъ слѣдуетъ молитвенное обращеніе къ Подателю всѣхъ благъ: „Хлѣбомъ золотя просторъ ея (родины) полей, ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!" Такимъ образомъ непосредственно вылилось и чувство восторга поэта, и чувство отрады, высокаго удовольствія, и чувство глубокой благодарности Творцу за „тепло и урожай—дары святые Неба", и глубокая сердечная молитва къ Богу о ниспосланіи родинѣ „духовнаго хлѣба".

б) Не менѣе того чувство поэта выражено и посредственно, т.-е. самымъ способомъ изображенія предметовъ, подборомъ признаковъ для изображенія ихъ и стороной, съ

которой они изображены. Чувство поэта отразилось и въ выраженіи: „Куда ни оглянусь,—повсюду рожь густая“,—и въ изображеніи густой и высокой ржи: „Иду съ трудомъ, ее (рожь) руками разбирая; мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной“,—и въ сравненіи колосьевъ съ пчелами: „Иду я, наклоняясь, какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день“,—и въ олицетвореніи колосьевъ: „Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой“,—и въ изображеніи качества труда, связаннаго съ урожаемъ: „ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы“... „стучатъ проворные цѣпы“... „вдоль рѣки, гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки“... Вездѣ видимъ любовь поэта къ предмету изображенія. Онъ радуется и любуется созерцаемыми имъ картинами, онъ смотритъ на изображаемую дѣйствительность, такъ сказать, „свѣтлымъ окомъ“, и потому все изображаемое имъ выходитъ прекраснымъ.

При веденіи объясненія стихотворенія посредствомъ эвристической формы могутъ быть предлагаемы ученикамъ слѣдующіе вопросы:

Какія главныя части различаются въ стихотвореніи? Какіе предметы поэтъ видитъ передъ собой и какіе онъ создаетъ своей фантазіей? На сколько и какія части раздѣляется первая часть стихотворенія? Укажите планъ стихотворенія. Опишите ниву по тѣмъ признакамъ, которые имѣются въ стихотвореніи. Какіе виды дѣятельности, какъ слѣдствіе обильнаго урожая, рисуются въ воображеніи поэта? Въ какой послѣдовательности указаны эти виды дѣятельности? Хорошій урожай даетъ средства къ жизни только ли однимъ земледѣльцамъ?

Что разумѣется въ стихотвореніи подъ „духовнымъ хлѣбомъ“? Какія изъ потребностей человѣка относятся къ фи-

зическимъ (матеріальнымъ) и какія въ духовнымъ? Укажите внутреннюю связь между первою и второю частями стихотворенія. Какая основная мысль стихотворенія? Какое отношеніе имѣетъ стихотвореніе: „Нива“, къ тому времени, въ которое оно написано? Какъ относится поэтъ къ предметамъ изображенія? Укажите мѣста, въ которыхъ непосредственно выразилось чувство поэта. Какимъ чувствомъ проникнуто все стихотвореніе?

Укажите олицетворенія и сравненія въ стихотвореніи.

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Урожай (по стихотворенію: „Нива“—Майкова); 2) урожай и дѣятельность людей, связанная съ нимъ (по стихотворенію: „Нива“); 3) Чувства поэта, отразившіяся въ стихотвореніи: „Нива“; 4) „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“ (Лук. IV, 4).

II. „Три пальмы“—Лермонтова.

При объяснительномъ чтеніи названнаго стихотворенія можетъ быть, во 1-хъ, выяснено содержаніе его; во 2-хъ, составлено оглавленіе его; въ 3-хъ, выдѣлены отдѣльныя картины, изображенныя въ немъ; въ 4-хъ, выведена основная мысль стихотворенія и, въ 5-хъ, составленъ планъ его.

Чтеніе всего стихотворенія, съ возможной выразительностью, и въ воображеніи учениковъ неминуемо будутъ развертываться картины песчаной пустыни, зеленаго оазиса, каравана, приближающагося къ оазису; ночлега каравана, костра въ пустынѣ и т. п.

По прочтеніи всего стихотворенія учитель переходитъ къ чтенію и объясненію его по строфамъ, при чемъ объясняетъ тѣ слова и выраженія, которыя оказывается нужнымъ объяснить, напр.: „куща“, „караванъ“, „лука“, „фарисъ“ и др., и обращаетъ вниманіе ихъ на особенно образныя выраженія и изящныя олицетворенія, напр.: „И, гордо кивая махровой главою, привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей, и щедро поитъ ихъ студеный ручей“; или: „Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ“ и друг. Послѣ объясненія строфы учитель предлагаетъ ученикамъ передать содержаніе ея.

Подобно тому, какъ при чтеніи всего стихотворенія учитель старается произвести на учениковъ цѣлостное впечатлѣніе содержаніемъ произведенія, такъ и при чтеніи и пересказѣ каждой строфы онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы содержаніе ея возможно цѣльно и ясно запечатлѣлось въ сознаніи ихъ. Этому мѣшали бы мелкіе вопросы, въ родѣ: что такое степь? что росло въ Аравійской степи? сколько пальмъ росло въ ней? какіе листья пальмъ? и т. п. „Нужно дорожить цѣлостностью художественнаго впечатлѣнія, и неосновательно поступаютъ тѣ учителя, которые при разборѣ стихотворенія прежде всего дробятъ его на мелкія части и ставятъ множество мелкихъ вопросовъ, уснащая объяснительное чтеніе толкованіемъ отдѣльныхъ словъ, часто понятныхъ и безъ толкованія“.

Послѣ объясненія и пересказа строфы, учитель привлекаетъ учениковъ озаглавить содержаніе ея. Оглавленіе записывается на доскѣ. Такимъ образомъ получается приблизительно слѣдующее оглавленіе стихотворенія:

1) оазисъ въ пустынѣ,
2) одиночество оазиса,
3) ропотъ пальмъ,
4) приближеніе каравана,

5) видъ приближающагося каравана,

6) гарцующій фарисъ,

7) остановка каравана и радость пальмъ,

8) ночлегъ каравана и смерть пальмъ,

9) печальный слѣдъ, оставленный караваномъ.

Поэтому оглавленію ученики передаютъ содержаніе всего стихотворенія, при чемъ слѣдуетъ дать имъ нѣкоторую свободу въ изображеніи картинъ, исправляя лишь неправильныя выраженія.

Затѣмъ ученики могутъ быть привлечены къ обрисовкѣ отдѣльныхъ картинъ, изображенныхъ въ произведеніи. Вотъ эти картины.

1. Картина оазиса. Эту картину ученики описываютъ приблизительно такъ: въ Аравійской пустынѣ красуется роскошный оазисъ съ прекрасными столѣтними пальмами. У корней ихъ пробивается родникъ, питающій и освѣжающій растительность оазиса... Красота оазиса тѣмъ болѣе поразительна, что кругомъ его—пустыня.

2. Также они передаютъ свое впечатлѣніе отъ постепенно раскрывающейся картины приближающагося каравана, напр. такъ: въ дали голубой тихо, ясно; но вотъ поднялся, закружился песокъ золотой; потомъ послышались нестройные звуки звонковъ, шумъ; затѣмъ отчетливо выдѣлился караванъ, запестрѣли ковры и узорныя полы шатровъ, сталъ ясно виденъ рядъ верблюдовъ, а впереди гарцующій на ворономъ конѣ „фарисъ“ въ бѣлой одеждѣ; наконецъ, можно уже различить и женъ и дѣтей, выглядывающихъ изъ палатокъ.

3. Впечатлѣніе отъ картины стоянки каравана ученики могутъ передать въ слѣд. словахъ: караванъ расположился въ тѣни зеленой кущи; слышенъ веселый говоръ, сливающійся съ плескомъ струящейся воды. Женщины наполняютъ кувшины водой... Наступаютъ сумер-

ки. Раздаются удары топора, и пальмы срублены, обращены въ дрова. Разложенъ костеръ, вокругъ котораго расположились путники. Въ рукахъ дѣтей пальмовые листья, сорванные со срубленныхъ деревьевъ.

4. Картина запустѣнія послѣ ухода каравана: тамъ, гдѣ былъ красивый, цвѣтущій оазисъ, виднѣется лишь пепелъ сѣдой да обгорѣлыя головни и уголья. Ручей высыхаетъ; кругомъ все дико и пусто. Ничто уже не манитъ путника къ этому мѣсту.

Далѣе учитель останавливаетъ вниманіе учениковъ на основной мысли стихотворенія. Къ выводу учениками этой мысли можетъ послужить сопоставленіе ими слѣдующихъ фактовъ: пальмы, въ теченіе многихъ лѣтъ охранявшія ручей отъ палящаго солнца и сами находившія въ немъ нужную имъ влагу, стали, наконецъ, на Бога роптать: „На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать, ничей благосклонный не радуя взоръ?“

Желаніе пальмъ сбылось: къ нимъ „подходитъ шумя караванъ; въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ... Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей, и щедро поитъ ихъ студеный ручей“.

Но не въ пользу послужило пальмамъ осуществленіе ихъ желанія: „Чуть только сумракъ на землю упалъ, по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, и пали безъ жизни питомцы столѣтій! Одежду ихъ сорвали малыя дѣти; изрублены были тѣла ихъ потомъ, и медленно жгли ихъ до утра огнемъ“.

Такимъ образомъ, ропотъ пальмъ, недовольство ихъ своимъ положеніемъ повело къ гибели ихъ: за ропотъ пальмы наказаны. Это можно принять за основную мысль стихотворенія.

Ученики, болѣе развитые и знакомые съ воззрѣніями Лермонтова, могутъ вывести слѣдующую основную мысль сти-

хотворенія: люди обыкновенно не умѣютъ цѣнить и беречь истинно хорошее въ природѣ и жизни; часто прекрасное и полезное подвергается гибели, именно вслѣдствіе человѣческой грубости, прихоти или невѣжества; вмѣсто благодарности пальмамъ за ихъ гостепріимство, люди ихъ же срубили и сожгли...

Каждый беретъ изъ художественнаго произведенія то, что онъ въ состояніи взять, и каждый понимаетъ его такъ, какъ онъ, по своему духовному развитію, въ состояніи понимать его.

Послѣ вывода основной мысли стихотворенія можетъ быть составленъ слѣдующій планъ его:

- А. Картина природы: (1 строфа) — оазисъ:
  - а) пальмы,
  - б) ручей.
- Б. Желаніе пальмъ (2 и 3 строфы).
  - 1) уединенность пальмъ,
  - 2) ропотъ ихъ.
- В. Осуществленіе желанія (4—8 строфы):
  - 1) приближеніе каравана:
    - а) навьюченные верблюды,
    - б) походные шатры съ женами и дѣтьми,
    - в) джигитовка фариса;
  - 2) станъ каравана;
  - 3) радость, удовольствіе пальмъ.
- Г. Слѣдствіе осуществленія желанія пальмъ:
  - 1) гибель пальмъ
    - а) пальмы срублены,
    - б) листья сорваны;
    - в) стволы (тѣла) сожжены;
  - 2) уходъ каравана,
  - 3) слѣдствіе пребыванія человѣка въ оазисѣ:
  - 4) гибель пальмъ и ручья.

Стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы учениковъ могутъ быть даны темы.

1) Изложеніе содержанія стихотворенія: „Три пальмы".

2) Картина оазиса въ пустынѣ.

3) Караванъ въ пустынѣ.

4) Основная мысль стихотворенія: „Три пальмы", и выраженіе ея.

При веденіи объясненія стихотворенія эвристической формой могутъ быть предлагаемы общіе вопросы. Изложите содержаніе прочтенной строфы. Озаглавьте ее. Составьте оглавленіе всего стихотворенія. Опишите по стихотворенію картину оазиса. Опишите постепенно развертывающуюся картину приближающагося каравана. Опишите картину стоянки каравана. Опишите картину запустѣнія послѣ ухода каравана. Какая основная мысль стихотворенія? Какъ вы ее вывели? Составьте планъ стихотворенія.

III. «Вѣтка Палестины» —Лермонтова.

Послѣ возможно выразительнаго чтенія стихотворенія: „Вѣтка Палестины", учитель предлагаетъ ученикамъ обратить вниманіе на послѣднія двѣ строфы его и назвать предметы, производящіе впечатлѣніе на поэта: кивотъ, святыя иконы, крестъ и передъ ними пальмовая вѣтвь,—все это освѣщено слабымъ свѣтомъ зажженной передъ иконами лампадки.

Какое настроеніе возникло въ душѣ поэта при видѣ пальмовой вѣтки и всей ея обстановки? обратите вниманіе на послѣнія двѣ строки. Ученики отвѣчаютъ словами стихотворенія, въ значительной мѣрѣ опредѣляющими возникшее въ душѣ поэта настроеніе: „Все полно мира и отрады вокругъ тебя (вѣтки) и надъ тобой".

Для выясненія ученикамъ этого настроенія, учитель сообщаетъ имъ поводъ къ написанію разсматриваемаго стихотворенія.

Въ тяжелыя минуты своей жизни (въ 1837 г.) Лермонтовъ пришелъ къ извѣстному путешественнику по святымъ мѣстамъ, Муравьеву-Апостолу, просить его совѣта и участія. Хозяина не оказалось дома. Поэта провели въ „образную“ комнату и просили здѣсь подождать. Иконы, святой крестъ, пальмовая вѣтвь, теплящаяся лампадка передъ образомъ, полнѣйшая тишина и запахъ ладана подѣйствовали благотворно на душу поэта: тяжелое чувство начало тускнѣть и замѣняться чувствомъ „мира и отрады“; имъ мало-помалу овладѣло настроеніе, близкое къ молитвенному настроенію (извѣстно, какъ чутокъ былъ Лермонтовъ къ окружающей обстановкѣ (стих.: „Когда волнуется желтѣющая нива“), и какое успокаивающее вліяніе оказывала на него молитва (стих.: „Молитва“). Подъ вліяніемъ возникшаго чувства, поэтъ тутъ же, въ „образной“, гдѣ дожидался возвращенія Муравьева-Апостола, написалъ стихотвореніе: „Вѣтка Палестины“. Въ этомъ стихотвореніи отразилось чувство поэта; имъ проникнуто оно отъ начала до конца.

Видъ пальмовой вѣтки, при указанномъ настроеніи поэта, вызвалъ въ душѣ его образы о странѣ, откуда она принесена; о пальмѣ, на которой она росла; о людяхъ сорвавшихъ и принесшихъ ее. Эти образы онъ и выразилъ въ формѣ вопросовъ, не ожидая, конечно, ни отъ кого отвѣта на нихъ (фигуры вопрошенія).

Въ первой строфѣ поэтъ, обращаясь къ вѣткѣ, спрашиваетъ: „Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла? какихъ холмовъ, какой долины ты украшеніемъ была?“ Въ воображеніи поэта рисуется пальма, служащая украшеніемъ той долины или того холма, гдѣ она растетъ. И нужно замѣтить, финиковая пальма (каковую и имѣлъ въ виду поэтъ) принадлежитъ къ

красивѣйшимъ деревьямъ, являющимся украшеніемъ той мѣстности, гдѣ она растетъ.

Во второй строфѣ поэтъ болѣе точно обозначаетъ мѣсто, гдѣ могла расти и цвѣсти пальма. Она могла расти или на берегу священнаго для христіанъ Іордана, гдѣ ласкало и согрѣвало ее южное солнце, или же въ горахъ Ливана, гдѣ по ночамъ колыхалъ ее вѣтеръ.

Отъ мѣста, гдѣ могла расти и цвѣсти пальма, поэтъ переходитъ (въ 3-ей строфѣ) къ лицамъ, которыя срывали и сплетали пальмовые вѣнки. Этимъ занимаются бѣдные жители Іерусалима. Они срываютъ пальмовыя вѣтви, красиво сплетаютъ ихъ и продаютъ паломникамъ. Съ праздника Входа Господня въ Іерусалимъ до праздника Воскресенія Христова паломники стоятъ въ церкви съ пальмовыми вѣтками въ воспоминаніе того, что дѣти и взрослые подстилали пальмовыя вѣтви при входѣ Спасителя въ Іерусалимъ. Срываніе и сплетаніе пальмовыхъ вѣтвей, служа къ удовлетворенію религіозной потребности христіанъ, выполняется обыкновенно съ благоговѣніемъ, при тихомъ чтеніи молитвъ или при пѣніи пѣсенъ о давно минувшей славной старинѣ.

Отъ вѣтки поэтъ переходитъ къ самой пальмѣ, отъ которой она оторвана. Эта пальма или попрежнему жива и, образуя своими листьями густую тѣнь, манитъ путника, ищущаго мѣста, гдѣ бы укрыться отъ солнечныхъ лучей юга; или же она уже увяла, листья ея пожелтѣли и покрылись пескомъ и пылью. Олицетворяя пальму, поэтъ высказываетъ и причину, по которой она могла завянуть; причиной такой служитъ тоска по вѣткамъ („въ разлукѣ безотрадной"). Такъ не рѣдко мать тоскуетъ, если отнимутъ у нея дѣтей...

Далѣе, отъ вѣтки и пальмы поэтъ переносится мыслью къ лицу, которое занесло вѣтку на сѣверъ, въ Петербургъ. Конечно, это могъ сдѣлать одинъ изъ паломниковъ, движимыхъ религіознымъ чувствомъ. Онъ „набожной рукой въ

этотъ край ее занесъ“. Но кто же былъ этотъ паломникъ? Это могъ быть или человѣкъ, сокрушающійся о своей грѣховности и проливающій слезы раскаянія, или же „Божьей рати лучшій воинъ“, не омраченный ни страстями, ни дурными помышленіями и потому „всегда небесъ достойный передъ людьми и Божествомъ“.

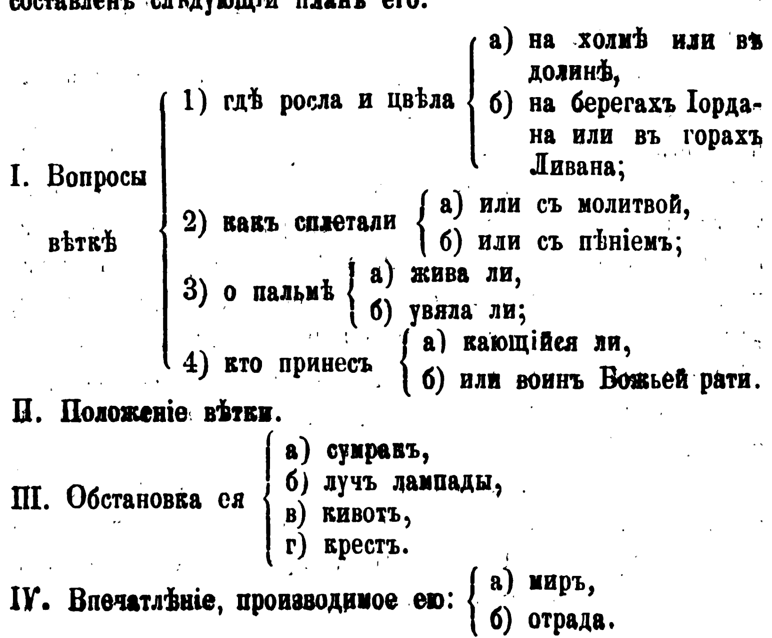
Въ восьмой строфѣ поэтъ говоритъ, что принесенная изъ Іерусалима пальмовая вѣтвь хранима „заботой тайною“, т.-е. такой заботой, источникомъ которой служитъ глубокое религіозное чувство, скрытое въ человѣческомъ сердцѣ. Вѣтвь помѣщена передъ иконою святой, гдѣ и стоитъ постоянно, какъ „святыни вѣрный часовой“.

Существеннымъ элементомъ всего стихотворенія: „Вѣтка Палестины“, служитъ, какъ выше сказано, то настроеніе поэта, которымъ оно проникнуто, и которое невольно находитъ себѣ отзывъ въ душѣ читателя; оно выражено, между прочимъ, словами: „Все полно мира и отрады вокругъ тебя и надъ тобой“.

Попутно съ выясненіемъ содержанія стихотворенія выясняются ученикамъ слова и выраженія, значеніе которыхъ невполнѣ понятно имъ. Прежде всего учитель обращаетъ вниманіе учениковъ на то, что, сообразно характеру отношенія поэта къ предмету изображенія и содержанію стихотворенія, въ немъ (стихотвореніи) очень умѣстно употреблены славянизмы („листы“-листья, „сыны“-сыновья, „повѣдай“ скажи, „рати“-войска, „челомъ“-лбомъ) и эллинизмы („кивотъ“-помѣщеніе для иконъ, въ родѣ рамы; „символъ“-знакъ.) Далѣе, многія слова и выраженія употреблены, какъ образныя, живописующія. Къ такимъ словамъ и выраженіямъ, между прочимъ, относятся: „востока лучъ тебя ласкалъ“-восточное солнце тебя грѣло, лелѣяло; „Солима бѣдные сыны“-бѣдные жители Іерусалима, основаннаго, по преданію, Солимомъ или Солемомъ, отъ котораго этотъ городъ получилъ свое назва-

ніе; „манитъ въ лѣтній зной она прохожаго въ пустынѣ широколиственной главой“ — густою тѣнью отъ большихъ листьевъ, сгруппированныхъ на вершинѣ пальмы, привлекаетъ путника, томящагося отъ зноя; „дольный прахъ ложится жадно“ — пыль песчаной долины, т.-е. пустыни, ложится толстымъ слоемъ; „набожной рукой“—рукою набожнаго паломника; „Божьей рати лучшій воинъ“—лучшій изъ христіанъ: церковь, или общество христіанъ, есть духовная рать (войско), воинствующая противъ зла, неправды на землѣ; „съ безоблачнымъ челомъ“—въ смыслѣ: съ яснымъ взглядомъ; „всегда небесъ достоинъ передъ людьми и Божествомъ“— достойный неба по суду людей и Бога; „святыни вѣрный часовой“—вѣтка, постоянно находящаяся при святынѣ, т.-е. иконѣ, напомнила поэту часового, не отходящаго отъ ввѣреннаго ему сокровища.

Послѣ выясненія содержанія стихотворенія, можетъ быть составленъ слѣдующій планъ его:

I. Вопросы вѣткѣ
- 1) гдѣ росла и цвѣла
  - а) на холмѣ или въ долинѣ,
  - б) на берегахъ Іордана или въ горахъ Ливана;
- 2) какъ сплетали
  - а) или съ молитвой,
  - б) или съ пѣніемъ;
- 3) о пальмѣ
  - а) жива ли,
  - б) увяла ли;
- 4) кто принесъ
  - а) кающійся ли,
  - б) или воинъ Божьей рати.

II. Положеніе вѣтки.

III. Обстановка ея
- а) сумракъ,
- б) лучъ лампады,
- в) кивотъ,
- г) крестъ.

IV. Впечатлѣніе, производимое ею:
- а) миръ,
- б) отрада.

По этому плану ученики разсказываютъ содержаніе стихотворенія. Но для разсказа можетъ быть предложенъ ученикамъ также и измѣненный планъ, хотя бы, напр., тотъ, по которому велось объясненіе стихотворенія:

I. Положеніе вѣтки и обстановка ея.

II. Впечатлѣніе, произведенное на поэта вѣткой и обстановкой.

III. Вопросы поэта { а) о мѣстѣ, гдѣ растетъ пальма; б) о лицахъ, сплетавшихъ вѣтви; в) о лицѣ, принесшемъ вѣтвь.

Стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ:

1. Изложеніе содержанія стихотворенія: „Вѣтка Палестины“ (по плану, по которому велось объясненіе стихотворенія).

2. Описаніе Палестины (по стихотворенію Лермонтова: „Вѣтка Палестины“).

Учениками можетъ быть выработанъ, при помощи учителя, слѣдующій планъ письменной работы на послѣднюю тему:

1. Природа Палестины:
   а) холмы, Ливанъ,
   б) долина, Іорданъ.
2. Климатъ Палестины:
   а) зной;
   б) путешественники, ищущіе убѣжища въ тѣни пальмы во время зноя.
3. Жители Палестины:
   а) бѣдные туземцы,
   б) паломники.
4. Значеніе Палестины для христіанъ.

Вопросы, предлагаемые ученикамъ при объясненіи

стихотворенія: „Вѣтка Палестины“: Какіе предметы находились передъ глазами поэта? Какое настроеніе возникло въ душѣ поэта при видѣ пальмовой вѣтки и всей ея обстановки? По какому поводу написано стихотвореніе: „Вѣтка Палестины“? (Сообщаетъ учитель).—Какіе образы возникли въ душѣ поэта при видѣ пальмовой вѣтки, и какъ онъ выражаетъ эти образы? Какія предложенія дѣлаетъ поэтъ о мѣстѣ, гдѣ растетъ пальма? Сплетаніе пальмовыхъ вѣтокъ чѣмъ сопровождалось? Какія предположенія дѣлаетъ поэтъ объ участи пальмы, съ которой сорвана вѣтка? Какія предположенія дѣлаетъ поэтъ о лицѣ, принесшемъ вѣтку? Кто и какъ оберегаетъ пальмовую вѣтку? Что побуждаетъ человѣка съ особенной заботой оберегать пальмовую вѣтку? Какая основная мысль стихотворенія: „Вѣтка Палестины?“ Укажите планъ стихотворенія. Изложите содержаніе стихотворенія по измѣненному плану.

IV. „Подражаніе псалму XIV-му“—Языкова.

Кому, о Господи, доступны Твои Сіонски высоты?“ Въ формѣ такого вопроса поэтъ выражаетъ то настроеніе души, при которомъ она ищетъ Бога, стремится къ Нему. Сущность этого вопроса можетъ быть передана такъ: Кто, о Господи, достоинъ приблизиться къ Тебѣ? кому доступенъ вышній, „горній міръ“? Очевидно, что приведенный вопросъ хотя имѣетъ форму вопроса, но значенія вопроса онъ не имѣетъ, такъ какъ поэтъ не ждетъ ни отъ кого отвѣта, а самъ же отвѣчаетъ въ послѣдующихъ строкахъ (фигура вопрошенія).

На горѣ Сіонѣ былъ построенъ Іерусалимскій храмъ—святыня ветхозавѣтнаго народа, который признавалъ и гору

Сіонъ мѣстомъ особаго поклоненія Господу. У христіанъ выраженіе: „Сіонски высоты“, имѣетъ значеніе—„міръ горній“, или Божій, т.-е. тотъ духовный міръ, куда стремится человѣкъ своимъ религіознымъ чувствомъ. Въ отвѣтѣ на поставленный вопросъ поэтъ раскрываетъ внутреннія качества человѣка, достойнаго приблизиться къ Богу. „Сіонски высоты“ доступны „Тому, чьи мысли неподкупны“, т.-е. не зависятъ отъ матеріальныхъ выгодъ, житейскихъ расчетовъ, а, напротивъ, всегда искренни, правдивы,—„Чьи цѣломудренны мечты“, т. е., кто въ своихъ мечтаніяхъ всегда чистъ, непороченъ; кто мечтами своими уносится лишь въ высшій, идеально-хорошій міръ. „Мысли“ и „мечты“ составляютъ проявленіе умственной стороны духовной природы человѣка, и въ приведенныхъ двухъ стихахъ поэтъ, очевидно, съ этой стороны характеризуетъ „приближающагося къ Богу“.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ“,

т.-е. кто совершалъ добрыя дѣла не изъ-за платы или выгоды, а изъ сердечнаго желанія выполнить волю Божію, Его святыя заповѣди, изъ желанія выполнить высшія нравственныя требованія. Образецъ такой безкорыстной дѣятельности представляютъ многіе подвижники Божіи и вообще лица, посвятившія себя служенію ближнимъ, единственно изъ-за любви къ нимъ и сознанія необходимости выполнить требованія нравственнаго долга.

... Не ухищрялся противъ брата“,

т.-е. не измышлялъ зла противъ ближняго своего, не „подводилъ“ его, не хитрилъ, не лукавилъ въ отношеніи къ нему.

... „И на врага не клеветалъ“,

т.-е. не чернилъ своего врага, не взводилъ на него напрасно нехорошихъ поступковъ, не пятналъ его такимъ грѣхомъ,

въ которомъ онъ неповиненъ. Не мстить своему врагу, не чернить его, а подавлять въ себѣ чувство злобы противъ него и даже замѣнять это чувство чувствомъ любви къ нему—вотъ высшее нравственное требованіе, раскрытое ученіемъ Божественнаго Спасителя („Благословите клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ").

Въ приведенныхъ четырехъ строкахъ (начиная со словъ: „Кто дѣлъ"…. и кончая словомъ: „не клеветалъ") „приближающійся къ Богу" изображенъ со стороны его воли.

Далѣе въ строкахъ:

„Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ"—

поэтъ характеризуетъ достойнаго приблизиться къ Богу со стороны его вѣры и чувства. Онъ укрѣпляется въ вѣрѣ въ Бога, и эта вѣра очищаетъ его и приводитъ въ умиленіе, выражающееся слезами.

Такимъ образомъ, поэтъ изобразилъ намъ избранника Божія со всѣхъ сторонъ его душевной жизни и дѣятельности, т. е. и со стороны его ума, и со стороны его воли, и со стороны чувства. Общая черта такого избранника—святость, непорочность:

„И святъ, о Боже, Твой избранникъ!"

Въ послѣдней строфѣ поэтъ говоритъ, что печать избранничества Божія отражается даже во внѣшней дѣятельности избранника:

„Мечомъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!"

т.-е., если онъ воинъ, борющійся во исполненіе воли Бога, во имя святого долга, онъ велѣній Господа посланникъ", побѣдитъ самаго сильнаго врага, примѣромъ чего можетъ

служить въ ветхомъ завѣтѣ Давидъ, который, будучи вооруженъ только пращею и камнемъ, побѣдилъ великана Голіафа, хорошо вооруженнаго.

„Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!“

то-есть, если избранникъ Божій царь, въ его царствѣ водворится правда, а съ нею миръ и спокойствіе; жители селъ и городовъ насладятся нравственной свободой, свободой отъ страстей, и повсюду будетъ матеріальное благосостояніе. Примѣромъ такого царя въ ветхомъ завѣтѣ служитъ Соломонъ.

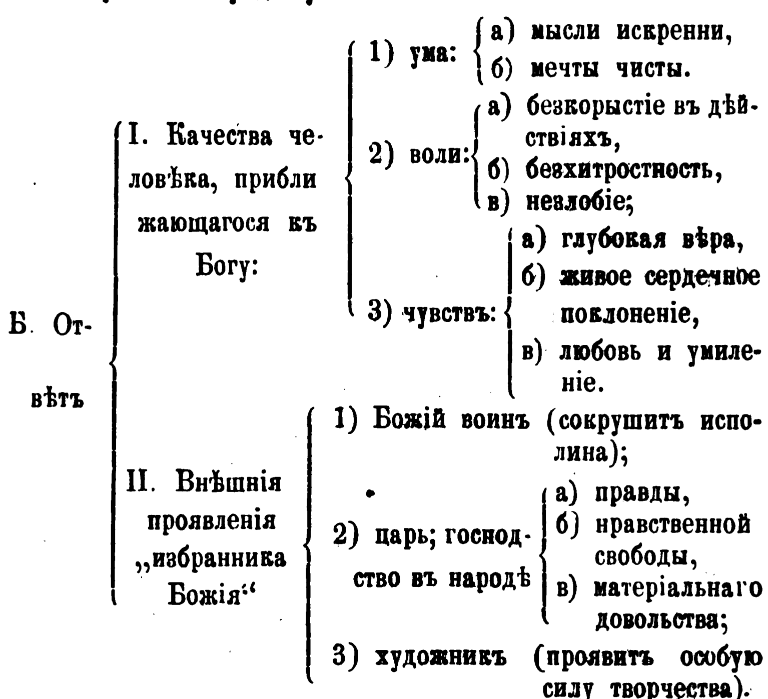
„Возьметъ ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!“

т.-е., если избранникъ Божій поэтъ, художникъ (арфа, какъ и лира, служитъ символомъ поэзіи, искусства), онъ исполнится высшей силой и въ своей творческой дѣятелньости вознесется въ міръ вышній, „горній“, подобно ширококрылому орлу, взлетающему высоко въ небеса. Примѣромъ такого художника въ ветхозавѣтной исторіи служитъ псалмопѣвецъ Давидъ, который въ своихъ чудныхъ псалмахъ возносился духомъ къ престолу Господа и который тѣми же псалмами поднимаетъ духъ каждаго человѣка, читающаго или поющаго ихъ съ должнымъ вниманіемъ.

Все стихотвореніе проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Слогъ его, соотвѣтственно содержанію, торжественный (высокій). Въ стихотвореніи умѣстно употреблены славянскія слова (стихотворенія, имѣющія предметомъ своимъ переложеніе псалма, молитвы и вообще выраженіе религіознаго чувства поэта, называются гимнами. Слѣдовательно, „Подраженіе псалму XIV-му“ —гимнъ).

Ознакомившись съ содержаніемъ стихотворенія, ученики, подъ руководствомъ учителя, выдѣляютъ планъ стихотворенія:

А. Вопросъ: Кому доступны высоты Сіона?

Полезной работой для учениковъ служитъ сравненіе стихотворенія: „Подражаніе псалму XIV-му"—Языкова съ 14-мъ псалмомъ Давида.

Какъ стихотвореніе, такъ и псаломъ читаются по частямъ. Сначала одинъ изъ учениковъ читаетъ стихъ изъ псалма, а затѣмъ другой—соотвѣтственныя строки изъ стихотворенія. Такимъ образомъ весь классъ видитъ сходство и различіе между псалмомъ и „Подраженіемъ псалму".

Какъ псаломъ, такъ и „подражаніе псалму" состоитъ изъ вопроса и отвѣта на него. Отвѣтъ и въ псалмѣ, и въ

„Подражаніи“ распадается на двѣ части: качества человѣка, приближающагося къ Богу, и внѣшнія проявленія его. Основная мысль псалма и „Подражанія“—одна и та же: указаніе качествъ человѣка, приближающихъ его къ Богу.

Отличіе замѣчается, во 1 хъ, въ неодинаковомъ развитіи частей: напр., заключительный стихъ псалма: „Поступающій такъ не поколеблется вовѣкъ“, переданъ въ стихотвореніи цѣлою двѣнадцатистрочною строфой („ И святъ, о Боже, Твой“... и т. д.); во 2-хъ, въ отсутствіи въ стихотвореніи указанія на такія дѣйствія людей, на которыя указано въ псалмѣ: напр., въ стихотвореніи мы не находимъ указанія, что приближающійся къ Богу не долженъ имѣть такихъ грѣховъ, какъ клятвопреступленіе, ростовщичество. Эти хрѣхи вообще не должны быть терпимы въ христіанскомъ обществѣ, а потому невиновность въ нихъ не составляетъ еще особеннаго достоинства христіанина; въ-3-хъ, въ „Подражаніи псалму“ отразился духъ христіанскаго ученія, раскрытаго Божественнымъ Учителемъ, чѣмъ тоже это стихотвореніе отличается отъ ветхозавѣтнаго псалма.

Изъ сравненія стохотворенія: „Подражаніе псалму XIV-му“, съ 14-мъ псалмомъ Давида ученики видятъ, что стихотвореніе представляетъ не переводъ псалма, даже не переложеніе его, а лишь подражаніе ему въ формѣ и основной мысли. Потому-то оно и названо „Подражаніемъ псалму XIV-му“.

Стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы учениковъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1, Кто достоинъ приблизиться къ Господу? (по стихотворенію: „Подражаніе псалму XIV-му“, Языкова); 2, Сравненіе стихотворенія: „Подражаніе псалму XIV-му“, съ 14-мъ псалмомъ Давида.

Вопросы, предлагаемые ученикамъ при веденіи объяснительнаго чтенія стихотворенія: „Подражаніе псалму

XIV-му": Что означаетъ вопросъ, которымъ начинается стихотвореніе? На какое качество мыслей человѣка, достойнаго приблизиться къ Богу, указываетъ поэтъ? Какъ характеризуются дѣйствія человѣка, достойнаго приблизиться къ Богу? Какая вѣра и какія чувства человѣка, достойнаго приблизиться къ Богу? Съ какихъ сторонъ поэтъ разсматриваетъ качества человѣка, приближающагося къ Богу? Чѣмъ выражается во внѣшней жизни и дѣятельности печать избранника Божія? Какія при этомъ положенія избранника Божія разсматриваетъ поэтъ? Приведите изъ ветхозавѣтной исторіи примѣры, поясняющіе выраженія: „Мечомъ ли руку"... и т. д; „Возьметъ ли арфу"... и т. д. Какимъ чувствомъ проникнуто все стихотвореніе? Какой слогъ стихотворенія, и чѣмъ онъ обусловливается? Чѣмъ объясняется употребленіе въ стихотвореніи славянскихъ словъ? Выдѣлите эти слова. Какъ можно назвать стихотвореніе: „Подражаніе псалму XIV-му?" На какія части дѣлится стихотвореніе? Составьте планъ стихотворенія. Укажите сначала сходство „Подражанія псалму XIV-му" съ 14-мъ псалмомъ, а затѣмъ отличіе ихъ.

К. Ельницкій.

Нужна ли буква «ЯТЬ»?

Ни одна изъ буквъ русскаго алфавита не подвергалась такимъ нареканіямъ и не служила столько разъ предметомъ горячихъ споровъ, какъ злополучная буква «ять». Однако, несмотря на всяческія гоненія и преслѣдованія, буква эта оказалась очень живучей и до настоящаго времени продолжаетъ украшать собою русскую азбуку, лишь по временамъ вызывая взрывы новаго негодованія и недовольства.

Споры о буквѣ ѣ начались впервые во дни Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго. Тогда они были вызваны тѣмъ хаостическимъ состояніемъ, въ какомъ находилась русская орѳографія. Въ печати господствовалъ полный произволъ, и никакихъ руководящихъ указаній въ этомъ отношеніи не существовало. Плачевное положеніе орѳографіи Ломоносовъ изображаетъ въ своей сатирической статьѣ: «Судъ россійскихъ письмянъ передъ разумомъ и обычаемъ». Недовольная грамматика жалуется на то, что «письмена письменами угнетаются, письменамъ отъ письмянъ нѣтъ покою, письмена о письменахъ съ письменами вражду имѣютъ».

Необходимо было какъ нибудь упорядочить дѣло, внести возможное однообразіе въ правописаніе. И вотъ В. К. Тредьяковскій предложилъ писать «по звонамъ», т.-е. такъ, какъ слова произносятся: тогда уничтожится различіе между произношеніемъ и начертаніемъ словъ, и желаемое единообразіе само собою установится. Разумѣется, нѣкоторыя буквы, не выражающія отдѣльнаго звука, должны быть при этомъ изгнаны изъ алфавита.

Въ числѣ другихъ буквъ, подвергшихся остракизму, оказалась и буква ѣ. Однако попытка Тредьяковскаго не увѣнчалась успѣхомъ, и это понятно: она создавала еще большую путаницу въ дѣлѣ правописанія, потому что, при разнообразіи говоровъ, существующихъ на громадномъ пространствѣ Русской земли, фонетическая система правописанія привела бы не къ единообразію, а еще къ большему безобразію. «Ежели положить», совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу Ломоносовъ: «чтобы по выговору всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно».

Реформа Тредьяковскаго представлялась Ломоносову настолько несерьезной, что онъ высмѣялъ ее въ своей статьѣ, направленной противъ «Разговора объ орѳографіи» Тредьяковскаго. Здѣсь буквы ѣ и е выражаютъ свое недовольство: ѣ жалуется, что «е выгоняетъ его изъ мѣста, владѣнія и наслѣдія; е недовольно своимъ веселіемъ и селеніемъ, гонитъ ѣ изъ утѣшенія. Е пускай будетъ довольствоваться женою, а до дѣвицъ ему дѣла нѣтъ».

Но шутка шуткой, однако требовалось и серьезное отношеніе къ такому важному вопросу, какъ вопросъ о единообразіи правописанія. Рѣшенію этого вопроса Ломоносовъ посвятилъ пятую главу 2-го наставленія своей знаменитой «Грамматики». Здѣсь онъ устанавливаетъ слѣдующія два положенія, сохраняющія свою силу до настоящаго времени:

«Въ правописаніи наблюдать надлежитъ, 1) «чтобы оно не отходило далече отъ главныхъ россійскихъ діалектовъ, которыхъ суть три; 1) московскій (средній), 2) сѣверный (новгородскій) и 3) южный (украинскій);

2) «чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды производенія» (т.-е. слѣды происхожденія словъ).

Что касается попытки Тредьяковскаго изгнать изъ употребленія букву ѣ, то относительно этого Ломоносовъ высказалъ такой взглядъ:

«Нѣкоторые покушались истребить букву ѣ изъ азбуки россійской; но сіе какъ невозможно, такъ и свойствамъ русскаго языка противно, ибо ежели безъ буквы ѣ начать писать, а особливо печатать, то 1) тѣмъ, которые раздѣлять е отъ ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ; 2) малороссіянамъ, которые въ просторѣчіи е отъ ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго нарѣчія; 3) уничтожится различеніе реченій разнаго наименованія и сходнаго произношенія, напримѣръ, отъ лечу—летѣть, отъ лѣчу—лѣчить».

Таковы важнѣйшіе доводы, высказанные полтораста лѣтъ тому назадъ за и противъ буквы ѣ. Интересно выслушать, что говорятъ современные намъ противники этой буквы, и на чемъ основываютъ они свое право гнать ее изъ русскаго алфавита.

Съ особенною горячностью обрушивается на букву ѣ г. Благовѣщенскій въ статьѣ: «О необходимости уничтоженія буквы «ять» («Русская Мысль» 1900 г., № 2-й). Съ большимъ раздраженіемъ нападаетъ онъ на всѣхъ защитниковъ буквы ѣ, пересыпая свою рѣчь бранью, не щадя никого: ни академиковъ, которыхъ обзываетъ «плѣшивой плеядой отупѣвшихъ старцевъ»; ни учителей, которыхъ награждаетъ нелестнымъ эпитетомъ («глупцы»). Что же касается самой буквы ѣ, то о ней авторъ совершенно не въ состояніи говорить спокойно: она и «нелѣпая», и «глупая», и «вредная», и даже «проклятая». По его мнѣнію, труды такихъ ученыхъ, какъ Ло-

моносовъ, Востоковъ, Буслаевъ, Гротъ и др., стремившихся возстановить древнее значеніе буквы , были совершенно безполезны: они тратили свои природныя дарованія на пустяки и принесли вредъ народному просвѣщенію.

Походъ противъ буквы ѣ предпринятъ во имя защиты интересовъ дѣтей, которыя изъ-за нея страдаютъ, проливаютъ слезы, вылетаютъ изъ гимназій и реальныхъ училищъ, принуждены тратить время на пустяки, потому что буква ѣ совсѣмъ не нужна: въ ней нѣтъ никакого смысла, и давно слѣдовало ее уничтожить. Не странно ли это необъяснимое пристрастіе учителей низшихъ и среднихъ школъ къ буквѣ , когда даже профессора университета не обращаютъ вниманія не только на нее, но и вообще на правописаніе, и развѣ на одномъ филологическомъ факультетѣ считается неудобнымъ изобразить е вмѣсто ѣ? Не безразсудно ли заставлять дѣтей тратить силы и время на изученіе нелѣпой буквы, когда она не имѣетъ рѣшительно никакого значенія? Необходимость уничтоженія ея вызывается прямо-таки доводами логики: «ради логической послѣдовательности нужно или возстановить юсы, или уничтожить ѣ».

Таковы соображенія автора статьи: «О необходимости уничтоженія буквы «ять»». Болѣе серьезныя возраженія противъ употребленія буквы ѣ высказываетъ г. Гороховъ въ статьѣ: «Пора исключить ѣ изъ русскаго алфавита» («Филологическія Записки» 1899 г., вып. III IV). Вотъ главныя его положенія:

1) историческое начало въ употребленіи буквы ѣ слѣдуетъ считать прерваннымъ;

2) хотя первоначальная природа буквъ ѣ и е различна, но въ настоящее время онѣ звучатъ совершенно одинаково;

3) употребленіе буквы ѣ уже потому не имѣетъ смысла, что во многихъ случаяхъ мы отступаемъ отъ древнѣйшаго правописанія, и всѣ попытки возстановить эго не привели къ прочнымъ результатамъ.

Г. Гороховъ указываетъ въ своей статьѣ на мнѣнія ученыхъ, защищающихъ необходимость въ алфавитѣ буквы ѣ, именно на мнѣнія Гильфердинга и Грота, которые стоятъ за непрерывность историческаго начала въ употребленіи ея. Къ этому можно прибавить, что и проф. Соболевскій, извѣстный знатокъ древнихъ рукописей, высказываетъ такой же взглядъ относительно буквы ѣ:

«Въ тѣхъ памятникахъ, которые были списываемы съ древне-русскихъ, ѣ и е употреблялись болѣе или менѣе правильно; такимъ образомъ, традиція въ употребленіи ѣ и е сохранилась, и на ней основывается наше нынѣшнее правописаніе» («Исторія русскаго языка»; изд. 1886 г.).

Но г. Гороховъ считаетъ историческое начало прерваннымъ на томъ основаніи, что буква ѣ утратила свое древнее произношеніе; въ то же время онъ признаетъ различіе между ѣ и е по ихъ первоначальной природѣ. Спрашивается: не сказываются ли особенности первоначальной природы этихъ буквъ въ настоящее время? Если бы онѣ означали совершенно одинаковые звуки, то и вліяніе ихъ на предшествующіе согласные тоже было бы одинаково. Между тѣмъ передъ е гортанные и зубные смягчаются въ шипящіе (человѣческій, душевный, дружескій, освѣщеніе, вождь), а передъ ѣ въ русскомъ языкѣ гортанные и зубные не измѣняются, въ церковно-славянскомъ же гортанные переходятъ въ свистящіе (рѫцѣ, ноꙁѣ, доусѣ). Въ составъ части звуковъ, обозначаемыхъ на письмѣ е, входитъ j (іота), тогда

какъ въ томъ звукѣ, который соотвѣтствуетъ буквѣ ѣ (=въ родств. языкахъ $\alpha\iota$, ае), нельзя отыскать присутствія j, иначе изъ формы «труба» мы получили бы форму «трублѣ», а не «трубѣ», потому что j имѣетъ свойство смягчать предшествующій ей губной звукъ.

Впрочемъ, и самъ г. Гороховъ отмѣчаетъ различіе между ѣ и е, наблюдаемое въ мѣстныхъ говорахъ и въ обще-литературномъ языкѣ:

1) «Въ говорѣ малороссійскомъ ѣ произносится, какъ і, а въ говорѣ новгородскомъ—какъ и».

2) «Буква ѣ употребляется въ тѣхъ слогахъ, надъ которыми дѣлается удареніе, и не ставится тамъ, гдѣ звукъ е неустойчивый; отсюда мы убѣждаемся въ долготѣ звука ѣ».

Первое положеніе г. Гороховъ уничтожаетъ такимъ замѣчаніемъ: «Какое намъ дѣло до мѣстныхъ выговоровъ, когда въ общемъ литературномъ языкѣ е и ѣ звучатъ одинаково?» Положимъ, такъ; но другая особенность звука, обозначаемаго буквою ѣ, именно его долгота, наблюдается и въ общелитературномъ языкѣ. Между словами: пѣнить, пенять и пень существуетъ разница не только въ начертаніи: ѣ здѣсь означаетъ долгій звукъ, е—короткій, а второе е (въ словѣ пень)—еще болѣе короткій. Слѣдовательно, есть и оттѣнки въ произношеніи названныхъ звуковъ.

«Какая разница въ томъ, что вмѣсто ѣ всюду будетъ написано е?» спрашиваетъ г. Благовѣщенскій: «развѣ смыслъ словъ, безъ ѣ написанныхъ, утратится или исказится?»

Ломоносовъ на эти вопросы отвѣчаетъ такъ: «уничтожится различеніе реченій разнаго наименованія и сходнаго произношенія». Онъ приводитъ въ подкрѣпле-

ніе своей мысли одинъ примѣръ, но ихъ можно указать много:

Выѣмъ (отъ выѣсть) и выемъ (отъ вынуть),
вѣй (пшеницу) и вей (веревки),
свѣдѣніе (отъ вѣдѣти) и сведеніе (отъ вести),
извѣсти́ (письмомъ) и известн (кого нибудь),
навѣсти́ (больного) и навести (справку),
вѣсь отъ (вѣсить) и весь (вся, все),
мѣлка́ (отъ мѣла) и мелка́ (о рѣкѣ).
замѣсти (меня, его) и замести (соръ) и т. д.

Конечно, можно возразить, что по смыслу фразы всегда нетрудно догадаться, въ какомъ значеніи употреблено въ ней слово; но къ чему же догадываться и ломать голову, когда есть простой способъ оттѣнить это значеніе при помощи различныхъ буквъ? Во всякомъ случаѣ пониманіе письменной рѣчи, съ уничтоженіемъ буквы ѣ, затемнится для тѣхъ, кто привыкъ къ ея употребленію.

Что касается доводовъ логики, которыми будто бы вызывается необходимость уничтоженія буквы ѣ, то едва ли это соображеніе г. Благовѣщенскаго основательно. «Ради логической послѣдовательности нужно или возстановить юсы, или уничтожить ѣ». Но вѣдь юсы исчезаютъ изъ памятниковъ русской письменности чуть ли не съ конца XI в., а буква ѣ продолжаетъ существовать въ нихъ на всемъ протяженіи древне-русской литературы и переходитъ въ печатныя произведенія. Вотъ что говоритъ по этому поводу проф. Соболевскій:

«Что въ половинѣ XI в носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: «Остромирово Евангеліе» представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церковно славянскихъ ѫ и ѧ через у, ю, а, я, которая показываетъ, что пи-

сецъ «О. Е». не имѣлъ никакого понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI в. мы находимъ еще большее смѣшеніе церковно-слав. юсовъ съ у, ю, а, я; въ памятникахъ же XII в. ѫ—ся уже почти совсѣмъ не встрѣчается, а ѧ по значенію нисколько не отличается отъ ꙗ» (Соболевскій: «Лекціи по исторіи русскаго языка», изд. 2).

Къ тому же юсы—глав. образомъ принадлежность церковно-славянскаго языка, а ѣ было звукомъ, издревле свойственнымъ и русскому языку. Правда, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ наблюдается смѣшеніе ѣ и е, свидѣтельствующее о близости этихъ звуковъ; но все-таки нѣкоторая система въ употребленіи буквъ ѣ и е въ нихъ замѣтна. «Въ настоящее же время», говоритъ проф. Соболевскій: «мы употребляемъ букву ѣ въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII в»., и всѣ случаи отступленій отъ древняго правописанія могутъ быть возстановлены (см. «Лекціи», изд. 2, стр. 69—71).

Г. Благовѣщенскій полагаетъ, что и послѣ уничтоженія буквы ѣ она для науки сохранилась бы въ памятникахъ письменности, а для успѣховъ грамотности это уничтоженіе ея было бы настоящимъ благомъ. Первое положеніе неоспоримо, второе подлежитъ сомнѣнію, если только слово «грамотность» понимать не буквально.

Въ чемъ заключается задача обученія родному языку не только въ среднихъ, но и въ низшихъ школахъ? Думаемъ, что не въ одномъ стремленіи научить дѣтей правописанію, но и въ томъ, чтобы познакомить ихъ съ литературнымъ языкомъ, освѣтить сознаніемъ имѣющійся у нихъ запасъ словъ и увеличить его новыми

пріобрѣтеніями. Если же это такъ, то отсюда понятно важное значеніе вопроса о составѣ словъ,—вопроса, который долженъ быть положенъ въ основу всего курса грамматики, начиная съ первыхъ ея ступеней и кончая послѣдними. Истинное же пониманіе состава словъ невозможно безъ знакомства съ ихъ происхожденіемъ. И вотъ тутъ-то буква ѣ приноситъ большую пользу: сохраняя для глаза память объ историческомъ происхожденіи слова, она помогаетъ уясненію его смысла. «Начертаніе слова должно быть прежде всего, такъ сказать, біографіей слова, кратко и ясно повѣствующею о происхожденія его». Чтобы возстановить первоначальный видъ слова, нужно знать звуковыя измѣненія, которымъ на ряду съ другими подвергается и звукъ, выражаемый буквою ѣ. Какъ объяснить принадлежность словъ: ѣсть нѣдро, ядро, ядъ, яства къ одному семейству безъ буквы ѣ? Понятно ли будетъ происхожденіе слѣдующихъ словъ отъ одного корня, если ѣ въ нихъ замѣнить буквою е: сѣсть и сяду, зіять и зѣвать, ринуть и рѣять? Только сохранивши во всей неприкосновенности букву ѣ, мы поймемъ сходство по значенію между разновидностями корня сад: сад, сажд, саж, сяд, сѣд, сид, сиж, и происходящими отъ нихъ словами: осада, досада, посадъ, усадьба, засада; осаждать, досаждать; усаживать, надсаживать; осядутъ, присядка; сосѣдъ, сосѣдка; сѣлъ, разсѣлина; сидѣніе, сидѣлецъ, усидчивый; высиживать, отсиживать.

Извѣстно, что одни слова въ языкѣ измѣнили свое первоначальное значеніе, другія совсѣмъ исчезли, оставивши однако послѣ себя слѣды. Очень нерѣдко для уясненія современнаго намъ значенія слова приходится обращаться къ его исторіи, къ тому значенію, какое

оно имѣло въ древности. И въ этомъ случаѣ сохраненіе буквы ѣ необходимо. Въ группѣ словъ съ корнемъ ц ѣ л *) (цѣлый, цѣлость, цѣлить, цѣлебный, исцѣлять и проч.) мы видимъ и слова: цѣловать, поцѣлуй. Что же общаго по смыслу между послѣдними двумя словами и всѣми остальными въ этомъ семействѣ? Для рѣшенія вопроса прочтемъ два мѣста въ евангеліи:

«Входяще же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему» (Матѳ., X—12). «И Бысть, яко оуслыша Елісаветъ цѣлованіе Маріино, взыграся младенецъ во чревѣ ея» (Луки, I—41).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что цѣловать значитъ привѣтствовать, желать здоровья, цѣлости,—поцѣлуй—привѣтъ, пожеланіе другому быть здоровымъ, цѣлымъ.

Между тѣмъ эти же слова, написанныя черезъ букву е, ничего не скажутъ о своемъ происхожденіи. И такихъ явленій въ языкѣ, гдѣ только при помощи буквы ѣ возможно добраться до первоначальнаго смысла слова, не мало.

Г. Благовѣщенскій замѣчаетъ, что уничтоженіе буквы ѣ ни въ комъ не вызоветъ протеста, и только одни филологи, пожалуй, будутъ недовольны этой мѣрой, но они должны поступиться своими интересами ради «всей молодежи всего государства». Мы думаемъ на основаніи изложеннаго, что недовольныхъ найдется много и среди учителей русскаго языка, несмотря на всю трудность усвоенія правописанія этой буквы дѣтьми.

Собственно говоря, сравнительная трудность право-

---

*) и лѣк, лѣч: лѣк о, цѣл-ъ; из-лѣч-и-ть, ис-цѣл-и-ть. *Ред.*

писанія буквы ѣ встрѣчается только въ корняхъ словъ, потому что всѣ окончанія и представки извѣстны на перечетъ. Справедливо, что дѣти не легко осваиваются съ употребленіемъ буквы ѣ; можетъ-быть, многія изъ нихъ и страдаютъ изъ-за этой буквы (хотя, говоря правду, страданія эти кажутся намъ преувеличенными), но едва ли изъ этого слѣдуетъ дѣлать тотъ выводъ, къ которому пришли авторы разбираемыхъ статей. Не уничтоженіе буквы ѣ, а изысканіе лучшихъ способовъ и средствъ для облегченія трудности усвоенія ея дѣтьми представляется намъ единственно желательнымъ.

Д. Ѳоминъ.

Варшава. 1900 г. 16 апрѣля.

Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ существованія въ русской азбукѣ буквы Ѣ.

Несомнѣнно, нашъ русскій алфавитъ не въ состояніи 1) передать всѣхъ звуковъ нашей живой рѣчи, 2) заключаетъ въ себѣ знаки лишніе *); но создать азбуку, болѣе совершенную, не легко: недаромъ изобрѣтателей азбуки называютъ „насадителями просвѣщенія“. Ломка всякая не

---

*) Въ лѣта школьной жизни взглядъ на этотъ вопросъ мы высказали въ «Краткомъ очеркѣ говора села Сергѣевки Бобровскаго уѣзда», напечат. съ сокращеніями въ «Филол. Зап.» за 1885 г., безъ сокращеній—въ «Юбилейномъ сборникѣ». Воронежъ 1886 г.

легка, а тѣмъ болѣе ломка въ азбукѣ. Легко смотрятъ на это дѣло г.г. Благовѣщенскій *). В Кв. **), названіе сочиненія которыхъ мы привели въ примѣчаніи, и другіе, къ которымъ въ данное время можно отнести всѣхъ, желающихъ создать азбуку фонетическую; но они совершенно забываютъ, что это дѣло трудное. Вѣроятно, эта трудность создать фонетическую азбуку и есть причина того, что образованнѣйшіе народы: англичане, французы и др., мирятся съ своими алфавитами, предпочитаютъ историческое правописаніе фонетическому. Намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе должно держаться историческаго правописанія: нашъ народный языкъ въ его многочисленныхъ созданіяхъ далеко еще не изученъ, не указаны еще его характерныя черты, не сдѣланы еще выводы, имѣющіе громадное значеніе для нашего литературнаго языка. Во всякомъ случаѣ мечта о пересозданіи русскаго алфавита не можетъ быть скоро осуществлена, и, слѣдовательно, задача преподающихъ родной языкъ въ данное время состоитъ въ томъ, чтобы они по возможности облегчили изученіе правилъ орѳографіи, или, какъ говорятъ, научили грамотности, но въ то же время не переутомляли учащихся зазубриваніемъ безсмысленныхъ правилъ. Это одна изъ существенныхъ задачъ школы какъ низшей, такъ и средней. Но, по нашему убѣжденію, педагоги поступаютъ слишкомъ односторонне, когда имѣютъ въ виду только грамотность: помимо грамотности, должно знакомить дѣтей (сообразуясь, конечно, съ развитіемъ ихъ, типомъ школы) и съ внутреннею стороною слова, съ смысломъ словъ одной семьи, т. е. произведенныхъ отъ одного и того же корня;

---

*) «Рус. Мысль» за 1900 г., № 2: «О необходимости уничтоженія буквы «ять».

**) «Новое русское правописаніе. Опытъ раціональной орѳографіи. I. Введеніе. Орелъ 1900 г.».

а разумное знакомство со смысломъ словъ въ свою очередь оказываетъ большое вліяніе на усвоеніе правописанія словъ. Пояснимъ это примѣромъ. Ученику трудно понять, что слова: **мор**-ъ, у-**мор**-и-ть, за-**мар**-ива-ть, с **мер**-т-ь, **мер**-тв-ый; у-**мере**-ть, у-**мир**-а ть и др., произведены отъ одного корня; точно также, какъ ни толкуйте ему, что слово у-**мере**-ть должно писать черезъ два **е**, а слово у-**мир**-а-ть черезъ **и**, онъ постоянно будетъ путаться, пока преподаватель ни уяснитъ ему основанія, почему въ первомъ глаголѣ должно писать **е**, а во второмъ—**и**.

Для усвоенія правилъ правописанія и уразумѣнія смысла словъ большую услугу должно оказывать знаніе причины измѣненія гласныхъ въ группѣ словъ, происшедшихъ отъ одного корня,—измѣненія гласныхъ. Въ тѣсной связи съ измѣненіемъ гласныхъ стоитъ вопросъ о необходимости существованія въ русскомъ алфавитѣ буквы **ѣ**, противъ которой въ послѣднее время вооружились враги ея. Однимъ изъ этихъ враговъ является и г. В. Кв. Въ названной выше брошюрѣ онъ говоритъ:

„Буква произносится всегда совершенно тожественно (?!) съ буквою **е** *); такимъ образомъ, при наличности послѣдней, знакъ **ѣ** является вполнѣ излишнимъ, нимало не способствуя точности передачи на письмѣ тѣхъ словъ, въ которыя входитъ; въ отношеніи же вліянія его на простоту и легкость правописанія—не подлежитъ сомнѣнію огромный вредъ, имъ приносимый. Напримѣръ, достаточно вспомнить, сколько времени и силъ поглощаетъ этотъ архаическій іероглифъ **) у дѣтей, чтобы безъ преувеличенія назвать его бичемъ элементарной школы. Вообще, можно смѣло сказать, что всѣ raisons d'être означенной литеры исчерпываются тѣми, прямо полицейскими обязанностями, которыя указываются ей извѣстною фразою: „ять", молъ, есть

на то, чтобы отличать грамотнаго отъ безграмотнаго", и тому подобными остроумными изреченіями".

Примѣчанія къ выдержкѣ:

*) „Несмотря на то, что въ одномъ изъ очень распространенныхъ учебниковъ (Бѣлорусовъ, этимологія, изданіе 1898 г.) ѣ считается среднимъ звукомъ, а е —мягкимъ!!"

**) „На мой взглядъ—это самый безобразный знакъ во всемъ русскомъ алфавитѣ. Предлагаю оставить е (мягкое) и э (твердое)".

Судя по этимъ выдержкамъ изъ брошюры названнаго автора, буква ѣ ровно никакого значенія не имѣетъ; мало того: она „нѣкакій уродъ" („самый безобразный знакъ во всемъ русскомъ алфавитѣ") (?!..) Противъ подобнаго приговора говоритъ исторія нашего языка и между прочимъ данныя статьи: „Нужна ли буква ѣ?" нашего почтеннаго сотрудника „Фил. Зап.", Д. Н. Ѳомина. Буква ѣ, дѣйствительно, рѣзко отличается отъ е, какъ буква, образовавшаяся изъ двухъ звуковъ: 1) она не требуетъ смягченія (=въ родств. языкахъ ай, аэ, ой...) гортанныхъ въ склоняемыхъ и спрягаемыхъ окончаніяхъ: р у к ѣ, п е к и; 2) въ словообразованіи требуетъ измѣненія гортанныхъ: в е л и ч **а й** ш і й вм. в е л и к ѣ й ш і й; к р и-ѧ-т ь вм. к р и к-ѣ-т ь, т р е щ-ѧ-т ь вм. т р е с к-ѣ-т ь и въ др. случ.; 3) въ другихъ славянскихъ языкахъ (а объ этомъ не слѣдуетъ забывать въ виду распространенія русскаго языка у славянъ) буква ять является въ разныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, напр.: wiara, vêra, вијет, діло и др.; 4) эта буква равна е+е: нѣтъ; 5)—является, какъ усиленіе послѣ выпаденія коренной согласной: мѣсяцъ (вм. менсяцъ=mensis), сѣсть (вм. сенсть=*састи, сад-ж), обрѣсть (вм. обренсть=*обрасти, обращѫ); 6) наконецъ, буква ѣ играетъ великую роль при объясненіи смысла словъ отъ одного и того же корня, какъ необходимый членъ при усиленіи гласныхъ. Какъ велико значеніе буквы ѣ въ послѣднемъ

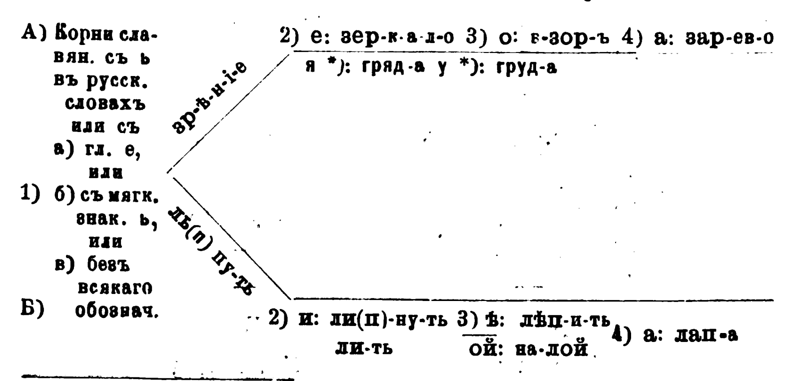
случаѣ, въ этомъ насъ убѣждаютъ данныя нашего языка.

Слабѣйшій звукъ въ древне-слав. языкѣ былъ ь (=въ родств. языкахъ то ĕ, то ĭ: бьр-а-ти=φέρειν, дьн-ь=dies). Этотъ звукъ въ славянскомъ языкѣ въ силу ли вліянія ударенія, или при образованіи новой (склоняемой или спрягаемой) основы отъ данной усиливается, т.-е. переходитъ то въ є, то въ и.

Въ русскомъ языкѣ этотъ звукъ обратился или въ мягкій знакъ, напр.: льг-ота, не-льз-я, ль(п)-ну-ть, или совсѣмъ исчезъ, напр.: зр-ѣ-н-і-е (зьр-ѣ-н-и-ю), зд-а-н-і-е (зьд-а-н-и-ю), зн-а-н-і-е (зьн-а-н-и-ю); далѣе, какъ усиленіе его, являются въ словахъ звуки, съ одной стороны, о, а, съ другой — ѣ/ой, а. Буква ѣ необходимый членъ при ученіи объ измѣненіи гласныхъ въ корняхъ; а безъ знанія измѣненія этихъ гласныхъ трудно уяснить смыслъ словъ, произведенныхъ отъ одного корня.

Значеніе буквы ѣ при измѣненіи коренныхъ созвучій пояснимъ табличкой и данными нашего языка.

Постепенное измѣненіе гласныхъ въ корняхъ.

*) Въ др.-ц.-сл. яз. ѧ, (грѧд-а), который переходитъ въ ѫ: (грѫд-а), такъ какъ ѧ заключаетъ въ себѣ гласный є или ь, а ѫ — гласн. о или ъ.

Для уясненія таблички приводимъ примѣры, изъ которыхъ наглядно будетъ измѣненіе гласныхъ.

	А.	Б.
	Слав ʒьд-	Слав ʒьд-
1)	зд-а-н-і-е	зд-а-н-і-е
2)	(зед)-	со зид а ть
3)	зод-ч-і-й	—
	Слав. ʒын-	—
1)	зн-а-н і-е	—
2)	(зин)-	—
3)	зѣн-иц-а, зѣн к и.	сѣс-ть
4)	—	сад-ъ
	Слав. мьр-	Слав. мьр-
1)	у- мр-у, с-мер-т ь.	у- мр-у, с-мер-т-ь
2)	(мер-)	за-мир-а ть
3)	мор-ъ	—
4)	за-мар-ива-ть	—
	Слав. бьр	Слав. бьр
1)	бр-а-ть	бр а ть
2)	бер-у	со-бир-а-ть
3)	со-бор ъ	—
4)	—	—
	Слав. дьр- дрь	Слав. дьр- дрь
1)	др-а-ть	др-а-ть
2)	за-дер-у	за-дир-а-ть
3)	за-дор-ъ	—
4)	—	—
	А	Б.
	Слав. стьл-	Слав. стьл-
1)	стл-а-ть	стл-а-ть
2)	стел-ю	по-стил-а-ть
3)	стол-ъ	—

Слав. пьр-	Слав. пьр-
1) пр-у	пр-у
2) под пер-т-ъ	под-пир а-ть
3) о- пор-а	—
4) —	—
Слав. тьр-	Слав. тьр-
1) тр-у	тр-у
2) тер-к-а	рас-тир-а ть
3) за-тор-ъ	—
4) —	—
Слав. мьл	Слав. мьл
1) —	—
2) мел ю	мил-ъ
3) мол-и-ть	мѣл-ъ
4) за-мал-ива-ть	мал-ъ

Немного, конечно, найдется отъ одного корня съ слабѣйшею гласною (др.-ц-сл. ь) словъ, образованныхъ усиленіемъ гласныхъ послѣдовательно: А.) 1) **ь**, 2) **е**, 3) **о**, 4) **а**; Б.) 1) **ь**, 2) **и**, 3) $\frac{\text{ѣ}}{\text{ой}}$ и 4) **а**, какъ, напр., отъ корня **ȥьр** или **льп**; но зато можно указать безчисленное множество словъ, образованныхъ отъ корня съ гласн. **е**, **о**, **а** **нес** у, **нош** а, **наш**-ива-ть; **вез**-у, **воз**-ъ, **важ**-ива-ть; **бред**-у, **брод**-ъ, **браж**-ник-а; **плет**-у, **плот**-ъ, за-**плат**-а и др.). Объяснить это можно тѣмъ, что часть словъ отъ одного корня забыта языкомъ, напр., есть слова: **прос** ьб а, **прос**-и-ть, с-**праш** ивать, но нѣтъ словъ съ гласною е: **прес**, съ каковымъ гласнымъ есть слово въ латин. языкѣ: p r e c-e-s. Далѣе, при переходѣ звука **и** въ слѣдующій, болѣе сильный гласный одни слова являются только съ гласн. **ѣ**, другія съ гласной **-ой**:

2) вид-ѣ-ть	вис ѣ-ть
3) вѣд-а-ть	вз-вѣс-и-ть

2)	**би**·ть		по **чи**-вать
3)	**бой**		по **кой**
2)	**ви**-ть		на-**ли**-ть
3)	**вой**		на-**лой**
2)	по **ви**·ть		**гни**·ть
3)	по **вой**-н-ик ъ		**гной**

Въ коренныхъ словахъ 3) **ѣ** переходитъ 4) въ **а**:

3)	**лѣз**-у	3)	**рѣз**-а-ть
4)	**лаз**·ей к-а	4)	по **раз**·и-ть

Отъ игнорированія усиленія гласныхъ въ грамматикахъ русскихъ являются исключенія, напр., съ одной стороны, должно писать по·**лог**-ъ, по·**лаг**-а·ть; но, съ другой—по·**мог**·ъ, по-**мог**-а·ть ..

Слѣдовало бы 1) подчинить употребленіе буквы ѣ основнымъ правиламъ древне-рус. языка и др.-цр.-сл., въ силу которыхъ ученикъ сознательно бы писалъ букву ѣ, а не чрезъ зазубриваніе словъ да еще въ стихахъ... 2) изгнать ѣ изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ ни въ древне-рус., ни въ древне-цр.-сл. эта буква не писалась (напр.: гдѣ, здѣсь...), 3) а не уничтожать ѣ (какъ проповѣдуютъ враги ея): слѣдуетъ прежде принципіально поставить вопросъ о пересмотрѣ вообще русской азбуки, а не гнать въ частности ту или другую букву.

Трудно согласиться съ противникомъ буквы ѣ что можно сдѣлать грамотными дѣтей, отобравъ у наборщиковъ букву ѣ: немыслимо, чтобы дѣти въ народныхъ школахъ вмѣсто буквы **е** (со времени „уничтоженія“ ѣ) употребляли только е, напр., въ формахъ дательнаго и предложнаго падежей, въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ производныхъ: по вол·**и**, вид-и-ть вм. по вол ѣ, вид·ѣ·ть и т. д. Тогда за „уничтоженіе“ какихъ другихъ буквъ приниматься? Лучше бы было, г.г. враги ѣ и другихъ буквъ, если бы вы придумали средство правильно, но русскими буквами пе-

редавать иностранныя слова въ русскихъ книгахъ, газетахъ, журналахъ; ратовали бы противъ употребленія фразъ на иностранныхъ языкахъ въ русскомъ текстѣ. Тогда не было бы смѣшенія „французскаго съ нижегородскимъ", и ученикъ народной школы и средней понималъ бы и газетную, и журнальную статью, не имѣлъ бы нужды ежеминутно обращаться къ словарямъ, заключающимъ въ себѣ 150000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. Принесли бы вы, г.г. гонители той или другой буквы, большую пользу русскимъ дѣтямъ, если бы вооружились противъ переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ и доказали бы имъ, что нельзя оставлять иностранныя слова безъ перевода, съ написаніемъ ихъ буквами чужими,—оставлять только потому, что переводчику поскорѣе надо окончить свою работу, получить деньгу за переводъ, совершенно не думая о томъ, что есть возможность чужое слово перевесть русскимъ; но переводчикъ этого не дѣлаетъ: ему или хочется поскорѣе сдѣлать переводъ, или не хочется поискать подходящее русское слово для перевода съ иностраннаго, или, можетъ-быть въ силу преклоненія предъ иностраннымъ,—преклоненія, которое въ XVIII и началѣ XIX в. было причиною внесенія массы варваризмовъ въ родной языкъ въ силу увѣренности, что русскій языкъ не имѣетъ достаточно словъ и выраженій, которыми бы можно передать иностранныя?! *). Школьнику, съ одной стороны, нѣтъ возможности прочесть иностранное слово, напечатанное буквами чужого алфавита, а, слѣдовательно, и понять фразу, въ которой встрѣчается это слово. „И што ето такоя?! наша рѣчь и не наша: ничаво

---

*) Это недостойное обезьяничанье господствуетъ до сихъ поръ и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ городахъ на вывѣскахъ. Особенно любятъ на иностранномъ языкѣ печатать свои фамиліи фотографы, кондиторы...

ни паймешь!"... недавно пришлось намъ услышать отъ окончившаго курсъ въ народной школѣ парня, который читалъ газету: „Смотрѣлъ (онъ) въ книгу, а видѣлъ фигу". А, съ другой стороны, мало ли у насъ книжекъ яко бы популярныхъ, но почти недоступныхъ народу въ силу того, что эти книги переполнены иностранными словами?! Итакъ, г.г. гонители нѣкоторыхъ буквъ нашего алфавита и въ томъ числѣ буквы ѣ, вотъ поле пространное для борьбы: выступайте и боритесь съ тѣми, которые вносятъ въ русскую рѣчь „варварскія" слова, пересыпаютъ ее фразами на томъ или другомъ „варварскомъ" языкѣ.

Что же касается буквы ѣ, то позвольте ей еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, указавъ г.г. преподавателямъ, съ одной стороны, на способы, благодаря которымъ (а эти способы есть) дѣти, не зазубривая словъ съ буквою ѣ механически, а тѣмъ болѣе—въ стихахъ, все таки стали бы эту букву употреблять на своемъ мѣстѣ; съ другой—обратитесь съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ, чтобы преподаватели имѣли возможность не вышвыривать школьниковъ изъ учебныхъ заведеній за букву ѣ, которая на существованіе свое въ русскомъ алфавитѣ имѣетъ законное право, опирающееся и на исторію нашего языка, и на фонетику его.

С. Прядкинъ.

Воронежъ. 14 іюля.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 109075173